

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

БОЛЬШАЯ
ОХОТА

Annotation

Великое отступление Российской армии весной одна тысяча девятьсот пятнадцатого года интеллигенты-либералы, палец о палец не стукнувшие для победы, пренебрежительно окрестили Великим драпом. Нет винтовок, нет патронов, нет снарядов, командиры батарей дают подписки о том, что их орудия не сделают больше десятка выстрелов в сутки. Частные заводчики, пользуясь моментом, взвинчивают цены на боеприпасы вдвое-втрое, союзники тормозят и срывают поставки. Кто-то сдается в плен, поверив агитаторам, что там будет лучше, кто-то действительно драпает, кто-то срывается в самоубийственные штыковые атаки, чтобы хоть как-то задержать превосходящего противника. А кое-кто, имея под рукой неполную роту, уйдет в германский тыл, поработать ручным тормозом – и станет камушком в сапоге для хваленых кайзеровских солдат!

- [Дмитрий Аркадьевич Зурков](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 4. Продолжение](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Дмитрий Аркадьевич Зурков
Игорь Аркадьевич Черепнев
Большая охота

© Дмитрий Зурков, 2017

© Игорь Черепнев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

В Ново-Георгиевск прибыли в полдень, и то благодаря тому, что шофер из санитарного отряда знал короткий путь, который тянулся между хуторами, фольварками и деревнями. По его словам, все основные дороги были забиты беженцами, добровольными и вынужденными. Снова поднималась волна шпионмании, на этот раз обращенная против местных евреев. Хотя, на мой взгляд, командование во главе с великим князем Николаем Николаевичем пыталось в очередной раз найти виноватого в проигрыше кампании. Недаром в офицерской среде у Ник Ника прозвище «Лукавый». И командующий фронтом до недавнего времени был соответствующий – генерал Рузский. Один другого стоили. Два придурка с манией величия и генеральскими погонами.

Я, конечно, далеко не стратег, «императорских академиев не кончал», но после того, как положили полсотни тысяч солдат в наступлении, отдать приказ вернуться на исходные?!. Или операции лучше готовьте, или вообще освободите места для более грамотных. Хотя последнее время стал сомневаться, что подобные феноменальные индивидуумы могут существовать в среде российского генералитета. И тогда, и сейчас... Так, подъезжаем. Вот уже и мост через Вислу, скоро будем в крепости...

Ага, скоро!.. Около часа приходится стоять и ждать, пока до нас дойдет очередь. Один унтер-офицер из жандармской крепостной команды проверяет документы, второй досматривает машину на предмет, а не везем ли мы чего-нибудь интересного и запрещенного. Закончив формальности, нас пропускают внутрь. А там бардак еще тот! Толчея, как на базаре. Все какими-то делами заняты, куда-то бегут, что-то круглое тащат, квадратное катят. На плацу две роты занимаются повышением боевого духа посредством строевой подготовки, шестерка лошадей, надрываясь, пытается подтащить к каземату какую-то пушку «времен очаковских и покоренья Крыма». В общем, типичный армейский бардак и людской муравейник в одном флаконе, в смысле крепости.

Оставляю водителя с машиной недалеко от ворот, иду в штаб, ориентируясь для поиска по куполам Новогеоргиевского крепостного храма. Наверное, гансы их тоже хорошо будут видеть и даже смогут по ним пристреляться. Хотя, зная германскую разведку, не удивлюсь, если у них уже лежат в сейфах подробные планы крепости. Правая рука быстро устает от частого отдавания чести. Ох, хреново быть подпоручиком!.. До

интересующего меня заведения дохожу минут через двадцать, предъявляю документы дежурному, после чего он посылает меня в нужном направлении – в строевую часть и к оружейникам. В первой инстанции вопрос решается довольно быстро, во второй, из уважения к бумаге из штаба фронта, даже дают сопровождающего – молодого прапорщика. Наверное, его благородие только-только из школы выпустился, совсем, на первый взгляд, зеленый еще. Что, однако, не помешало ему устроиться в тепленьком местечке. И, скорее всего, этому поспособствовали деловые качества, принесенные с «гражданки». Я ему понравился, точнее, не сам, а кобура с люгером, висевшая на поясе. Пока шли к машине, всерьез опасался, что человек косоглазие заработает. Хотя, правду сказать, мне этот тип пистолета тоже очень симпатичен.

На складе нужное находим довольно быстро, и, пока невесть откуда взятые «грузчики» заполняют кузов разными полезностями, мы отходим в сторонку, дабы не мешать процессу. Тем более что кто-то на кого-то уже орёт:

– Черт косорукий! Ходи аккуратней, морда деревенская! Тут вона ящики с пироксилином стоят! Осторожней надоть, чтобы раньше времени на небеса не вознестись!

Опаньки, слово-то какое красивое – «пи-ро-кси-лин»! А ведь нам его тоже надо. И побольше, побольше! Надо поинтересоваться!

– Послушайте, господин прапорщик, а что там в ящиках? – отрываю сопровождающего от просверливания кобуры завистливым взглядом.

– Пироксилиновые шашки.

– А не позволите ли взглянуть?

– Господин подпоручик, прошу подтвердить отсутствие у вас спичек, зажигалки, иначе не имею права допустить к ящикам. У меня тут служебный кабинет имеется, пройдемте туда.

В маленькой каморке, гордо именуемой «кабинетом», прапорщик оживляется, видя мой интерес:

– Интересуетесь? Могу предложить... Если договоримся.

– И насчет чего будем договариваться?

– Ну как же, насчет шашечек пироксилиновых. И всего к ним прилагающегося.

– А как же сопроводительные бумаги?

– Не беспокойтесь, будут в лучшем виде! Комар носу не подточит.

Вот так вот! Вопрос решается очень просто, как во все времена: ты – мне, я – тебе. Ну, ладно, твое счастье, крысёныш, что мне взрывчатка нужна.

– И что вы за это желаете получить?

– Да уж очень у вас пистолетик красивый...

А мы сначала пойдем, посмотрим... Ящики как ящики. Обычные деревянные, на одних маркировка «ШР», на других – «ШЗ». Открываю один, там ровными рядами лежат завернутые в вощеную бумагу небольшие шашки в виде шестигранных призм. В другом – такие же, но с отверстиями для детонаторов.

Через несколько минут я становлюсь беднее на один трофейный люгер, зато богаче на два ящика пироксилиновых шашек, три пенала с взрывателями и моток огнепроводного шнура. В качестве бонуса бойкий юноша приносит вместе с накладными пустую кобуру от нагана, чтобы я не нарушал уставной вид. И в ответ на предостережение о штрафных санкциях заверяет, что никто еще не жаловался. То ли не надеется меня больше увидеть в живых, то ли качество действительно хорошее. После чего мы тепло прощаемся с героем тыловых батальон в расчете на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество и едем знакомиться с пополнением.

Погранцы размещались в отдельной казарме, которую мы находим, немного поплутав по цитадели. Меня возле входа уже встречает невысокий светловолосый веснушчатый крепыш лет тридцати пяти с Георгиевской медалью на груди, отрапортовывавшийся ротным фельдфебелем Остапцом, временно исполняющим должность сотника. Видавшая виды, но опрятная, тщательно подогнанная форма, начищенные сапоги – полная ассоциация с образцово-показательным старшиной из будущего. Выражение лица тоже уставное – никаких эмоций, только в глазах прописано любопытство, типа, а с чем к нам пожаловали? Представляюсь ему, рассказываю, зачем приехал, и показываю бумагу с приказом. Информация воспринимается адекватно, единственный вопрос, который возникает: «Построение командовать?»

Киваю в ответ, и через несколько минут перед казармой замирают шеренги. Погранцы стоят, не шелохнувшись, по стойке «Смирно». Карие, серые, черные, даже голубые глаза смотрят на меня. Шестьдесят две пары глаз. Остальные еще не сменились. Смотрят с любопытством, настороженно, с напускным безразличием, призванным спрятать волнение, и даже насмешливо. У двоих, даже не пытающихся скрыть усмешку, медали «За храбрость». Ну, хохотать мы будем после двух-трех дней обучения. По полной программе. Вот тогда и посмотрим, куда денется эта насмешливость. Хотя народ по виду бывалый, новобранцев не видно. Так, это все – лирика, надо делом заниматься. Здравуюсь со строем, получаю в

ответ стандартное: «Здравия желаем, вашбродь!»

– Я – подпоручик Гуров Денис Анатольевич, ваш новый командир. С сегодняшнего дня ваша сотня переподчиняется штабу второй армии. Завтра утром выступаем пешим порядком на новое место дислокации, в сорока верстах отсюда. За оставшееся время всем подготовиться к походу. Вопросы есть?

Сейчас посмотрим, кто тут самый смелый с вопросами вылезет. О, появился! Высокий и немного нескладный чернявый пограничник поднимает руку.

– Дозвольте обратиться, вашбродь! А мы там опять кого-нибудь стеречь и охранять будем, как жандармы какие? Или все же германца воевать пойдем?

Сквозь одобрительный гул голосов в строю слышу почти змеиный шепот Остапца:

– Пилютин, сгною под ружьем!

– Чем вы будете заниматься, я расскажу... и покажу на новом месте. Так что умерьте свое любопытство. Про Варвару на базаре помните присказку? Вот и берегите свои носы, они вам еще пригодятся. А насчет германцев – повидаете их достаточно. А то, как бы и много не оказалось. Еще вопросы есть?.. Нет? Фельдфебель, распускай строй.

Когда озадаченные бойцы разошлись готовиться к предстоящему маршу, подзываю Остапца, чтобы проверить имущество сотни и просто познакомиться поближе.

– Так, фельдфебель, скажи-ка мне, как тебя величать. А то я об твое звание язык сломаю скоро.

– Дмитрием, вашбродь.

– А по батюшке? – Ого, бровки-то взлетели удивленно. Ничего, то ли еще будет. Чуйка внутри подсказывает, что отношения с ним будут не хуже, чем с Михалычем.

– Ивановичем... Вашбродь, а это зачем?

– А затем, что начинай привыкать к новым для тебя порядкам. У меня в подчинении два десятка казаков, среди них – вахмистр и несколько приказных. Так я их зову по именам, а они меня – командиром. Это – если рядом нет чужих. Для тебя и унтеров будет то же правило. Уяснил, Дмитрий Иванович? – Да, надо дать время человеку оклематься. Ждем-с.

– Так это... не по Уставу, вашбродь!.. Не положено ведь...

– А сокращать «ваше благородие» до «вашбродь» по Уставу?.. Нет?.. Тогда – не спорь с командиром. Сейчас всего не скажу, прибудем в наше расположение, многое станет ясней. Теперь давай к делу. Вопрос первый:

сколько оружия в сотне и какое?

– В наличии десяток винтовок Бердана и три карабина Нагана...

– Что за карабины такие? Ну-ка, пойдем, покажешь.

Да, действительно, карабин. Револьвер Нагана, но с очень длинным стволом и отъемными деревянными цевьем и прикладом. Принцип тот же, что и у артиллерийского люгера. Со слов фельдфебеля, эти шедевры выпускались специально для пограничной стражи. Выданы были унтер-офицерам и благополучно пережили перевооружение сотни в крепости на берданки. Последних выдали на всех аж целых десять штук, мотивируя тем, что для одного состава сторожевого наряда больше и не надо. В очередной раз матерно, правда – в уме, поражаюсь соображалке высокого начальства. Гансы придут, а тут почти на сотню человек целый ДЕСЯТОК устаревших винтовок! Обхохотаться, бл... Так, ладно, эмоции – в сторону. С оружием разобрались.

– Дмитрий Иванович, вопрос следующий. Давай-ка, зови своих взводных и фельдшера, если таковой имеется, и будем разбираться по завтрашнему путешествию...

Унтер-офицеры появились почти сразу после исчезновения посыльного. Два добрых молодца почти одновременно подошли и представились. Почти точная копия Остапца, только без веснушек и помоложе, лет двадцати пяти. Зовут Михаилом Черновым. Второй – Борис Сомов, худощавый шатен, по правой щеке от уха до середины челюсти тянется тонкая ниточка шрама, скорее всего – от холодняка. Через пару минут появляется и местный «Айболит» – фельдшер Игнат Тимофеевич Ковалевский, сорокалетний «дядька» с пышными запорожскими усами.

Рассказываю им о новом «неуставном» порядке обращения, вижу еще три пары удивленных глаз и после этого перехожу к интересующему вопросу.

– Значит так, кто из стражников не сможет завтра топтать пешком? Больные, там, хромые, у кого сапоги каши просят?

– Больных – три человека, – первым докладывает Игнат Тимофеевич. – Один животом мается, двое хромых. У обоих – вывихи. Так-то ходят, но дальнюю дорогу не сдюжат.

– Добро, их завтра – в кузов. Дмитрий Иванович, выдашь им берданки и полный запас патронов. Ценный груз охранять в дороге будут. Да, – обращаюсь к унтерам, – один из вас с ними старшим поедет. Кто – решайте сами. По обмундированию – все в порядке, или есть вопросы?

– Никак нет, вашбродь, у меня, в первом взводе, все в порядке, – отвечает Чернов. – Мы – пешие стражники, нам не привыкать на своих

двоих топать.

– Мой второй взвод тоже не под лавкой найден. – Это уже Сомов, второй «замок»... Так, а, похоже, тут есть нездоровая конкуренция. Надо это запомнить на будущее.

– Так кто из вас завтра едет? Или мне назначить? – В ответ – тишина. Тогда снова ввергаем присутствующих в ступор. – Иваныч, скажи мне число от одного до десяти.

– ...Семь...

Простейшая детская считалочка выбирает Михаила «пассажиром», чему он совсем не рад.

– Вашбродь! А может, я – со своими?..

– Нет, командир сказал: хорек, значит – никаких сусликов! – После этой загадочной фразы переходим к вопросу продовольствия, потом – к следующему... И так – до самого вечера. Ужинать нас с водилой приглашают к общему столу, и дабы не показаться нахлебниками, выставаем на стол пару запасенных в дорогу банок тушенки и кулечек рафинада.

За чаем в компании Остапца и унтеров хочу в неформальной обстановке поинтересоваться состоянием дел в сотне, но фельдфебель, хитро поглядывая на меня, опережает:

– Вашбродь... Дозвольте вопрос. Тут к нам посыльный со штаба прибежал. Говорил, что по нашу душу офицер пожаловал, подпоручик. Мол, из самого штаба фронта бумаги у него. Да и вас подробно описал. Только... Извиняюсь, конечно... Но болтал он, что у того офицера пистолет ненашенский в кобуре на поясе висит. А у вас, как я гляжу, кобура – нагановская... Да к тому же и пустая.

Вот ведь глазастый какой попался... Верно все подметил. Ну, ладно, правда в этом случае не помешает. Больше доверия завоюем.

– Все-то ты, Дмитрий Иванович, подмечаешь! Поменял я пистолет на два ящика пироксилина. Очень нужная и полезная штука в нашем хозяйстве. Вам в будущем тоже может пригодиться.

Остапец вылезает из-за стола и идет к своим нарам. Копается в вещмешке и возвращается с тряпичным свертком в руках. Разворачивает ветошку и протягивает мне наган. Потертый, не раз побывавший в деле.

– Вот, вашбродь, возьмите. А то офицеру без нагана никак нельзя... Мало ли что...

– Спасибо, Дмитрий Иваныч! Придем к себе, отдам. – Засовываю револьвер в кобуру. – А скажите-ка мне, господа командиры, чему в сотне люди научены, что умеют?

«Замки» – Михаил с Борисом – синхронно открывают рты, чтобы ответить и, видимо, опять поспорить, у кого солдаты лучше, но Иваныч останавливает их одним только взглядом из-под белесых бровей. Затем неспешно отставляет кружку и рассказывает:

– Нас еще до войны учили, крепко в головы науку вбивали. Сейчас спасибо сказать надобно командирам нашим за это, только вот где их сыскать... Стрелять нас обучали, сторожевой службе, сопровождению походных колонн, пути разведывать, засады устраивать, железную дорогу портить. Сначала офицеров на сборах в бригаде учили, потом они – нас, в свободное время.

Ух ты, наполовину готовые диверсанты. Ладно, посмотрим, что они на базе покажут...

– И что, все это хорошо умеют, Иваныч?

– Ну, конечно, одинаковых нету. У каждого что-то лучше, что-то хуже получается. Только в крепости это никому не нужно было. Ходили как пугалы да по кустам шпиёнов ловили...

– И много поймали?

– Двоих. Германские бумажки на форты таскали. Вот мы их и сцапали, да в жандармскую команду сдали. А что с ними дальше было, то нам не ведомо.

– Ну, нужно али нет, только мои все ученые, все смогут. – Сомов решил вставить свои «пять копеек».

– Так и мои твоим не уступят! – это уже Михаил влезает в разговор.

– Цыть вам, петухи драчливые! – останавливает обоих Остапеч. – Толку от вашего кудахтанья! Вот будет дело, тогда и увидим.

Мне остается только подтвердить правоту фельдфебеля. И добавить кое-что от себя:

– Прежде чем воевать идти, поучитесь немного. На время учебы разобьем всех на пятерки, и над каждой поставлю командиром казака. Но по вопросам внутренней службы взводы так и останутся. А вам, унтер-офицеры, надо будет самим стать командирами пятерок. – По глазам вижу, только разница в погонах не позволяет спорить со мной. С чего они такие гонористые, интересно? Надо будет разобраться. – Теперь скажите мне вот что: с пулеметами в сотне кто-нибудь умеет обращаться?

– Нет, нам они не положены были. Вот из винтовки многие хорошо бьют. В стражники-то набирали из местных охотников.

– И что, прямо все охотники?

– Да нет. Сотню потом пополняли с бору по сосенке. Но народ толковый, без гульяев... Вашбродь... Командир, а нам не скажете, чем

заниматься будем?

– Еще не догадались? Ладно, удовлетворю ваше любопытство. Будем ходить в тыл к германцам, разведку проводить, диверсии устраивать, пакостить кайзеру всячески. Артиллерию уничтожать, обозы громить, мосты взрывать.

– Дело хорошее. А то засиделись тут в крепости. Только и делов было, что на плацу шагать да по кустам прятаться, ловить всякую шушеру.

– Ну, вот завтра и отправимся хорошими делами заниматься... Спасибо за хлеб-соль. Иваныч, пойдём-ка, сходим да посмотрим, как обоз в дорогу собрался...

Глава 2

В путь отправились по утреннему холодку, пока солнце в полную силу не припекло. Да и на дороге было посвободнее. Автомобиль с грузом и охраной ушел вперед, сотня мерно шагала по утоптанной грунтовке, первая и последняя шеренги несли берданки, сзади двигался обоз из оставшихся пяти двуколок с имуществом. Догнали одну толпу беженцев, потом другую... Жалко было смотреть на людей, в одночасье лишившихся крова над головой и уверенности, что когда-нибудь он снова появится. Всё, что имело колеса, было приспособлено для перевозки домашнего скарба. Да и люди навьючили на себя всё, что можно было унести. Когда-то, будучи еще курсантом, видел хронику Великой Отечественной, там тоже показывали беженцев. Но сейчас перед глазами не кадры шестидесятилетней давности из будущего, а реальный исход в Неизвестность. Приглушенная ругань взрослых, плач детишек, скрип телег, мычанье голодных или недоенных коров, до сих пор не понимающих, почему хозяева увели их из родного хлева на дорогу, – все это било по ушам и навевало беспросветную тоску и глухую злобу от невозможности помочь и что-то изменить. Глядя на лица уже своих погранцов, понимаю, что они думают и чувствуют примерно то же самое.

От тяжких дум отвлекает затор и оживленная перепалка на дороге. Посреди небольшой толпы стоит еврейская девчушка лет десяти и сквозь плач тараторит на своем языке. Под аккомпанемент тихих подвываний окруживших ее женщин. На нас обращают внимание и испуганно притихают.

– Что тут у вас? – Совсем не хочется задерживаться на дороге для выяснения, кто кого толкнул или не пропустил вперед.

– Господин офицер, за что нам это? – из толпы выходит седой раввин. – Нас изгнали из наших домов, стариков и детей гонят пешком неизвестно куда, и еще грабят по дороге!

Не понял! Все предыдущее настроение куда-то улетучивается...

– Уважаемый, кто и кого грабит?

– Там, за поворотом на развилке дорог, стоят солдаты, которые обыскивают и забирают себе всё, что понравится. Они говорят, что это – наказание за то, что мы все – шпионы!

– И много их?

Старик переспрашивает у девчонки на идише, потом отвечает:

– Их там пятеро, господин офицер.

Так, это уже интересно. Кто ж такой умный тут пост организовал и грабежом занимается? Ну-ка, сходим, посмотрим...

– Дмитрий Иваныч, оставляй старшим Сомова, возьми пару человек с берданками и пойдем-ка прогуляемся за поворот.

Остапец подзывает к себе бойцов, и мы идем на смотрины. Нас еще раз окликают раввин:

– Господин офицер, Хая говорит, что у них пять ружей, а у вас – только два...

– Что мы тут, стрелять друг дружку будем? – это Остапец рядом ворчит под нос. – Так разберемся. Командир, если разрешите, этих двоих отправлю вдоль дороги. На всякий случай.

Умный у меня фельдфебель. Я и сам про это подумывал.

– Не на шумят?

– Нет, народ опытный. – Увидев одобрительный кивок, оборачивается к «свите». – Так, хлопцы, вы кустиками идете, только тихо. А там смотрите, как дело обернется. А мы с их благородием по дороге пойдем.

Рука на автопилоте опускается на кобуру... И тут вспоминаю, что люгера уже нет. Из оружия – одолженный наган, шашка и «оборотень» за голенищем... Ну и ладно! Будто, действительно, воевать сейчас будем...

Проходим за поворот, и вижу, что, скорее всего, воевать придется. Ожидал увидеть какой-нибудь пост с патрулем, а тут – «Гуляй, рванина, от рубля и выше». Их даже солдатами назвать трудно. Только один полностью в форме, остальные – кто в чем. Домашняя рубаха с армейскими шароварами и лаптями, гимнастерка с гражданскими штанами и обмотками... Двоих не могу рассмотреть, потому что зарылись в телегу в поисках чего-нибудь полезного, одни только ноги торчат. Но – с винтовками. На земле лежат два тела, наверное, хозяева... Интересненько! Нас увидели, насторожились. Главный, тот, который в форме, смотрит исподлобья, жестко и неприветливо... Подходим ближе. Надо начинать разговор...

– Что вы тут делаете, служивые? – Будем косить под дурачка. – Кто старший?

– Я за старшого, вашбродь. – как и ожидал, «солдат» у них за главаря. – Вот проверяем тут...

Двое в телеге высунулись, но пока просто смотрят, остальная троица двигается нам навстречу, причем достаточно грамотно. Заходят с двух сторон. Будем надеяться, что фельдфебель справится с одним. Лишь бы стрелять не начали... Хотя пока не собираются.

– Ты бы, вашбродь, шел своей дорогой, нас не трогал, и мы – не тронем, – чуть ли не по-змеиному шипит главный.

Ага, понятно. Типа, как у Розенбаума: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла». Ну, начали... Делаю шаг в сторону от Остапца, чтобы не мешал, главарь кричит: «Бей!» Левый придурок пытается ударить прикладом сбоку в голову. Долго пытается, шашка вылетает из ножен, клинок под винтовку, шаг навстречу, немного приседаю, помогаю нападающему податься вперед, в левой руке уже его чуб, рывок вниз за себя, тушка падает в одну сторону, винтовка – в другую. Стреножу пяткой в ухо, краем глаза вижу движение главаря. Развернуться не успеваю, ухожу в кувырок, встаю... Остапец катается по земле в обнимку со своим противником... Прوماхнувшийся «солдат» хватает оброненную мосинку, укол штыком, ухожу вправо, рукоять шашки прилетает ему в нос, подножка, – полетел чудила. Низко пошел, к дождю, видать. Встает, морда в кровище, в руках уже ножичек порхаёт. Чувствуется, что он с ним поболее общался, чем с винтовкой... А вот так не хочешь? Раскручиваю шашку, фланкировке меня Михалыч научил-таки немного. Клинок гудит в воздухе. Удар обухом по вооруженной руке, нож, блеснув на солнце, улетает в сторону, и последний удар слева направо плашмя в ухо. Все, лежит, болезный. Глазки – в кучку, юшка из носа – на травку. Идиллия!

Иваныч своего противника уже захомотал, от кустов погранцы двоих беглецов, что деру дать намылились, пинками подгоняют. Все, спектакль окончен. Подхожу к телам на дороге, щупаю пульс. И хозяин, и хозяйка живы. Видно, оглушили обоих, чтобы не мешали. Наши клиенты уже все связаны, лежат себе смирненько, не телепаются. Шашку – в ножны, поднимаю слетевшую фуражку, отряхиваюсь. От поворота бежит толпа беженцев. Так они подсматривали, что ли? Вот ведь... бесплатный цирк! Позади них появляется моя сотня...

Через пятнадцать минут благодарностей, криков, воплей, пинков по тушкам и прочих проявлений радости беженцев мы с ними расстаемся и сворачиваем на развилке, продолжая свой путь. Нам сегодня еще домой попасть надо. Пленники идут с нами. Первый раз вижу такое художество! Ширинки расстегнуты, пуговицы на них срезаны, штаны поддерживаются связанными сзади руками. В таком виде далеко не убежишь. Иваныч рассказал, что они так до войны пойманных контрабандистов водили. Сначала хотели их отвести в крепость, но потом подумали, что возвращаться – плохая примета, и решили взять с собой. Надо же кому-то отхожие ровики копать, пока жандармы не приедут по их душу.

По дороге любопытный фельдфебель поинтересовался, где можно

научиться вот так драться. Пришлось открыть ему страшную тайну. В смысле, что – только у нас на базе...

Дошли нормально и вовремя. Пленные сначала упрямылись, хотели отдохнуть, потом раздались призывы к национальным чувствам, мол, православные против своих же единоверцев за каких-то евреев вступились. Когда и это не помогло, устроили саботаж. Остановились и заявили, что никуда не пойдут. Что они – такие же солдаты, только отставшие от своих частей, и их надо передать начальству, а не издеваться над бедненькими. Пришлось повторить трюк с «иглоукалыванием», а чтоб не орали и не портили хороший летний день матерщиной, забили кляпы в верхние акустические отверстия и для надежности подвязали веревочками. Остаток дороги они прошли с хорошей скоростью, благо желающих подогнать дезертиров было в избытке.

На базе нас встретили радостно и гостеприимно. Стараниями Сергея Дмитриевича, как организатора, и Ганны, как главной исполнительницы, все получили вкуснейший ужин. Даже криминальной пятерке досталось по паре сухарей. У некоторых погранцов при виде нашей стряпухи разыграло ретивое и загорелись потаённым бесстыдством глазки. Но немного притухли, когда она спросила у «дядечки командира», понравился ли ему ужин, и слышали в ответ: «Спасибо, племяшка». А потом пришлось им объяснить существующее положение дел и попросить Федора исполнить свой «фирменный» трюк – скручивание лопаты в трубочку. После этого в подразделении наступили мир и благополучие...

Глава 3

Доктор молча смотрел в окно вагона на проплывавший мимо бесконечно однообразный пейзаж. Ему срочно нужно было попасть в Москву. Старый друг, однокашник и сослуживец Михаила Николаевича сподобился достать два приглашения на очередной съезд Общества русских врачей, называемого в просторечии Пироговским, по имени основателя, который открывался на днях. Дела по передаче госпитального имущества задерживали отъезд, но, в конце концов, удалось закончить всю бюрократическую тягомотину и оставалось еще время, чтобы добраться до Первопрестольной. Однако задержки с отъездом всё же сказались, и прежде всего на собственном бюджете Михаила Николаевича – приобрести билет удалось только в первый класс. Задав мимолетное сожаление о незапланированных тратах и утешая себя надеждой на то, что получил идеальную возможность в дороге отдохнуть и привести в порядок мысли, он решительно направился в своё купе.

Ехать надо было более суток и не хотелось попасть «с корабля на бал». Тем более что появилась возможность посидеть вечерком со старым другом, вспомнить молодые годы, общих знакомых, обменяться новостями, да и просто насладиться неспешной беседой под бутылочку «Старки», которая уже заняла свое место в походном саквояже. Столица столицей, а с принятием дурацкого сухого закона было опасение в качестве и подлинности продукта, купленного в Москве. Рядом лежал сверточек буженинки домашнего приготовления, который заботливо упаковал Петрович, как всегда ворчливо рассуждая о том, что доктор только о чужом здоровье заботится, а о своем и не подумает, ежели не напомнить.

Мысль о главной теме съезда вызвала мимолетную усмешку. В этом году совещания были посвящены борьбе с пьянством в России. Ничего нового для себя в этом вопросе Михаил Николаевич услышать не надеялся, и так было понятно по опыту предыдущих лет, что речь пойдет о переустройстве страны, на этот раз закамуфлированном под заботу о трезвом образе жизни народа. В принципе, те, кто утверждал подобное, были не так уж и не правы. Доктор не был отъявленным монархистом, он прекрасно видел и то, что изменения необходимы, и то, что Власть всеми силами пытается сохранить существующее положение вещей, загнать болезнь вглубь вместо лечения.

Но теперь, зная со слов своего очень необычного пациента, во что это

выльется, Михаил Николаевич пребывал в некоторой растерянности. Десятки, сотни тысяч загубленных жизней в Революции и Гражданской войне – не слишком ли велика цена того Светлого Будущего, к которому будут все призывать?.. Только сейчас чуть-чуть стала осознаваться вся тяжесть положения царя. Ни одно из сословий, составлявших российское общество, не было довольно его властью. Начиная от забитых, бесправных низов, спивающихся от безысходности, кончая аристократией, купающейся в роскоши, богатстве и вседозволенности и желающей еще большего. А тут еще эта страшная, жесточайшая война. И неизлечимая болезнь наследника...

В поездке доктору с попутчиками не повезло: напротив, на диване разместилась дама средних лет, которая пыталась откровенно кокетничать, а после взаимного представления решила, по-видимому, сменить тактику обождения и страдальческим голосом попросила измерить пульс и прослушать сердце. Но и после прощания с ней долгожданный покой не пришел. Новым соседом, который ехал, увы, до самой Москвы, оказался коммивояжер, специализирующийся на реализации патентованных лекарственных средств, и с хорошо отрепетированным восторгом рекламировал «чудо-препарат от кашля фирмы «Байер»». Сухо высказав всё, что думает как врач и человек о наркотиках, оставшиеся ночные часы Михаил Николаевич просидел у окна, вглядываясь в едва освещенные лунным светом поля и леса. В его голове пульсировала одна и та же мысль: «Как это ВСЕ могло случиться?» И извечный вопрос русского интеллигента: «Что делать?»

– Дамы и господа! Прибываем! – голос проводника оторвал Михаила Николаевича от невеселых размышлений. Не до конца веря в реальность происходящего, доктор нащупал в кармане пиджака мятую телеграмму, машинально коснувшись маленького маузера, подаренного Денисом Гуровым. Пистолет и трость были взяты в путешествие по совету капитана Бойко, который предупреждал об активизации преступного элемента в столице. Доктор вытащил бланк, чтобы прочитать еще раз: «Миша вскл срочно приезжай зпт есть два приглашения на пироговский съезд тчк остановишься у меня зпт есть о чем поговорить тчк николай».

Николай Петрович Бартонд, однокашник и друг «давно минувших дней», встретил доктора на перроне. После обязательных рукопожатий, объятий и приветствий друзья вышли на привокзальную площадь, быстро сторговались с извозчиком и на пролетке направились на квартиру московского врача. Михаилу Николаевичу, отвыкшему от «цивилизации», было непривычно видеть в витринах магазинов рядом с рекламой военные

плакаты, рассказывавшие о том, как лихой казак Козьма Крючков пачками насаживает врагов на пикет, или призывавшие жертвовать 20–21 мая на табак солдату и подписываться на военный заём под пять с половиной процентов.

Пестрота московских улиц быстро закончилась, лихач довез пассажиров до места, получил свою оговоренную полтину и с присвистом умчался. Хозяин с гостем поднялись в квартиру, где их уже ждал поздний обед, плавно перешедший в ужин. Неспешно утолив голод и отпустив прислугу, два старых холостяка перешли в кабинет, где и расположились поудобней. Привычки студенческой жизни не были забыты. Хозяин в расстегнутой домашней куртке расположился на диване, а доктор, скинув в хорошо протопленной комнате пиджак и жилет и ослабив галстук, оккупировал кресло по другую сторону сервированного столика.

Разговор, как всегда, начался с традиционных «А помнишь?», «А знаешь?», потом плавно перетек к текущим событиям и предстоящему съезду. Приятно ощущая кожей тепло, идущее от печки-голландки, доктор блаженно прикрыл глаза.

– Что, Мишель, жмуришься как кот?

– Я, Коля, за зиму в госпитале так наморозился, теперь любое тепло для меня – в удовольствие. Кстати, а вы как перезимовали?

– Ничего, нормально. Красные флаги на каланчах только три раза вывешивали.

Доктор помимо воли встрепенулся при этих словах. Воображение, подстегнутое рассказами Гурова, нарисовало ему в уме картину боев революционеров с полицией на улицах Москвы, введения военного положения, цензурного запрета на все публикации по этой теме...

– Миша, Миша! Что с тобой? Аж в лице переменялся!

– ...Красные флаги...

– Ну да. Ты что, забыл? Если мороз за минус двадцать пять, на каланчах красные флаги поднимают и ребятня в гимназию не идет... Совсем вымотался в своем госпитале. Я правильно сделал, что вытащил тебя, Мишенька, в Москву. Пообщаешься со старым другом, немного развеешься. Ты ведь там не имеешь возможности отслеживать, чем дышит нынешняя интеллигенция. А у нас тут жизнь бурлит вовсю. Все, кому не лень: промышленники, юристы, помещики, даже купцы и торговцы, артисты и литераторы, – все лезут в политику. Ты же знаешь, наша национальная забава – болтать о ней и хаять правительство. И я, грешен, иногда принимаю в этом посильное участие.

– Неужели ты, Коленька, стал интересоваться политикой? Небось, и в

партию какую-нибудь вступил, а?

– Нет, друг мой, не вступил и не собираюсь. У меня не хватает времени на медицину, а не то, что на пустую болтовню. Хотя у конституционных демократов достаточно четкая программа обустройства страны и ограничения самодержавного произвола властей.

Доктору пришли на ум дорожные размышления, и он решил поделиться ими с собеседником.

– Ты знаешь, Коля, пока ехал, в голове крутились некоторые мысли. Я вдруг осознал, как тяжело нашему императору.

– Ты стал монархистом, Миша? С каких это пор?

– Нет, просто по-человечески посочувствовал ему. Крестьяне хотят земли, защиты от произвола землевладельцев и чиновников. Вспомни последний неурожай, когда они у помещиков хлеб забирали. Не для торговли, а чтоб детишек прокормить. Кто-то с голода пухнет, а кто-то зерно на экспорт продает, дождавшись хорошей цены, да еще штыками солдатскими прикрывается. Я в госпитале наслушался разговоров. Мол, если опять голодать бабы с детишками будут, солдаты домой подадутся, да с винтовками. Вот, тогда как полыхнет по всей Руси-матушке, не враз потушишь. – Доктор раскурил душистую папиросу и продолжил: – И в городе – не лучше. Рабочие живут как каторжники, работают по четырнадцать – шестнадцать часов в сутки, хотя есть царев указ об ограничении до десяти. Штрафы и произвол на заводах – везде и всюду. И инспекторам не пожалуешься, они все куплены. И хотят промышленники только одного – еще ту же мощну набить. А для этого им парламент нужен, выгодные законы принимать. Вот поэтому в политику и лезут. И для всех царь – плохой.

– Знаешь, мон шер, ты прав, наверное. Кстати, бомонд тоже все неудачи пытается повесить на императора. Вспомни назначение великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. Каких только дифирамбов ему не пели! А сейчас ходят слухи, что царь его снимет. За все «удачные» отступления. И сам станет главкомом.

– Вот, Коля, еще и тут он будет виноват. Тут поневоле монархистом из жалости сделаешься. Душа болит. И за царя, и за Отечество...

– Ладно тебе. Послушай лучше наши медицинские сплетни. По большому секрету мне сообщили, что на съезде будет сам Павлов!..

– Да неужели?!

– Да. Несмотря на все козни ему, прислали приглашение... а еще Академик стал достаточно тесно общаться со всякими технарями. Одним словом, выбрался из своей башни, пошел в народ, записался даже на

лекции по гальванизму и электричеству. Причем это, конечно, слухи, но... Когда лектор попытался пошутить над Иваном Петровичем, получил, говорят, вполне квалифицированный отлуп. Еще он тесно сошелся с Павлом Ивановичем Ижевским, профессором Военно-медицинской академии.

– Это тот, что изучает влияние электрических полей на человека?

– Да, сейчас они вместе с Павловым ведут какое-то совместное исследование, скорее всего в военной области... Так вот, Академик будет председательствовать в нашей секции...

– Николенька, а почему ты манкируешь своими обязанностями? Я «Старку» вез не для того, чтобы она выдыхалась...

– Она и не успеет!.. Эх, хороша!.. Да под буженинку!..

Глава 4

Доктор стремился на съезд отчасти, чтобы увидеть Павлова. В Московский императорский университет они приехали за час до начала. Николай Петрович тут же умчался решать какие-то оргвопросы, а доктор неспешно прогуливался по коридорам своей знаменитой альма-матер. Мимо пробежали чем-то озабоченные участники, в то же время гордые своей исключительностью, которая позволила им находиться здесь. У некоторых это было явственно написано на лице. Внимание привлёк господин, одетый по последней моде потомственных тылови́ков: китель без погон, брюки-галифе, английские армейские ботинки с крагами. Он что-то глубокомысленно втолковывал группке молодых людей, скорее всего студентов-медиков, оживленно жестикулируя. Проходя мимо, Михаил Николаевич услышал обрывок фразы: «...обращайте особое внимание на людей, могущих быть полицейскими шпи́ками. Они могут быть особенно опасны...» Чем могут быть опасны полицейские чины, надзирающие за порядком, доктор так и не понял.

Пройдя по коридору, он решил идти в зал, но по дороге решил заглянуть в туалетную комнату. Зайдя, Михаил Николаевич опять увидел давешнего господина, который на звук открываемой двери отреагировал неловким дерганьем. Засунув что-то в карман, тот поторопился на выход, икнув и обдав при этом доктора коньячным ароматом...

Наконец-то секретарь-распорядитель постучал карандашом по графину с водой, тем самым призывая к тишине, и озвучил приветствие, повестку дня съезда и регламент. Потом на трибуну поднялся первый докладчик... Как и предвидел Михаил Николаевич, с первого же момента работы съезда вопросы медицины стали лишь прикрытием политических агитаций, и он почувствовал себя попавшим во времена революции 1905 года. Доктор терпел все эти словоблудия, стараясь не выказать разочарования. Но его выдержка дала трещину при выступлении незнакомого приват-доцента из Петрограда, того самого военизированного господина, который начал с обоснования необходимости запрета употребления вина простым народом, а закончил завуалированными призывами к свержению самодержавия и немедленного «установления демократических свобод слова, печати и союзов». Доктор пытался сдерживаться до конца, но то, что оратор остался на подиуме и стал раскланиваться с аплодирующими, стало последней каплей,

переполнившей чашу терпения. Он, решительно встав с места, поднял руку с тростью вверх и командным голосом заявил: «Прошу слова!» После чего, не дав оторопевшему распорядителю возразить, занял место на трибуне.

— Уважаемые коллеги и некоторые милостивые государи, коих я не считаю возможным причислить к таковым, забыли, что все мы, вступая на врачебную стезю, давали священную клятву Гиппократу и прежде всего — не навредить пациенту. А что делаете вы, господа? Сейчас пациентом у нас — вся Россия. Да-с! Вся империя! А вы призываете к неслыханным и, я бы сказал, смертельным экспериментам над организмом больного. Если вы позабыли слова великого гражданина Петра Аркадьевича Столыпина, обращенные к безумным, одурманенным вольнодумцам: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»... — Речь стала прерываться топотом ног и свистом либерально настроенной публики. Но это не смутило оратора, не заставило отказаться от речи. Удар тростью по трибуне был подобен пушечному выстрелу, а он, воспользовавшись растерянной паузой, продолжил: — Если вам не по себе слушать слова человека, положившего жизнь на алтарь служения Отечеству, то я процитирую вам великого Пушкина: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка — копейка». Кроме того, бунта, к которому вы призываете и в который ввергаете Россию, вы норовите вскользь или явно облить грязью императора и его семью. При этом вы не хотите видеть того, что императрица и великие княжны трудятся как простые сестры милосердия... Да, не все ладно в нашей Державе и многое нужно менять. Менять, но не разрушать, как призывают господа современные карбонарии: «Весь мир насилья мы разрушим»... Не забыли ли вы, что злодейская рука, бросившая бомбу к ногам императора Александра-Освободителя, навеки остановила его руку, готовую подписать Конституцию для России. Выступавший передо мной оратор слишком вжился в амплуа Робеспьера и, видимо, забыл о том, что революция пожирает своих детей. Вы можете возразить, что мы — не политики, а врачи и ученые, но я напому вам о печальной и трагической судьбе великого Лавуазье. Мы живем в России, и ужасы английской и французской революций покажутся невинным водевилем по сравнению с теми потоками крови, которые могут пролиться не далее чем через два года, если вы не образумитесь, господа!

Сейчас — война. Я сюда прибыл из прифронтового госпиталя, где имею честь выполнять свой долг. И должен заметить вам, коллеги, что сия война

– уже не та, которая была с японцами или турками. Мы для тевтонов, господа, не просто варвары, а не-до-че-ло-ве-ки! Да-с! Славянские свиньи! И я могу вам привести немало случаев, когда ни красный крест на груди сестры милосердия, ни крест на груди священника, ни беспомощность раненого воина не останавливали штык или пулю врага. И эта война поистине становится второй Отечественной. Нам нужно и должно сплотиться, спасти Россию и сохранить человеческий облик. О переустройстве Державы будем говорить после победы. Если вы не хотите через два года быть растерзанными обезумевшей от крови толпой, не хотите, чтобы ваши жены и дочери были «социализированы» уголовниками, выпущенными из тюрем либеральным адвокатом, вообразившим себя Бонапартом, то мы должны работать! Работать и забыть, господа, о некоей нашей национальной слабости – разглагольствовать о политике после сытного обеда, расстегнув крючки на вицмундире. И это в то время, господа, когда наш с вами русский народ не просто живет впроголодь, а голодает. Четверти века, господа, не минуло, как незабвенный Антон Павлович Чехов не на словах, а на деле спасал голодающих от смерти. И упаси вас бог от попыток заигрывать с теми, кто пытается уничтожить Россию. Революция, как правило, кончается войной. И не простой, а гражданской, которая не в пример страшнее. Вспомните, господа, во Франции герцог Орлеанский рядился в одежды революционера, спасло это его от расправы черни?.. Вы хотите увидеть это в России, только не с белыми розетками, а с красными бантами?.. Когда полный георгиевский кавалер станет вторым Мюратом, когда поручик гвардии превратится в кровавого маршала, когда раздастся призыв «сбросить Пушкина с корабля истории», – то тогда воистину воцарится Содом и Гоморра, конец света для всех нас!

Сидевший в президиуме академик Павлов, на протяжении всей пламенной речи доктора что-то помечавший на листе бумаги, при последних словах поднял голову и неотрывно сверлил взглядом выступавшего.

Присутствующие в зале разделились на две примерно равные части. Одни аплодировали и кричали: «Браво!», другие свистели и вопили что-то оскорбительное про голубые мундиры и жандармских провокаторов. Особенно усердствовал десяток студентов-медиков, расположившихся на галерке. Речь доктора получила неожиданную поддержку из президиума. Академик Павлов неспешно поднялся, опираясь руками о стол, и, став похожим на льва, величественно оглядел мгновенно притихший зал, затем несколько раз хлопнул в ладони, выражая одобрение. Державшиеся

отдельной кучкой и спешно строчившие в своих блокнотах корреспонденты, увидев действия академика и Нобелевского лауреата, устроили настоящую рукопашную схватку, стремясь первым выскочить, поймать извозчика и домчать сенсацию на стол главного редактора.

Михаил Николаевич уже вернулся на свое место, пока распорядитель тщетно пытался успокоить зал. Наконец ему это удалось, начал выступать следующий оратор, и в это время доктору по рядам передали записку. Ожидая увидеть очередные ругательства и оскорбления, он был немало удивлен прочитанным:

«Милостивый государь! Если Вас не затруднит, не согласитесь ли встретиться со мной по окончании заседания? Буду премного обязан. Павлов».

Оставшееся время доктор сидел как на иголках, пытаясь понять подобную реакцию Академика. И несколько раз ловил на себе его внимательный и, как бы, изучающий взгляд...

* * *

В перерыве к доктору подошел молодой аспирант и вежливо пригласил пройти в кабинет. Там его уже ждал Сам!.. Ждал с нетерпением, выражавшимся в нервном хождении из угла в угол. Судя по всему, разговор предстоял продолжительный и приватный. На столе попыхивал паром новомодный электрический чайник, заварник источал очаровательный аромат, вокруг них стояли стаканы в серебряных подстаканниках и вазочки с сахаром и булочками.

– Здравствуйте, коллега. – Павлов протянул руку, пожатие было сильным и энергичным. – С кем имею честь?..

– Михаил Николаевич Голубев, хирург и психиатр. До недавнего времени заведовал госпиталем. – Доктор все не мог взять в толк, зачем он понадобился великому ученому. Не для того же, чтобы поблагодарить за пламенную речь. Но Иван Петрович не зря был известен как радушный и гостеприимный хозяин и сразу же пригласил гостя к столу.

– Не обессудьте, Михаил Николаевич, но коньяк предлагать не стану. Сам зелье сие не жалую и вам не советую. Да и пить сегодня, когда народ наш отучить от пьянства пытаемся, – так и фарисеем стать недолго.

Пока хозяин и гость не отдали должное дарам «Товарищества Петра

Боткина и сыновей», а также знаменитой московской сдобе, разговор велся исключительно на околomedicalные темы. Иван Петрович посетовал на лекарственный голод и нехватку самых необходимых медикаментов, что нашло самый искренний отклик у доктора, который не раз сталкивался с этой напастью у себя в госпитале. И его очень заинтересовала одна из фраз Павлова о возможных перспективах безмедикаментозной терапии и электромагнитных полей.

Допив чай, Павлов предложил Михаил Николаевичу пересест в уютное кожаное кресло и сам расположился, напротив.

– А теперь, если вы не возражаете, коллега, позвольте мне вернуться к нашему съезду и вашему столь неожиданному, но очень яркому экспромту на нём. Если не ошибаюсь, ваше выступление отсутствовало в программе? Тем не менее, я должен признаться, что был очень удивлен вашей речью. Приятно удивлен. Далеко не каждый сейчас думает так же, как вы. И тем более еще меньше людей осмеливается произнести такие слова с трибуны. Вы очень смелый человек, доктор.

Павлов пристально смотрел на своего визави. У того даже сложилось впечатление, что академик пытался разглядеть в нем кого-то знакомого. Таким взглядом человек смотрит на лучшего друга, с которым судьба разлучила много лет назад, и теперь он, внезапно повстречав пропавшего, ищет сквозь морщины и седину черты того сорванца, с кем в далеком-далеком детстве совершал геройские мальчишечьи подвиги.

– Спасибо за лестный отзыв, профессор, но я просто высказал свое мнение. То, к чему призывают эти господа, смертельно для страны!

– Давайте обойдемся без званий, Михаил Николаевич. Называйте меня по имени-отчеству. Мы все же не на официальном приеме... Я согласен, что господа либералы не осознают всей опасности положения в стране. – Павлов вдруг как-то неуловимо поменялся в лице. – И могут привести ее к катастрофе, если дорвутся до власти... Скажите, а откуда у вас такие точные сроки – два года?

Доктора бросило в жар. Во-первых, он только сейчас осознал, что в пылу выступления озвучил некоторые детали из рассказов Гурова, а во-вторых, академик, вцепившись в ручки кресла и подавшись вперед, буквально прожигал взглядом, ожидая ответа. Как будто от этого зависело что-то очень важное.

– Иван Петрович... Я многого насмотрелся и наслушался за время работы в госпитале... И среди моих пациентов и простые солдаты, и офицеры, да и со штатскими общаться приходится часто. Снабженцы, фармацевты, купцы – с кем только не приходилось иметь дело. Те два года,

про которые говорилось, – это мой личный прогноз, если хотите. Я ведь не только хирург, но еще и психиатр. Сиречь – обязан уметь анализировать и предвидеть поведение людей. Так вот, глядя на то, как ведут себя раненые, слушая их, разговаривая с ними, я пришел к выводу, что максимум через два года терпение народа иссякнет.

– Ну, что же, это вполне возможно. Наблюдательный человек способен порою сделать поразительные выводы, даже из незначительных деталей. Тому порукой биржевые маклеры, что миллионы из ничего наживают. Но есть два момента, которые не объяснишь простым анализом бесед с ранеными и знанием жизни, а именно: кто такие Либеральный Адвокат, Мюрат номер два и Кровавый Маршал?

Михаил Николаевич почувствовал себя в ампула не подготовившегося к серьезному экзамену первокурсника. А Павлов... Павлов явно что-то знал или о чем-то догадывался. Его глаза пронзительно смотрели на доктора, и он невольно проникся тем ощущением, которое, вероятно, испытывает подопытный кролик, попавший в руки экспериментатора. Несмотря на то, что в этом кабинете было не жарко, щеки и лоб горели, как после парной. Кроме того, на протяжении этой беседы у него возникло чувство того, что с ним одновременно говорят ДВА разных собеседника. Неуловимо менялся тембр голоса, и порою хирургу с закаленными нервами и опытному невропатологу инстинктивно хотелось перекреститься – он был готов поклясться, что у Павлова меняется цвет глаз. Сказать правду? Но это нарушит обещание, данное Гурову и Бойко. Лгать? Это недостойно, да и вран из него никакой. Остаётся только полуправда. Желая получить хоть малую толику времени для принятия решения, доктор вынул из кармана брюк портсигар и обратился к Павлову:

– Вы позволите?

– Не считите меня бестактным, коллега, но – нет! Ибо: не пейте вина, не огорчайте сердце табачищем – и проживете столько, сколько жил Тициан. И, кроме того, Михаил Николаевич, я с нетерпением жду ответа на свой вопрос, и будьте уверены, это – не праздное любопытство.

– Вы можете мне не поверить, Иван Петрович, но информацию об этом я почерпнул из беседы с одним из своих многочисленных пациентов, а точнее из его бессвязных монологов, произнесенных в беспамятстве. Молодой прапорщик поступил к нам в госпиталь с контузией головы. Признаюсь, шансы на выздоровление были ничтожны, но делали всё, что могли. Наши сестрички, истинные ангелы, дежурили возле его постели днём и ночью и, когда слышали странные слова, вызвали меня. Я и запомнил кое-что. Тем более, есть поверья, что человек в беспамятстве

пребывает сразу в нескольких мирах одновременно.

– А как же звали этого новоявленного монаха Авеля и какова его дальнейшая судьба?

– К сожалению, Иван Петрович, госпиталь готовился к расформированию, неразбериха, наплыв новых раненых, операции днем и ночью. Абсолютно точно могу сказать только одно – прапорщик выжил, выздоровел и, отказавшись от отпуска, сбежал на передовую.

– Да-с, очень жаль. И в какую часть он был отправлен, вы тоже не знаете?

– Увы, нет. А мой помощник по общим вопросам, который мог что-то знать, переведен на другое место.

– Жаль, очень жаль. Ну, самое главное, что жив ваш оракул, а остальное – дело времени... Кстати, Михаил Николаевич, не желаете перейти ко мне? Мы совместно с профессором Ижевским...

– Простите, вы имеете в виду Павла Ивановича Ижевского?

– Да, именно его. Павел Иванович первым в России, а может быть и в мире, обратил внимание на влияние переменных электромагнитных полей на человека. И не остановился на теоретических исследованиях, а получил реальные результаты на практике – поставил на ноги сотни, если не тысячи пациентов. А теперь, пользуясь поддержкой принца Александра Петровича Ольденбургского, мы развернули нечто вроде научно-исследовательского центра и работаем в интересах армии и флота.

– Заманчиво, ей-богу, очень заманчиво, Иван Петрович! Но у меня назначение к новому месту службы. Придется разворачивать госпиталь практически на пустом месте, и, наконец, я и сам пообещал, да и людей с собой сманил. Так уж не взыщите, вынужден отказаться.

– Не упрекайте себя понапрасну, Михаил Николаевич. Дело – превыше всего. Но, если не возражаете, мы вернемся к этому разговору несколько позже. Единственная просьба, если фронтовая судьба вновь сведет вас с этим необыкновенным прапорщиком, то передайте ему, что... Что Тесла просит простить себя, да и поинтересуйтесь заодно: не забыл ли он отпраздновать 12 апреля... Прошу вас – всенепременно!

Глава 4. Продолжение

Уф... Неужели этот неожиданный и до конца не совсем понятный разговор подошел к концу?... Возле двери Михаила Николаевича встретил заждавшийся и нервно расхаживающий Бартонд. И по пути к гардеробу у друзей состоялся короткий диалог:

– Ну, Миша, растревожил ты улей. Вся альма-матер прямо-таки гудит. Но как ты ораторствовал: то ли Цицерон, то ли сам Вещий Олег!

– Ты все шутишь, Коленька, а я серьезно боюсь оказаться Вещим, а точнее Вещей Кассандрой. Которую слушали, но не слышали.

– Ну, кое-кто услышал. Ко мне подходил наш с тобой однокурсник Х. Помнишь, он ещё на студенческих пирушках тост поднимал за государя и норовил выпить за каждого в отдельности, начиная с Михаила? Хе-хе-хе... Так теперь он – профессор и предлагает тебе, Мишенька, выступить перед собранием студентов-монархистов, воодушевить их, а то: «...декабристы новоявленные эти, окаянные, совсем одолели. И кабы только из студентов были, так и преподаватели подключились...»

Последняя фраза прозвучала при подходе к окошечку гардеробщика. Забрав плащи и оставив традиционную дань уважения в длани служителя, который по слухам был современником если не Ломоносова, то Пирогова, друзья направились было на выход, но, поблагодарив врачей учтивым, если не сказать – аристократическим полупоклоном, Михаил Васильевич (именно так звали почтенного служителя гардероба) неожиданно огорошил вопросом и так донельзя растерянного доктора:

– А, что, многоуважаемый Михаил Николаевич, вы, стало быть, у нас теперь служить снова будете?

– А с чего вы это взяли, милейший Михаил Васильевич?

– Так шестеро студентов здесь крутились и все выпрашивали: не выходили ли вы, а то, мол, им о переэкзаменовке договориться нужно. Вас завидели, да и выскочили как наскипидаренные. Да видать, со страху кокаину нанюхались – глазки-то шальные совсем.

Уже перешагивая через порог и подчиняясь некому наитию, Михаил Николаевич достал из внутреннего кармана маузер, взвёл, поставил на предохранитель и аккуратно переместил в карман плаща, пару раз крутанул трость, проверяя баланс. За всеми этим действием с удивленным лицом наблюдал Бартонд и, желая, видимо, скрыть смущение, несколько игриво спросил:

– Помнится, Мишенька, ты в молодости французскими романами увлекался, но чаще господина Жюль Верна перечитывал, а ведешь себя как персонаж Доде, ну вылитый – Тартарен из Тараскона. В тросточке, стало быть, шпага, а в «левом кармане кастет»?

– А ты забывчивым становишься, Николай. Запомню, что ли, как в Харькове до избиений студентов-академистов и угроз убийств доходило. А сейчас близятся времена пострашнее.

Но, не желая выглядеть окончательным параноиком, доктор решительно отказался от предложения взять извозчика, и друзья решили излечить расстроенные нервы, сочетая прогулку и дружескую беседу, вдыхая очищающий легкие и голову аромат майского вечера.

Умиротворенная тишина и малолюдье улицы, еще не совсем вступивший в свои права вечер настроили двух почтенных медиков на лирический лад и воспоминания о пикантных моментах сдачи экзаменов в родном университете. Как это бывает практически всегда, они дружно сошлись на том, что студент нынче пошел какой-то не такой: в голове лишь вечеринки, танцы со знакомыми курсистками, а иной раз, чего греха таить, – пивные, плавно перетекающие в кулачные, дуэли со «школярами из иной бурсы». На последней фразе друзья внезапно замолкли, переглянулись и дружно рассмеялись, ибо всё то, о чем они говорили, происходило именно с ними, в годы далекой, но прекрасной юности. И вдруг, словно ожившее воспоминание, навстречу им из подъезда вышла девушка, судя по одежде – именно курсистка. «Гений чистой красоты», скромно опустив глаза, двигалась им навстречу, и оба доктора, не сговариваясь, расступились в стороны и синхронно приподняли шляпы, приветствуя «гостью из прошлого». Юная прелестница учтиво присела, приоткрыла сумочку, и буквально в последний момент Михаил Николаевич успел заметить несколько вызывающую косметику, щедро покрывающую не такое уж и невинное личико. Но было уже поздно, Бартонд получил прямо в глаза целую жменю ядреного нюхательного табака и буквально ослеп от рези в глазах.

А из парадного с топотом, напоминающим грохот копыт атакующего эскадрона, вылетела шестерка студентов, которые, угрожающе наклонив головы и пряча руки в карманах, попытались взять Михаила Николаевича в кольцо. Всё это сопровождалось громкими фразами о жандармском прихвостне, монархической шкуре, Иуде и прочими перлами словесности. Особенно усердствовал упитанный юноша с еще безусым, но уже достаточно потасканным лицом, выглядевший, как карикатура на Наполеона I. Окинув презрительным и откровенно плотоядным взглядом

Михаила Николаевича, который перехватил трость за нижний конец, «Бонапарт» под гогот «свиты» издевательски процедил сквозь зубы:

– А тросточку-то, господин Держиморда, от греха бросьте в сторонку. Глядишь, и без членовредительства излишнего обойдётся. Мы сегодня добрые.

Доктор, внезапно почувствовал себя абсолютно спокойным и готовым к действию. Перед ним стояли не одурманенные кокаином и иезуитскими речами агитаторов молодые люди, это были уже враги.

– Бросить, стало быть, советуете, юноша? Ну, что ж, извольте.

Трость, подобно городошной бите, врезалась в коленную чашечку и буквально выбила из игры «Бонапарта», который с воплями боли, прерывающимися ругательствами, катался по мостовой, сжимая обеими руками пострадавшую конечность. На мостовую со звоном упал латунный кастет.

Одновременно из темноты подворотни противоположного дома раздались трели свистка. Это не остановило нападающих, а лишь только ожесточило, тем более что их противник только что, как они считали, лишился своего единственного оружия. В их руках тоже появились кастеты, но вдруг прогремел выстрел. Рука доктора твердо сжимала рукоятку пистолета, а на лице была написана решимость направить следующую пулю ниже вечернего неба.

Мгновенно присмиревшее шакальё, подхватив под руки обезоруженного в обоих смыслах этого слова главаря, бросилось наутёк, тем более что совсем рядом уже раздавались трели свистков и топот тяжелых полицейских сапог. Через несколько минут из-за угла появилось четверо городских, левой рукой придерживающих рукояти шашек, а правой расстегивающих на ходу кобуры со смит-вессонами. Из уст одного из них, судя по лычкам на погонах, старшего унтер-офицера, прозвучали вопросы:

– Кто стрелял, что случилось?! – И, наконец, очень вежливо. – Городовой старшего оклада Иванов. Прошу вас, господа, представьтесь.

Имеющие, видимо, немалый опыт в подобных делах городские оцепили место происшествия, а удаляющиеся звуки свистков дворников говорили о том, что охота на убегающих преступников в самом разгаре.

Пригласительные именные билеты на съезд врачей, документ начальника госпиталя, имевшийся у Михаила Николаевича, а также явно пострадавший и до сих пор ничего не видящий Бартонд вполне устроили стражей порядка, и друзей пригласили в участок для составления протокола о нападении и для оказания помощи пострадавшему.

Извозчик материализовался буквально из вечерней полутьмы, и старший, деликатно пропустив вперед докторов, к их удивлению, скомандовал: «Гони к ближайшей аптеке, а потом – прямо на Петровку 38».

Удивление было вполне обосновано: ведь ехать им предстояло не в рядовой полицейский участок, а в Управление корпуса жандармов, так сказать, «гнездо голубых мундиров и душителей свободы». Впрочем, Михаил Николаевич оставил все вопросы на потом и сосредоточился на оказании первой помощи своему пострадавшему другу, тем более что тот, с упрямством ребенка, позабыв все врачебные заповеди, пытался тереть и без того горящие красным огнем глаза. Слава богу, провизор аптеки Форбрихера задержался на рабочем месте, и они в четыре руки вернули Бартонду временно утраченную способность видеть.

На Петровке друзей несколько раз передавали из рук в руки, каждый новый собеседник был стандартно вежлив и предупредителен. Наконец их разместили в небольшом, уютном кабинете, где молодой корнет задал полагающиеся по такому случаю вопросы и дал подписать аккуратно составленный протокол, оформленный почти каллиграфическим почерком. После чего, внимательно просмотрев документы, произнес:

– Господа, к вам нет никаких претензий. Вы действовали как законопослушные подданные. Единственно, к многоуважаемому Михаилу Николаевичу есть небольшой вопрос. По-видимому, на имеющийся у вас пистолет маузер нет документа, оформленного в соответствии с утвержденными правилами? Не переживайте, в этом нет большого греха, но у меня будет к вам убедительная просьба моего прямого начальника ротмистра Воронцова – пожертвовать часок времени и дождаться его, тем более что он в курсе ваших приключений. А пока прошу выпить чаю. Если есть необходимость проинформировать близких или начальство о месте вашего пребывания, то мы это непременно организуем. Во всяком случае, телефон в вашем распоряжении.

Михаил Николаевич был в Москве проездом, поэтому любезно предложенной возможностью позвонить воспользовался только Бартонд. Связавшись через барышню со своим коллегой и заручившись его согласием на проведение завтрашних занятий, он с удовольствием отдал должное чаю с бутербродами, тем более что в отличие от друга, который успел перекусить с Павловым, после перенесенных испытаний испытывал поистине волчий голод. Впрочем, доктор Голубев немногим уступал ему в аппетите, и новый поднос с сэндвичами оказался очень кстати. Владислав Викторович взирал на сие лукуллово пиршество с улыбкой гостеприимного хозяина и, заявив, что: «преломленный вместе хлеб, делает людей

друзьями», внес и свою лепту в эту очень позднюю трапезу.

Когда первый голод был утолён, друзья, осваиваясь в этом не совсем обычном месте, с любопытством оглядели кабинет. Михаил Николаевич и вправду увлекался приключенческой литературой и, кроме романов Жюль Верна, с не меньшим удовольствием почитывал произведения своего английского коллеги сэра Артура Конан Дойла. И вот теперь он решил выступить в амплуа сыщика Шерлока Холмса и по внешнему виду помещения, мебели, книгам и прочему составить представление об их хозяине, ибо столь молодой офицер им не был, хотя явно проводил в нем немало времени.

Итак, несколько книжных шкафов. Перечень книг вызывал удивление: статистические ежегодники России соседствовали с томами военной энциклопедии Сытина, издания по криминалистике – с подшивками журнала «Наука и жизнь» и несколькими томами Карла Маркса на английском языке. Между ними стоял внушающий уважение сейф, а чуть далее шахматный столик с неоконченной партией. Массивный письменный стол был абсолютно свободен от бумаг. На нем обосновались лампа с зеленым абажуром, письменный прибор и, как это ни странно, арифмометр. Несколько кресел, на которых разместились доктора, невысокий столик с самоваром, чашками и подносом с бутербродами. Доктор долго не мог понять, чего именно, по его мнению, не хватает в этом кабинете. Но затем понял: в кабинете не было портрета царствующего императора Всероссийского!.. Но зато висели сразу три небольшие цветные литографии с портретами императоров Николая Павловича и Александра Александровича, а также графа Александра Христофоровича Бенкендоффа. Михаил Николаевич, так и не сумевший прийти к каким-то выводам по личности хозяина кабинета, пока оставил свои мысли при себе. А вот его друг не сдержался. Бартонд умиротворённо оглянулся вокруг и одобрительно произнес:

– А уютно, здесь у вас, Владислав Викторович. Прямо-таки и не верится, что всё это можно встретить... – здесь он запнулся и, закашлявшись, попытался скрыть смущение.

– Вы, вероятно, хотели сказать в управлении жандармерии, там, где допрашивают, секут и вздергивают на дыбе? – понимающе улыбнувшись, спросил корнет.

Бартонд покраснев, пробормотал, что он совершенно не это имел в виду. Но затем, видимо решив, что слишком уж тушует перед этим юнцом «в голубом мундире», с вызовом и чуть резче, чем собирался поначалу, выпалил:

– Можете на меня обижаться, но – почему бы и нет?!

– А я и не обижаюсь, привык-с. Немудрено, что среди просвещенных и ученых мужей распространены подобные заблуждения. Особенно после пасквилей, аналогичных вот этому. – Иронично усмехнулся его собеседник, чуть привстав и наклонив голову в сторону визави, затем достал из кармана записную книжку и зачитал несколько фраз: – «...В Царском Селе принимают не очень ласково, но оригинально. Как только я вошёл, меня окружила толпа жандармов, и руки их тотчас же с настойчивой пытливостью начали путешествовать по пустыням моих карманов. Наконец, один из них отступил от меня шага на три в сторону, окинул мою фигуру взглядом и скомандовал мне: «Раздевайтесь!» – «То есть – как?» – спросил я. «Совершенно!» – категорически заявил он. Двое из них, обнажив сабли, встали у меня с боков, третий пошёл сзади, держа револьвер на уровне моего затылка. И мы, молча, пошли по залам дворца. В каждом из них сидели и стояли люди, вооружённые от пяток до зубов. Картина моего шествия была, видимо, привычной для них, только один, облизывая губы, спросил у моих спутников: «Пороть или вешать?» – «Журналист!» – ответили ему. «А... значит – вешать!» – решил он...» Сочинение почетного члена Императорской академии Максима Горького, он же Алексей Максимович Пешков. А может быть, господина Лермонтова процитировать?..

– Господа, господа, – умиротворяюще произнес Михаил Николаевич, – довольно спорить. Вот, кстати, позвольте полюбопытствовать: а почему у вас в кабинете портреты именно императоров Николая Павловича и Александра Александровича размещены? Не Петра или Екатерины Великих, к примеру?

– Кабинет это не мой, а ротмистра Воронцова. Если не возражаете, то он сам и ответит.

– А никакой тайны здесь и нет, – раздавшийся от двери уверенный мужской голос заставил всех дружно обернуться. – Позвольте представиться, господа, ротмистр Воронцов Петр Всеславович, честь имею. Не взыщите, что без стука, но кабинет сей в некотором роде мой.

На пороге стоял высокий мужчина лет тридцати пяти. Кавалерийский китель с серебряным аксельбантом, знаком кадетского корпуса и юнкерского училища, как влитой, сидел на стройной, мускулистой фигуре, которую, скорее, ожидалось встретить в строю кавалергардов, чем в кабинете жандармского управления. Мелодичное позвякивание шпор на высоких сапогах напомнило доктору пару строчек из стихов, которые любил напевать в минуты хорошего настроения записной сердцеед и гусар

по убеждениям, поручик Дольский, серьёзно уверовавший в то, что в прошлой жизни был легендарным Бурцевым и Денисом Давыдовым, причем одновременно: «Запомни, юный друг корнет, чем громче шпоры звон, звучит пленительней сонет – шедевром станет он...»

Короткая стрижка, на лице ни единой морщинки, совершенно седые виски и – шрам. Профессиональный взгляд хирурга безошибочно идентифицировал последствия ранения холодным оружием.

Подойдя к письменному столу, он положил на столешницу несколько номеров свежих газет.

«А который теперь час, неужели уже утро?» – подумал Михаил Николаевич.

Словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, ротмистр подтянул гири массивных напольных часов и выставил по карманному хронометру стрелки. При этом на эфесе шашки стал виден алый медальон Анны 4-й степени.

– Владислав Викторович, – обратился ротмистр к корнету, – прибыли срочные документы. Прошу вас изучить и доложить свои соображения как можно быстрее.

– Непременно, Петр Всеславович, разрешите идти?

Получив разрешение, корнет щелкнул каблуками и, попрощавшись, удалился.

– Ну-с, господа, ещё буквально полчаса, и вас доставят домой. – Очень быстро просмотрев протоколы, ротмистр отложил их в сторону и внимательно посмотрел на докторов. – Получается, нападение неизвестных. Причина не ясна, лиц не запомнили. Единственная зацепка: девица, одетая курсисткой, которая несколько нетрадиционно использует нюхательный табак. Я ничего не упустил, господа? Нет? Тогда не считите за попытку оскорбления, Михаил Николаевич, ибо господин Бартонд действительно ничего не мог видеть. Лукавите, а возможно, не хотите говорить или не можете. Бойтесь?! Нет, нет, не спешите требовать сатисфакции, или же, как в русских сказках говорят, не вели казнить, вели слово молвить. Договорились? Тогда позвольте озвучить мои соображения, а засим вынесите свой вердикт. Вы уже почти год возглавляете прифронтовой госпиталь, то место, в которое не заманишь ни карьериста, ни мздоимца, ни просто бездельника. В Первопрестольной вы чуть более суток и почти сразу: с корабля – на бал, простите за каламбур, с поезда – на съезд. И, наконец, ваш неожиданный экспромт, сравнимый в некотором роде с разорвавшейся бомбой. Не стану скрывать, в соответствии с установленными правилами в зале присутствовал представитель МВД,

отвечавший за контроль над порядком. И даже он, не будучи медиком, завороченно выслушал именно вашу речь, которую, кстати, высоко оценил сам академик Павлов.

В этот момент побледневший Михаил Николаевич вскочил со стула. От возмущения он даже не мог сразу подобрать слова:

– Милостивый государь, да вы... Как вы осмелились подслушивать приватные беседы?!

– Ну что вы, уважаемый доктор, за кого вы нас принимаете?! Вот извольте взглянуть на ночной выпуск... – И протянул ему одну из принесенных им газет. В глаза бросился заголовок на первой странице: «Нобелевский лауреат и академик Павлов рукоплещет речи патриота, прибывшего с фронта. Интервью нашего специального корреспондента».

– А после разговора с Павловым наш сотрудник случайно услышал слова гардеробщика о студентах-кокаинистах, которые назойливо пытались встретиться с вами, и сделал профессиональные выводы. Не буду посвящать в детали, но от здания университета вас с другом на расстоянии сопровождал сотрудник полиции в штатском, который, между прочим, первым и подал сигнал тревоги, помните свист? Он же слышал и состоявшийся разговор, в общем, был свидетелем от начала и до конца. И вы и сейчас продолжаете утверждать, что не запомнили нападающих и не подозреваете о причине сего инцидента?

Теперь доктору пришел черед покраснеть, он не знал, что ответить, и осторожный стук в дверь показался ему спасительной отсрочкой от этой невольной, но вполне заслуженной пытки. В кабинет вошел давешний корнет, за которым последовал вахмистр с большой коробкой, прикрытой крышкой.

– Всех забрали, всё собрали, Петр Всеславович, разрешите предъявить?

И на столешницу письменного стола поочередно выложили три студенческие фуражки, два кастета, старинный, по-видимому, двустольный пистоль и, отдельно, – завернутую в пергаментный листочек гильзу от пистолетного патрона.

– Вы, вероятнее всего, не в курсе, уважаемый Михаил Николаевич, что в Москве вот уже несколько лет действует кабинет научно-судебных экспертиз? К слову, еще перед войной, французские криминалисты объявили о возможности идентификации огнестрельного оружия по гильзе. Аналогичного мнения придерживается и тайный советник Сергей Николаевич Трегубов. Именно поэтому я настоятельно рекомендую вам, в случае утери по любым причинам пистолета, зафиксировать сей факт

документально. Ибо неизвестно, в какие руки он сможет попасть. Имея эти вещественные доказательства, показания гардеробщика и нашего сотрудника, мы обратились за помощью к одним из лучших сотрудников Московской полиции и задержали двоих из нападающих, а уж они сдали своих товарищей. Кстати, разрешите вам их представить: околоточный надзиратель Дмитриев, профессиональный проводник, и его Треф.

И в кабинет, дружелюбно помахивая обрубком хвоста, зашел ведомый хозяином красавец доberman-пинчер, подойдя, деликатно обнюхал докторов, затем, усевшись возле стола, по-приятельски протянул ротмистру лапу, которую тот пожал с дружеской улыбкой. Появление красивой и добродушной собаки разрядило обстановку, тем более что Треф был любимцем москвичей и героем многочисленных криминальных хроник.

– Прошу вас, Владимир Дмитриевич, присаживайтесь и расскажите, как прошла операция? – спросил ротмистр проводника.

– Как обычно, ваше... – но увидав, как укоризненно покачал головой хозяин кабинета – поправился, – Петр Всеславович. Прибыли на место происшествия, взяли след и прошли по нему до лежбища. А дальше уже работали ваши молодцы. Тем более что – весна, мостовая сухая, да и наследили эти архаровцы изрядно.

– Великолепно, просто великолепно, Владимир Дмитриевич. Буду ходатайствовать о вашем награждении. А вот это пока для нашего общего любимца. Треф, ты не возражаешь? – ротмистр достал из ящика стола конверт и показал его собаке. Дождавшись радостного и одобрительного «гав», передал конверт хозяину.

Когда проводник с ищейкой вышли, хозяин кабинета мгновенно согнал улыбку с лица:

– Господа, вы не являетесь сотрудниками МВД Российской империи и не состоите под следствием. Я не вправе требовать от вас подписку о неразглашении информации, которую можно отнести к секретной, прежде чем ознакомить с некоторыми фактами, но прошу дать слово чести, что всё услышанное останется между нами.

Дождавшись согласия, ротмистр обратился к Бартонду:

– Простите, Николай Петрович, а что сейчас в медицинской среде говорят о деятельности академика Павлова? Не упоминают ли в этой связи профессора Ижевского?

Бартонд вначале нехотя, а затем более увлеченно повторил то, что давеча уже рассказывал Михаилу Николаевичу.

– Так-с, значит работы в интересах обороны страны, электромагнитные поля и полное отсутствие отражения полученных

результатов в научных изданиях, я ничего не упустил? Нет? Отлично, то есть очень плохо. Где-то мы допустили утечку информации, но, слава богу, без конкретики. Ничего – разберемся. Господа, дело в том, что академик Павлов возглавляет одно не совсем обычное научно-исследовательское учреждение, и если и дальше работа пойдет успешно, то это сразу почувствуют и наши войска, и тевтоны. Только вот ощущения будут противоположными. Но катастрофически не хватает времени и специалистов. Иван Петрович, как бреднем, прочесал обе столицы. Война – многие в армии или вот, как вы, Михаил Николаевич, – в прифронтовой зоне. И вот, что знаменательно, стоит найти нужного человека, так буквально из ниоткуда возникают проблемы. У профессора Ижевского в кабинете кто-то проводку испортил. И если бы не внимательность ассистента, то несколько пациентов (а среди них была очень высокопоставленная особа), могли бы отправиться в мир иной, а Павел Иванович – в Сибирь. Естественно, что все его методики мгновенно были бы объявлены вредительскими и лженаучными. Тем более что, исцеляя без лекарств, он ударил по карману фармацевтических фирм, которые чаще всего, увы, имеют немецкое происхождение. По оперативным данным уже были подготовлены разгромные публикации, запросы в Думе, но, волею Божьей, да и нашими стараниями – не вышло-с! Но не всегда всё так благостно заканчивается. Михаил Николаевич, вам знакома печальная судьба профессора Пильчикова?

– Это тот, который покончил с собой в одной из больниц Харькова, страдая душевным недугом?

– Так было сказано в официальном заключении. Самоубийство посредством выстрела из револьвера. Только вот, незадача, «бульдог» аккуратно лежал на столике рядом с кроватью. По частному мнению нескольких экспертов – это было умышленное убийство. А, кроме того, как говорили древние: «Is fecit cui prodest» – сделал тот, кому это выгодно! Область научных интересов профессора и, самое главное, реальные результаты чрезвычайно важны и, прежде всего, для сферы вооруженной борьбы. Во многом он опередил Маркони и Попова, и даже Теслу. Вопросы управления по радио боевыми судами теперь пытаются реализовать в Германии. И вот именно поэтому мы взяли под неусыпную охрану Павлова, его близких и сотрудников. И что удивительно, это вызвало горячую поддержку самого академика. Да и нападение на вас, господа, произошедшее сразу после столь решительной отповеди, данной Михаилом Николаевичем тем, кто за красивыми фразами скрывает призыв к «топору и красному петуху», и за последующей после этого долгой беседой, – отнюдь

не дикая выходка одурманенных кокаином юнцов. Вас шли убивать, потому что вы оказались нужны академику Павлову. Обратите внимание на сей, на первый взгляд, музейный экспонат, – ротмистр продемонстрировал двустольный пистолет. – Вот извольте-с видеть: произведен на Императорском тульском оружейном заводе, заряжается с казенной части, охотничьими патронами шестнадцатого калибра – снаряжены волчьей дробью. Для приобретения и ношения разрешение не нужно. И им бы всё удалось, если б не ваше мужество, доктор, наличие эффективного оружия... подарок с фронта, если я не ошибаюсь, и оперативность наших сотрудников. И не забудьте, Михаил Николаевич, свечку поставить за здоровье тезки вашего Михаила Васильевича! Вот чутьё у старика, да и глаз видящий. Он ведь в участок позвонил, не поленился...

– Довольно, Петр Всеславович, я всё понял. Безнаказанность порождает вседозволенность. Я готов дать показания и в суде, и перед присяжными, да и мой друг добавит своё слово.

Бартонд при этих словах согласно кивнул.

– Вот и чудесно, господа. Уже светает, извозчик вас ждет, и уже знакомый вам старший унтер-офицер Иванов – тоже. Так уж случилось, что он проживает по соседству с доктором Бартондом. Вы же у него остановились? А вечером позвольте напроситься к вам в гости, хотелось бы поговорить о некоторых тайных обществах, да и о портретах в моем кабинете расскажу подробнее.

Глава 5

На следующее утро, загрузив всех поручениями, отправился в штаб докладывать капитану Бойко о прибытии. Пока ждал начальство, пообщался с коллегами. Правда, их было всего двое – Ломов и Дольский, причем оба как-то хитро на меня поглядывали. Не иначе, хотели устроить какую-нибудь подлянку. Но рассказ о командировке выслушали внимательно. Петра Ивановича больше заинтересовал способ добычи пироксилина, а Анатолий озадачился дальнейшей судьбой пойманных грабителей, вызвав господ из жандармской команды. На мою просьбу забрать их попозже те удивились, но не возражали. А гусар Дольский долго ржал, когда я объяснил, что действительно поставил их благоустраивать отхожие места, рассказав, что копать надо отсюда и до вечера. Естественно, под охраной казаков – от них не убегут. Разве что – на тот свет.

Валерий Антонович вскоре появился, выслушал мой доклад, похвалил за проявленную инициативу, согласился с тем, что затрофеенные винтовки я оставлю в роте, и под конец выдал:

– Да, кстати об оружии, Денис Анатольевич. У вас единственного из всех офицеров отдела шашка не соответствовала. Более того, это дошло до командующего, он даже хотел поговорить с вами лично... Но ему пришлось уехать. Поэтому мне, как вашему начальнику, приказано принять меры. Пришлось даже задействовать оружейника.

Черт, да что с моим клинком-то не так? Стандартный массовый ширпотреб Златоустовского завода! Ничего же в нем не переделывал! А чего это господа офицеры так мило улыбаются во все тридцать два зуба каждый?..

Валерий Антонович тем временем достает из сейфа мою шашку и протягивает мне... Сначала ничего не понял, потом до меня начинает доходить! На «клюве» прикреплен маленький золотистый медальон, красный эмалевый крестик в ободке, над ним – изображение короны... Краповый темляк... На самой рукояти каллиграфическим почерком выгравировано: «За храбрость»... Анненское оружие! Орден Святой Анны четвертой степени!

– Господа офицеры! Подпоручик Гуров! Поздравляю вас с первым боевым орденом! – Капитан серьезен и торжествен. Зато у остальных – улыбки до ушей. – Денис Анатольевич, я уверен, что эта награда будет не единственной. И я рад, что у меня служат такие офицеры... Вручать

должен был командующий, но он – в Ставке, поэтому поручил это сделать мне в порядке исключения. С вас причитается, господин подпоручик!

– Благодарю, господин капитан!.. Валерий Антонович, как я понимаю, проверка оружия была розыгрышем?

– Ну, должны же у нас быть какие-то невинные шалости!

– Когда прикажете накрыть? – Ну, ладно, я когда-нибудь вас всех тоже разыграю. Вот тогда и попохочем.

– А давайте сегодня вечером и совершим это действие. Только в сильно урезанном составе. Весь отдел в разгоне, будут присутствующие здесь и, может быть, штабс-капитан Зайцев вернется...

Вернувшись к себе, сразу отнес Михалычу его шашку. Он, глазастый до невозможности, сразу увидел изменения, поздравил, посмеялся вместе со мной над приколами начальства, а потом новость со скоростью урагана разнеслась по казарме и все пытались ненароком подойти поближе и посмотреть на награду. Мне это вскоре надоело, и я пообещал внеочередной марш-бросок тому, кто не знает, чем себя занять. Командирский рык быстро дошел до сознания, и все сразу занялись своими делами.

На сегодня было запланировано показательное выступление перед новичками. Сначала сходили на стрельбище, где Гриня с Митяем показали, как надо стрелять из карабинов. В смысле во всех положениях, в движении, вскакивая, падая и извращаясь всеми другими изученными способами. Потом настал черед револьверов и Митяева, который не ударил в грязь лицом. Но после показа демонстративно громко попросил меня показать хотя бы «крест». Отступать было некуда, потому со своим верным наганом пошел к мишеням. С люгером было бы удобней, но за неимением гербовой пишут на простой.

– Объясняю вводную. Вы стоите с револьвером против троих вооруженных противников – по центру, справа и слева. – Показываю на мишени. – Задача – поразить всех троих и при этом остаться в живых. Чтобы было понятней... Михалыч, дай фельдфебелю и унтерам разряженные револьверы. И потом посчитаешь... Ваша задача – пытаться удержать меня на мушке и после честно вслух сказать, сколько раз это получилось. Здесь нужно учитывать, что, во-первых, противник не сможет стрелять, если на линии огня находится его товарищ, и, во-вторых, стрелку правше легче наводить оружие справа налево, а не наоборот. Ну, вы это сами попозже почувствуете. А теперь – начали!..

Выхожу на исходный. По команде Митяева «Пошел!» резко делаю кувырок вперед, луплю с колена два раза в центральную мишень, тут же с

разворотом влево падаю на спину, выстрелы в левого «противника», кувырок назад – две пули рвут правого. Поднимаю руку, встаю. Слышу голос Михалыча: «Пять секунд!» Спрашиваю у Остапца:

– Сколько раз мог попасть в меня?

– ...Ни разу... Не успевал целиться...

Унтеры всем видом показывают, что у них такая же ерунда. Обращаюсь к пограницам, стоящим с круглыми глазами:

– Вот и вы должны научиться так же. И с карабином, и с пистолетом. Понятно?..

Потом было выступление дуэта «Андрейка и пулемет». Стоя, лежа и на ходу. Полосу препятствий показывал Егорка, мелкий, гибкий и быстрый, как ящерка. А после этого инструкторы показали рукопашный бой один на один, один против двух, один против трех. И снова Михалыч, видимо преследуя какие-то свои цели, вызвал меня на «показать». Минут пять мы с ним валяли друг друга по травке, потом согласились на дружескую ничью. Ну, а после этого устроили пострелушки. Не пожалели запасов, но все пограницы отстреляли по три патрона из трех положений. Результаты были очень даже неплохие. Значит, будем оттачивать мастерство. И овладевать новыми навыками...

Глава 6

В шесть вечера, как и было определено, выбритый, вымытый и отчищенный, сидел в кабинете в узком кругу и усердно выполнял ритуал обмывания ордена. Термин «клюква» мне как-то сразу не понравился. Зато теперь у моей шашки есть имя – «Аннушка»! Через час времени и две бутылки «Гданьской вудки» под жареную говядинку мы остались вдвоем – Бойко, Дольский и виновник торжества. Разговор шел ни о чем, то есть о фронтовой жизни. Анатолий притащил откуда-то гитару, исполнил несколько романсов, потом протянул инструмент мне.

– Господин подпоручик, ваша очередь!

– Да, Денис Анатольевич, сыграйте что-нибудь ОТТУДА, – пристально глядя на меня, произносит Валерий Антонович, да еще и голосом выделяет... Вот ни... ж себе!.. Немая сцена!.. Вопросительно смотрю на капитана, он медленно утвердительно кивает в ответ. Это что, будет еще один посвященный в тайну?.. Ну-ну, вы этого сами захотели!.. Перебираю струны, думаю, что ж вам, господа, преподнести. А давайте-ка начнем с чего-нибудь бодренького, в духе времени. О, придумал! Одна из песен Булата Окуджавы была любимой строевой нашего курса в Можайке.

Отшумели песни нашего полка,
Отзвенели звонкие копыта,
Пулею пробито днище котелка,
Маркитантка юная убита.

Нас осталось мало – мы, да наша боль.
Нас – немного и врагов – немного.
Живы мы, покуда – фронтовая голь,
А погибнем – райская дорога.

Услышав первые строчки, Анатолий удивленно и немного даже ревниво смотрит на меня, мол, почему не слышал до сих пор этой песни, потом внимает, улыбаясь, даже пытается аккомпанировать, барабанивая пальцами по столу, за которым сидит. Вот что хорошая музыка с человеком делает!..

Руки – на затворе, голова в тоске,

А душа уже взлетела, вроде,
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.
Спите себе, братцы, все придет опять.
Новые родятся командиры,
Новые солдаты будут получать
Вечные казенные квартиры.
Спите себе, братцы, все вернется вновь,
Все должно в природе повториться,
И слова, и пули, и любовь, и кровь,
Времени не будет помириться.

Дольский едва дожидается, пока закончу песню:

– Денис Анатольевич, откуда этот шедевр? Никогда не слышал ничего подобного! Не откажите в любезности, потом напишите мне текст и напойте мотив! Очень вас прошу!

– Конечно, Анатолий Иванович, всенепременно! – Ага, сейчас тебе не до песен будет. Смотрю на Бойко, он еще раз кивает, подтверждая свои предыдущие слова. Ну, что ж, господин капитан, насколько я его узнал, ничего просто так не делает. «Клиент» созрел, то бишь настроился. Хорошо, что теперь петь будем? Что-нибудь белогвардейское из Жанны Бичевской?..

Все теперь против нас, будто мы креста не носили!
Словно аспиды мы бусурманской крови!
Даже места нам нет в ошалевшей от горя России!
И Господь нас не слышит – зови, не зови!

Дольский, поначалу настроенный на аналогичную песню, сжимает руками столешницу и впивается в меня горящими глазами. Ну да, это – как вместо марша Мендельсона услышать похоронный... Бойко неотрывно смотрит на меня...

Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю пониже петлиц!
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду!
И предали анафеме души убийц!..

– Что?!.. Панихиду?!.. – Анатолий вскакивает с места, стул отлетает к стене, кулаки сжаты аж до посинения.

– Анатолий Иванович!!! Возьми себя в руки! – Капитан чуть ли не силой усаживает Дольского на поднятый стул. – Дослушай до конца, потом поговорим!

Им не Бог и не Царь, им не боль и не совесть!
Все им тюрьмы долой да пожар до небес!
И судьба нам читать эту страшную повесть
В воспаленных глазах матерей да невест.
И глядят нам вослед они долго в безмолвном укор,
Как покинутый дом на дорогу из тьмы.
Отступать дальше некуда, сзади Японское море.
Здесь кончается наша Россия и мы.
В красном Питере кружится, бесится белая вьюга,
Белый иней на стенах московских церквей!
В сером небе ни радости нет, ни испуга,
Только скорбь Божьей Матери по России моей...

– Что это?! О ком эта песня?! – Дольский, будто задыхаясь, рвет воротник кителя так, что пуговица чудом остается на месте, затем снова вскакивает со стула. – Вашу ...!!!!.. Японское море!.. Про кого ты пел, Денис?!

Валерий Антонович наливает полный стакан, силой впихивает ему в руку.

– Выпей! – Фраза звучит как приказ. Капитан дожидается, пока водка не исчезнет в поручике, закуривает, предлагает нам сделать то же самое. – Сейчас разговаривать будем!

– Господа, объяснитесь! Что все это значит?

– А это значит, поручик Дольский, что сейчас будет серьезный разговор. Так что приведи мысли и чувства в порядок и выслушай подпоручика Гурова. Он тебе расскажет невероятную историю.

Ну, что ж, начинаем по новой. Я скоро свою исповедь на бумаге напишу и издам крупным тиражом, чтобы язык не мозолить.

– Я – Жуков Денис Анатольевич, 1977 года рождения. Старший лейтенант Военно-космических сил Российской Федерации...

По ходу моего рассказа Анатоль быстро трезвеет и немного успокаивается, только дрожащая в руке папироса выдает его взвинченное состояние. Когда я заканчиваю свою очень краткую историю, он затягивается аж до гильзы, мнет окурок в пепельнице и очень внимательно смотрит сначала на Бойко, потом на меня.

– Судя по серьезному выражению лица господина капитана – это не розыгрыш... Значит – правда. Я, признаться, задумывался иногда над вашим, Денис Анатольевич, поведением. Но относил все странности за счет особенностей характера и контузии. М-да-с... Картину вы описали ужасную... Неужели Россия-матушка до такого докатиться может? Не могу поверить. Точнее, верю, но принять не могу... И что теперь прикажете делать?

Анатоль тянется за очередной папиросой, Валерий Антонович подходит к двери, открыв ее, осматривает коридор. Затем возвращается на свое место.

– Анатоль, ты вправе задавать любые вопросы. Но сначала подумай, хочешь ли ты услышать ответы на них именно сегодня. И еще, я слышу эту историю не впервые, но до конца поверил только сейчас. Можно выдумать легенду, подтасовать факты, но придумать песни – это невозможно для одного человека.

– Да, черт возьми, у меня очень много вопросов к Денису... Анатольевичу!.. Вы назвали эту песню белоэмигрантской... Белое движение – это, по-вашему, стремление российского офицерского корпуса восстановить статус-кво в стране... Если вы – посланник... Посланец...

– Попаданец, блин!

– Да... попаданец из будущего, то должны знать и какие-то песни этих... как их... большевиков! Можете исполнить?

– Да, пожалуйста! – Срочно вспоминаем «Собачье сердце» и куплеты Шарикова:

Эх, яблочко
Да с голубикою,
Подходи, буржуй,
Глазик выколю!
Глазик выколю,
Другой останется,
Чтоб видал, г...но,
Кому кланяться!

Нравится? Ага, аж желваки по скулам гуляют... А есть и другое...

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон!
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее...

А есть еще гимн, называется – «Интернационал»:

Вставай, проклятием залеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

– Гимн рабов!..

– Если так рассуждать, Анатолий Иванович, то перед вами – правнук тех рабов. И что, чем я отличаюсь от других? Может, вы укажете мне, как рабу и быдлу, мое место?..

Дольский замирает с открытым ртом. Вот так! Клинышки клином вышибают. А то, что-то он слишком эмоционален. Пусть охолонет.

– Анатолий, прекрати истерить! То, что ты – потомственный дворянин и кадровый офицер, не дает тебе права так себя вести! – Валерий Антонович вновь усаживает поручика на место и наливает еще один стакан «успокоительного». Потом поворачивается ко мне. – Денис Анатольевич, вы к нам не присоединитесь?..

Глава 7

Следующий день был богат на события. Три из них были приятными. Во-первых, как и обещал, съездил в 53-й Сибирский полк к Семену и его артели. Приказ из штаба армии и отеческое наставление полкового священника отца Федора, которому до этого передал письмо от благочинного отца Александра, сделали свое дело. Теперь у меня еще и пятеро сибиряков, целое снайперское отделение. Правда, ствол с оптикой только один, но это – пока. Зато есть еще «глухой» штуцер Жирардини, который уже привели в боевое состояние и даже пристреляли.

Во-вторых, «племяшка» Ганна принята на военную службу в качестве вольнонаемного кашевара пограничной сотни. С принятием присяги, зачислением в штат, выдачей обмундирования и головной болью – как её научить разговаривать нормальным армейским языком. Пока что вместо «Так точно» и «Никак нет» – одни «Ага» и «Не-а». Федора, что ли, попросить? Я эту сладкую парочку частенько по вечерам вместе вижу. Вот пусть заодно он будущую жену и поучит. Еще одна проблема заключалась в опасности для всех заработать косоглазие после того, как девушка переделалась в гимнастерку и галифе с обмотками. Переделалась, правда, с трудом – стеснялась надеть на себя штаны. Только отеческое внушение отца Александра и помогло. В том смысле, что если уж воинство от постов освобождается в войну, то одинаковую форму носить сам Господь велел. А я сам себя ловил на том, что как только вижу стройную фигурку в форме, непроизвольно вспоминается знаменитое кутузовское «Корнет, вы – женщина?» в исполнении Ильинского.

В-третьих, прибыли обещанные вольноопределяющиеся из студентов. Два горняка и один химик. Они сейчас устраиваются в казарме и, надеюсь, знакомятся с остальными. А я пока следую на беседу к начальству, о которой договорились вчера вечером. Дольский под конец «концерта» почти успокоился и стал вполне адекватным. А Валерий Антонович в приказном порядке попросил нас сегодня к шести вечера прибыть для важного разговора. Вот и тороплюсь, чтобы не опоздать.

Перед штабом меня перехватывает Анатолий Иванович и сразу берет быка за рога.

– Добрый вечер, Денис Анатольевич, не торопитесь, начальство еще не вернулось с совещания... Господин подпоручик, приношу свои извинения, если мои вчерашние слова показались вам обидными и оскорбительными.

Право слово, абсолютно ничего против вас не имею, просто события прошлого вечера выбили из колеи.

– Анатолий Иванович, и в мыслях не имел обижаться. Потому как не за что. Если бы мне такое сообщили, даже не представляю, как бы себя повел.

– ...Тогда у меня есть предложение – перейти на «ты», хоть и не пили брудершафт.

– Согласен. А насчет брудершафта – еще успеем...

Валерий Антонович собрал нас в пустом кабинете, предупредил, что разговор будет очень секретным и, возможно, долгим.

– Я планировал рассказать тебе, Анатоль, все немного позже, но появились форс-мажорные обстоятельства, поэтому необходимо поговорить начистоту и каждому из нас принять определенное решение... Ты уже представил картину, что ждет нас в будущем. Денис Анатольевич расписал все красочно. Но сейчас у меня к этой картине маленький штришок. Когда я был в штабе фронта, имел интересную беседу с бывшими коллегами по Академии. Разговор велся намеками, но... Во-первых, почти достоверно известно, что царь снимет Ник Ника с поста верховного, а во-вторых, мне дали недвусмысленно понять, что скоро, возможно, придется делать выбор между двумя императорами... Николаем II Александровичем и Николаем III Николаевичем. И происходить это будет, скорее всего, когда император приедет в Ставку. За него будет только лейб-конвой, а за великого князя... Я так думаю, он сможет собрать в Ставке куда больше своих сторонников.

Ага, а там и до удара табакеркой в висок недалеко. Будут еще одни геморрагические колики... Охренеть! Вот так новости!.. Мало нам немцев, так еще и между собой драться начнем на два года раньше! А, собственно, в чем проблема? На чьей стороне подпоручик Гуров? Так это не вопрос – на стороне России. Да и коней на переправе не меняют... А что это все на меня так смотрят?

– Господа, если вас интересуют мои пристрастия, то отвечаю честно: из двух зол выбирают наименьшее. Я – за Россию с ныне здравствующим императором.

Валерий Антонович кивает в знак того, что ответ принимается, затем поворачивается к Дольскому:

– Поручик?

– Господин капитан, я еще по выпуску из Николаевского кавалерийского училища присягал императору, – Анатоль машинально притрагивается к училищному значку, золотому имперскому орлу с

орденом Андрея Первозванного на кителе, – поэтому считаю вопрос излишним.

– Ну, что ж, я – тоже за императора Николая Александровича... Тогда возникает вопрос: что мы можем сделать в этой ситуации? И можем ли вообще? Меня выспрашивал насчет двух императоров полковник Генерального штаба. Учились вместе, вот он по старой дружбе и решил узнать настроения офицеров второй армии. Служит он сам в штабе фронта, а куда от него ниточки тянутся, я даже не берусь предположить. Может быть, и к самому великому князю. Неравные весовые категории получаются. Вариант с предупреждением царя считаю неверным. Нам просто никто не поверит, даже если письмо и дойдет до адресата... Я просмотрю еще раз стенограммы, которые вы, Денис Анатольевич, от графа привезли. Может быть, там кто-нибудь проявится по этому вопросу по старой памяти. Тогда хоть будет, за что зацепиться.

– Что мы имеем в плюсе? – Дольский начинает рассуждать вслух. – Три офицера разведотдела армии и, возможно, пара десятков казаков Дениса Анатольевича. Да и тем надо умудриться объяснить ситуацию так, чтобы сомнений не было. А с той стороны – сторонники Ник Ника, и я думаю, их поболее нас будет. Тем более, мы не знаем, кто они...

Так, думай, Денис, думай! Черт, грохнуть великого князя для остротки, что ли?.. Типа, нет человека – нет проблемы. Стоп!.. А вот грохать никого не надо! Достаточно напугать до мокрых подштанников. И не самого Ник Ника, а... хотя бы того самого полковника. А там пойдет цепная реакция.

– Валерий Антонович, кажется, я знаю, что делать. Своих казаков я смогу убедить. Двадцать человек, шестнадцать пулеметов, маузер с оптикой, – если все это правильно и, главное, вовремя расставить в Ставке... У противника шансов не остается. В любом случае, прикрыть императора и дать ему уйти мы сможем. И сами уйдем. Нам только нужно быть там заблаговременно и, желательно, иметь под рукой пару автомобилей... И вот еще, я должен быть уверен в том, что ваш полковник – действительно человек великого князя. Если это так, то прямо сейчас мне нужны его фамилия, один человек в помощь и липовая командировка на два-три дня куда-нибудь подальше от штаба фронта.

– Что вы задумали, Денис Анатольевич?

– Господин капитан, вам известно латинское изречение «Praemonitus praemunitus» – «Предупрежден – значит вооружен»? Я хочу устроить маленький спектакль для одного зрителя под этим девизом...

Перед убытием в командировку я взял в нашей оружейке немецкую

гранату-«шарик», потом нашел Платона, чьи навыки резчика получили известность и потому в данный момент вырезавшего для поручика Дольского шахматы в качестве мастер-класса, и поручил ему срочную и очень важную работу...

* * *

Полковник Шубин возвращался на квартиру в прекраснейшем расположении духа. Помимо удачно складывающихся личных дел, не имеющих особо отношения к службе, но приносящих определенный доход, ему удалось найти для своего «суверена» еще нескольких офицеров, согласившихся на некоторые действия, которые в случае удачного завершения, могли открыть перед ними очень радужные перспективы. На фразу дежурного по штабу о том, что его спрашивал какой-то подпоручик, полковник не обратил внимания. Мало ли обер-офицеров крутится в Ставке. Будучи полностью погруженным в свои мысли, он потянул на себя ручку двери в свою комнату...

Натянутая бечевка сдернула немецкую Kugelhandgranate13 с вешалки у входа, ребристый «мячик» полетел вниз, у самого пола своей тяжестью выдернул терку из собственного запала, и в сторону внезапно остолбеневшего полковника вырвался небольшой факел. Ухнули куда-то в пустоту приятные мысли о будущей карьере. Граница между жизнью и смертью была заключена в маленькой латунной трубочке, внутри которой догорала пороховая мякоть... Секунды неторопливо текли мимо, шипение пламени прекратилось, а граната всё не взрывалась. Каким-то подсознательным чувством полковник понял, что ничего больше не будет, но унять зашедшееся сердце и сдвинуть с места непослушные ноги смог далеко не сразу...

Вот уже полчаса он сидел возле стола и бездумно смотрел на лежащую перед ним выкрашенную черным деревянную колобашку, которой неизвестный умелец смог талантливо придать форму гранаты, и запечатанный конверт с именем адресата, который так и не решался взять в дрожащие руки...

На следующий день полковник был в кабинете верховного. Высоченный худющий генерал от кавалерии, похожий на Дон Кихота своими усами и бородкой, и его «Санчо Панса» молча смотрели на лежащий перед ними лист бумаги с отпечатанной на пишущей машинке единственной фразой: «Полковник, боевых гранат хватит и на тебя, и на

других заговорщиков вне зависимости от ранга. Молись почаще: ...и не введи нас во искушение, но избави нас от Лукавого!»

Из командировки я вернулся вовремя. Доложился по команде, рассказал подробности. Валерий Антонович в свою очередь поведал, что договорился с «нужными людьми», которые смогут сообщить за сутки о прибытии интересующей персоны. Потом, видя наше с Дольским удивление, пояснил, что агентов в высших сферах у него нет, просто за сутки до приезда Ставку по телеграфу должны уведомить об увеличении количества едоков. И теперь – не только тыловиков, но и разведотдел 2-й армии. Теперь оставалось только ждать дальнейшего развития событий...

Интерлюдия. Гауптман

В небольшом ресторанчике «Фатерланд» на Унтер-ден-Линден было немногочленно, если учесть, что в столь раннее время все честные немцы должны быть на своих рабочих местах и трудиться во имя доброго кайзера Вильгельма II и скорейшей победы Германии в этой войне, тем более что все мужчины Германии давно были приучены к трем мужским буквам К – «Кайзер, Кригс, Канонен» в отличие от четырех женских – «Киндер, Кирхен, Кюхен, Клейдер». Род фон Штайнбергов не являлся исключением, исправно поставлял для службы Родине образцовых офицеров... До недавнего времени.

Механическое пианино «Вурлитцер», стоявшее в углу, меланхолично наигрывало «Ах, мой милый Августин», что как нельзя лучше соответствовало ходу мыслей одиноко сидящего гауптмана. Как только мелодия заканчивалась, офицер поднимался из-за стола и запускал песенку заново, бросая монетку в щель и нажимая нужную клавишу, а затем возвращался на место. Официант, вот уже несколько дней обслуживавший мрачного посетителя, наряду с немногочисленными завсегдатаями, старался не обращать внимания на эти причуды. В конце концов, если германский офицер что-то делает, то, значит, так и должно быть.

Генрих фон Штайнберг поставил коньячную рюмку на стол и угрюмо посмотрел на четыре уже пустые, стоявшие перед ним ровной шеренгой, как солдаты на плацу. Гауптман саркастически усмехнулся. Еще пару недель назад он командовал авиаотрядом, летал на своей «птичке» над бескрайними русскими просторами, если, конечно, Польшу можно считать русской. Были рутинные разведывательные вылеты, были бомбежки русских окопов и немногочисленные, но ожесточенные схватки с русскими

авиаторами. Вот именно – были!.. А теперь благодаря ветреной девке Фортуне он, потомок древнего рода, вынужден маяться в неведении в «Эксельсиоре», известном «джентльменскими вечерами» кайзера Вильгельма и ждать решения своей дальнейшей судьбы штабными крысами из Военного министерства. Про столь любимую авиацию можно теперь забыть навсегда. Может статься, сделают командиром пехотной роты, и он будет вкушать все прелести окопного быта наряду с солдатами. Причем это – еще не самый худший вариант. Ему уже несколько раз намекали, что возможно такое назначение, после которого выход только один – пуля в висок из собственного пистолета. Им всем нужен козел отпущения из-за истории с оберст-лётантом. И он, гауптман фон Штайнберг, для этого как нельзя лучше подходит. Приятельски беседовал с противником, был отпущен на свободу. А то, что спас техников и пилотов, кроме отравившихся по собственной глупости, – об этом никто не хочет вспоминать... Марки тают очень быстро. Но все-таки их должно хватить, чтобы продержаться до конца. До любого конца... И все из-за того проклятого русского лётанта с его казаками, возникших ниоткуда в ночной тьме, как черти из преисподней. Как им это удалось, он до сих пор не может понять, хоть и неоднократно расспрашивал всех оставшихся в живых.

Гауптман поднял руку и щелкнул пальцами, подзывая официанта с очередной полной рюмкой. Тот, изучивший за несколько дней пристрастия молчаливого угрюмого офицера, поспешил к столику с подносыком в руках. Пригубив очередную порцию коньяка, фон Штайнберг еще раз пересчитал рюмки, стоявшие на столе. Шесть, включая только что принесенную. Дьявольское число. Три шестерки – число Зверя по Библии... Вот и он выпьет три раза по шесть рюмок, чтобы забыться, и побредет в гостиницу, желая уснуть и вычеркнуть из жизни очередной день, не принесший никакой ясности и определенности.

Фон Штайнберг обвел оловянным взглядом зал ресторана. За соседним столиком сидели двое господ, по внешнему виду похожих на банковских служащих и о чем-то негромко переговаривавшихся. Еще один стол занимала какая-то парочка, мужская половина которой, по-видимому, сгорала от нетерпения, а женская старалась как можно дольше продлить удовольствие и намекала на необходимость повторения заказа. Никто не обращал внимания на офицера, погруженного в свои мысли и неторопливо тянущего коньяк, уткнувшись взглядом в ряд рюмок... В следующий момент Фортуна еще раз доказала свою изменчивость.

– Вы позволите, герр офицер? – раздался над ухом негромкий голос.

Штайнберг недовольно поднял глаза на вопрошавшего. Рядом стоял один из банковских клерков с соседнего столика. Не дожидаясь разрешения, мужчина уселся на стул.

– Что вам надо? – раздраженно буркнул гауптман, поняв, что день все же пойдет не так, как он запланировал.

– Совершенный пустяк. Мне интересно, насколько глубоко барон Генрих фон Штайнберг погрузился в отчаяние и как долго он собирается заливать его коньяком.

Гауптман хотел уже было вспылить, но тут до него дошло, что незнакомцу просто неоткуда знать его имя.

– Кто вы такой? Откуда знаете, как меня зовут?

– Нам известно очень многое о вас, герр гауптман. Но я озвучу лишь то, что в данный момент имеет значение. Если мой рассказ покажется вам неинтересным, я тут же откланяюсь. Если же нет, я представлюсь и мы сможем продолжить разговор... Итак... Гауптман Генрих фон Штайнберг, до недавнего времени командовавший авиаотрядом, приданным третьему резервному корпусу. Отличный командир, грамотный в военном и техническом отношении. Храбрый пилот. Имеет одну личную победу в воздушном бою... Во время передислокации отряд уничтожен русскими казаками. Точнее, уничтожены аэропланы и вся техника. Личный состав за исключением нескольких человек, погибших при нападении, отпущен во главе со своим командиром на свободу. Как утверждает один из очевидцев, гауптман фон Штайнберг при этом довольно мило беседовал с командиром русских. Кстати, вы не вспомните его имя?

– Если вы интересуетесь русским офицером, то его зовут... Деннис Гурофф, лейтенант Российской армии. Очевидца же зовут Ганс Обермайер, он служит водителем при штабе корпуса. Лысiec, подхалим и сволочь! И, черт возьми, русский офицер вел себя не в пример честней и благородней, чем эта лакейская свинья... А откуда, собственно, вам все это известно?

– Извините, герр гауптман, я все же продолжу сначала свой рассказ, тем более что он уже подходит к концу. После служебного расследования вы отстранены от должности и направлены в распоряжение Генерального штаба. Находитесь в Берлине вот уже неделю, постоянно бываете в этом ресторанчике, где и пытаетесь уничтожить запасы коньяка в Фатерлянде. Я прав? Разговор вам интересен?

– Да кто вы такой, черт подери?! Откуда все знаете?

– Дело в том, что вы заинтересовали своим рапортом о случившемся нашу организацию. Именно поэтому я сейчас с вами разговариваю. Если уж вам так интересно, я – майор Хельмут фон Тельхейм, представляю

отдел III-b Генерального штаба.

– А, господа шпионы! Хотите меня завербовать?

– Не шпионы, гауптман, а разведчики. Граф, в имени которого был уничтожен ваш отряд, являлся шпионом, потому что был гражданским лицом и, невзирая на напыщенные речи о своем служении Рейху, деньги брал исправно и даже с жадностью. И должен сказать – не только у нас. То, что его пристрелили русские, вполне закономерно, они просто несколько опередили события. Рано или поздно это пришлось бы сделать нам... В какой-то мере они свершили благое дело, прикончив его, потому что негодяям верить нельзя... Я хочу, чтобы вы поняли – у вас два варианта. Первый: вы отказываетесь от сотрудничества и уже завтра получаете назначение командиром роты на фронт. И второй: вы принимаете наше предложение и работаете в разведке. Тем более что вы это уже делали со своими авиаторами. Поймите, Генрих, помимо явной войны с пушками, солдатами, окопами идет еще и тайная война, которая по ожесточенности не уступает первой. Разве не долг каждого честного немца служить Фатерлянду? На том месте, где он может принести наибольшую пользу. Вы в училище изучали историю. Скажите мне, пожалуйста, могли бы наши генералы так быстро победить лягушатников и промаршировать по Парижу, если бы не разведка Вилли Штибера, которая могла сообщить все вплоть до того, какой кофе заваривают на завтрак солдаты противника. Кстати, во время русско-японской войны эту функцию выполняли самураи древних родов, а иные – в генеральском звании, отнюдь не считая это занятие недостойным. В Порт-Артуре, например, подрядчиком по очистке нечистот был помощник начальника штаба осадной третьей японской армии. Его частые поездки по городу под видом китайца, сидящего на бочке для нечистот, оказались чрезвычайно полезными для генерала Ноги...

Подумайте о нашем предложении. Хотя я по вашим глазам вижу, что вы почти согласились. Завтра в девять часов в гостиницу за вами зайдет вот этот молодой человек. – «Клерк» кивает на соседний столик. – Он сопроводит вас для дальнейшей беседы... Кстати, может быть, говорю это преждевременно, но я привык доверять интуиции. Вы ведь жаждете реванша с тем лейтенантом Гуроффым? Поиск его и будет вашим первым заданием... И – дружеский совет, гауптман: не злоупотребляйте коньяком. Спиртное вредно пилоту, а вам, возможно, еще придется летать и немало...

Глава 8

Нервное напряжение, в котором оба доктора находились последние часы, сменилось закономерной апатией. Практически весь путь домой они продремали под негромкий мерный цокот копыт, а, уж добравшись до обволакивающей неги диванов, отдали достойную дань объятиям Морфея. Тем более что домработница ещё накануне была награждена внеплановым выходным, и друзья были избавлены и от ее сердобольных охов и ахов, и от допроса с пристрастием на правах домоправительницы со стажем. Проснулись они почти одновременно благодаря бодрящей свежести, которая являлась следствием непротопленной печи, и смутной мысли о некоем обязательстве, выданном на сей вечер. Часы неспешно с достоинством отбили шесть ударов, и одновременно с последним раздался звонок в дверь.

«Ротмистр!» – именно эта мысль в сочетании с некими, не совсем лицеприятными комментариями по поводу собственной забывчивости, пронзила мозги обоих эскулапов и подстегнула к немедленному действию.

Михаил Николаевич, словно перейдя в славное пролетарское сословие истопников, лихорадочно попытался реанимировать печь, а Бартонд, натянув тужурку на мятую рубашку, с красными от смущения щеками направился к двери.

Надо отдать должное ротмистру, едва зайдя в комнату, он мгновенно оценил несколько натянутую атмосферу и с ловкостью профессионального психолога мгновенно её разрядил.

– Михаил Николаевич, позвольте вам помочь. Разжигать печь – это моё любимое занятие ещё с детства. Помнится, маменька, наказывая за шалости меня или младшую сестру, лишала кого-то из нас этого почетного права.

Мягко, но настойчиво он оттеснил доктора от заупрямившейся печки, он как-то по-особому переложил поленца, щелкнул зажигалкой, и через несколько минут языки огня заплясали, словно подраживая неудавшегося Прометея. Повернувшись к Михаилу Николаевичу, ротмистр поразил собеседника выражением лица. Оно было по-детски беззащитным, в уголках глаз что-то блестело. Желая проверить неожиданно пронзившую его мысль, доктор спросил:

– А ваша сестра, она, скорее всего, уже замужем и, вероятно, сама учит детей этому хитрому искусству?

– ...Увы, нет. Она, а точнее они... В общем, пока я рубился с японцами... Революция, бунты. Дома сгорали порой отнюдь не пустые... Собственно, поэтому я и перешел в Корпус, и буду служить и драться пока... Пока не воздастся по грехам их... Но полноте, господа, довольно о прошлом.

В комнате между тем стало теплее, и Петр Всеславович, с разрешения хозяина, расстегнул пиджак и снял галстук.

– Николай Петрович, прошу меня простить, но я позволил себе прийти не с пустыми руками. – Из небольшой плетеной корзины с крышкой ротмистр извлек пару бутылок «Ай-Даниль» Пино Гри, пакет с фруктовыми пирогами и сыром. Хозяину ничего не оставалось, как мысленно проклиная несвойственную ему забывчивость, направится к буфету за необходимой сервировкой. По предложению ротмистра кресла были передвинуты поближе к печке, на невысоком столике возле блюда с пирогами и сыром в отсветах огня темно-янтарным цветом переливалось вино в хрустальных бокалах, тонкий аромат айвы, гречишного меда и пряной гвоздики радовал обоняние.

– Вы, помните господа, слова Пушкина, – нарушил затянувшиеся молчание ротмистр.

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель...

Еще будучи юнкерами, мы с друзьями любили их напевать на манер гусарского романса, вот так же возле огня...

Где до утра слово «пей!»
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Но я обещал кое-что рассказать и поэтому не смею долго испытывать ваше терпение. – Ротмистр сделал небольшой глоток вина. – Замечательный букет, 1880 год. Он для меня символичен тем, что спустя несколько месяцев был подло убит государь-освободитель Александр

Николаевич и на его тризне родилась Священная дружина. По вашим лицам, господа, я вижу, что это название вам мало что говорит. А вот мой отец, служивший под началом генерала Фадеева, успел мне многое поведать об этих замечательных людях и о той святой цели, которой они служили. Увы, это движение, поставившее перед собой задачу борьбы с революционным террором, было распущено крепко державшим штурвал Руси императором Александром Третьим. Теперь на престоле Николай Александрович, а у гидры террора, подобно ее мифической тезке, выросли новые, еще более ядовитые и смертоносные головы. И, боюсь, что, обладая император даже силой Геракла, ему не одолеть ее в одиночку. Тем более что он, увы, не может похвастаться теми талантами, которые были у его венценосного прадеда и отца – Николая Павловича и Александра Александровича. Эти люди сумели победить самого страшного врага – внутреннего, обуздать придворную камарилью, всех этих Романовых в энном колене, уверовавших, что кровь далекого общего предка дает им индульгенцию от всего и право на всё. И, главное, зачастую они являются яркими германо– или англофилами. Последнее, пожалуй, страшнее всего.

– Простите, Петр Всеславович, но англичане же – наши друзья и союзники, и мы вместе противостоям тевтонам, – возразил Бартонд.

– Ах, доктор, доктор. – Укоризненно покачал головой ротмистр. – Запомняли вы, что писал вышеупомянутый Александр Сергеевич: «Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, Боже!» Мне гораздо менее отвратительны тевтоны, хотя бы тем, что они не скрывают своей враждебности, а островитяне... Если вспомнить историю всех российских смут, то практически всегда найдутся ниточки, тянущиеся на Остров. Для этих джентльменов мы все – от последнего трубочиста и до академика или генерала – не люди, а дикари, которые имеют наглость жить в такой богатой стране. Мой дед бился с горцами на Кавказе, отец сражался в Средней Азии, и везде были английские деньги, английское оружие, английские инструкторы. Да и за японцами маячили Сити и Роял-Неви. Где и на чьи деньги печатал свои издания господин Герцен? Кто стоял за декабристами, в планах которых было убийство всей правящей царской семьи? С легкой руки Пушкина мы привыкли идеализировать этих господ. Да простят меня боги Парнаса, но:

И так, декабрь, Сенатский плац
На нем – квадратом батальоны.
В гимназии учили нас:
Что поднялись они в ответ на стоны,

На стоны угнетенных крепостных,
В ярмо закованных кровавым Николаем.
Но так ли уж чисты деянья их?
А может, мы не все об этом знаем?..

Время бежало незаметно. Оба доктора заворуженно слушали ротмистра, который периодически подкладывая полешки в печь, говорил, говорил... Это был не похожий ни на что монолог, лишь изредка перебиваемый вопросом или возгласом несогласия. Впрочем, с каждым сказанным словом этих возгласов становилось все меньше. В этой не то лекции, не то исповеди перемешались и дела давно минувших дней, и то, о чем писали совсем недавно газеты, или перешептывались обыватели – многовековая ложь от кровавого маньяка на троне и убийцы собственного сына, до пригревших Герцена и поздних марксистов английских банкиров, до сих пор щедро отпускающих фунты на развал России, и британских адмиралов, поспособствовавших прорыву Гебена и Бреслау в Черное море, поближе к российским рубежам, нанеся этим сильнейший удар по ее торговле.

– Все, что Россия покупает за золото у так называемых «союзников», друзья мои, все, к чему имели отношение британцы, оказывается никуда не годным, – с горечью продолжил ротмистр, – к нам относятся так, как будто мы попрошайки, стоящие с протянутой рукой. Условия зачастую кабальные или просто унижительные. И это не моё мнение, а заключение профессора Бахметьева. Борис Александрович считает, что это не ошибки или разгильдяйство, а целенаправленная подрывная деятельность, способствующая ослаблению Российской империи и уничтожению её армии... – Видимо, высказав наболевшие, ротмистр замолчал и несколько минут просто смотрел на огонь.

Николай Петрович, никогда не отличавшийся флегматичностью, прервал затянувшуюся паузу извечным русским вопросом, прозвучавшим как вскрик:

– Петр Всеславович, так что же делать?! Просто сидеть и ждать неизбежного? Или все-таки как-то можно с этим бороться?

– Это зависит от того, какую цель вы перед собой ставите. – Усмехнулся ротмистр. – На этот вопрос в разное время пытались давать ответ и известный вам господин Чернышевский, и более знакомый нам присяжный поверенный Ульянов. Надеюсь, что всем здесь

присутствующим не по пути с этими оракулами?.. Нет? Отлично. Тогда нам предстоит тяжелая, опасная и, скажу сразу, неблагодарная работа. Представьте себе, что чистящий Авгиевы конюшни Геракл был бы вынужден отбиваться одновременно от Стимфальских птиц и Эриманфского вепря... Но вы, господа, уже вступили на этот путь. Ваша отповедь, Михаил Николаевич, данная на съезде противникам России, – это ваш первый выстрел по врагу. Но в одиночку победить невозможно...

Есть патриоты, господа, начавшие возрождение Священной дружины, и ваш покорный слуга имеет честь в ней состоять. Только мы не должны повторять ошибок прошлого. В этой когорте должны быть лучшие сыны Отечества, невзирая на сословную принадлежность, возраст и вероисповедание. Мы должны подняться над предубеждениями, вернуться к тем основам, на которых Минин и Пожарский возрождали Россию. И я рад, господа, что могу сообщить вам, что академик Павлов – один из нас. Но мы не должны стать некой сектой, таким орденом иезуитов на российский манер. Иван Петрович как-то сказал, что мы должны сохранить холодные головы, горячие сердца и чистые руки. Я не знаю, кому принадлежат эти слова, но именно так действовал генерал Бенкендорф, чей портрет висит в моем кабинете. Александр Христофорович всю жизнь хранил чистый платок, подаренный ему императором Николаем I со словами: «Вот тебе все инструкции. Чем более отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!» У каждого из нас, кто хочет принести реальную помощь стране, должен быть такой «платок»...

Настенные часы, купленные, наверное, еще отцом Николая Петровича, начали отбивать очередной час. И с каждым ударом становилось понятно, что сегодняшний вечер приблизился к завершению.

– Благодарю покорно, господа, за приятно проведенный вечер. – Ротмистр тоже это понял. – Прошу извинить, время уже позднее, и я вынужден откланяться.

– Петр Всеславович, бога ради, останьтесь! Мы ведь только начали беседу. Да и Михаил Николаевич только на два дня сумел вырваться! – Было заметно, что Бартонду до смерти не хотелось отпускать гостя.

– Прошу еще раз простить, время уже позднее, сегодняшний день и так преподнес вам слишком много впечатлений. Если же захотите продолжить разговор, завтра я вас навещу. Честь имею, господа!..

После ухода ротмистра два доктора еще долго обсуждали рассказанное гостем и строили различные версии того, что произойдет или может произойти в ближайшем будущем и с ними, и с империей в целом.

Утром Михаил Николаевич прибыл в Московское управление РОККа, чтобы сдать документы по госпиталю и получить новое назначение. Молодой чиновник, принимавший бумаги, остановился взглядом на фамилии доктора, потом сверился с каким-то списком, лежавшим на столе, после чего произнес:

– Вам, милостивый государь, для получения новой вакансии придется обождать пару дней. Да, для вас тут оставлено письмо, будьте любезны забрать.

Доктор с недоумением посмотрел на конверт и, не найдя подписи отправителя, вскрыл его и достал небольшой листок бумаги, на котором было написано торопливым почерком:

*«Уважаемый Михаил Николаевич!
Не откажите в любезности еще раз побеседовать со мной и
Петром Всеславовичем!
Павлов».*

Михаилу Николаевичу хотелось не спеша, обстоятельно проанализировать события последних часов, а посему он немедленно отправился на квартиру к Бартонду, запасные ключи от которой ему вручил накануне предусмотрительный хозяин. Прибыв на место, доктор собственноручно заварил в объемистом фарфоровом чайнике ароматный напиток, прихватил связку баранок и занял место за письменным столом. В списке неотложных дел, который он набросал на листе бумаги, на первом месте стояло – немедленно связаться с капитаном Бойко и Гуровым. Но долго заниматься планированием ему не дал Николай Петрович, который, не раздеваясь, вбежал в комнату, потрясая каким-то конвертом, и, едва отдышавшись, почти прокричал своему другу:

– Миша, может, ты объяснишь, что значит сия бумага?

На бланке университета было начертано предписание, в соответствии с которым приват-доцент Николай Петрович Бартонд откомандировывался в распоряжение верховного начальника санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерала от инфантерии его высочества принца Ольденбургского.

– Не торопись, Николай, сейчас разберемся, а пока попей чайку.

В самый разгар чаепития в дверь позвонили, а через мгновение на

пороге появилась фигура ротмистра Воронцова.

– Господа, прошу меня простить за столь бесцеремонное вторжение, но дверь была не заперта. Я к вам с новостями от академика Павлова.

– Подождите, с новостями, уважаемый Петр Всеславович. Возможно, вы сможете объяснить столь неожиданные изменения в моей судьбе? – С этими словами Бартонд передал ротмистру предписание.

– Успокойтесь господа, как раз об этом я и хотел с вами переговорить. Кстати, Николай Петрович, вы не один, кто получил подобный приказ. Ваш покорный слуга, по согласованию с товарищем министра внутренних дел, командующим отдельным корпусом жандармов, свиты его величества генерал-майора Джунковского также откомандирован в распоряжение принца Ольденбургского. Да и вы, Михаил Николаевич, по моим данным получите аналогичный документ. А сейчас, господа, у нас просто нет времени на разговоры. Я взял на себя приятную обязанность передать вам письменное приглашение его высочества прибыть на церемонию награждения «За полезные обществу труды», которая состоится в четыре часа пополудни во дворце генерал-губернатора. Я, как уже видите, в парадном мундире, а вам предстоит примерка подходящего сему случаю костюма. – Ротмистр крикнул по направлению к двери. – Егор, заноси!

В комнату вошел молодой унтер, сжимающий в каждой руке вешалку с фракком. Ошеломленные врачи быстро переоделись. К их неимоверному удивлению, костюмы подошли идеально, что не могло не вызвать общий вопрос к ротмистру, который доктора произнесли практически хором:

– Петр Вячеславович, но как и когда вы сумели?!..

Ротмистр был явно доволен тем, что сюрприз удался, пообещал все подробно объяснить попозже и в заключение произнес:

– Академик Павлов, попав в аналогичную ситуацию, рассмеялся и сказал мне: «В тайной канцелярии есть всё!» И я с ним полностью согласен. В путь, господа, автомобиль ждет.

Поездка заняла минут пятнадцать, и за это время Петр Всеславович лаконично рассказал о предыстории сего события.

– Скажу вам по секрету, господа, что среди весьма обширного списка награжденных есть бесспорный фаворит. И решение посетить Москву и лично вручить ему орден Святой Анны третьей степени, подвигло его высочество принца Ольденбургского несколько изменить график своих переездов. Но это того стоит. То, что сделал сей достойный негодичник, так или иначе, повлияет на судьбы сотен людей. И мы с вами, господа, в их числе. А дело было так: в начале апреля, в Петроград приехал из Сибири один из купцов Сычовых. Из старообрядцев, в летах, хотя иного молодого

за пояс заткнет. Состояние богатейшее, а единственный наследник, юноша двадцати годов, подхватил пневмонию. Отец всех светил медицинских созвал, в пояс кланялся, золотом осыпал, а сыну все хуже. А тут как раз академик Павлов к профессору Ижевскому приехал, новый генератор электромагнитный привез. Так Сычов-старший, не поверите, в полночь в гостиницу к Ивану Петровичу прорвался. Я как раз соседний номер занимал и все сам слышал. Дверь буквально с петель снес, на колени упал, плачет и просит сына спасти. Обещал половину капитала отписать.

– И что академик? – заинтересованно спросил Михаил Николаевич. – К нам на передовую лишь слухи доходили да статьи газетные. Иные щелкоперы имели наглость писать, что, мол, Нобелевский лауреат заработать на горе чужом решил, златому тельцу поддался. А излечив больного, куш урвал, не побрезговав.

– То, что юношу с того света вытащили, – это святая правда. А насчет злата... Когда Сычов со стряпчим приехал, дабы слово купеческое исполнить и половину имущества на Ивана Петровича переписать, тот ни копейки не взял. Сказал только: «А вот, если желает Федор Поликарпович внести лепту свою в дело победы российского оружия в годину военную, да и изобретениям новым помочь, чтоб солдатиков раненых и увечных врачевать способнее было», то от помощи институту не откажется. И пригласил его в попечительский совет. Но, господа, пока все, мы прибыли...

Автомобиль затормозил возле хорошо известной всем жителям Первопрестольной резиденции главноначальствующего над Москвой князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона. На входе стояло несколько городских, которые сверяли прибывающих со списком и лишь изредка просили предъявить приглашение. Во избежание возможных недоразумений там же присутствовал один из адъютантов князя. При виде ротмистра стражи порядка вытянулись во фрунт, так что докторам не пришлось даже представляться.

В белом бальном зале были установлены ряды мягких стульев. На них, невольно дистанцируясь от прочих гостей, разместилась весьма живописная группа награждаемых, которую так и хотелось назвать «могучей кучкой». Игумен, пара-тройка представителей московского дворянства из старых фамилий, несколько промышленников, медики. На хорах чуть слышно опробовал свои инструменты небольшой оркестр, ибо по сценарию торжественного вечера помимо награждения был назначен благотворительный аукцион и концерт, все доходы от которых планировалось разделить между московскими госпиталями. Под

колоннадой громадой волнолома возвышался длинный дубовый стол, прикрытый бархатной скатертью. Среди неперенных стеклянных сифонов с сельтерской водой и хрустальных стаканов для президиума был приготовлен и аукционный молоток.

В первом ряду, возле прохода выделялся могучей статью и бородой в стиле Александра III мужчина весьма почтенных лет. На его несколько старомодном сюртуке полностью отсутствовали золотые побрякушки, которыми, чего греха таить, любили украшать свой костюм некоторые представители преуспевающего купечества, и сразу бросалась в глаза медаль на Андреевской ленте.

– А вот и сам господин Сычов... – тихонько шепнул докторам ротмистр.

Но дальнейший разговор прервали распахнувшиеся двери и зычный голос мажордома, объявившего присутствующим:

– Верховный начальник санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерал от инфантерии, его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский... Главноначальствующий над Москвой, генерал-лейтенант, его сиятельство князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон... Его высокопревосходительство товарищ главноуправляющего собственной её императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии, действительный тайный советник, академик Иван Петрович Павлов.

Оба вошедших генерала по случаю военного времени были одеты в походные мундиры. Однако перепутать их было просто невозможно. Принц превосходил князя не только летами и званиями, но и ратными делами. Об этом красноречиво говорили знаки орденов Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 2-й степени с мечами, полученные им еще в прошлом веке за подвиги в Русско-турецкой войне. Невзирая на преклонные лета (семидесятилетний юбилей был отпразднован год назад), Александр Петрович отличался отменной выправкой, а его знаменитые усы были лихо, по гвардейской моде, закручены вверх.

Иван Петрович Павлов был известен своим принципиальным неприятием роскоши и нелюбовью к золотым пуговицам и лацканам, белым штанам и треугольным шляпам, а посему даже на этой церемонии был не в вицмундире, а во фраке. Больше впечатления производили прямые гладкие волосы, высокий лоб мыслителя и седая борода, аккуратно расчёсанная на обе стороны. А вместо орденов, коих у него было немало, поблескивал серебром и белой эмалью нагрудный знак Российского общества Красного креста под покровительством императрицы Марии

Федоровны. В ученых кругах некогда ходил анекдот о том, что получив орден Станислава, академик отдал его своим маленьким сыновьям в качестве игрушки, что дало основание чиновникам от науки обвинять его в фраппировании общественного мнения.

Вслед за ними в зал проследовали несколько корреспондентов столичных и иностранных газет, фотографы, оператор с кинокамерой, а также представители богемы, которые искренне считали свое присутствие на подобных мероприятиях целью всей своей жизни.

Официальную часть открыл принц Ольденбургский. Первые слова его приветственной речи были привычны для подобных мероприятий. Фраза о том, что: «Он счастлив, видеть столь достойных сыновей отечества, в славных делах которых возрождается подвижничество Кузьмы Минина...» была традиционной, а потому и предсказуемой. Корреспонденты газет лишь имитировали записи в своих блокнотах, как вдруг его высочество, мельком взглянув на Павлова, произнес следующее:

– Господа, вручая вам награды от имени государя и Отечества, я горд тем, что на вашей груди воссияют ордена и медали Российской империи, и, как старый солдат, я полностью разделяю вот эти слова поэта: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...» Спасибо вам, за деяния ваши, люди русские!

И после этих слов Александр Петрович, выйдя из-за стола, отвесил новоиспеченным кавалерам низкий поклон.

После секундной паузы зал взорвался аплодисментами. Карандаши репортеров забежали подобно ткацкому челноку, с некоторым опозданием захлопали пистоны магниевых вспышек, щедро обдав стоящих рядом белым пеплом. И лишь кинооператор, дисциплинированно начавший крутить ручку камеры с первыми же словами принца, успел запечатлеть абсолютно весь эпизод, ставший на протяжении нескольких следующих недель самой популярной кинохроникой, а отдельные кадры, зафиксировавшие поклон принца, весьма выгодно продал газетчикам.

Далее процесс награждения продолжился по отработанному ритуалу, тем более, что присвоение чинов и награждение орденами в Российской империи основывались на четкой неархаической системе. И лишь объявление о том, что купец первой гильдии Федор Поликарпович Сычов награждается орденом Святой Анны третьей степени с присвоением чина шестого класса по ведомству учреждений императрицы Марии вызвало недоуменное перешептывание одних и завистливые взгляды других присутствующих.

После окончания церемонии был объявлен короткий перерыв, после

которого должны были начаться благотворительный аукцион и концерт. Воспользовавшись паузой, принц Ольденбургский, перенаправив всю энергию газетчиков на хозяина дома князя Юсупова, подошел к Павлову:

– А вы были правы, Иван Петрович, рекомендуя именно такой сценарий речи. Четко, кратко и по существу. Я бы даже сказал: по-суворовски. Только вот что, милейший профессор, я вынужден поставить перед вами ультиматум: или вы называете имя этого таинственного пиита, или же признаете своё авторство. Признайтесь, Иван Петрович, что служите двум музам одновременно. Этаким слуга двух господ. Как это вы изволили сами называть: физик и лирик? Хе-хе-хе...

Павлов присоединился к смеху и, лукаво улыбаясь, ответил:

– Александр Петрович, позвольте сохранить анонимность автора. Как честный человек, скажу только одно – у меня просто очень хорошая память.

– Иван Петрович, у нас немного времени. – Отсмеявшись, принц перешел на серьезный тон:

– Давайте поступим так: еще раз вместе поблагодарим Федора Поликарповича за его более чем щедрый вклад в дело развития нашего института экспериментальной медицины, а точнее, – создания его особого Московского филиала. А после, не считите за труд, представьте мне рекомендованных вами врачей и начальника службы безопасности.

Принц и академик, раскланиваясь на ходу со знакомыми лицами и лавируя в толпе, подобно двум кораблям, проходящим через замерзший фарватер, направились к Сычову. На то, чтобы преодолеть каких-то полтора десятка метров, пришлось затратить не меньше пяти минут. Его высочество, издавна славившийся галантным кавалером, как истинный русский офицер, не мог себе позволить пройти мимо прекрасных дам, или юных дев, не звякнув шпорами, не сказав пару-тройку тонких комплиментов и не приложившись с поцелуем к очаровательным ручкам.

Но необходимо отметить, что и его высокопревосходительство действительный тайный советник и нобелевский лауреат оказался далеко не схожим с сухарем или книжным червем и в галантности не уступал старому гвардейцу, что не осталось незамеченным. Вырвавшись на оперативный простор, принц Ольденбургский весьма одобрительно, но с оттенком удивления отметил:

– Иван Петрович, мы с вами знакомы, дай бог памяти, почти четверть века. Но должен заявить, что в последние месяцы вас просто-таки не узнать – молодеете на глазах. Я знаю – не курите, да и спиртного не принимаете, к физическому труду привычны, в городки, говорят, чемпиона среди

студентов разгромили, но тут поневоле тянет «Фауста» перечитать.

– Никакой мистики, Александр Петрович, а один лишь материализм и научный подход. Хотя и душевный настрой много значит:

Ничего, что виски побелели,
Но глаза тем же светом горят.
Никогда, никогда не стареет
Тот, кто смолоду сердцем богат.

А ведь эти слова прямо-таки о вас и написаны, Александр Петрович. За вами, когда вы на фронт выезжаете или в тылу с чинушами нашими сражаетесь, иным поручикам не угнаться. И неизвестно, где труднее приходится – под германскими снарядами, для коих красный крест ничего не значит, или с местными ура-патриотами, от которых любой подлости ожидать можно. Дай им только волю, так за мощну свою и Веру и Царя и Отечество оптом продадут иль заложат. Вот Суворова вы сегодня упомянули, а Александр Васильевич говаривал: «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, пять раз при дворе. Все последние раны – смертельные». Но разговор сей, Александр Петрович, позвольте считать отложенным до времени. Да и место стоит удачнее выбрать – или в вашем вагоне, казачков перед этим кордоном выставив, или у меня под Москвою.

На этом собеседники прекратили диалог и достигли, наконец, цели своего «вояжа». Федор Поликарпович между тем находился в плотном окружении, состоящем из «акул пера» и своих же московских коллег по цеху. И если первых интересовала любая, но желательно пикантная информация о причинах столь неожиданного высочайшего внимания, то вторые пытались, воспользовавшись новым знакомством, сделать хороший гешефт.

Ставший совершенно неожиданно для себя «высокоблагородием», Сычов, тем не менее, не потерял природной смекалки. Благодаря преимуществу в росте, он первым увидел подошедших принца Ольденбургского и Павлова и совершенно неожиданно для окружающих поклонился со словами: «Ваше высочество...» Принц, которого позабавила растерянность на лицах, тем не менее, пресек любые попытки интервью. Ответив вежливым кивком, он произнес:

– Господа, я сожалею, что мне придется лишить господина Сычова удовольствия общения со столь приятным обществом, но война диктует свои законы. Федор Поликарпович, я еще раз благодарю вас за щедрую и

бескорыстную помощь российской науке. Прошу вас не оставлять вниманием заседания нашего попечительского совета.

– Непременно, ваше высочество, – отвечивал купец. – Но зная, что ваш поезд опять отправляется за ранеными на передовую, взял на себя смелость приготовить небольшую посылочку для солдатиков наших. Дары лесов сибирских: орешки кедровые, масло, живица. Любую рану излечить поможет. Позвольте передать?

– Ну, что ж, Федор Поликарпович, захвачу с удовольствием. Вот только попросим нашего гостеприимного хозяина посыльного выделить и вашу передачу в мой автомобиль загрузить.

– Не взыщите, ваше высочество, но дело сие и самому Ивану Поддубному не под силу будет. Да и авто у вас, чай, не грузовое? В посылочке той орешков пудов сто будет, маслица столько же, да и живицы толику малую – тысячу фунтов. А к ней примите сей фолиант. В нем рецепты собраны да советы лекарей наших, русских, исконных!

– Федор Поликарпович, а вы не перестаете нас удивлять и радовать. С благодарностью принимаю дары ваши, а, с добром врученные, они вдвойне силу целительную получают. А книгу вашу прикажу сегодня же скопировать и передам список с неё лично в руки академика Павлова. А что, Иван Петрович, найдется чему поучиться медикам нашим, особенно с дипломами заморскими, у Руси-матушки?

– Не сомневаюсь в том, ваше высочество. Народ наш талантами веками славится. Травники русские еще князей первых киевских от недугов спасали. Да недаром же в народе поговорка ходит: «Чай, не химия какая, чай, природные дары!»

– Не стоит затрудняться по поводу списка, ваше высочество, – почтительно, но с улыбкой добавил Сычов и, желая, видимо, сразить аудиторию наповал, протянул Павлову еще один экземпляр книги.

Отдав необходимые распоряжения по срочной доставке «даров земли сибирской» на вокзал, принц вместе с Павловым, нигде более не задерживаясь, направились к выходу из зала. Внимательно наблюдающий за всеми перемещениями принца Ольденбургского ротмистр, явно действуя по некой инструкции, шепнул Бартонду и Михаилу Николаевичу:

– Господа, нам пора, прошу следовать за мной, его высочество не любит долго ждать.

Уже на улице к ним подошел адъютант принца Ольденбургского, вежливо поприветствовал докторов, а Петру Всеславовичу передал на словах следующее:

– Его высочество назначил аудиенцию в личном поезде. Охрана

предупреждена, вас пропустят безотлагательно. – И добавил уже от себя: – Господа, рекомендую поторопиться.

Ротмистр с докторами немедленно загрузились в автомобиль, и гонка началась. Конечная цель путешествия находилась на железнодорожной ветке у распределительного госпиталя, который разместился на территории Казенного винного склада № 1. Сей «храм» поклонников Бахуса был закрыт еще 31 октября 1914 года в связи с введением в стране сухого закона вплоть до окончания военных действий. Однако, как отметил еще великий Салтыков-Щедрин: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». А посему этому заведению позволялось производить спирт для нужд армии и учреждений народного здоровья, отпускать вино иностранным гражданам и дипломатическому корпусу, выполнять заказы на поставку спирта союзнической Франции. Внесли свою лепту и фармацевты. Часть производственных мощностей была переориентирована на выпуск лекарственных средств на спиртовой основе. Дабы скоротать дорогу, ротмистр рассказал парочку смешных историй о том, какие причины находили начальники санитарных поездов, дабы постоянно прибывать или отправляться именно с этой железнодорожной ветки.

Благодаря предусмотрительным строителям склада, подъездные пути позволили автомобилю остановиться недалеко от состава. Шла обычная кутерьма, говорившая о скором отправлении состава. Осмотрщики с обеих сторон проверяли вагоны, простукивая молотками буксы и колесные пары, возле неспешно пыхтящего локомотива старательно изображала лихорадочную деятельность паровозная бригада под бдительным присмотром коменданта поезда.

По перрону, опустив голову, задумчиво прогуливался Павлов. Чувствовалось, что им овладела полностью какая-то мысль, и только лишь когда он вторично прошел мимо ротмистра, выполнявшего для докторов роль проводника, тот был вынужден кашлянуть, дабы вернуть академика в реальный мир. Павлов прореагировал несколько неожиданно:

– Рад видеть вас, уважаемые коллеги. Петр Всеславович, у нас есть еще пара минут до представления принцу, и я хотел бы оговорить с вами одну сумасшедшую идею по прикрытию истинных направлений исследований нашего института.

– И что вы предлагаете на этот раз? – заинтересовано спросил ротмистр. За несколько месяцев работы с Иваном Петровичем он уже несколько раз имел возможность убедиться в оригинальности и, самое главное, в полезности предложений ученого. Тем более именно в тех,

которые академик высказывал после таких глубоких раздумий, когда со стороны казалось, что он ведет неслышимый, но от этого не менее оживленный, мысленный диалог с собой. Петр Всеславович, как и многие его современники, с глубочайшим уважением относился к академическим знаниям, широте кругозора, умению говорить с людьми и получать при этом нужную информацию. В конце концов, медаль нобелевского лауреата – это высочайшая оценка заслуг любого ученого.

Хотя, черт возьми, он до сих пор не мог понять, откуда ему известно много такого, чему не учат в Кембридже, Оксфорде, да, пожалуй, и в Александровской военно-юридической академии. Много такого, чего не знает и он сам, ротмистр Отдельного корпуса жандармов, давно употребивший, на сей ниве необходимый пуд соли. Иной раз появляется крамольная мысль о переселении душ или реинкарнации господина Эдмона Дантеса, если таковой существовал в действительности. Все эти соображения мгновенно пронеслись в голове опытного жандарма, не оставив никаких следов душевных терзаний на лице, на котором можно было увидеть только выражение, причем искреннее, внимания к собеседнику.

– Я хочу с вами обсудить концепцию легенды, которой мы прикроем истинную программу и задачи работы московского, а точнее подмосковного филиала Императорского института экспериментальной медицины. Я понимаю, уважаемые Михаил Николаевич и Николай Петрович, что пока вы не посвящены во все подробности, но обещаю, что мы с Петром Всеславовичем устроим все недоразумения и дадим, насколько это будет возможно, ответы на все вопросы. А идею, пусть и невольно, мне подал наш щедрый меценат и попечитель, господин Сычов, точнее его «небольшая», но весьма увесистая посылочка с кедровыми орехами, маслом и прочим. Для медицины и фармакологии – это бесценное сырье, тем более, если оно пройдет необходимую обработку электромагнитными генераторами профессора Ижевского. Но вот, растет кедр далековато от нашего нового альма матер. Зато сосновых лесов в изобилии. Позвольте процитировать несколько строчек из книги, подаренной Федором Поликарповичем его высочеству и вашему покорному слуге: «Замечены в природе случаи, когда кедр расселялся самопрививками на сосне. Сосны, которые имеют кедровые вершины или сучки, встречаются довольно часто. Оказалось, что если ветер заносит кедровый орешек на место обломленных ветвей сосны, то орешек может прорасти, и ткани молодого кедра и сосны, сросшись, образуют одно целое. Такой кедр хорошо плодоносит, и его орешки ни в чем не уступают орешкам обычных

кедров... Ученые, и лесоводы разработали способы прививки кедра на сосне. Первые удачные прививки были проведены в конце XIX века в Тростянецком парке в Малороссии, который был владением Ивана Михайловича Скоропадского. И по данным, коими располагает Академия наук, кедровые ореховые сосны прекрасно растут и плодоносят, при этом деревья с корнями сосны и кроной кедра отличаются быстрым ростом, большой устойчивостью к неблагоприятным условиям, ранним вступлением в пору плодоношения». Кстати, что интересно, внук Ивана Михайловича сейчас в чести и в чинах – командует пятой кавалерийской дивизией, генерал-майор свиты его величества. О нем, учитывая статус его предков, да и его самого, нам с вами, любезный Петр Всеславович, стоит побеседовать поподробнее, когда дела срочные чуть разгребем.

Так вот, в газетах, в том числе и бульварных, должны появиться пространные публикации о том, что академик Павлов задумал на соснах кедровые орехи, а то и ананасы вырастить. И на деньги сибирского купца плантацию под Москвой отгрохал. А что? Деньги, чай, не казенные, ревизоры не пожалуют. И лучами своими колдовскими сосны да ели обрабатывает, яко марсианин из романа Уэллса. Дабы электричества хватило, так цельная станция рядом стоит на болотах торфяных. А так как одного сумасшедшего академика для этого маловато будет, так еще чудака-плодовода из града Козлова выписали. Есть там у меня один тезка – Мичурин Иван, правда, Владимирович. Человек скандальный, неуживчивый, но – таланта необыкновенного. Чувствую, чтобы его заполучить, личное приглашение его высочества потребуется, а может, и ваши коллеги поспособствуют.

Во время этого монолога, Павлов несколько раз смотрел на часы. Причем он, что было еще одной причиной сплетен, не так давно решительно отказался от традиционного карманного варианта, и его правое запястье украшали Cartier модели 1904 года, получившие известность благодаря полетам Сантос-Дюмона. В последний раз взглянув на циферблат, академик скомандовал:

– Ну-с, господа, пора, прошу вас, заходите в вагон.

Принц в ожидании посетителей продолжал работать. Его письменный стол был завален бумагами, за спиной размещалась карта фронтовой зоны с нанесенными маршрутами движения санитарных поездов, а справа, на стенке – три небольших портрета российских императоров, коим присягал принц Ольденбургский: Николая II и его августейших папа и деда.

Купе, равное по площади двум стандартным, позволяло вместить и большее число людей. Михаил Николаевич и Николай Петрович, после

представления принцу воспользовавшись приглашением гостеприимного хозяина, заняли места на диванчике напротив стола, а Павлов и Петр Всеславович воспользовались креслами. Александр Петрович, выдержав короткую паузу и дав возможность освоиться с новой обстановкой, обратился к присутствующим:

– Господа, я пригласил вас для того, чтобы, простите за невольный каламбур, познакомиться поближе и ознакомить с новым назначением. Предвижу вопрос от господ докторов о причинах столь резкого изменения их служебной карьеры, но отвечу только одно – война диктует свои правила. Кроме того, прочитав в газетах описание блистательной речи, с которой вы, Михаил Николаевич, выступили на Пироговском съезде, я понял, что не услышу отказа. Уверен, что и Николай Петрович придерживается таких же взглядов на долг врача и патриота, не так ли?.. Через четверть часа я убываю на передовую. Вот здесь, – с этими словами, Александр Петрович, достал из небольшого сейфа опечатанную кожаную папку и передал её Павлову, – находятся основные учредительные документы по институту, а также банковские реквизиты, позволяющие вам, Иван Петрович, как директору, снимать необходимые суммы со счетов. Помимо этого, договор, подписанный правлением «Общества электрического освещения 1886 года» и общества «Электропередача» об особом статусе НИИ и бесперебойном снабжении его электроэнергией. Зная неповоротливость нашего чиновничества и прочего крапивного семени и стремление подвести все под соответствующий параграф и памятуя наш с вами, Иван Петрович, разговор, примите вот эту, с позволения сказать индульгенцию, воспользуетесь при необходимости, а по памяти процитирую только одну фразу: «Любые действия по линии военно-медицинской службы, предпринятые академиком и действительным тайным советником Павловым, предприняты с моего ведома и одобрены. Верховный начальник санитарной и эвакуационной части, генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты его императорского величества принц Ольденбургский».

В это время раздался свисток паровоза, означающий готовность к отправлению, а в дверь купе постучал комендант поезда с аналогичной информацией.

– Пора, господа, будем прощаться. А вас, Петр Всеславович, мне рекомендовали как прекрасного офицера, имеющего за плечами боевой опыт. Я обращаюсь с личной просьбой – сделайте все возможное, чтобы институт скорей начал работать и ему не мешали это делать. С богом, господа, до встречи.

Александр Петрович крепко пожал руки всем присутствующим, включая ротмистра, что было несколько нетипично для аристократа столь высокого ранга. Едва выйдя на перрон и убедившись в отсутствии случайных свидетелей, Павлов решительно взял бразды правления в свои руки, причем его монолог больше напоминал боевой приказ:

– Уважаемые коллеги, на сборы остается только завтрашний день. Причем вы, Михаил Николаевич, находитесь в еще более трудном положении, чем Николай Петрович, ибо из всего движимого имущества имеете лишь саквояж. А посему, господа, будьте любезны, получить, как говорят в армии, военно-подъемные деньги, и прошу обойтись без лишней экономии. Когда будете их тратить, помните пословицу наших злейших друзей – англичан: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи».

– Теперь вы, Петр Всеславович. За вами силовое обеспечение нашей поездки. По приказу принца Ольденбургского в наше распоряжение выделено два санитарных автомобиля «Рено». Учитывая наличие на них кузова-фургона, мы сможем разместить людей с максимально возможным комфортом и избежать нежелательного внимания. Сколько людей едет с вами и чем они вооружены?

– Для начала десять человек, но с оружием, увы, проблемы – револьверы разных типов и шашки.

– Этого явно недостаточно, Петр Всеславович. Полностью вооружением и оснащением охраны нашего института займемся, прибыв на место, но кое-что мы можем и прямо-таки обязаны сделать завтра же. Каждый из нижних чинов должен иметь револьвер единого типа, а для серьезного боестолкновения – пистолет Маузер С96. Учитывая то, что электростанция и корпус нашего НИИ находятся в окружении леса, на болотах, то не помешают и охотничьи ружья. На Сицилии, говорят, местные пастухи картечью не только от волков отбиваются, но и от тварей опаснее, которые на двух ногах.

Ротмистр, несколько растерявшийся от подобного напора, желая высказать и своё мнение, попытался возразить:

– Иван Петрович, все это звучит замечательно, но из каких арсеналов мы сможем получить все это великолепие, да еще и за один день?

– А «арсеналы» сии находятся в Первопрестольной, на улицах Лубянка и Петровка. Вот, Петр Всеславович, сами убедитесь. – Павлов достал из портфеля каталоги московских оружейных магазинов Биткова и Товарищества на паях «Охотничий вестник».

– Выбирайте сами, но я бы посоветовал у Биткова приобрести пяток

дробовых шестизарядок Винчестера или самозарядных дробометов Браунинга. А в «Охотничьем вестнике» – бельгийские девятизарядные револьверы «Почтовую модель» и маузеры. Помимо этого обязательно возьмите запасные обоймы, запас патронов, электрические фонарики, термосы-фляги... Хотя что-то я сегодня раскомандовался, пытаюсь учить боевого офицера. Берите все, что сочтете необходимым на десять человек. Критерий один – то, что нужно на войне. Единственная рекомендация: может, светящиеся прицелы для ночной стрельбы пригодятся?

Глава 9

Прошло еще несколько дней. Сотня, точнее, теперь уже рота потихоньку втянулась в занятия и тренировки. Поначалу было еще много вопросов, и главным из них был: «Зачем столько бегать?» Пришлось объяснить, что мы этим заменяем строевую подготовку, а если кому не нравится, можно быстро перевестись в любую пехотную роту. Желających задавать подобные вопросы больше не нашлось. Так же как и после одной образцово-показательной экзекуции, соединять приятное с полезным. Трое пограничников втихаря решили вечером отметить знаменательное событие и нашли способ добыть «огненной воды» непонятного происхождения. Да еще и подкатиться к рядовому Ганне с непристойным предложением – найти какую-нибудь закуску. Девушка-красавица, естественно, послала их по общеизвестному маршруту, а Федор, «случайно» оказавшийся рядом, сначала хотел каждому из них что-нибудь сломать, потом одумался (вот что воинская дисциплина с человеком делает!) и пошел посоветоваться с командованием, которое обнаружил в лице Михалыча по причине моего с Сергеем Дмитриевичем убийства к тыловикам решать насущные и иногда весьма болезненные для них вопросы. Вахмистр, не долго думая, нажал на клавишу «Пауза» и запер бутылку и ее обладателей в соседних кладовках, против чего фельдфебель Остапец и унтера-пограничники были абсолютно не против. До прибытия командира.

Ну, а по прибытии меня чуть ли не хором «обрадовали» этим известием и с интересом стали смотреть, как будет свершаться правосудие. Приговор был скорым, но справедливым. С моей точки зрения. Предупреждал же всех, что спиртосодержащие жидкости будут доступны либо в качестве анестезии, либо по очень важным поводам. Типа награждения орденом, присвоения звания или еще какого-нибудь знаменательного события. Поэтому вместо личного времени рота построилась перед казармой, с любопытством глядя на «злодеев» и стоящую перед ними скамью, застланную скатеркой. На импровизированном столе красовалась роковая бутылка и прикрытая полотенцем тарелка с тремя сухарями и кружками. Народ ждал торжественного уничтожения «проклятой», и их ожидания сбылись, но немного нестандартным способом. После пламенной, но короткой лекции о вреде зеленого змия прозвучал приказ открыть, налить, выпить, закусить... и выйти на исходную для марш-броска. Я и Егорка составили им почетный

эскорт – ну там, взбодрить, указать правильное направление... Виновники пробежали полторы версты, пока не выплюнули из себя все выпитое и съеденное. Возвращаться пришлось тем же способом для закрепления условного рефлекса: «Будем пить – будем бегать». А мне на будущее – поразмышлять о том, что рыба гниет с головы. Хотя и чистят ее с хвоста. Пока вроде бы не отличался тягой к спиртному, но надо себя контролировать. Чтобы пример командира всегда был перед глазами. Желательно со зверским оскалом и в кошмарных снах.

А еще вспомнилась мысль, давно забытая в текучке дел. Когда-то ведь хотел в личное время устроить вечернюю школу. Вот и надо этим озаботиться. И других озаботить. Поэтому после роспуска строя подзываем для разговора наших вольноопределяющихся:

– Итак, господа студюзусы. Вам будет особое задание, с которым вы, я надеюсь, блестяще справитесь. Как посмотрите на то, чтобы в личное время поработать учителями?

– А кого и чему учить прикажете? – интересуется Вадим Федоров, один из студентов-горняков.

– Писать, читать и считать. Многие в роте неграмотны. Поспрашивайте, поговорите, подумайте – что для учебы будет нужно и в каком количестве, потом скажете мне. Два дня хватит?

– А если они не захотят? Или стесняться будут? – это уже второй будущий горный инженер, Илья Буртасов, деловито спрашивает.

– Стесняться тут нечего, а кто не захочет учиться, будет... Что?

– Бегать?..

Приятно иметь дело с умными людьми...

Через день назначенные «педагоги» доложили, что для моей затеи нужно как минимум шестьдесят восемь тетрадей, столько же карандашей и хотя бы два десятка букварей. А также что-нибудь напоминающее классную доску и мел, чтобы писать на ней. Впрочем, с последней вопрос решился просто. Егорка, которому всегда до всего есть дело, притащил откуда-то лист кровельного железа, выкрашенный в черный цвет. И заверил отца-командира, что имущество ничейное, хозяин не объявится, а если и нарисует, то он, Егорка, с ним на раз договорится. Остальное доставать надо будет самому. Интересно, сейчас кто-нибудь благотворительностью занимается в прифронтовой полосе? Надо будет поинтересоваться у капитана Бойко.

Назавтра такой случай представился, правда, перед достаточно напряженным разговором на совсем другую тему. К шести вечера прибыл на становящиеся традиционными «посиделки» в штабе. Валерий

Антонович уже был на месте, а вот Анатолий задерживался. Пользуясь случаем, озадачил любимое начальство проблемой организации ликбеза и получил полное одобрение затеи и очередное доказательство того, что инициатива в армии наказуема исполнением этой самой инициативы. Пока придумывали, где взять требуемое, после аккуратного стука в дверь появился старый знакомый, отец Александр. С ходу уловив смысл разговора, похвалил господ офицеров за заботу о нижних чинах и заявил, что, скорее всего, сможет поспособствовать решению проблемы. Потому как церковно-приходские школы закрылись из-за нехватки детей, которые вместе с родителями уезжали подальше от войны. И не далее как в воскресенье привезет все, что сможет найти. А заодно с новой паствой познакомится и старую поокормляет. Потом, хитро посмотрев на меня, поинтересовался у господина капитана, помогла ли ему святая вода, которую тот испрашивал для одного очень важного дела. Валерий Антонович, как мне показалось, несколько смутился, но потом ответил, что водичка была использована по назначению и разрешила некоторые его сомнения. Обратившись ко мне, сказал, что в воскресенье приедет «в гости» вместе со священником и, скорее всего, мне придется повторить монолог, который был на днях в присутствии Анатолия. Блин, да что же это такое?! Мне проще теперь повесить на шею табличку «Попаданец из будущего. Часы приема не ограничены»!.. На мой недоуменный взгляд сделал знак, мол, потом все объясню и перевел разговор на другие важные для батюшки дела. Решив все вопросы, священник откланялся и ушел, столкнувшись в дверях с Дольским, летевшим как на пожар.

— Виноват, господин капитан, боялся опоздать. Докладываю: объехал все места, которые были назначены. Положение аховое. Оружия не хватает, в одном полку винтовка аж на троих солдат. Патронов тоже мало. «Языки», которых приволокли охотники, показывают, что германское командование накапливает и перегруппировывает свои войска. По слухам — в северном направлении.

— Спасибо, Анатолий, хотя сведения ты привез и неважные. Но я собрал вас, господа, для другого... Есть очень серьезный разговор. Дело в том, что мне кажется несколько преступным, зная о том, что рассказал Денис Анатольевич, сидеть сложа руки. Я сейчас попытаюсь обрисовать ту картину, которая сложилась в моей голове... Положение в армии не ахти. Убыль кадровых офицеров составляет сейчас около шестидесяти процентов, недостаток восполняется за счет прапорщиков военного времени. Добро, если из толковых унтеров, а ведь многие — из студентов, которые, не в обиду господину подпоручику, почти ничего не умеют, да и

не хотят уметь. Единственное, чему выучились – в лобовую на пулеметы – «За Веру, Царя и Отечество». Зато в голове – куча либеральных идей. Дисциплины – никакой. Пополнение приходит на фронт мало того, что необученным, даже не переодетым в форму. Вооружения и провианта не хватает. Более того, как генштабист скажу вам, что наши генералы тоже воевать не способны за очень редким исключением. Прорыв германцев на Юго-Западном фронте заставляет и нас отступать. Но эвакуировать какие-то статуи и картины из Варшавы и оставлять на произвол судьбы все арсеналы и магазины Ново-Георгиевска – это верх безрассудства. Причем высочайше утвержденный верховным. Да и вывезти имущество теперь невозможно. Все дороги забиты беженцами, выгоняемыми из домов опять-таки по приказу великого князя. Создается даже впечатление, что все это делается нарочно, чтобы вызвать недовольство в народе. И, сыграв на этом, прийти к власти, сменив императора.

– Валерий Антонович, а что могут сделать в этой ситуации трое обер-офицеров? – Дольский вопросительно смотрит на начальника. – Вариант со Ставкой мы обговорили. Кстати, Денис, как к этому отнеслись твои казаки?

– Нормально отнеслись. Собрал свою первую группу, да и поговорили. Объяснил им ситуацию, сказал, что великий князь, возможно, захочет сам сесть на трон вместо императора. Спросил, могу ли в этом деле на них рассчитывать. Мои «ближники» сказали, что лично на них – да, а с остальными казаками они тихонько переговорают. Между прочим, все остальные бойцы прекрасно видят тот бардак, про который сейчас Валерий Антонович рассказывал. И уже задаются вопросом – кто в этом виноват. Пограницы рассказывали, что в крепости к ним уже агитаторы какие-то подкатывали с листовками, мол, война нужна только буржуям, чтобы деньжищи лопатой загребать.

– И что они сделали? – Анатолий заинтересовался. – Дали по шее и отправили восвояси?

– Нет, скрутили и сдали жандармам. У тех агитаторов блокнотик нашелся, где подходы к фортам нарисованы были.

– Так, господа офицеры, мы немного уходим от темы разговора. Приезд императора в Ставку – частный случай, а я хочу поговорить с вами о другом... Скорее всего, вам об этом неизвестно, но в 1881 году, после убийства народовольцами императора Александра Второго, было создано тайное общество, целью которого являлась охрана царя и противодействие революционному террору. Об этом мало кто знал, а сейчас помнят еще меньше. Называлось – «Священная дружина», в него входили определенные персоны высшего света, как статские, так и военные,

дворянство. Мне об этом рассказывал отец после русско-японской войны, потому как был некоторым образом причастен к этой организации. Позже она была распущена... Сейчас ситуация складывается намного хуже, и на аристократию надежды очень мало. Поэтому я и предлагаю попытаться создать нечто подобное, но с опорой на офицерский корпус, во всяком случае, на тех его представителей, которым небезразлична судьба страны. Мне приходится регулярно общаться с офицерами как в нашей армии, так и в масштабах фронта, поэтому знаю настроение многих батальонных и даже полковых командиров. Они все недовольны существующим положением вещей. И отношением к себе и своим подразделениям со стороны генералов, и тем, как последние планируют и руководят боевыми действиями.

– Валерий Антонович, я полностью с вами согласен, но нам не грозит встреча по этому поводу с господами в голубых мундирах? Вы же прекрасно знаете, что офицерам запрещено заниматься политикой. Разжалуют в солдаты, сошлют в окопы, – и все.

– Встреча с ними, Анатоль, будет и не одна. Но не так, как ты себе это представляешь. С коллегами из контрразведки я тоже давненько общаюсь, у многих – схожие настроения, тем более что информацию они имеют гораздо более подробную. Что, однако, не отменяет конспирации. Поэтому мы сейчас сделаем вот что. – Валерий Антонович открывает ящик стола и извлекает на свет божий бутылку коньяка. – Присаживайтесь поближе, господа, разрешаю курить. Анатоль, достань рюмки и разливай... Так вот, у меня на примете уже есть трое офицеров, с которыми можно провести предварительные беседы.

– Ну, хорошо, нам удастся создать подобную дружину. Но в ней практически все будут военными. Цель создания – в чем она заключается? – не унимался Дольский. – Выиграть войну и после этого дублировать Охранное отделение?.. Или что-то еще?

– Валерий Антонович, а ведь Анатоль прав. Мы еще не определили четкие цели, средства для их достижения... И, возможно, то, что я сейчас скажу, будет для вас неожиданным... – Закуриваю, чтобы оттянуть время, уж больно шоковую информацию надо преподнести. – Скажите мне, господа, как вы мыслите себе будущую Россию? Я не против монархии, но какой она должна быть?..

И – тишина. Почти мертвая...

– Объяснитесь, Денис Анатольевич! – Капитан Бойко пристально смотрит на меня. – Что вы имеете в виду?

– Валерий Антонович, я просто хотел узнать ваше мнение о

государственном устройстве в будущем. Из своей истории я знаю, что основной причиной революции было недовольство царской властью со стороны всех слоев общества. Что многие хотели бы ограничить самодержавную власть, заменить ее конституционной монархией, а то – и республикой. Вот и хочу узнать, что вы думаете об этом.

– В начале своего царствования император Александр Третий подтвердил три принципа построения российского общества, определенные еще в 1832 году Николаем Первым: самодержавие, православие, народность. Я считаю, что для России это вполне подходящий вариант. А ваше мнение?

– Насколько я знаю, Александр Третий держал твердой рукой и страну, и всю великокняжескую сво... свиту. Ныне здравствующий император этого сделать не может в силу ряда обстоятельств. А что делают мыши, когда кот спит?.. Особенно, если до них правосудию очень трудно дотянуться. Я хочу сказать, что есть несколько условий, при которых возможно дальнейшее развитие страны с сохранением монархии.

– Так все-таки – монархия, а не республика? Отчего же, можете объяснить?

– Могу. При республиканском строе к власти приходит политик, выбранный на недолгое время, – максимум пять, ну, максимум, десять лет. То есть партия, находящаяся у руля, гарантированно может выполнить программу, разработанную на этот недолгий срок. А учитывая «честность» большинства современных политиков, их действия будут направлены на обогащение себя любимых. Потом к власти придет другой лидер, другая партия, и процесс управления страной, то есть набивания собственных карманов, начнется по новой, а все огрехи будут сваливаться на предшественника. В своем времени я на это успел насмотреться, да и пример Североамериканских Соединенных Штатов у всех нас перед глазами. Республиканцы и демократы сменяют друг друга с завидной периодичностью, а все идет так, как надо всяким банкам и трестам. Так вот, чтобы сохранить власть, царь должен объявить о национализации всей земли и бесплатной раздаче ее крестьянам. С учетом их заслуг в войне, то есть лучшую землю должны получить те, кто проливал кровь на фронте, или семья погибшего воина...

– Подожди, Денис, ты хоть представляешь, сколько крупных землевладельцев в России? Ты думаешь, они обрадуются? – Дольский следует моему примеру и тоже закуривает.

– Анатоль, пойми! Один из основных лозунгов революции был «Землю – крестьянам!». Если это сделать сверху, то крестьянство будет за

царя, а не за революционеров. А вообще, скажи мне, почему основная часть населения империи живет в беспросветной нищете, деградирует и спивается от безысходности? При этом еще обязана кормить остальных, которые их и за людей не считают? И потом, кого проще прижать к ногтю – миллионы озлобленных крестьян или несколько пусть даже десятков тысяч помещиков и землевладельцев. Тем более что им будет предложена определенная денежная компенсация, правда, растянутая лет на двадцать – тридцать.

– Да, Денис Анатольевич, удивили вы меня, – Валерий Антонович, до сих пор внимательно слушавший нашу с Дольским перепалку, решил вступить в разговор. – Не скажу сразу, что я – за, но доводы заслуживают внимания. Чем еще удивите?

– Еще – смягчение отношений между сословиями, национализация стратегических отраслей промышленности, улучшение условий жизни и труда рабочих, в том числе и жестко установленная законом продолжительность рабочего дня, всеобщее образование, бесплатная медицина. Это так, навскидку.

– Ты хочешь уравнивать в правах дворянина, купчину и крестьянина?! Ты представляешь, какой поднимется вой?

– Анатоль, скажи, пожалуйста, что дает тебе твое потомственное дворянство? Изжившие себя надуманные привилегии? Тебе это нужно?.. Тем более что отменять ничего не надо, просто границы между сословиями сделать более прозрачными. Вспомни Петра Первого: «За ум графами жаловать буду!» Возьми, например, Демидовых. Да и светлейший князь Александр Данилович Меншиков свою карьеру начинал с лотка с пирогами. Дворянство должно служить стране. Не за страх, а за совесть. Как самураи в Японии...

– Хорошо. Тем более что на войне пуля одинакова и для крестьянина, и для дворянина... А почему у тебя рюмка полная? Манкируешь?

– Нет, с позавчерашнего дня в роте – сухой закон. Для всех.

– Почему же, Денис Анатольевич? – Господин капитан с интересом смотрит на меня, ожидая ответа. Рассказываю историю трех незадачливых погранцов – пьяниц. Дольский ржет, а Валерий Антонович высказывает то ли похвалу, то ли осуждение:

– Вот вечно вы, Денис Анатольевич, оригинальничаете. Они же теперь или пить разучатся, или бегать будут быстрее командира... Ну да шутки в сторону. Вы назвали ряд преобразований в стране и обществе. А какими силами собираетесь это делать? Ваши слова достаточно близки к программе кадетов, но примут ли они нашу сторону? Тем более что ваши

идеи гораздо радикальней. А они ведь сами рвутся к власти. И не они одни.

– Валерий Антонович, вопрос должен стоять по-другому – примем ли мы их в свои ряды? В моей истории было несколько случаев, когда военные брали власть в стране. Про младотурков вы и сами знаете. А вот в Испании в начале тридцатых была революция, которая уничтожила монархию. Республиканцы разных партийных принадлежностей не могли выработать единой политики и грызлись между собой. А попутно отрывались на крестьянах. Представьте себе запрет на свободную торговлю продуктами в аграрной стране. Они же потом начали политические репрессии. А в 1936 году восстали военные во главе с генералом Франко. И до 1939-го была гражданская война, которую армия, естественно, выиграла. Генерал стал диктатором, но сразу заявил, что передаст власть над страной наследному принцу Хуану-Карлосу, но только когда положение в стране это позволит. Что впоследствии и сделал, но сначала хитро обошел Вторую мировую войну, потом провел индустриализацию – в общем, вывел Испанию из отсталых аграрных стран в развитые индустриальные. Националистической партии оставил только социальную направленность, тесно сотрудничал с религиозной организацией «Опус Деи»...

– Вот, мы и переходим к следующему принципу – православию. – Капитан задумчиво смотрит на мою полную рюмку, потом кивает Анатолию, чтобы налил себе и ему. – Что вы думаете по этому вопросу, господин реформатор? Скажу сразу, я – человек верующий и отказываться от Бога не собираюсь. Кстати, после нашего первого разговора задался вопросом: не являлась ли именно религия той связующей силой, что подняла весь русский народ на войну с Бонапартом? Ведь он вроде обещал крестьян освободить от крепостничества. И ведь не помогло... Так что же делать с Церковью?

– Ну, во всяком случае, устраивать склады и клубы в церквях и взрывать Храм Христа-Спасителя по примеру большевиков нет необходимости. Но церковники сами же себя компрометируют в глазах народа. Вспомните того же попа, который на воскресные службы к нам приезжал до отца Александра...

– А сам отец Александр? Он для вас – авторитет? – Валерий Антонович хитро смотрит на меня и неторопливо затягивается папиросой. – Он отличается от того попа?.. Молчите?.. Вот я вас и поймал! Вы, Денис Анатольевич, родились и выросли в атеистическом обществе, и вам не понять чувства верующего человека. Не почувствовать до глубины души того... окрыления, что ли, той возвышенности, возникающих от перезвона колоколов, от пения церковного хора... Что-то я

расфилософствовался... Так что же делать с религией?

– Не знаю, Валерий Антонович... Сейчас не могу ничего сказать...

– Вот поэтому вам и надо побеседовать с отцом Александром. И открыться ему. Если я не ошибаюсь, то он может стать нашим союзником. Могущественным, верным, незаменимым в своей области. Не бойтесь, святой водой он вас окроплять не будет... Я уже это сделал. В первый разговор, когда стакан подавал... Поговорите с ним. Может быть, он ответит на некоторые вопросы... Так, возвращаемся к нашей беседе. Нужно обговорить наши действия. Я хочу предложить вам, Денис Анатольевич, вспомнить все, что знаете о тактике ведения боевых действий в будущем.

– Валерий Антонович, у меня же специальность другая была, я тактику знаю на уровне взвода, не более того.

– Вот именно поэтому я и хочу предложить поработать вместе с поручиком Дольским. Он – кадровый офицер, училище окончил по первому разряду. Думаю, что разберетесь. Потому как он вскоре примет под команду полуэскадрон... Не смотри так удивленно, Анатолий! Который будет дислоцироваться вместе с вашей ротой, господин подпоручик. Вы будете, как и прежде, заниматься диверсионной деятельностью, а господин поручик будет готовить штурмовые группы. Кажется, вы их так называли? В штабе фронта уже в полный голос болтают о создании партизанских отрядов по примеру Отечественной войны 1812 года. Поэтому наш командующий решил выделить для этого в дополнение к роте драгунский полуэскадрон под команду опытного офицера. Я же займусь поиском новых кандидатур и попытаюсь поработать с контрразведчиками... И еще, Денис Анатольевич, я понимаю, что это будет трудно, но необходимо ваших казаков хотя бы раз в два-три дня отправлять в разведку. На передовой охотники таскают только тех, кто им в окопах попадется, а нам желательно иметь информацию о том, что творится верст за десять от линии фронта. Иной интендант может дать информации больше, чем штабист.

– Валерий Антонович, я буду отправлять по две группы одновременно в разные места. В задачах только разведка, или разрешается немного пошалить?

– Главная задача – разведка. Кто, куда, откуда. Хотя, если германцы не досчитаются пары-тройки обозов, возражать не стану. А вы, как я посмотрю, что-то опять задумали?

– Хочу с казаками отправлять по несколько наиболее подготовленных погранцов. Во-первых, пускай набираются опыта, а во-вторых, в роте уже недовольное бурчание идет, мол, сидим без дела и без оружия. В крепости отобрали у всех винтовки, дали взамен несколько берданок, – и воюй как

хочешь. На складах оружия нет и, наверное, еще долго не будет. Пять карабинов из загашника сейчас используем для огневой подготовки. Вот поэтому будем устраивать своеобразный экзамен огнем и кровью. Каждый новичок своего ганса грохнет, винтовку с патронами заберет. И нам хорошо, и германцам – не очень. Потом сможет честно сказать: убил немца, забрал оружие, готов воевать дальше.

– Нет, ну это уже какой-то кроважидный янычар или башибузуку получается! Денис, ты моим драгунам тевтонов немножко оставь, а то ведь обидятся. – Анатолю идея пришла по душе. – Я их с твоими отправлять буду. А то все себе да себе. Прямо купчина какой-то жидный.

– А вот и не получится, господин поручик! Старший начальник что сказал? Твоя задача – штурмовые группы. Для взлома укрепленной обороны противника. Вот там и резвитесь. И не надо нам конкурентов!

– Вы, Денис Анатольевич, прямо-таки каким-то коммерсантом стали. Первый раз сталкиваюсь с тем, чтобы германцев рассматривали не как врага, а как добычу. – Капитан смеется вместе с нами. – Осталось еще расценки установить: сколько рядовой стоит, сколько – фельдфебель, сколько – офицер. Мы же с вами не на Диком Западе в ковбоев играем, за индейцами охотимся.

– Если серьезно, Валерий Антонович, то война у нас какая-то обезличенная. Все – на фронте, с оружием, все воюют. Но никто, за редким исключением, не может сказать, сколько колбасников он положил. А я хочу, чтобы каждый мой солдат потом сказать своим родным и односельчанам: «Был на войне, убил столько-то германцев, вот поэтому они и лежат сейчас тихонько под землей, а не топчут нашу землю и не сжигают наши дома!»

– Так, господа офицеры! Время идет, так что заканчиваем разговор, и – за дела!..

– Валерий Антонович, я тут вот еще о чем подумал... Наше отступление очень пагубно сказывается на настроении солдат, да и офицеров чаша сия не миновала.

– Есть какие-то предложения, Денис Анатольевич?

– Наступление германцев можно придерживать точечными болезненными для них уколами. Тогда и солдаты будут видеть не только драп, а следовательно, и настрой не будет таким пессимистичным. И еще, этим моментом обязательно воспользуются всякие агитаторы от эсеров, социал-демократов и прочей революционно настроенной публики. Нужно как-то организовывать контрпропаганду, да и саму агитацию поприжать.

– Хорошо, попытаюсь выяснить этот вопрос у наших коллег из

контрразведки. Но сомневаюсь, что они смогут сказать что-нибудь полезное...

Глава 10

В воскресенье к нам пожаловали «гости» в лице капитана Бойко и отца Александра, который, как и обещал, привез буквари и тетрадки с карандашами. Хватило этого богатства не на всех, около десятка бойцов остались обделенными, но дело все-таки сдвинулось с мертвой точки. И не только в этой области. Вчера после обеда вернулась первая разведгруппа с новичками. Командовал ей, естественно, Михалыч, с которым перед выходом был проведен подробный инструктаж на тему «Как и рыбку съесть, и косточкой не подавиться». В смысле – провести разведку и обкатать стажеров в деле. Вахмистру удалось и одно, и другое. Сначала пограницы ночью вырезали часовых с обеих сторон моста через какую-то речушку, естественно, с подстраховкой казаков, потом вся честная компания, натаскав на деревянный настил каких-то дровишек и перенеся туда же ближайшую скирду сена, стала баловаться спичками. Деревянный мостик, не выдержав подобного издевательства, загорелся как пионерский костер. Все это время мои орлы сидели в засаде на случай если кто-нибудь из гансов задумает испортить им праздник. Таких нашлось немного – парный патруль, посланный от расположившейся в деревеньке пехотной роты. Полюбовавшись разгорающимся пожаром, они улеглись рядышком с часовыми, а все новички обзавелись личным оружием. После чего группа затеяла марш-бросок подальше от полыхающего вовсю моста и поднятых по тревоге немцев, которые с радостными воплями «Алярм!» уже неслись на бесплатное шоу. Тут-то, по словам Михалыча, и пропали последние сомнения насчет полезности забегов на длинные дистанции с полной выкладкой.

Весь день после этого бойцы отсиживались в лесочке, перемежая отдых с наблюдением за дорогой и охраной лагеря. А поздно вечером «романтики с большой дороги» с блокнотом, полным данных о германских перевозках к фронту и обратно, двинулись домой. Попутно разорив пару обозных двуколок, застрявших на дороге из-за поломки и подвернувшихся под горячую руку. Отогнав выпяженных лошадей и взяв пару ящичков с патронами, остальное облили керосином из фляги, найденной в одной из повозок, и снова чиркнули спичкой... Геростраты!

Сразу по прибытии группы вся рота выстроилась на плацу перед казармой, глядя завистливыми глазами на героев дня с трофейными маузерами, висящими на гордо расправленных плечах. А уж когда после

командирской благодарственной речи появилась Ганна с подносом в руках и торжественно поднесла каждому вернувшемуся погранцу чарочку водки, предусмотрительно приготовленной заранее, во взглядах остальных можно было прочесть почти непреодолимое желание немедленно бежать к немцам за трофеями. До самого вечера казарма бурлила от разговоров, шуток, расспросов и прочего радостного шума. А у меня назавтра появилась новая головная боль – выбрать кандидатов в следующий рейд из огромного количества желающих и постараться никого не обидеть. Потому что унтеры тоже одновременно попросились «прогуляться», и было достаточно сложно выбрать кого-то одного. В конце концов решили вопрос с помощью двух спичек. А чуть позже Остапец поведал мне причину их соперничества. Оказалось, что они, во-первых, – земляки, из одного местечка, а, во-вторых, оба сватались к одной селянке, которая не нашла ничего лучшего, как на вопрос отца «Кого выберешь?» ответить: «Кто лучше отвоюет, за того и пойду!»... Мне сразу вспомнился фильм «Александр Невский», когда Василий Буслаев и Гаврила Олексич оказались в такой же ситуации. Иногда женскую логику понять не только трудно, но и невозможно... И в XIII веке, и в XX...

Отец Александр после окончания воскресной службы остался побеседовать с несколькими бойцами, а мы с капитаном Бойко ждали его в канцелярии. Вот ведь, до этого ни разу так не волновался, когда рассказывал о себе. Наверное, потому, что собеседники были другие – Валерий Антонович, Анатоль, доктор... А тут – особа духовного звания. Что-то такое непонятное простым смертным. Хотя в своем будущем успел насмотреться на новых русских бизнесменов от религии. Но то – там, а я теперь – здесь. Вот и маюсь, будто школьник, которого застали за исправлением оценок в дневнике.

Батюшка наконец-то появился, но разговор начинается все же не так, как я рассчитывал.

– Порадовали меня ваши солдаты, Денис Анатольевич. Оживленные, разговорчивые... В других местах куда как похуже настроение будет. Озлобились воины православные, ожесточились сердцем. Да кабы злоба их против врага была направлена... Трудно стало с ними иной раз даже разговаривать. Или вовсе не слушают, или вопросы разные ехидные да насмешливые задают. Мол, ты, поп, к Богу поближе будешь, спроси, когда землю раздавать будут? А мне и ответить им нечего. Всего-то я вам, господа офицеры, рассказать не вправе, – тайна исповеди, сами понимаете. Но мне солдат один даже германскую листовку принес. И спрашивает: правда ли то, что там написано? Вот, посмотрите сами...

Читаю текст, отпечатанный на небольшом оранжевом листочке. И слегка охреневаю! Потому, как там чуть ли не слово в слово отпечатана программа небезызвестной «группы товарищей» по превращению войны империалистической в войну гражданскую:

«Солдаты! Православные!

Правительство, которое всегда и всюду обманывало вас, оно обмануло вас и теперь. В угоду Англии, которая подкупила правительство, царь погнал вас на войну против Германии и Австрии.

Чтобы не дать вам необходимых внутренних реформ и, главным образом, чтобы не наделить крестьян землею, царь и правительство затеяли эту войну.

Как во время Японской войны, так и теперь в России происходит истребление народа.

В то время когда вы сражаетесь, в городах козачи бьют рабочих, в селах стражники избивают крестьян! Опять тысячи невинных ссылают в Сибирь!

Вспомните 1905 год!»

– Отец Александр, а вы уверены, что это – германская листовка? Уж больно грамотно напечатано. Такое ощущение, что писал ее человек, чей родной язык – русский.

– Тот воин, что мне ее отдал, врать не станет. Их германцы с аэропланов разбрасывают над нашими окопами.

– Валерий Антонович, помните наш разговор насчет агитации? Вот тому явное доказательство. Или, все же, соврал солдат, или господ социал-демократы работают «на заказ». Ну, не бывает таких совпадений!

– Денис Анатольевич, я с вами согласен, но сейчас все-таки нужно поговорить о другом...

Ну, что ж, начнем наши «откровения от Дениса»...

– Отче, вы как-то сказали, что я смогу поговорить и исповедаться, когда буду к этому готов. Похоже, этот момент наступил. Только исповедь моя будет довольно необычной. И чтобы вы не подумали, что я сошел с ума, пусть капитан Бойко присутствует здесь, поскольку мне верит...

Все рассказанное отец Александр воспринял с удивлением, но достаточно спокойно. По окончании «исповеди» сотворил короткую молитву, прикрыв глаза, и осенил себя крестом. Затем, помолчав немного, сказал, что пути Господни неисповедимы, и Он знает, что делает.

Заинтересовало его другое:

– Скажите мне, Денис Анатольевич, какова была судьба Церкви в вашей истории?

– Деталей, отче, я не знаю, но в общих чертах рассказать могу. Во время Февральской революции Церковь отказалась от царя, поддержала Временное правительство в обмен на невмешательство в свои дела и тут же ввела патриаршество, отмененное Петром Первым. После октября, когда к власти пришли большевики, патриарх Тихон призвал всех верующих поддерживать белогвардейцев. Вроде как даже монашеские подразделения где-то воевали, наплевав на все каноны и правила. Большевики не остались в долгу, массовые расстрелы священников, размещение складов, овощехранилищ и клубов в храмах, конфискация церковных ценностей – это далеко не полный список. Забегая вперед, скажу, что в тридцать первом году взорвали даже Храм Христа-Спасителя, который якобы мешал перепланировке Москвы. После окончания Гражданской войны Советская власть провоцировала и поддерживала расколы среди священников, оставшихся в России, с целью уничтожить религию как явление, а потом, когда это не получилось, тайная полиция ГПУ подмяла их под себя и даже руководила кадровыми перестановками. А в эмиграции образовалась Заграничная Русская Православная Церковь для тех, кто успел уехать.

– А что было потом? Гонения продолжались?

– В тридцатых годах, с перерывом в один год, священники подвергались массовым репрессиям, и только тяжелейшая война с Германией остановила этот процесс. Во время войны Церковь, как могла, помогала стране. На собранные деньги строились колонны броневигов, эскадрильи аэропланов, во всех приходах шла агитация за борьбу с германцами. Во время обороны Москвы даже аэроплан с иконой Казанской Божьей матери вокруг города летал, творя обережный круг.

– Германцы дошли до Первопрестольной?! Как такое стало возможно?

– Да. Тому есть много причин, и это – тема отдельного разговора... После Победы новых репрессий не последовало. Власти делали вид, что не замечают Церкви, хотя управление ею осталось в их руках. Ну, а после развала Советского Союза быть религиозным стало модно, и все кинулись в храмы. К тому же сами священники этому способствовали, переведя служение Господу на коммерческие рельсы. Освящали бандюкам машины, квартиры, дачи, даже публичные дома, – только плати. На Украине возникла своя Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата, которая провозгласила себя наследницей Константинопольской.

– То, что вы рассказываете – страшно! Если служители Божьи стали

вершить такие дела, значит этим... большевикам, почти удалось уничтожить Церковь! От нее осталась только внешняя оболочка, а внутри – ничего. Внешняя благообразность и одновременная внутренняя гниль – это же заклеянное Евангелием фарисейство. Теперь понятно и ваше поведение, и отношение к Церкви. Я, признаться, считал вас, Денис Анатольевич, атеистом, человеком, которому при рождении была дана частичка благодати Божьей, но он от нее отказался по каким-то причинам. А получается, что вы ее и не знали совсем.

– Ну, «Отче наш» я знаю и креститься умею...

– Вы, сын мой, сейчас тоже говорите о внешнем. А главное – не это. Главное – это сама вера и образ жизни. Внешний образ изменится по мере прихода к истокам, но не наоборот. Истоки как раз от внешнего подражания не обретаются. Борода до пупа ничего не прибавит к невежеству и ничего не отнимет от хамства и самолюбия. Скорее – наоборот. А сейчас для вас самое важное – в вере назидаться и в ней же укрепляться. Все же остальное добавится и приложится... Если позволите, я буду помогать в учении воинов грамоте, а заодно и с вами, Денис Анатольевич, буду беседовать и, если получится, наставлять на путь истинный...

Глава 11

В течение следующих двух недель рота училась и потихоньку втягивалась в боевую работу. Каждые два-три дня опытные группы из казаков с новичками-стажерами уходили в немецкий тыл поразведывать и поиздеваться над знаменитым немецким орднунгом. И им это вполне удавалось. За это время бойцы записали в актив роты уничтожение обоза с фуражом и походной хлебопекарни, не считая мелких пакостей типа снятия часовых, ликвидации патрулей и минирования германских блиндажей германскими же гранатами. Принцип срабатывания запала от рывка в свободном падении, отработанный на полковнике из Ставки, оказался достаточно эффективным. Гансы, наверное, в полосе фронта верст на двадцать теперь не выбегают по тревоге из своих норок, а тихонечко приоткрывают дверь, глядя, не свалится ли что-нибудь смертельно опасное сверху. Почти все мои бойцы уже вооружены трофейными маузерами, которые добыли в немецких окопах. И все они прошли через неписаный обряд принятия в боевое братство, когда по возвращении новеньким перед строем торжественно подносили чарку. А еще Ганна по своей личной инициативе стала выпекать для каждой вернувшейся группы сладкие коврижки, за что, к неудовольствию Федора, вся рота была готова носить ее на руках в прямом и переносном смысле. Но самое главное – у нас не было потерь. Вывихнутая нога и несколько синяков у одного из погранцов – не в счет, да и с лихвой компенсируются добычей. Одна из групп, возвращаясь «домой», наткнулась в окопах второй линии на блиндажик, служивший пунктом боепитания. Помня о том, что патронов бывает или мало, или очень мало, командир группы принял решение о приватизации запасов, то есть взять сколько можно унести, а остальное – «Шо ни зым, тое попыднадкусаю». Спавший на патронных ящиках ганс, не приходя в сознание, переселился в лучший из миров, бойцы быстренько навьючились полудюжиной ящиков и оттащили их в безопасную темноту. Все остальное было посыпано бумажными накладными, найденными тут же, полито керосином из стоявшей рядом «летучей мыши» и подожжено. Дождавшись, когда гансы проснутся и побегут посмотреть на внеплановый салют, диверсанты-поджигатели спокойно переползли в наши окопы, попутно придавив двух немецких часовых, вдруг захотевших поднять тревогу. При этом один из погранцов, из природной жадности схвативший аж два ящика, вывихнул ногу, попав в темноте в рытвину. Остальным пришлось тащить и

его, и ящики, за что виновник торжества узнал о себе много нового и интересного, преимущественно в ненормативных выражениях. Как бы то ни было, теперь почти весь личный состав имел и боевой опыт, и личное оружие. Исключение составляли полтора десятка пулеметчиков, которым надо было где-то найти пистолеты, и вольноопределяющиеся-студенты, которые вместе с бомбардиром Савелием Малышевым составили группу подрывников. Пока что они на нашем тактическом полигоне отрабатывали различные способы подрывов и поджогов, опытным путем подбирая состав «коктейля Молотова» и варианты инициации имеющихся пироксилиновых шашек электрическим и химическим путем помимо бикфордова шнура.

Сибиряки же за это время освоили и снайперский маузер, и пневматику от Жирардони. Даже с открытого прицела каждый из «охотничьей артели» выбивал на стрельбище как минимум сорок семь из пятидесяти. Практически единственное, над чем пришлось поработать – пристреляться из винта с оптикой на дистанцию в полверсты и дальше вместо привычных ста двухсот сажен. Семен, постоянно кладущий все пули «в кокарду», объяснил как-то, что без особого чутья человеку с ружьем в тайге делать нечего. Только порох потратит и зверя рассмешит. В переводе его слов на нормальный русский, каждый толковый охотник как-то интуитивно чувствует, где должны встретиться зверь и пуля. Видя результаты стрельбы, спорить с ним не стал.

Федор, получив разрешение потратить немного патронов, пристрелял свое крепостное ружье, а заодно, вспомнив навыки кузнечного дела, смастерил под сей монструозный агрегат невысокую складную треногу. И теперь, если нужно было попасть куда-нибудь ста двадцатью граммами стали на большое расстояние, надо было свистнуть его. Кучность стрельбы оставляла желать лучшего, но по автомобилю или орудию промахов не будет. Если поставить его в засаду на пару с кем-то из сибиряков, любому германскому авто будет конец. Вместе с пассажирами, независимо от их желания и количества.

Меня же эти две недели настолько достали своей рутинностью, что, в конце концов, решил сделать себе выходной. В смысле, поехал с очередной группой обеспечивающим на пару с Андрейкой-пулеметчиком. Тем более что это был первый самостоятельный выход моего зама, Сергея Дмитриевича. Естественно, в компании опытных казаков. На передок поехали на нашем трофее, и, на следующее утро, отправив группу, решил немного повозиться с машиной. Переоделся в подменку и полез смотреть, что там внизу иногда стучит на бугорках. Нашел на одном из кронштейнов полуоткрутившийся болт и решил вернуть его на место, что оказалось

возможным только применив в помощь к гаечному ключу несколько общепринятых в этом случае выражений. От этого увлекательного занятия меня оторвал несильный пинок по сапогу и голос:

– Слышь, штабной, хорош материться. Давай-ка вылазь, поговорить надоть.

Ну-ка, ну-ка! Кто это тут у нас такой резкий? Вылезаю из-под чуда германского автопрома и только сейчас понимаю, что меня из-за рабочей робы приняли за водилу. Ну, давайте, поиграем... Перед машиной стоят три представителя местной пехтуры. Один ефрейтор, долговязый мужик с нехорошим таким взглядом, и по бокам от него двое рядовых, видно, «шестерки».

– И чего надо, дядя?

– Я тебе не дядя, а господин ефрейтор! Усек?.. Курево есть?

– Я тоже – ефрейтор. Так что тут мы равны, дядя. А насчет курева – найдется немного.

Достаю свой «Дукат», троица нагло угощается – одну за ухо, вторую – в рот. Ну, ну. Мне папирос не жалко, да упаси Господи! Что дальше будет? Кошельком или сапогами поделиться?..

– Богато живут штабные! – Ефрейтор зло усмехается. – Мы тут воюем, кровь свою проливаем, а они, значит, в штабах отсиживаются да по бабам на фтомобилях ездют!

Интересно, и где же это они ее проливают, если специально подбирался самый спокойный участок?

– Ты, дядя, по своим делам шел? Так иди дальше. У меня работа стоит. Наши вернутся, надо их будет сразу везти.

– Ты мне особо не указ. Тута мы – хозяева! Вот вы щас германца разозлите, а он по нам стрелять начнет!

– Так и вы стреляйте. Кто мешает? Или не умеете?

– Мы много чего можем! – Ефрейтор начинает закипать. – И стрелять, и ножиком ребра пощекотать!

Этот придурок мне еще угрожать будет? Так, пора кончать этот балаган!

– Ты меня, дядя, на испуг не бери, пуганый уже! Я шоферю, пока замена не прибудет. А так, с парнями не раз на ту сторону ходил. И в убытке ни разу не был. Вот своих дождусь, и поедем дележку делать...

– Это каку таку дележку? – прорывает одного из «свиты».

Ох, сейчас я вам по ушам бульдозером проедусь. Такую дезу запущу!

– Как какую? Земельную... – Видя недоумение и явную заинтересованность, вдохновенно импровизирую: – Наш шофер, ну,

которого заменяю, в штабе слышал разговор офицерский. Мол, царь скоро манифест объявит, что тех, кто воевал хорошо, землей будут наделять. Мол, чем больше германцев положил, тем больше и дадут. Да самую лучшую давать будут!

– Бреешь!..

– Не собака, брехать не приучен. Вот мы с парнями и ходим на ту сторону в разведку да пару-тройку колбасников придушить.

– А как совет кто, что воевал да убивал германцев? – У главного вид ошарашенный, но мозги уже работают в нужном направлении. – Кто чего докажет?

– А вот тут-то наш прапорщик нас и надоумил. Говорит, прибьете германца, снимайте у него с шеи жетон. Это и будет доказательством. Чем больше жетонов возьмете, тем больше земли и дадут. Понял, дядя? Так что скажи своим в окопах, чтобы не зевали, когда случай представится.

– Побожись!..

– Да вот тебе крест!..

Вроде и грех – лгать, отец Александр уже просветил насчет десяти заповедей и, конкретно: «Не произноси ложного свидетельства...» Но ведь вроде не соврал. Разговор об этом в штабе был? Был. Говорили об этом офицеры? Офицеры. А то, что я – один из них, так кто об этом знает?..

Когда озадаченная новостями тройка ушла, из кузова выпрыгнул Андрейка и стал засовывать нагайку обратно за голенище. Надо же, подстраховывал!

– Ну, командир, ты и шутник. Они же сейчас по всему фронту эту новость разнесут, сороки болтливые.

– Пусть. Может, после этого воевать лучше будут. А насчет шуток – вдруг и вправду так выйдет... – Гляжу на оторопелого казака и думаю, а не сболтнул ли чего лишнего. – Только это пока между нами, и больше – никому. Понял?.. А раз понял, давай-ка, разводи костерок, скоро обедать будем да отсыпаться. Ночка впереди бессонная...

Ближе к полуночи выбрались в окопы первой линии на то место, откуда отправляли группу, и стали ждать. Андрейке разрешил подремать после того, как оборудует позицию для своего любимого мадсена, и предупредил, что через час поменяемся. Тот быстренько расчистил себе сектор для стрельбы и улегся на охапку сорванной травы. Вот так вот: солдат спит, служба идет. Хотя это я немного ерничаю. Спит чутко, от малейшего чужого шороха проснется – и сразу за пулемет. Уже проверяли...

Шорохи раздались совсем не с той стороны. По окопу, крадучись,

подошли несколько фигур, и первая хриплым шепотом осведомилась, где тут командир охотников. Так же шепотом называю себя, «гость» докладывает, что ефрейтор Пашкин с десятком солдат прислан на усиление. Значит, ротный все-таки расщедрился и дал людей. Это – хорошо. А голосок-то – знакомый. Утренний знакомец пожаловал. Сейчас будем веселиться!

– Ну, что... дядя... пришел жетоны германские добывать?

В ответ изумленная тишина, и только через полминуты раздается:

– В-ваше благородие... Так эта... с вами мы днем разговаривали?..

– Со мной, со мной.

– Так мы эта... Прощеньица просим... Не знали мы... Погонов-то на вас не увидеть было...

– А если не видно, то и буром переть надо?.. Ладно, проехали.

– Так что, не сердитесь, вашбродь?

– Нет, не сержусь... Сколько народу привел?

– Десяток, сам – одиннадцатый. Все с ружьями... И с патронами. По десятку на человека.

– Что, так и воюете под счет? Ни больше выстрелом, ни меньше?

– Да у нас и винтовок на всех не хватает. Третью народа в роте пустыми ходят. А начальство все обещает и обещает. Только все без толку.

– А винтовки, Пашкин, вон там лежат, шагах в ста, у гансов в окопах. И патронов там – завались.

– Странно вы как-то говорите, вашбродь, – «гансы»... Дык ведь у них энти винтовки ешо отобрать надоть.

– Нужно. И прибить ганса нужно перед тем, как оружие забрать. И сделать это тихо, чтоб другие не чухнулись. У нас вот пополнение пришло, на восемьдесят человек – десяток берданок. За последние две недели почти у всех трофейные винтовки появились. И ведь каждый сам себе оружие добывал. А вы чем хуже?.. Не знаешь, как сделать? Сейчас попробую объяснить...

Разговор шел долго, на часах было уже начало пятого, небо за спиной стало сереть. Вдруг как-то, скорее интуитивно почувствовал, чем услышал шорохи в утренних густых сумерках. Прерываем беседу, прислушиваемся... Есть! Ползут, родимые! Хлопаю Андрейку по сапогу, тот моментально просыпается, сразу врубается что к чему, занимает свое место у пулемета. Шорохи слышатся все ближе и ближе... И тут неожиданным грохотом по ушам доносится взрыв гранаты в стороне немецких окопов. Пауза, в которой явственно слышен опознавательный «чирик», затем пара пистолетных выстрелов, еще один взрыв, хаотичная

ружейная трескотня, даже пулемет свое слово добавляет... В окоп сваливаются двое казаков, волокущих «языка», затем – Сергей Дмитриевич и еще двое станичников... Стоп!!!.. А где еще один?!

– Сергей Дмитриевич, где Митяй?!

– Командир, он остался нас прикрывать. На последнем окопе германцы тревогу подняли, за нами сунулись. Мы с пленным бы не ушли... Я ему люгер отдал и две обоймы...

Казаки кивают головами в подтверждение его слов. Невдалеке темнота все еще освещается вспышками, слышны выстрелы, гранатный взрыв... И вдруг все затихает! Несколько отдаленных воплей гансов, и – тишина. Оглушающая до боли в ушах... Митяй... Что я теперь Михалычу скажу?.. Что?.. А то, что или вытащили, или отомстили!..

– Прапорщик Оладьин! Ваша задача – в любом случае доставить «языка» в штаб! Остаетесь здесь, с вами... Вот он! – Киваю на ближайшего казака. – Мы – за Митяем!.. Андрейка, дуй в машину, тащи шашки... Хотя нет, отставить!.. – Взгляд падает на одного из солдат, присланных в усиление. Точнее, на лопатку, висящую у него на ремне. То, что надо! Где там ефрейтор? – Пашкин, сколько лопаток у твоих солдат?

– Дык, семь штук...

– Давай сюда пять, только – живо!

Пока собирают лопатки, отстегиваю шашку и протягиваю ефрейтору:

– Сбереги!.. Бойцы, ножи – про запас, берем лопатки. Они сподручней будут... Все готовы?.. Пошли!..

Ох, никогда я еще так быстро не ползал! До гансов – шагов сто – сто пятьдесят. Мы их проползаем на одном дыхании. Перед окопом тормозимся, прислушиваемся... Справа, метров пятнадцать – блиндаж, откуда еле слышно раздаются голоса... Там же рядышком торчит пикельхельм часового. Больше никого не видно, наверное, унтеры разогнали кайзерзольдатенов досыпать по блиндажам. Вот и замечательно. Только вот слева тоже должен быть часовой, а я его не вижу... Да и хрен с ним! Оставляем одного казака прикрывать с этой стороны. Еще один неслышно перемахивает окоп, спускаюсь вниз, за мной – Андрейка... Ну-с, начнем-с...

Тихонько крадемся к блиндажу... И замираем! Тут, оказывается, есть еще один, и из него какой-то ганс намылился «до ветру», остальные обитатели негромко обсуждают ночное происшествие... Иди, иди, родной. Сегодня мы тебя не тронем... Наверное... Судя по голосам и звукам в командирском блиндаже, Митяй – там и, самое главное – живой! Потому, что мертвые не умеют посылать очень старым пешим эротическим

маршрутом каких-то лейтенантов. Часовой, вместо того чтобы бдеть, торчит у входа, слушает и, кажется, даже подглядывает в щелку двери. До него три метра... два... Под ногой что-то хрустит, немец оборачивается, видит мою фигуру в лохматке, открывает рот, чтобы закричать... И сбоку в шею ему прилетает лопатка. Да так, что полгорла перерублено. Вместо крика – тихий хрип и бульканье. Кидаюсь вперед, чтобы подхватить это мясо, а то что-нибудь еще звякнет... Тихонько переступаю через труп, подхожу вплотную к двери.

А в щелочку-то все видно! За столом в свете керосиновой лампы сидит одетый по всей форме лейтенант, возле стены двое гансов привязывают руки Митяя к чему-то вбитому в стену. Судя по всему, казака контузило гранатой, и его еще тепленького взяли немцы. И теперь сгорают от любопытства на предмет: а что же ему здесь понадобилось?.. А вот бить пленных нехорошо! Тем более так сильно. Митька аж обвис на привязанных руках... Лейтенант берет со стола очень знакомый артиллерийский люгер, вертит его в руках, достает обойму... Показываю Андрейке, мол, я захожу первым, вперед не лезь, снимай Митьку и страхуй вход. Тот утвердительно кивает, тянется к ручке и распахивает дверь. Тело внутри становится как бы невесомым, глаза замечают малейшие детали, даже мелкие капельки пота на затылке у первого ганса. Понеслась!.. Влетаю вовнутрь, лопатка свистит в ударе, разрубает наискосок правую шейную мышцу и, кажется, даже достает до позвоночника...левой рукой отпихиваю начинающее валиться тело за спину, чтобы не мешало, шаг вперед... Как в замедленном кино вижу лейтенанта, только начинающего поднимать взгляд от пистолета, второй немец поворачивается ко мне лицом, лезвие лопатки прямым ударом входит под подбородок... На развороте вкладываюсь всем телом в удар ногой по столешнице и буквально припечатываю герра офицера к стене... Знаю, что больно, когда вот так по ребрам. Но боль – это ненадолго. Сейчас я тебя от нее избавлю. Левая рука с «Оборотнем» летит к голове лейтенанта, нож входит в правую глазницу снизу вверх под сорок пять градусов. Все!.. Убивать больше некого... А жаль... Оборачиваюсь назад, Андрей уже отвязал Митяя от стены, осторожно укладывает на пол. Ну, и что там с ним?.. Пришел в себя, по мутному взгляду вижу – контузия, на голове справа длинная рваная рана, уже с подсыхающими потеками крови, на гимнастерке сбоку и на рукаве пятна крови. Наверное, осколками посекло... Надо посмотреть, насколько серьезно. Задираю рубаху... Я, конечно, ни разу не доктор, но, похоже, этот счастливчик словил осколок ребром. Наверняка перелом или трещина. Но жить будет!..

А теперь пора отсюда сваливать. Только сначала дать проснувшемуся хомячизму несколько секунд на сбор трофеев. Хотя их немного. Два люгера – наш и лейтенантский, затем срезаем жетоны, – и в обратный путь. Митька может идти на своих ногах, правда, с поддержкой Андрейки. Значит, иду первым, они – за мной. Выходим из блиндажа, страхующий казак уже перебрался с тыльной стороны на бруствер. Потихоньку крадемся обратно... Да что за напасть такая!.. Из примыкающего к окопу хода сообщения слышны шаги и голоса... Вроде бы трое шлепают. И чего им не спится? Лежали бы сейчас в своих норках, глядишь, и живы бы остались... Казаки моментально втягивают Митьку за бруствер, затихают. Сам прячусь с тыльной стороны. Из-за поворота появляются гансы. Первым, кажется, какой-то гауптман идет, за ним двое солдат с винтовками... Пропускаем начальство вперед, сзади идущий получает лопаткой по темечку, даже пикельхельм не спасает, второму в мордочку прилетает мой сапог. Лежа, конечно, играть в футбол трудно, но возможно. В голове у ганса что-то хрумкает, он мешком оседает на дно окопа. Гауптман разворачивается посмотреть, что происходит, Андрей сзади одной рукой цепляет его за каску, заставляя задрать голову, вторая рука с ножом скользит по горлу. Хрип, черный фонтанчик на стенку окопа... Все, готовый... Спускаюсь вниз забрать еще один пистолет и винтовки, выбираюсь из окопа. Можно ползти домой... Негромкий «чирик», из сумерков появляется казак, «державший» тыл. Тоже с трофейной винтовкой в руках. Значит, не у одного меня в роте рефлекс хомяка развит. Это радует... Вопросительно киваю на маузер, казачина шепотом объясняет, что часовой шел себе, шел по окопу, споткнулся обо что-то и упал на нож. И так пять раз... Все, уползаем, пока гансы не очухались...

Дотянули Митя до окопа, спустились вниз... Да, совсем рассвело... И жутко хочется курить!.. А чего это все на меня так смотрят, будто привидение увидели?..

– Денис Анатольевич, держите! – Сергей Дмитриевич протягивает мне дымящуюся папиросу, словно угадав желание. – И умыться бы вам не мешало. Да и постираться тоже...

Смотрю на себя... Мама дорогая, вся лохматка в крови забрызгана... Мордочка, наверное, тоже. Во, новый Дракула нашелся! Подхожу к ефрейтору, он, глядя квадратными глазами, протягивает мне мою «Аннушку», цепляю ее на портупею. В голову приходит интересная мысль! Беру два трофейных маузера, протягиваю ему.

– Держи, Пашкин. Дарю. Видишь, десять-пятнадцать минут, и у тебя – две винтовки. А у них, – киваю головой в сторону немцев, – на две меньше.

И германцев меньше. На восемь человек. Патроны сами добудете...

– Денис Анатольевич, вас не было около сорока минут, – Оладьин держит в руках свои часы и удивленно смотрит на меня на пару с ефрейтором. – Я засек время, когда вы ушли.

Надо же, как быстро летит время. Наверное, адреналиновый допинг виноват. И не только в этом. Какая-то апатия появилась, ничего и никуда не хочется. Несвоевременный, однако, отходняк. Так, собираемся, концентрируемся, нам еще кучу дел сделать надо...

– Ну, сорок, так сорок. В конце концов, не на соревнованиях по смертоубийству... Все, бывай, Пашкин, нам еще раненого к доктору везти... Да, чуть не забыл! Братцы, верните лопатки хозяевам... Извините, братцы, испачкали инструмент немного.

Лопатка, которую до сих пор сжимаю в руке, вся в крови, в сумерках выглядит черной и маслянистой. Втыкаю несколько раз в бруствер, чтобы очистить лезвие, и протягиваю ефрейтору... По дороге, пока казаки несут потерявшего сознание Митяя и ведут пленного, тихонько, чтобы никто не слышал, да и сил нет громко говорить, объясняю видение ситуации своему заму, идущему рядом с видом провинившегося щенка:

– Сергей Дмитриевич, все было сделано правильно. До того момента, пока Митька не принял бой. Вы по логике вещей в данном случае должны были скинуть мне «языка» и умчаться обратно, чтобы помочь казаку. Возможно, даже с пулеметом. Учитывая, что это первый выход и нестандартная ситуация, вы растерялись. Поэтому принял командование группой на себя. На будущее запомните: разведка своих врагу не оставляет. Ни живых, ни мертвых. Или похоронили, или принесли. Понятно?..

Ефрейтор Пашкин задумчиво смотрел вслед исчезающим в сумерках фигурам, неспешно покуривая в кулак.

– Видал, Прокопыч? – подошедший солдат прикурил от его самокрутки, затянулся дымом. – Нам бы такого командира заместо нашего «тялёнка». В пекло полез, а своего вытащил. С ножами да лопатами против винтарей... И покрошили там, грит, человек восемь...

– Видать-то видал, Емельян. Да не в первый раз. В госпитале когда лежал, санитарный обоз привезли побитый. Мужики баяли, на германцев наравались. Те санитаров постреляли, а сестричку решили всем скопом огулять. Дык пока решали, прапорщик с четырьмя казаками как из-под земли выскочил, положил супостатов, а когда узнал, что хотели девку насильничать, говорили, рычал, как медведь бешеный, свои же еле оттащили от офицерики, что германами командовал, всё хотел хвост его паскудный отрезать. Того прапорщика тож Денисом величали. А

вдругорядь обоз пришел, тама солдата привезли с брательником, которого... «гансы» поизломали всего, поизмывались над человеком. Так той прапорщик опять появился. С ним ишо сестричка была такая рыженькая. Красивая цаца, да вся такая ладная... Ну да не о том... Прапорщик, как увидал, что с солдатом сотворили, побелел весь, кулаки свои сжал, да и говорит, будто зверь рычит, мол, мстить он будет...

– И как? Отомстил?

– Нам Петрович, санитар главный, потом говорил, что отомстил. Он от дохтура узнал. Мстивец тот своих взял, ночью пришел да блиндажи тех германов, что такое сотворили, гранатами закидал. А потом ножами всех доби́ли. Никого не оставили...

– Да иди ты!..

– Вот те крест! Я тогда лицо запомнил, теперь гляжу – он енто.

– А утром-то не признал?.. Как думаешь, Прокопич, правду он про землицу говорил, аль сказки все это?

– Не знаю, Емеля. Думаю только, ежели он чего захочет, на пути не становись. Порешит и не заметит. Одно слово – Бешеный...

Глава 12

Вернулись благополучно, Митяя отправили в госпиталь с контузией и осколочными ранениями. Ему здорово повезло, между ним и гранатой кочка располагалась. Она-то и приняла почти все осколки. Сам казак поймал только четыре. В ребра (все-таки перелом), в руку и один – в голову по касательной. Теперь старается всеми правдами и неправдами сбежать обратно в роту.

Наши студенты вместе с Савелием уже освоили подрыв с помощью электрической машинки, которую Бойко неизвестно какими методами выбил из тыловиков, и теперь постоянно спорят о том, в каком месте лучше всего подрывать пушки. Я, честно говоря, не вижу разницы между тем, куда присобачить заряд: к накатнику, шестерням вертикальной наводки или замку, но пообещал дать им через несколько дней потренироваться на германских орудиях. Но при условии, что все свое хозяйство они потащат сами. Потом ко мне пришел будущий «Менделеев» Максим Горовский и, посетовав на трудности в добыче химикатов, позвал на испытания запала нажимного действия. Для эксперимента выбрали место за казармой, будущий нобелевский лауреат от химии притащил откуда-то плоскую железяку, разлохматил кончик огнепроводного шнура, предварительно разрезав его под острым углом, насыпал какого-то черного порошка и положил сверху небольшую стеклянную ампулу. Потом попросил тишины, сказал, что при нажатии на ампулу, она разбивается, содержимое выливается на перманганат калия, происходит реакция с выделением тепла и шнур загорается. После чего несильно тюкнул по стекляшке лезвием ножа. Как ни странно, все произошло так, как он и наколдовал. Через пару секунд появился дымок, потом – огонек, от которого сработал шнур имени мистера Бикфорда. Замечательно! Осталось теперь придумать, где это использовать...

Когда Валерий Антонович вызвал к себе, я уже знал, что есть новое задание. Оно заключалось в том, что почти вся рота должна была уйти в тыл к гансам – поработать «камушком в сапоге» рейхсхеера. Осталось только уточнить детали...

– Положение армии тяжелое. Мы отступаем, и никто пока не знает, где и когда остановимся. Вам, Денис Анатольевич, надлежит сформировать из самых опытных солдат роты три отряда, которые будут совершать диверсии в тылу германских войск. Главная задача – максимально затруднить

переброску вражеских подкреплений к линии фронта. Начнем с левого фланга. Там нет железной дороги, поэтому основной целью будет разрушение моста и переправ через реку Равка. Туда уходит первый отряд. Южнее реки Пилица забираться не надо, там зона ответственности четвертой армии. Второй отряд должен нарушить железнодорожное сообщение на узловых станциях Скерневицы, Лович и Сохачев. Через них проходят все пути на Варшаву. Особое внимание Скерневицам, там колея двупутная. В Ловиче отдельной целью является мост через реку Бзура. Саму реку необходимо контролировать до Сохачева на предмет строящихся переправ. Третий отряд будет действовать от вышеупомянутого Сохачева включительно к северу до крепости Ново-Георгиевск. Задача та же – нарушение коммуникаций противника, всяческая задержка его продвижения. Уничтожение мостов и переправ через Вислу. Порча железнодорожной колеи. Отдельной задачей ставится уничтожение артиллерии противника, особенно крупнокалиберных орудий. Германцы иной раз даже не утруждают себя атаками. Ведут разведку и закидывают наши позиции «чемоданами». А нам, к сожалению, даже ответить нечем... Вопросы есть?

– Вопросов нет, Валерий Антонович. Задача ясна. Первый отряд будет включать в себя четыре боевые группы по пять человек. Один из студентов идет инструктором-подрывником. Отряду придается снайпер. Командиром – прапорщик Оладьин. Второй отряд: шесть «пятерок», два снайпера. Поведу сам, подрывниками беру химика и бомбардира. Необходимо взять по максимуму взрывчатки – узловые станции все-таки. Третий отряд – такой же. Шесть групп, пара снайперов, подрывник. Командиром – вахмистр Митяев. У всех отрядов вооружение штатное, каждая «пятерка» берет пулемет, гранаты, патронов – как можно больше, сухпай.

– Денис Анатольевич, я лично ничего не имею против Митяева, но отрядом командовать должен офицер... Анатоль, не радуйся, ты забираешь оставшихся и передислоцируешься на новое место, где к вам присоединятся обещанные драгуны.

– Господин капитан, я – не тыловая крыса!..

– Поручик Дольский, прекратите!.. Анатоль, ты же прекрасно понимаешь, что там специфическая работа. У тебя должны навыки есть?.. И, потом, отрядам надо куда-то вернуться. Вот подготовкой нового места ты и займешься. И не спорь!..

Дольский закурил и, подойдя к окну, стал выпускать дым в открытую форточку, всей спиной изображая оскорбленное самолюбие. Капитан устало махнул рукой в его сторону и продолжил:

– Денис Анатольевич, я взял на себя смелость назначить командиром третьего отряда штабс-капитана Волгина.

– Ивана Георгиевича?.. Откуда он взялся?..

– Он неделю назад вернулся со своим отрядом. Казаков отправил в сотню, а сам он остался не у дел. Я предложил ему поработать с вами, но сразу предупредил, что в этом рейде командиром отряда он будет номинально. Руководить будет Митяев, а он пусть набирается опыта и присматривается к людям.

– Хорошо, Валерий Антонович, я согласен. Но хочу сам переговорить с ним.

– Штабс-капитан будет у вас в роте сегодня вечером. Надеюсь, ему найдется местечко?... На подготовку к рейду двух дней вам хватит? Вот и хорошо...

Вечером собираю роту и объявляю всем о ближайших планах. Подразделение с образцово-показательной дисциплиной в мгновение ока превращается, судя по громкости воплей и накалу страстей, в филиал привокзального базарчика, когда стало известно, что идут не все. Приходится как следует рявкнуть, да еще с применением специфических выражений, характеризующих всех галдящих в весьма неприглядном свете с точки зрения мыслительной деятельности. Народ, услышав новые неизвестные выражения, заинтересованно примолкает и начинает внимать отцу-командиру, который, борясь с першением в горле, объясняет принципы «естественного» отбора...

– Если вы, бракованные человеческие индивидуумы, разучившиеся думать верхней головой, будете и дальше так орать... К-хм... к-хе-хх... Х-ргм... То я сам назначу тех, кто пойдет в рейд!.. Х-гр-рм... Остальные могут обижаться, рвать себе волосы во всех интимных местах и плакать горькими слезами об упущенной возможности... Унтер-офицеры, перестаньте орать друг на друга, как два озабоченных мартовских кота, и наведите порядок среди подчиненных! Только без рукоприкладства... К-хе-рм...

Стоящий рядом Волгин усмехается и негромко произносит:

– Да, Денис Анатольевич, вам бы эпистолярным жанром на досуге заняться... Очень яркие и выразительные эпитеты умеете подобрать... Ваши предки, случайно боцманами на флоте не служили?..

Нет, флотских в роду не было, а вот как только свободное время появится, сяду книжки писать. И первой напишу «Парень из преисподней» братьев Стругацких. Надеюсь, они не обидятся на плагиат... Но это – в далеком будущем. А сейчас есть более важные и неотложные дела...

– Если бы вы, стадо баранов, по ошибке одетое в военную форму...

– Это почему-та мы – бараны? – недовольно бурчит кто-то в задних рядах.

– Потому, что когда говорит командир, все остальные должны молчать так, чтобы было слышно, как мухи на лету детей делают! Понятно?.. Так вот, продолжу с вашего разрешения... Кха-гхм... Если бы вы дослушали меня до конца, не перебивая, то сразу поняли бы, что все – в ваших руках. Завтра с утра сдаем нормативы: марш-бросок, полоса препятствий, стрельба. По рукопашке бои устраивать не будем, еще покалечите друг друга до дела. В рейд уходят шестнадцать «пятерок», показавших лучшие результаты. Снайперы и подрывники – не в счет, идут все. Я думаю, так будет справедливо...

До самого отбоя казарма бурлила, кипела, шипела и пузырилась. Бойцы, собравшись в боевые группы, увлеченно обсуждали свои шансы попасть на предстоящий «праздник жизни». Мы же со штабс-капитаном Волгиным уединились на свежем воздухе для разговора...

– Иван Георгиевич, насколько я знаю, капитан Бойко уже имел с вами беседу по этому вопросу, но я хочу объяснить со своей колокольни...

– Простите, Денис Анатольевич, что перебиваю, но сам все прекрасно вижу. Я – человек чужой в вашем подразделении и взят только для того, чтобы один из отрядов мог самостоятельно поработать. На что отнюдь не обижаюсь.

– Нет, вы меня не так поняли. Не знаю, что вам говорил Валерий Антонович, но у Митяева будут его казаки, с которыми он еще до войны жил, буквально, плетень в плетень у себя в станице. У них – особые отношения, что совсем не влияет на выполнение боевой задачи, – наоборот. Вахмистр всегда найдет способ и германцам наkostenять, и всех своих при этом сохранить. Вы же, впрочем, как и я, – человек со стороны. И все ваши приказы казаками будут подвергаться сомнению. А в бою иногда дело решают доли секунды. Еще, кажется, Суворов говорил, что промедление смерти подобно.

– Ну, вас-то, положим, они слушаются без всяких сомнений. Скажите, как вы этого добились? Откройте секрет, Денис Анатольевич.

– Для этого нужно было всего лишь пройти вместе с ними через все трудности и в учебе, и на операциях. Чтобы они видели, что командир требует от себя столько же, если не больше, чем с подчиненных. И никогда не пошлет их на бессмысленную гибель. А если надо, сам первый встанет.

– Да, господин подпоручик, интересные вещи рассказываете... Что ж, буду учиться у ваших казаков... Да и у вас заодно, если к себе возьмете. –

Видя мое недоумение, добавляет: – Мне кажется, за этим способом боевых действий большое будущее. Да и люди у вас на фоне всеобщего уныния в бой рвутся с радостью. А разница в чинах меня не смущает...

На следующий день мы провели мини-олимпиаду по военно-прикладным видам спорта и различным видам умерщвления ближнего своего. Как и было обещано, отобрал «пятерки» с самыми лучшими результатами, потом пришлось особо проследить, чтобы среди остающихся не возникли разборки с применением подручных средств по вопросу «Кто виноват?». Предупредил, что одной только мысли об этом будет достаточно для списания в элитные сортиростроительные подразделения. Затем отдал оружейку «на поток и разграбление», в смысле, бойцы готовили оружие, запасались патронами, подгоняли снаряжение, точили клинки – в общем, готовились к операции.

Немного дополнительных хлопот добавил Валерий Антонович, приехавший проверить подготовку к рейду и попутно доставивший подарок «с барского плеча» – два ящика пироксилиновых шашек, в дополнение к имеющимся, и ящик очень новых гранат какого-то англичанина Миллза. Вместе с командирами отрядов пошли посмотреть на это чудо. Ну, граната, как граната. По форме очень похожа на французскую F-1, то бишь «лимонку», но вот запал!.. Почти такой же, как на гранатах моего времени. Прижимная скоба с чекой в виде кольца. Единственное отличие от «феньки» – с другой стороны нужно выкрутить перед броском пробку, вставить капсуль-детонатор и снова закрутить. Ну, это – дело несложное. Гораздо важнее то, что эти гранаты существуют в качестве винтовочных. В будущем надо будет этим озаботиться, а сейчас нет времени – надо все проверить и перепроверить...

Выезжаем после обеда, ближе к вечеру. Машины уже готовы, три из автоотряда, присланные капитаном Бойко, и одна наша. Отвезут нас на передок, потом вернутся, чтобы перевезти все оставшееся имущество на новое место. Ну, да это уже проблема Дольского. А наша задача – очень тихонько пройти в тыл гансам и там уже начать безобразия нарушать и дисциплину хулиганить. То бишь посмотреть, насколько крепок знаменитый германский орднунг. Как там у классика? «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...» Вот и посмотрим, как они будут «марширт», если им нарушить снабжение разными плюшками. Из своего будущего помню, что взвод янки в одном из мест установления свободы и демократии отказался воевать ввиду того, что на позицию не были доставлены свежие биотуалеты. Гансы, конечно, не такие привереды, но и им мало будет удовольствия считать каждый патрон из подсумка и каждую

галету из «железного пайка»...

Погрузка подходит к концу, иду в казарму за своими вещами и, проходя мимо кустов, слышу какую-то возню и шепот. Теперь понятно, куда наша сладкая парочка делась. Останавливаюсь и обращаюсь в пространство:

– Федор, через пять минут вижу тебя в кузове. Время пошло... Племяшка, до свидания!

Или мне показалось, или даже кусты покраснели в смущении. Ладно, пусть прощаются...

Глава 13

Учитывая наступление немцев, линия фронта не была сплошной, и найти подходящую дырку для сотни человек особого труда не составило. Прошли по небольшой ложбинке, выставив наверху по обе стороны по пулеметному расчету, затем дождались их и тихонько двинулись к лесу, в котором планировали устроить лагерь. Добрались, выставили охранение, всухомятку перекусили (костры зажигать запретил «во избежание») и стали ждать рассвета.

Светать начало примерно через час. Ну, что ж, пора начинать делиться как амебе. Подзываю командиров – Михалыча и Оладына, который о чем-то шепчется с Волгиным. Подходят все трое. Ну, ладно, у меня тайн нет. Пока...

– Сергей Дмитриевич, доставайте карту... Сейчас собираете своих и по этому лесу уходите как можно дальше на юго-запад. Там будете почти на месте. День отдыхаете, потом выходите на берег Равки, двигаетесь вдоль реки и ищите, где гансы переправляются. Таких мест там несколько, правый берег в основном лесистый, на восток ведет пара дорог. Ну, а дальнейшие действия – на ваше усмотрение. Чем дольше немцы не смогут переправить через реку ни повозки, ни солдата, тем лучше для наших. Старайтесь не держать группу вместе, пусть «пятерки» рыщут по местности в поисках объектов для диверсий. Только не засветите свою базу. Через неделю возвращайтесь сюда. Если в течение дня никто не подойдет, выходите к своим самостоятельно, только оставьте нам знак: например, две зарубки косым крестом вот на этом дубе. Если нам придется раньше уйти, сделаем так же. Вопросы ко мне есть?

– Нет, Денис Анатольевич, все понятно... Разрешите действовать?..

– Идите. И Бог вам в помощь... – Жму руку своего зама, затем смотрю, как собирается его отряд... Вот и все, последний боец неслышно растворился в утренних сумерках. Хочется надеяться, что вернутся все... Ну, а мы поворачиваем на север и идем до речушки с очень интимным названием – Пися. Двигаемся днем, потому как достаточно углубились в глухой лес и встретить тут немца будет очень проблематично. Ну не любят цивилизованных европейцев русские леса. Наверное, еще со времен Ивана Сусанина, которого Глинка потом прославил в своей опере. Его все считали и поныне считают героем и патриотом. А в моем будущем кто-нибудь, наверное, додумается скоро этого крестьянина назвать палачом и

организатором геноцида против благородных польско-литовских шляхтичей, несших свет свободы и демократии на Русь... Так, что-то я сам с собой разболтался не по делу. Не расслабляться!.. Витать в облаках потом будем, когда дела сделаем...

Третий отряд ушел дальше по берегу до самого Сохачева, там по дороге должен быть интересный мостик, который надо проверить на взрывоустойчивость. А мы повернули на запад и крадемся в сторону уже известного нам Ловича. Скоро к дядьке Михасю в гости заглянем, узнаем, что на станции новенького, только по пути чего-нибудь испортим. Тот же мост, например, который через Равку у Болина перекинут. Мне лично он уже несимпатичен тем, что по нему гансы свободно ездят. Как по своему собственному.

Опасаться пока некого, вокруг пустынно, но – береженого Бог бережет, дозоры налегке разослал во все стороны. Остальные бойцы малость притомились со своей и чужой поклажей, как-никак навьючились мы, будто ослики. Один только Федор свое ружье тащит, не напрягаясь, за спиной помимо обязательного джентльменского набора диверсанта еще тренога в сложенном виде, патронов с полсотни, а каждый, между прочим, двести граммов весит, десятка два пироксилиновых шашек, детонаторы, шнур, да еще у кого-то вещмешок взял. Здоровый бугай, да и гормончики пошаливают, вот и прет как тяжелый боевой слон... Так, пора остановку сделать. Торможу колонну, по цепочке передаю волшебное слово «привал», народ тихонечко расползается по укромным местечкам.

Вечером разведка сбегала к Воле Шидловской, возле которой должна была состояться немецкая газовая атака, которую мы, скорее всего, сорвали в прошлый раз. Во всяком случае, я про применение газов ничего не слышал, а когда пристал с расспросами к капитану Бойко, был вежливо послан... подумать над режимом секретности, да еще и с цитатами из классиков древнего мира. Типа: «Во многих знаниях – многия печали, и вообще, что вам, Денис Анатольевич, так неймется по поводу оберст-лейтнанта и его необычного дыхательного аппарата?»

В деревне квартирует около роты гансов, так что мы обойдем их незаметно. Хоть и есть искушение зайти «в гости». Но и поднимать шум преждевременно тоже не хочется, их коллеги у моста могут насторожиться. Поэтому еще немного стемнеет, и идем к мосту, до него верст восемь осталось. Вот там и повеселимся...

Дошли, лежим, смотрим. Наверное, когда наши отступали, либо взрывчатки не хватило, либо спички отсырели, либо срочно драпать надо было. Короче, мостик-то через реку цел и невредим. И гансы по нему много

чего нужного везут своим передовым подразделениям. А рядом в силу своей немецкой основательности наладили понтонную переправу. Запчасти для второй такой же сложены на берегу. Я так понимаю, – для пехоты, чтобы не мешала тяжелые грузы переправлять на этот берег. Охраняется все это богатство тремя часовыми: двумя на мосту и одним – возле палаток. Их – две. Одна, поменьше, – наверняка для офицера, побольше – человек на двадцать. А хорошо, что гансы на этом берегу устроились. Всем кагалом, включая повозки и лошадей. Значит, ждем рассвета, а пока посмотрим, как часовые службу бдят.

Гансы здесь непуганые. Вот что значит глубокий тыл. Боятся, наверное, только одного – своего унтера-разводящего. Как только начинает светать, собираю командиров «пятерок», ставлю им задачу. Одна остается в тыловом прикрытии, одна идет к мосту снимать часовых, остальные четыре бесшумно окружают лагерь, оставляя свободным только берег. Со стороны моста дважды ухнула сова, значит, там часовых уже нет. Третий пережил своих товарищей на пару минут. Подбираюсь к командирской палатке, откуда слышен залиvistый храп. Бойцы тем временем блокируют выход из второй...

Ну, начали! Откидываю занавеску на входе, пригнувшись, ныряю внутрь. Фонарик – в левой руке, «Оборотень» – в правой. Жму на кнопку, направляю луч света по звуку на храп, который тут же меняется на хриплый спросонья голос: «Вас ист лос?» Да, собственно, ничего и не случилось, просто к вам в гости пришел толстый и пушистый полярный лис. Вы, майн херр, все равно этого не поймете, поскольку не знаете всех тонкостей великого и могучего русского языка. Но лучше вам от этого не будет.

Не давая его обладателю подняться, несильно бью углом фонаря в висок, разворачивая голову, лезвие ножа входит в шею сбоку между ключицей и трапециевидной мышцей, перерезая сонную артерию, яремную вену и трахею... Все, готов клиент. Вылезаю из палатки, мои показывают мне семь винтовок, составленных в козлы. Это что же, тут только караул? Тем лучше для нас и хуже для колбасников. Киваю бойцам на маузеры, в смысле, работаем штыками, подрезаю растяжки, палатка оседает вниз и тут же начинается шевеление с недовольными возгласами. Это даже и лучше, не промахнуться. Какой-то самый прыткий пытается вылезти из парусины, получает мой клинок в печень и валится под ноги. Палатку разрезают и проводят контроль. Или мизеркордию, это как посмотреть. Теперь идем и смотрим, что тут у нас сложено на берегу. Так, брикеты сена, какие-то доски, брусья... На воде качаются шесть жестяных понтонов. Подзываю

подрывников, мол, работайте, ребята... Хотя, стоп! А зачем тратить взрывчатку попусту? «Взрывателей» посылаю минировать уже готовую переправу. По паре шашек между днищевыми досками и жестяной, думаю, будет достаточно. Командирам групп выдается задача – натаскать сено на пиломатериалы, переправу и мост, благо, что он деревянный, вытащить из воды приготовленные полулодки и сделать из них решето трофейными топорами. После чего две штуки водрузить на будущий костер, остальные утащить на мост и ждать сигнала. Идем дальше. Так, а что это тут так противно воняет?.. Скипидар в бочке. Замечательно! А рядом – еще бочечка, поменьше. Там какая-то липкая, тягучая и очень дурнопахнущая масса. Может быть, деготь? Хрен его знает! Зачем это все тут, хотел бы я знать?.. Пропитывать настил?.. Не знаю, да и не важно это.

Озадачиваю двух человек поиском ведер, затем начинаем обильно поливать сено, чтобы лучше горело. Через несколько минут весь берег благоухает специфическим запахом, аж лошадки заволновались. Кстати, надо бы их отвязать, жалко животинку. Еще двое бойцов побежали к коновязи...

Группа переправилась по пока еще целому мосту на ту сторону, остались только подрывники. Ко мне подбегает довольный и радостный Максим-химик, докладывает, что все готово. Ну, поехали!.. Даю сигнал, в предрассветной мгле видны огоньки горящих шнуров. Проходит секунд тридцать, слышны негромкие хлопки взрывов. Четыре... Пять... Шесть... Все! Теперь в каждом «корыте» по паре больших дыр в днище. Переправа оседает в воду, ее настил и доски на берегу разгораются, освещая неровным багровым светом прибрежные кусты. Пропускаю вперед себя студента с Савелием-бомбардиром, бегу через мост замыкающим. Кричу командирам, чтобы проверили людей. Вроде все на месте. Возвращаюсь на мост к наваленным брикетам сена, воняющим скипидаром и накрытые очень дырявыми лодками, разжигаю приготовленную трофейную газетку, кидаю в кучу. Язычки пламени, набирая скорость, начинают плясать свой веселый танец огня, в небо поднимается качающийся дымный столб... И вот уже на мосту горит огромный костер. Все, дело сделано. Пока гансы прочухаются, мост по-любому сгорит. Хорошо, если остатки свай останутся. Командую «Вперед», и отряд растворяется в лесу...

Глава 14

Там, где крутой правый берег Равки становился пологим, испокон веков пролегал шлях с переправой. Многие тысячи ног прошли за это время по утоптанной до каменной твердости земле. Шлях помнил топот копыт монгольских туменов и польских хоругвей, скрип селянских телег, мчащихся по своим делам почтальонов и фельдъегерей, великую армию Наполеона, сначала гордо шествующую на восток, а потом удирающую, подобно побитой собаке, от русских войск. Кровь и золото, любовь и ненависть, радость и унылая безысходность, жизнь и смерть – все это было ему хорошо знакомо.

Теперь хозяевами шляха считали себя глупые и самодовольные люди, одетые в серо-мышиную форму, которую они называли «фельдграу», сидящие по обе стороны реки возле недавно сооруженной ими переправы и делающие вид, что помогают одетым в такую же одежду перебираться на другой берег, перевозить на повозках какие-то важные для них вещи, очевидно, нужные им для войны с другими людьми, одетыми в форму незрелой пшеницы.

Несколько таких людей уже день как незаметно следили за движением по дороге из прибрежных кустов. Один из них, наверное, самый главный, отправил десять человек выше по течению, где через несколько верст пролегал такой же шлях, похожий на первый, как родной брат. Остальные, сменяя друг друга через равные промежутки времени, смотрели за тем, что творится на переправе. Наверное, они тоже хотят воевать с теми, в серо-мышинной форме. Шлях, в отличие от людей, был очень стар и поэтому мудр. За свою бесконечно долгую жизнь он понял порядок вещей в природе. За зимой обязательно придет весна, за ней – лето, которое сменится осенью, после которой придет новая зима. И так будет всегда. И войны всегда будут заканчиваться миром, который по прошествии времени нарушится новой войной. Люди глупы. У них жизнь гораздо короче, чем у шляха, к тому же они сами специально ее укорачивают – обманывают, предают, убивают друг друга. Шлях уже давно потерял счет потокам крови, которые проливались на него время от времени. Вот и сейчас, как только стемнело и на прибрежные заросли опустилась летняя прохлада, люди в форме цвета незрелой пшеницы очень осторожно и тихо стали подкрадываться к людям в серо-мышинной форме, большая часть которых уже спала...

Двое бойцов, натянув лохматушки на голое тело, бесшумно входят в прохладную июльскую воду. С собой из оружия – только ножи в зубах. Без всплеска переплывают водную преграду, исчезают в прибрежных кустах неподалеку от скучающего часового. Еще шестеро появляются возле палатки, где спят сменившиеся караульные во главе с разводящим унтер-офицером и нарезает круги вокруг костра второй часовой. В ночной тишине над рекой разносится уханье совы. Одновременно с этим на той стороне перед часовым из ниоткуда возникает фигура в лохматке, левая рука с ножом отбивает в сторону ствол винтовки, правая пробивает удар в печень. Часовой падает на землю бесформенным мешком, как будто из него выдернули все кости. Клинок входит в правую почку, проворачивается в ране и выдергивается. Поднимается второй боец, страховавший с другой стороны... В это время часовой возле палатки пытается сделать свой последний судорожный вздох перерезанным горлом. По знаку старшего все фигуры, кроме одной, прячутся за деревьями, оставшийся срывает кольцо с приготовленной гранаты, распахнув полог, кидает ее внутрь, изо всех сил несется к глубокой рытвине и падает в нее. Палатка одновременно подсвечивается красным светом разрыва и большим пузырем подлетает в воздух... Через пять минут мост, оседая в воду на пробитых лодках-понтонках и чадя горящими досками щитового покрытия, подобно погребальному драккару викингов, медленно уплывает по течению...

* * *

Вечером следующего дня, оставив отряд в лесу готовиться к ночным кошмарам, иду с двумя бойцами к дядьке Михасю «в гости». Подобраться к его дому в сумерках было несложно, хотя и засекали пару раз немецкий патруль. Свет в окне еще горит, значит, спать не легли. Оставляю «свиту» маскироваться во дворе, сам тихонько стучу в дверь. С той стороны несколько секунд напряженной тишины, затем слышны крадущиеся шаги и испуганный женский голос:

– Кто там?

– Ганна привет просила передать...

Опять молчание, затем, видимо, хозяйка собирается с духом, отодвигает засов и приоткрывает дверь, стараясь разглядеть незваного гостя в неярком свете керосиновой лампы.

– Доброго вечера, хозяйка. Мы как-то заходили к вам вместе с Ганной. Мне бы мужа вашего повидать. Поговорить с ним надо.

– Нету яго. – Женщина тяжело вздыхает. – Увяли германы. Казали, што заложникам будзе. Тры дни как нямае... Да вы праходьте у хату.

Осторожно, стараясь не шуметь, прохожу в дом. Девчонки уже спят на кровати, тесно прижавшись друг к другу, хозяйка, судя по всему собралась доставать угощение из печи. Ага, щас я буду тут объедать людей!

– Хозяюшка, не надо ничего, расскажите лучше про заложников, кого и зачем забрали?

– Так людзи гавораць, што якісь-та эшалон важны на станцыи стаиць. Вось каб з йим нічога не здарылася, германы людзей и пахватали. Казали, што растраляюць, як што...

Вот так номер! Это что за эшелон такой, интересно? У кого бы узнать?.. Мои размышления прерываются еле слышным стуком по оконному стеклу. Один, пауза, два. «Чужой». К нам идут гости!.. По крыльцу топают тяжелые шаги, затем в дверь барабанят кулаком.

– Машка, адчыняй! – Голос мужской, грубый и сильно пьяный. – Слышь мяне?

Та аж побелела лицом, прижала к груди рушник. На мой вопросительный взгляд еле слышно отвечает:

– Гэта Казимеж, войтов спадручник...

– Холера ясна! Адчыняй, гавору! – За дверью, похоже, начали злиться.

– Мария, откройте ему. Если что не так пойдет, успокоим очень быстро.

Женщина идет к двери, шагаю следом и встаю так, чтобы меня не было видно. Дверь приоткрывается и ночной гость пытается войти, несмотря на нежелание хозяйки.

– Што табе трэба, Казимеж? Ночь на двары. Пашто шумишь? Дзяцей пабудишь...

– Ты у мяне яшчэ пагавары тут! Больно смелая стала! Аль бо таишь каго?

Мужик рвется в дверь, жёнка из последних сил его не пускает... А перегар слышен даже за пару метров.

– Та нету тут нікога! Чаго прыдумау! Идзи да дому, праспись.

– Нету? Гэта здрава... Ци не прыгалубишь мяне, а, Машка?

Твою маму, да нехорошими словами! Я тебе, самка собаки, сейчас устрою сеанс любви! Надолго запомнишь! И оторванные запчасти в руках домой унесешь!..

– Пусти, ирад!.. – В голосе женщины возмущение пополам с отчаянием. – Не замай мяне!

Еще секунду, и вмешаюсь в процесс! И мало придурку не покажется!..

Кажется, алко-Ромео уловил угрожающие флюиды, потому, как сдал назад. Но ротик свой поганый не закрыл.

– Михася свайго ждешь? Ну-ну... Пока ешалон з гэтыми жалезкамі не уйдець, нікога не адпусцяць. А как зоусім не вярнецца? Адкуль палево у лампе, а? Твой варюга са станцыі спер? Я ж шапну войту славечка на вушка, ён – бургамістру, вось і няма твайго Михася. На каленках, паскуда, да мяне прыползешь, каб девак сваіх байстрыючкамі не заставиць! Падумай, я заўтра знова зайду. Штоб паласкавей была!..

Дверь захлопывается, хозяйка тяжело вздыхает. Дожидаюсь, пока хлопнет калитка, приоткрываю дверь и тихонько цокаю языком. Тут же появляется один из погранцов. На пальцах показываю, что гостя нужно немного проводить, потом притормозить, и всем вместе ждать меня. Он кивает головой и исчезает в темноте. Оборачиваюсь, Михасева жёнка смотрит на меня почти квадратными глазами, в которых читается немой вопрос.

– ...Вы яго?..

– Хочешь, чтобы он снова пришел? – В ответ – энергичное мотание головой. – Значит, не придет. Ни завтра, ни в какой другой день.

Достаю из кармана заранее приготовленный сверточек с потертыми серебряными монетками, завернутыми в обрывок «Железнодорожника» за октябрь 1910 года. Валерий Антонович выдал «боевые» на подкуп и оплату, протягиваю женщине.

– Паночак... Вы ж нічога ня будзеце з пояздам робиць?..

– Пока он на станции и заложников не отпустили – ничего. – Видно, что собеседница потихоньку успокаивается. – Спасибо, что пустили поговорить. Михась вернется, передайте ему привет от меня и от Ганны.

– Як яна? Гдзе зараз? – запоздало прорывает хозяйку.

– С ней все в порядке. Кашеварит у нас в роте. Обижать ее никто не думает – слишком уж это опасно. Жених у нее очень суровый.

– Гэта не той, што з маім пра благаслаўленне гаворыў? – женщина слабо улыбается. – Здаровы такі, як мядзведзь? Ну, за ним не пропадзе...

– Он самый. Ну, нам пора. До свидания...

Бойцы вместе с жертвой алкоголя и гормонального токсикоза ждали меня неподалеку в кустах. Казимеж, правда, еще не был в курсе, что его судьба меняется самым кардинальным образом, поскольку находился в отключке. Петро, один из погранцов, шепотом сообщил, что болезному хватило несильного «леща» по затылку. Это все, конечно, хорошо, только вот что теперь делать с этим придурком и, главное, – где? То, что он сегодня помрет, – это однозначно. После того, как расскажет про

интересные железки в поезде, ему прямая дорога в лучший из миров. Но смерть его должна быть как можно более естественной. Хотя... Кажется, придумал. Теперь надо найти укромный уголок, где сможем пообщаться без лишних ушей. А ближайший такой – недалеко, в овраге. Вот туда и пойдем...

Вся процедура была недолгой и успешной. Сначала оттащили тушку в овраг, один из бойцов устроился в охранении, а я с помощью второго привел зама старосты в чувство. Это нетрудно, надо только знать, куда нажать, а потом сильно потереть уши для экспресс-протрезвления. После чего объяснил здыхлику, что от него нужно, пояснив, что узнаю это в любом случае, но будет больно и очень больно. Хватило двух легких уколов ножом в шею, чтобы пташечка запела.

На станции стоит германский эшелон из пяти вагонов, который охраняется усиленным караулом. Более того, из гражданского населения было взято два десятка заложников. Их закрыли в пустом пакгаузе, и комендант объявил, что если с этими вагонами что-то случится, пока поезд стоит в тупике, все они будут расстреляны. А в вагонах лежат на стеллажах какие-то большие железяки, около полутора аршин длиной и в две пяди шириной. Казимеж видел их издалека, был с войтом на станции, когда германские офицеры открывали и проверяли вагоны. И в руках они держали что-то белое – то ли тряпки, то ли повязки. А еще войт сказал, что завтра-послезавтра эшелон должен уйти, но куда – никто не знает.

От этих слов мне стало как-то неудобно... Так, так, так... Эти твари опять свою химию сюда привезли?.. Или это очень крупнокалиберные снаряды? Но тогда каждый должен быть в отдельном деревянном ящике. Значит, все-таки химия... Интересно, где конечная точка маршрута? Сейчас наши отступают по всему фронту, а газы, если это, конечно, они, необходимы при длительной осаде. В которой у нас сейчас две крепости – Ново-Георгиевск и Осовец. Похоже, что не зря я рассказывал Валерию Антоновичу про «атаку мертвецов». Туда едут баллончики... Но не доедут.

Ладно, пора заканчивать беседу и возвращаться. Очередным ударом отправляем источник информации в нирвану, выволакиваем тело на дорогу. Находим на обочине подходящий булыжник. Последний и самый сильный удар в многострадальный висок, теперь уже рукоятью люгера, укладываем придурка раной на камень. Щупаем пульс на шее – нет. Для завершения картины выливаю на мордочку немного спирта из карманной фляжки, хоть и жаль тратить драгоценную жидкость на эту сволочь. Вот теперь готова агитка о вреде алкоголя. Типа, шел пьяный, споткнулся, да об камень головой и приложился. Причем насмерть.

А мы быстрым ходом идем на базу, чтобы отменить ранее запланированные ночные кошмары. Нам до убийства поезда нужно сидеть тихо-тихо. Дабы не вызвать ненужных подозрений. Эшелон окупит все затраты...

В лесу все уже морально настроились немного повоевать, поэтому команда «Отставить» была воспринята с ворчливым недовольством. Собираю командиров групп и подрывников, ставлю новые задачи:

– Значит так, орлы! Планы меняются из-за эшелона, который стоит на станции. Что в нем, не знаю, но предполагаю, что отравляющие газы. Если поблизости от станции нашумим, гансы могут всполошиться и даже расстрелять заложников. Поэтому до ухода поезда со станции – тишина. Пару часов отдыхаем, затем первая и вторая «пятерки» уходят на юг, к Скерневицам. Там производят детальнейшую разведку всего, через сутки возвращаются. Меня интересуют все дороги и мосты, кто по ним гуляет и ездит, стоят ли где-нибудь германские подразделения. Сколько их, чем вооружены. Задача ясна?.. Хорошо, сейчас закончим, – и готовьте людей.

Дальше, третья и четвертая группы идут вдоль железной дороги от Ловича к Сохачеву, ищут подходящие места для засад и диверсий. Ближайшее, судя по карте, верстах в десяти от станции. Там как раз рядом с «железкой» холмик или возвышенность, на ней можно оборудовать позицию. С собой берете подрывников. Максим, твои взрыватели готовы?.. Добро. Дополнительную взрывчатку берешь у первой и второй групп. Им она пока – без надобности. Минируешь полотно так, чтоб по времени от момента срабатывания до взрыва прошло секунд десять. Тогда рванет под вторым или третьим вагоном. Савелий идет с тобой. Потом ставите растяжки перед огневыми позициями на случай, если гансы ломанутся в атаку. Места подберете с командирами групп. Основная засада нужна не ближе десяти-двенадцати верст отсюда. Как будете готовы, шлете сюда двух бойцов с весточкой. Если эшелон тронется раньше, мы с оставшимися рысью мчимся следом, но если не успеем, – действовать самостоятельно. Подрыв, уничтожение всех сопровождающих – и ждать нас. В вагоны без лишней необходимости не лезть! Если при взрыве пойдет облако газов, быстро уходить под прямым углом к направлению ветра в сторону возвышенности. Вопросы есть?.. Нет?.. Замечательно!

Далее, пятая группа, – остаетесь здесь, в лагере. Задача: сохранить его в целостности и вести наблюдение за станцией. Обязательно определить, где содержатся заложники, сколько там охраны, ну и все остальные детали. Оставшиеся вместе с шестой «пятеркой»: смотрим только за поездом. Как только его вытянут из тупика, срываемся с места и идем вперед, стараясь

дойти до засады раньше гансов. Как рассветет, наблюдатели парами выдвигаются к станции. Поочередно один смотрит, другой готов бежать с вестями. Всем все понятно?.. Добро. Тогда охранение проверить, и всем свободным – отбой на пару часов...

Глава 15

Ранним утром, едва на востоке стало светлеть, в лагере началось бесшумное движение. Пользуясь тем, что из-за высоких деревьев дымок сейчас не виден, быстренько вскипятили воду на маленьком костерке, перекусили, и четыре группы разбежались по своим направлениям. Надеюсь, у них все получится. Ну, а оставшиеся отправились подглядывать за немцами. Место для наблюдения нашли очень хорошее, спрятались в полукилометре от станции, как раз напротив того самого тупика, где стоят таинственные вагоны. Охраняют их, и правда, тщательно. Возле каждого вагона по два часовых ходит, да плюс патрули вдоль колючки шастают, как настеганные. Место полностью оцеплено, никого туда не пускают. На остальной территории начинается обычная толкотня. На повозки какие-то мешки грузят, рядышком автомобили ящиками забивают, скорее всего, патронными. Еще дальше паровоз заправляют, готовят в путь, наверное. Маневровая «кукушка» туда-сюда носится, состав формирует. В общем, суета сует и всяческая суета...

Только после обеда, когда солнце уже начало спускаться, начинается странная беготня. Всех лишних с территории выводят, маневровый медленно вытаскивает нужные нам вагоны из тупика, подпихивает их к магистральному паровозу, уже стоящему под парами. Ага, скоро двинется. Пора и нам собираться. Бегом возвращаемся в лагерь, хватаем свои пожитки и уносимся на север. Надеюсь, там уже нашли место для засады...

Отмахали за два часа верст восемь, наверное, и только тогда нас обогнал знакомый составчик, только в конце был прицеплен еще и вагон с охраной. А много вас едет, полсотни человек, не меньше. Пропустили гансов вперед, подождали немного, вылезли из кустиков, и – аллюр «три креста». Хочется успеть на праздник!..

Но первая часть Марлезонского балета начинается без нас. Впереди, верстах в двух, за лесом грохает взрыв, над верхушками деревьев появляется облако дыма, затем раздается винтовочная трескотня. Прибавляем скорости, вылетаем из-за поворота... Красиво-то как здесь! Состав сошел с рельсов, хорошо, что вагоны не опрокинулись. Впереди заканчивает дымить раскуроченный паровоз. Максим, наверное, пожалел детонационного шнура, а охреневшие гансы, решив поиграть в горных козлов, лезут вверх по склону небольшого холмика, поросшему невысоким кустарником, лупя на ходу из винтовок. Действительно, тупые и упрямые

козлы. Кто же в горку, да по пересеченной местности, да под двумя пулеметами атакует? Оп, вот и первая растяжка сработала... Еще одна... Залегли, придурки импортные.

Вступившие в «разговор» с фланга пара мадсенов и снайперский маузер, прибывшие со мной, не оставляют охране ни малейшего шанса. Через минуту все закончено, народ спускается с холмика, по пути проводя контроль. Идем смотреть вагоны. Да, там – именно то, что я предполагал. Уже знакомые баллоны с вполне понятной надписью «Actung! Gefarlich! Chlor!». Так, ветер дует слева от дороги. Смотрим карту, на ней ближе двадцати пяти верст ни одного селения. Уже хорошо! И что мне с этой гадостью делать прикажете? Рвануть эшелон – взрывчатки не хватит. Баллоны хоть и под давлением, но какой-то запас прочности имеют. Не факт, что все повредятся... Думай, Гуров, думай!.. Основная задача – не дать немцам применить их на фронте. Подрыв гарантий не дает... Выпустить газ?.. Облако должно получиться немаленьким, насколько помню «хим-дым», из одного литра жидкого хлора имеем четыреста пятьдесят литров газа... Да мы тут задохнемся в момент! Во, гансы обрадуются!.. Думай, думай, Денис!.. Достая папиросу, чтобы стимулировать процесс, прикуриваю... И, задумавшись, смотрю на огонек спички до тех пор, пока он не обжигает пальцы... А почему бы и нет?! Вагоны деревянные, внутри тоже дров хватает, – распорки там всякие, ложементы. Гореть будет хорошо! Баллоны если и не рванут, то перекалятся, наверняка поведет стеночки-то. А там и между вентилем и корпусом прорыв может случиться, все-таки из разного материала сделаны. Вот и получается, что прям вот здесь придется германским химикам-саперам работать, тем более что путь освободить надо... А мы их время от времени навещать будем!.. Да, последний вагон надо будет все-таки заминировать, пару растяжек поставить. Устроим гансам торжественную встречу! Работать буду сам... Не знаю почему, но чуйка говорит, что сделать надо именно так! Остальные пусть поджогами займутся...

– Всем слушать сюда!.. Максим, Савелий, сейчас идем ставить растяжки в последний вагон, будете мне помогать. Пятая группа! Ваша задача – после того, как мы с «взрывателями» закончим, из паровозной топки достать весь горящий уголь и, насколько его хватит, рассыпать ровным слоем по полу оставшихся вагонов. Там, на паровозе, должна быть масленка, ее – тоже в дело, ветошь – туда же. Лучше гореть будет! Работать осторожно, баллоны не ронять, на них ничего не крутить, двери не закрывать! Командиры, смотреть в оба!.. Третья и четвертая группы!.. Так, братцы, вы здесь, можно сказать, уже обжились, поэтому остаетесь

встречать вторую порцию гостей. Мы когда к вам бежали, по той стороне вроде кто-то из гансов за помощью спешил. Пару часов ему – добежать, да еще пару, чтобы они сюда приехали. Так что быстренько те трупики, которые настреляли, стаскиваем к рельсам и укладываем рядочком. Это – чтобы приехавшие заскорбили и не сразу догадались, где вы прячетесь. Без мародерства, ничего не брать, кроме жетонов и боеприпасов! Стоп! Штык-ножи тоже соберите, мне они скоро пригодятся. Винтовки отдайте пятой группе, пусть сожгут в вагонах. Затем сидите и ждете, когда подмога прискачет. Мы четыре вагона подожжем, пусть разгораются, пятый будет заминирован. Как только немчура в него полезет, рванут растяжки на баллонах и пойдет облачко хлора – не попадите под него. В три пулемета добиваете оставшихся, в первую очередь – всех командиров. После чего быстро-быстро убегаете на место встречи. Да, поставьте заново растяжки перед холмиком. Ясно?.. Ну, вот и славно! Остальные возвращаются на базу и ждут вас там...

Ну-с, а мы идем в последний вагон готовить сюрприз. Пока озадачивал бойцов, студент Макс уже достал из кармана несколько жилот от телефонного провода и скручивает их тросиком для прочности. Савелий, справедливо рассудив, что плох тот машинист, который не имеет заготовок с самым необходимым для мелкого ремонта, нашел моток железной проволоки подходящей толщины. Беру пару английских гранат, вставляю запалы, бомбардир отламывает два подходящих куска проволоки, и идем к вагону.

Максим со своим напарником осторожно сдвигают дверь теплушки, залезаю внутрь. И только сейчас как токомшибануло ощущение опасности... Здесь, за тонкими стенками безобидных на вид баллонов, притаилась до поры Смерть, которую готовили нам немцы и которую теперь готовим им мы. Там, в моем прошлом будущем, Она собрала щедрую жатву в наших рядах. Теперь будет по-другому... Так, прекращаем эти игры разума и начинаем работать! Осторожно, одними пальцами сворачиваю защитный колпак с вентиля, теперь между мной и вышеупомянутой Седой Старухой всего-то несколько миллиметров латуни с каким-нибудь шариковым клапаном... Отче наш, иже еси... Какой умник там надумал мне на ухо молитву читать в такой момент?.. Да святится имя твое... Да хватит на нервы давить!.. Закончу, вылезу, прибью шутника!.. Да будет Воля твоя яко на небеси... Да е...!!! Надо вытереть внезапно вспотевшие ладони. Штаны как раз для этого подойдут... Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Хватит!!!... А кому это я, собственно, ору здесь? А, понятно! Денис Первый проснулся! И испугаться решил... Яко

же мы оставляем должникам нашим... М-да, явный неадекват. Ничем не пронять... Хотя сам-то я вроде немного успокоился... Вдох-выдох, работаем!.. Молитву – на задний план, сосредоточимся на действиях. Гранату вплотную к вентилю, приматываем тремя витками трофейной проволоки (хорошо, что не сталистая!). Проверяем, плотно ли прикручена... О, ё...!!!... Или мне показалось, что провернул немного вентиль?! Шипения нет, запаха – тоже... Ф-фух-х... Вся спина мокрая, пот заливает глаза, и руки опять вытирать!.. Чуть не обосц... Короче, теперь я знаю, куда в организме выделяется адреналин. И в качестве чего... Крепим на соседний баллон вторую гранату. Вроде легче пошло... На кольцах уже прикручены проволоочки. Подрывники по моему знаку прикрывают дверь, оставляя щель – только-только протиснуться наружу. Догадливый Максим подсвечивает мне снизу фонариком. Так, вот здесь вверху двери есть какой-то торчащий болтик, проверяем, не шатается, сидит прочно. Замечательно! Закрепляем проволоочки другим концом за этот болт почти внатяг. Теперь – самое важное... А молитвы уже почти не слышно... Все, не отвлекаемся! Очень осторожно отгибаем усики чеки на дальней гранате, все внимание, все чувства сосредоточились в кончиках пальцев... Медленно вытягиваем чеку, пока не остается буквально пары-тройки миллиметров с той стороны. И с некоторым усилием заставляю себя отпустить предохранительную скобу... Вдох-выдох... Теперь повторяем эту же операцию со второй гранатой... Все!.. Можно вылезать!..

Отхожу на пару десятков метров, чуть не поскользываюсь на деревянных ногах, сажусь на травку и никак не могу прикурить. Руки колотятся, спички ломаются, пару раз даже мимо коробка промахнулся. Максим помогает прикурить, сочувственно улыбается и отходит на всякий случай в сторону.

Да... На базе вместе со всеми отрабатывал установку растяжек и подрывы. Но одно дело, когда «условный противник условно уничтожен», и совсем другое, когда вот так... Как сейчас. Все, хорош рефлексировать, дела не ждут...

Когда вернулись в лагерь, уже начинало темнеть. Проверив, что здесь все в порядке, прогулялся к наблюдателям. На станции с их слов был большой шухер. Куча народу с каким-то очень энергичным герром офицером оседлала паровоз с одной платформой и унеслась спасать имущество и камрадов. А вот к пакгаузу приставили дополнительную охрану, теперь там уже два ганса ходят. И никого оттуда не выпустили... Так!.. Весело!.. Значит, надо срочно готовиться в гости к немцам и истерику им устроить из-за того, что они не держат своего слова. С летальным для

них исходом.

Ближе к полуночи вернулись остававшиеся в засаде. По рассказам командиров групп и Максима, немцы остановились в сотне шагов, выскочили на полотно и, подгоняемые каким-то майором, побежали к единственному целому вагону, остальные горели уже основательно. Как только дернули дверь, там рвануло. Осколками, а затем облаком накрыло с десяток самых резвых, включая голосистого офицера. Остальных положили за пару минут. Оставшиеся невредимыми машинисты второго паровоза и два ганса из охраны решили тем временем оттуда исчезнуть, но у них это не получилось. Пока разгонялись, к ним на ходу подсели попутчики и, объяснив, что им все равно по пути, оказали посильную помощь. В смысле, подгоняли пинками бригаду, чтобы пепелац ехал быстрее. Попросили остановиться за версту до станции, привязали всех к деревьям неподалеку, бросили винтовки в догорающую топку, стравили пар из котла и ушли. Кому-то в голову сначала пришла идея отправить неуправляемый локомотив на станцию в качестве брандера, но потом решили не рисковать. Так оно, наверное, правильней.

М-да, если на место диверсии выехал сам начальник, то здесь должен оставаться его зам, который не рискнет ничего делать с заложниками без санкции сверху. Значит, до утра время у нас есть. Тем более учитывая, что Биг Босс уже не существует, как понятие. Тогда проверяем охранение, и отбой до рассвета...

За час до того, как начнет светать, костровой разбудил командиров, а те, в свою очередь, своих подчиненных. Пока бойцы быстро, по-деловому собирались, еще раз обговорил наши действия...

— Заложники — наша главная задача. Пакгауз стоит на въезде, значит, входить будем оттуда. Первая группа убирает всех лишних от ворот и остается там дежурить на случай прибытия подмоги из городка. Остальные тихо и незаметно проходят внутрь. Вторая группа «на цыпочках» подходит к пакгаузу, берет часовых на прицел. По сигналу убирает гансов и выпускает гражданских. Третья — блокирует караулку и опять-таки по сигналу забрасывает ее гранатами. Так, чтобы никто не выжил. Четвертая вместе со мной, Федором и Семеном берет на себя здание управления, где сидит этот временный начальник станции. Убираем там всех и организовано отходим. Семен, ты сегодня — снайпер в свободном поиске, но особое внимание обрати на часовых у вагонов и патрули. Они тоже захотят пострелять. Держись вместе с пулеметчиком, долбите тех, кто будет сопротивляться. Минеры, вы как, очень устали кататься на паровозе? Нет? Вам тоже работка найдется. Всю оставшуюся взрывчатку берете с собой.

Там будет, где порезвиться. Так, сигнал к началу... Федор, радость моя, а ты очень громко сможешь котика изобразить?.. Ну, вот и ладушки! Этот «МЯВ» и будет сигналом к началу... И чего все ржут? Сигнал, как сигнал...

Сонную предрассветную тишину в клочья разрывает дикий крик озабоченного и очень разозленного кота. Часовые возле пакгауза, не успев удивиться, тут же получают по пуле и ложатся на землю бесформенными кучками. Темные тени появляются возле ворот, замку хватает пары ударов трофейным прикладом. Одновременно звенят разбитые стекла в помещении, приспособленном под караулку, внутрь залетает стайка гранат, почти в унисон бахают разрывы...

Мы в это время уже поднимаемся на второй этаж управы, несемся по коридору, не забывая проверять все двери. Пока что все они заперты. О, вот одна открывается. Кольцо с гранаты, хлопок капсюля, «двадцать два», и закидываем. Бамс!.. Бежим дальше. Вот и заветная дверь в торце этажа. Здесь, судя по свету в окошке, скорее всего, и сидит нужный нам герр офицер. Показываю рукой, чтобы встали справа и слева от двери, сам тоже суюсь в сторону, резко дергаю ручку наружу. В ответ из глубины комнаты начинают стрелять. Судя по звуку, это – не люгер, а что-то малокалиберное. И магазин у него не резиновый. Пять... Шесть... Наверное, все! А нет, еще два выстрела по брошенной в проем фуражке. И щелчок доставаемой обоймы. Пора! Разворот против часовой стрелки, одновременно сажусь на правое колено, руки с пистолетом чуть согнуты. Веером высаживаю в темноту всю обойму и слышу между выстрелами вскрик. Да, наверное, это больно, когда в тебя попадает пуля. Ну, а что делать?.. А кому легко?.. На пол что-то падает с металлическим стуком. Теперь меняем обойму, включаем фонарик, а то света из коридора недостаточно.

На полу лежит обер-лейтенант, и под ним расплывается лужа, кажущаяся в таком освещении абсолютно черной. А ганс-то уже и не дергается почти, затихает. Интересно, куда я попал? Переворачиваю труп, правое бедро сочится кровью. Вот и входное отверстие. Перебил я ему бедренную артерию. Это – стопроцентные похороны... А нефиг было к нам с войной лезть. Сидел бы где-нибудь в своем Гамбурге или Дортмунде, глядишь, и жив бы остался! А пистолетик заберу на память. Маузер 1910. Будет еще один сувенир.

Так, теперь займемся любимым делом – поджогами. Все, что горит, должно гореть! И, в первую очередь, – всякие бумаги. Бойцы по моему знаку уже сваливают все бухгалтерские книги, тетради, накладные в большую кучу на полу. Я тем временем осматриваю стол. Ага, вот и она! Та

самая бумага, где фамилии заложников прописаны. Ее мы возьмем с собой, на память. Все остальные бумажки летят в общую кучу, один из погранцов выливает на нее из лампы керосин. Чиркаем спичкой – занялось! Даю команду, чтобы во всех остальных комнатах постарались сделать то же самое, и бегу на перрон, услышав пальбу со стороны въезда.

Подбегаю к воротам и вижу, что личного вмешательства в ход событий не понадобится. На помощь гансам из города бежало штук сорок их камрадов. Первая «пятерка», отвечавшая за пропускной режим, положила их всех за полсотни метров с помощью трех пулеметов, которые им оставили в начале операции. Ну и ладно. Интересно, а еще гансы в городе остались? Сомнительно, иначе все уже были бы здесь... Все, пойдем дальше безобразничать.

В живых из колбасников осталось человек десять, в том числе две паровозные бригады. Одна каталась на маневровом, другая только-только загнала магистральный паровоз на поворотный круг. Благоразумно не успевшие дотянуться до оружия, они теперь сидели связанными возле одного из вагонов. Бойцы уже зачистили территорию и ходили любопытничали на предмет того, что где лежит интересного. Подзываю Максима с Савелием, ставлю задачу на подрыв всех, по возможности, стрелок на путях. Те в ответ жалуются, что шашек осталось мало. Мало?.. Значит, надо поискать! Только получилось, что уже нашли без них. Ко мне подходит один из командиров и задает вопрос, типа, а зачем германцам столько мыла, да еще и хренового, – не мылятся совсем, сколько на него не плюй... Оп-па, а пиротехники ушки моментально насторожили. Одновременно с диким криком «Где?». Идем разбираться на месте, но я уже догадываюсь, что именно там увидим. Подходим к одному из вагонов, наполовину загруженному деревянными ящиками. На который трафаретом отбита надпись «Achtung! Gefarlich! Der Sprengstoff!». В смысле, «Внимание! Опасно! Взрывчатка!». Студент тут же лезет внутрь, через пару минут слышен его торжествующий вопль «Есть!». Появляется в проеме, держа в руках какие-то блестяшки.

– Командир, тут в отдельных ящиках детонаторы и шнур! Давай рванем этот вагон к чертовой матери!

– Ага! Тебе в детстве не говорили никогда, что жадность – это плохое чувство? Во-первых, мы не успеем уйти отсюда, контузит взрывной волной. А во-вторых, пол-Ловича вместе со станцией на воздух взлетит. Или, как минимум, без окон останется. Так что, умерьте свой пыл, юноша. Теперь взрывчатки хватит на все стрелки и на поворотный круг. Кстати, на круге надо подорвать направляющую рельсу, по которой ролики катаются.

Нужно найти люки, через которые можно проникнуть вниз... И чего стоим? Бегом! Нет! Отставить!

Быстренько идем к пленным. Задаем очень важный вопрос:

– Кто из вас может переключить стрелки в нужном направлении?

В ответ – тишина, хотя сидеть им очень неудобно. В глазах камрадов никто не хочет быть предателем. Внезапно выручает один из погранцов.

– Командир, я до службы стрелочником и кочегаром работал. Могу сам сделать.

– Ай, молодца! Слушай задачу! Надо прицепить вагон с взрывчаткой к маневровому паровозу и отправить его со станции в южную сторону. Справишься? Возьми себе помощника. Савелий поедет с вами. Отойдете от города версты три, он заминирует вагон, разгоняете паровоз, поджигаете шнур, – и мухой в кусты, чтобы не задело ненароком. Савелий, слышал? Шнур подлиннее, где-то минуты на две. Действуй! После того, как «подарочек» уедет, самостоятельно добираетесь до лагеря. Максим, сгружайте четыре ящика и нужное количество детонаторов и шнура. Ну, ты лучше меня все знаешь! Два ящика – на поворотный круг, третьим минируете стрелки, а четвертый забираем с собой. Все понял?.. Тогда – вперед!

Смотрю на часы: оказывается, уже сорок с лишним минут воюем. Неужели действительно гансов в городе нет? Хотя городишко маленький, глубокий тыл, – что здесь боевым подразделениям делать? Но расслабляться не будем.

– Командиры групп, ко мне!.. Одна пятерка – в помощь нашим «взрывателям», остальные – за периметр станции и готовиться к бою. Неровен час, гансы откуда-нибудь выползут. Все, разбежались!..

Поворотный круг рвануло просто замечательно. Его аж немного приподняло вместе со стоящим на нем паровозом, потом опустило набекрень, к тому же и локомотив завалился на бок. Про эту конструкцию немцам можно надолго забыть. Все стрелки Максим с добровольными помощниками рванул еще раньше, да еще и умудрился в боевой обстановке провести собственный мастер-класс. То бишь – дать потренироваться остальным бойцам на конкретных объектах. Закончив разгром и веселье и прихватив в качестве сувениров помимо тротила еще и пару ящиков консервов, отправились обратно в лагерь...

Глава 16

Интендатуррат Артур Штольц неприязненно смотрел на нового посетителя в своем кабинете. Полчаса назад ему позвонили из штаба 9-й армии и, сначала ехидно поинтересовавшись, когда же brave солдаты кайзера получат в полном объеме обещанные боеприпасы и продовольствие, посоветовали в ответ на оправдания не сваливать вину на обозные колонны, а почаще отрывать свою жирную задницу от мягкого стула и хоть что-то делать для того, чтобы в окопах ни в чем не нуждались. Абонент на том конце провода был баварцем и обладал присущим всем им грубоватым чувством юмора, что, впрочем, не мешало ему быть также «своим парнем» и за определенную мзду помогать время от времени зарабатывать небольшие суммы своим подчиненным. Но в этот раз разговор пошел о другом. Штольцу было сообщено, что скоро его посетит офицер, приехавший из Берлина и имевший аудиенцию у командующего. После чего неукоснительно было предписано выполнять все требования и пожелания данного господина, выполняющего какое-то очень важное поручение.

И вот в кабинете появляется худощавый гауптман с жестким и немного надменным выражением лица, который с порога заявляет, что ему и его егерям требуются грузовые автомобили для перевозки, а также неограниченное обеспечение топливом, боеприпасами и продовольствием любыми органами снабжения армии. В роте вместе с ним – ни много, ни мало – четыре офицера и сто восемьдесят нижних чинов. И вся эта орава должна по первому требованию получить все желаемое на любом складе, находящемся в его, Артура Штольца, ведении! Никогда еще и никому не давались такие привилегии. Всегда все делалось веками установленным порядком, и тут – на тебе. Но бумаги, привезенные гауптманом, недвусмысленно указывают на обязательность исполнения.

– Вы не будете любезны просветить меня, герр гауптман, с чем вдруг связаны столь неординарные требования? Чтобы я смог наилучшим образом обеспечить вас всем необходимым.

Гауптман, как показалось чиновнику, слегка презрительно улыбнулся одними уголками губ, помолчал несколько мгновений, видимо, решая что-то для себя, и ответил:

– Герр интендатуррат, вы, вероятно, в курсе того, что за последнюю неделю снабжение передовых частей значительно ухудшилось?..

– Да, но это – не по нашей вине! Наша служба все требуемое отпускает со складов вовремя!

Офицер недовольно поморщился в знак того, что ему не нравится, когда его перебивают, но, сдержавшись, продолжил:

– Я вас ни в чем не обвиняю, герр интендатуррат. Дело в том, что в тылу вашей армии действует подразделение русских. По аналогии с наполеоновской войной их можно назвать партизанами. Вот они-то и являются причиной срыва поставок на переднюю линию.

– Но, герр гауптман, как такое возможно? Целый полк или даже больше русских находится в нашем тылу, и наши доблестные войска до сих пор с ними не покончили?!

– Не полк, и даже не батальон. Я сомневаюсь, что их численность превышает сотню человек. Но, тем не менее, они – очень опасные противники. За несколько дней они сумели уничтожить два моста, три понтонные переправы, причем одну из них – дважды, второй раз – уже после того, как саперы ее восстановили. Выведена из строя железнодорожная станция, между прочим, имевшая стратегическое значение, и пути от нее в обе стороны. Помимо этого подорваны две гаубичные батареи, уничтожены пять обозных колонн с боеприпасами, не говоря уже об обстрелах маршевых рот.

– Но как такое может быть?! Эти варвары не умеют воевать! Наши войска продвигаются на восток, и вряд ли русские генералы могут этому противостоять.

– И все же это так. Эти дикие скифы еще в древности умудрялись громить армии персов. Из-за действий этих русских вы не в состоянии наладить снабжение восточней рек Равки и Бзуры. Все обозы останавливаются из-за отсутствия переправ. Я имею задачу уничтожить партизан и возобновить снабжение армии. Вот именно поэтому мне необходимо в любом месте пополнять припасы.

– Со своей стороны, герр гауптман, наша служба сделает все, что в наших силах, чтобы обеспечить вас всем необходимым. – Интендатуррат гордо выпрямился за столом, будто бы почувствовав себя причастным к такому важному и ответственному поручению. Тем более, подумал он про себя, что при такой постановке вопроса открываются новые возможности для увеличения его, Артура Штольца, личного благополучия. В конце концов, никто не будет проверять с точностью до пачки патронов, литра газolina и банки консервов, сколько и что именно получал со склада этот гауптман из Берлина...

Закончив с вопросами снабжения, Генрих фон Штайнберг отправился

в Лович, где его уже ждала рота прусских егерей. Туда же должны были прибыть автомобили, с помощью которых он надеялся добиться высокой мобильности своего отряда.

Гауптман оставил автомобиль возле ворот, а сам решил пойти посмотреть последствия диверсии. Зрелище его не обрадовало. Торчащие в разные стороны изогнутые рельсы и исковерканное железо в местах стрелок, лежащий на боку паровоз, который бригада ремонтников тщетно пыталась поставить на колеса с помощью талей, обугленные, воняющие недавним пожаром, остатки здания, бывшего, по всей видимости, раньше вокзалом, – все это говорило о долгом ремонте и восстановлении. Егеря уже облюбовали для проживания один из пакгаузов, сохранившихся после налета русских, и обустранивали там казарму. Распоряжались всем унтер-офицеры под присмотром коренастого, крепко сбитого блондина с погонами обер-лейтенанта. Увидев идущего фон Штайнберга, он поспешил навстречу.

– Командир роты обер-лётнант Майер.

– Гауптман фон Штайнберг.

– Нас предупредили, что мы поступаем в ваше распоряжение, герр гауптман. Но мне хотелось бы ознакомиться с письменным приказом.

Получив листок с машинописным текстом, командир роты внимательно прочел приказ, предписывающий поступить в подчинение офицеру из штаба, аккуратно его сложил и спрятал во внутренний карман кителя. Затем, щелкнув каблуками, стал ожидать дальнейших указаний, первым из которых, по его мнению, должно было быть построение роты.

– Обер-лётнант, кстати, как вас зовут?

– Иоганн Майер, герр гауптман! – Командир егерей еще не до конца определился, как вести себя с гостем из Берлина.

– Генрих фон Штайнберг. В офицерском кругу можете звать просто по имени. – Такой порядок был введен им еще во время командования авиаотрядом... При мысли о том, что произошло с последним, фон Штайнберг скрипнул зубами. – Командуйте построение, а потом я расскажу о стоящей перед нами задаче.

Через пять минут рота замерла в строю. Пока Майер доводил приказ, фон Штайнберг осматривал своих новых подчиненных. Ровные, неподвижные ряды, спокойные, уверенные в себе взгляды, фуражки с темно-зеленой тульей, в цвет мундира, добротное снаряжение с подсумками на поясе. На правом плече висит маузер, слева на боку у каждого – длинный егерский тесак. Отличные, опытные солдаты, не раз понюхавшие пороха... После того, как рота вернулась к своим делам,

гауптман с офицерами уединился в отдельной комнате, которой в будущем суждено было стать ротной канцелярией.

В этой сырой, неудобной комнатушке едва успели прибрать на скорую руку. На чудом сохранившихся после взрывов оконных стеклах красовались грязные разводы, а под подоконником пауки сплели свои сети с таким искусством, что брабантские мастера от зависти сжевали бы свои кружева.

У гауптмана заныла шея, простуженная в продуваемой всеми ветрами кабине аэроплана, и он с тоской подумал о чашечке горячего кофе, пусть даже и без коньяка, как о манне небесной. Раньше после возвращения из полета его всегда ждал термос, наполненный свежесваренным кофе. Но прусский офицер – это истинный солдат, а посему Генрих позволил себе лишь слегка поморщиться и мысленно поднять планку претензий к русским партизанам еще на несколько пунктов.

Внезапно Штайнберг почувствовал, что старина Гегель был все-таки прав, твердя о материализации мыслей. В дверь аккуратно постучали, и после прозвучавшего разрешения в канцелярию осторожно вошел низенький, полноватый солдат с хитроватым выражением лица. Осторожность объяснялась тем, что в одной руке он держал сразу четыре жестяных кружки, а в другой – старый, закопченный и слегка помятый кофейник, носик которого источал божественный аромат кофе.

– Спасибо, Ганс, очень кстати, – одобрительно произнес Майер, – но как ты сумел?

– Ничего сложного, герр обер-лётант, в лесах, да еще после грозы бывало и посложнее.

Поставив нехитрый сервиз на стол и получив разрешение уйти, Ганс вышел, чуть припадая на левую ногу.

– Это мой денщик Ганс Ланге. – Иоганн Майер выглядел донельзя довольным. – Непревзойденный специалист по умению устраиваться с максимальным комфортом в самых невероятных условиях. До войны служил лесником. Хромота осталась на память об осечке ружья и встрече с кабаном. Кстати, большую часть окороков из него Ганс закоптил и съел лично. Правда, здесь, в роте, у него появился достойный конкурент – Фриц Кляйн, денщик лётанта Курта Зайгеля. Готов держать пари, что и он скоро объявится. У них идет бесконечный турнир, по умению угодить своему офицеру... Ну, вот, что я говорил?

В дверь еще раз постучали, и, чуть пригнувшись, дабы не задеть макушкой о притолоку, зашел громадный, мощный солдат, достойный служить в гренадерах самого Фридриха. На двух алюминиевых тарелках были аккуратно выложены галеты, щедро намазанные яблочным джемом.

Штайнберг сразу понял, почему такой богатырь служит денщиком: на указательном и среднем пальцах правой руки не хватало по одной фаланге.

– А это последствия схватки с браконьерами, – объяснил лейтенант. – Но железная хватка Кляйна оказалась прочнее стали. Герр обер-лейтенант, счет ничейный – один-один?

– Не спешите, Курт, мне кажется, что Ганс заготовил еще один сюрприз.

И через несколько минут за дверью негромко зазвучала губная гармошка, наигрывавшая тирольскую мелодию. Отхлебнув кофе, офицеры почувствовали себя почти на Родине. С сожалением подавив нахлынувшее наваждение, гауптман решил поменять тему разговора:

– Итак, майне хэррен, наша задача заключается в уничтожении русского отряда, который занимается диверсиями. Вы уже успели рассмотреть, что творится на этой станции. Русские, сделавшие это, отличились не только здесь. Район их действий – вся полоса фронта девятой армии. На протяжении более чем ста километров с севера на юг невредимыми остались только две переправы, которые сейчас усиленно охраняются. Остальные уничтожены таким же способом. Все, что может быть взорвано, – в руинах, то, что может быть сожжено, – уже сгорело. Помимо этого уничтожены несколько гаубичных батарей и обозных колонн, в которых были снаряды к ним.

– Там же должна была быть толпа орудийной прислуги и обозников! Неужели они не смогли оказать сопротивление?! – Удивился лейтенант Зайгель.

– Они в это время спали. Нападение было совершено под утро. Часовые не успели подать сигнал тревоги. Орудия взорвались, наверное, почти одновременно с повозками. Солдатские палатки стояли как раз между ними. Итог – остались в живых не более десятка человек, и те – контуженые. Кстати, у нападений есть общие черты: во-первых, во всех случаях часовые не успевали даже пикнуть, во-вторых, нападающие атакуют все объекты одновременно, по сигналу, и, в-третьих, они мастерски владеют холодным оружием.

– Они, должно быть, хорошо тренированные, опытные солдаты, раз могут такое, – задумчиво произнёс обер-лейтенант.

– Ну, наши егеря им не уступят! – Вскидывается второй лейтенант, Отто Венцель, похожий своей мощной фигурой на медведя.

– Иоганн, можете рассказать, что за люди в роте?

– Конечно! Рота состоит из уроженцев Пруссии. Подавляющее большинство солдат в прошлом – охотники, жители лесных хуторов,

лесничество. Одним словом, знающие лес и умеющие в нем воевать. Выносливы, неприхотливы, метко стреляют. Успели побывать в боях под Калишем и Лодзью. Офицеры также являются заядлыми охотниками. У Отто в охотничьем домике висит с десяток оленьих голов, – кивок в сторону покрасневшего от похвалы Венцеля. – Курту также надо хорошенько постараться, чтобы попасть мимо цели.

– Хорошо! Что же касается поставленной задачи, то я считаю необходимым оставить на всех трех узловых станциях по тридцать человек под командой офицера или фельдфебеля. Они будут прочесывать окрестности, не удаляясь слишком далеко, и отбивать нападения партизан, если те осмелятся атаковать. Остальных разбиваем на две группы и, начиная с южного фланга, от реки Пилица, прочесываем все подозрительные лесные массивы по обеим сторонам Равки, постепенно поднимаясь на север. Особое внимание следует уделять правому берегу. Если мы отрежем им путь на восток, на соединение со своими, то тогда они будут вынуждены нападать на обозы, чтобы не подохнуть с голоду. И здесь мы сможем подготовить им ловушку. Да, учтите, что они могут разбиваться на группы по пять человек, причем каждая может действовать самостоятельно. Этим и объясняется их высокая мобильность.

– Откуда такие сведения, герр гауптман? – Зайгель вопросительно поднял брови.

– На этот вопрос я пока не могу вам ответить! – Ответ прозвучал неожиданно резко. Неловкая тишина на секунду повисла в комнате. Потом лейтенант, блеснув белозубой улыбкой, постарался свести все к шутке:

– Ну, что ж, пять, – это даже удобно. Одна обойма – одна группа...

Глава 17

Штабс-капитан Волгин слушал прибывших в лагерь разведчиков очень внимательно. После расставания с отрядом Гурова они дошли до Сохачева, рванули мост через Бзуру вместе с проходившим поездом и ушли немного восточнее города на дорогу, ведущую к Варшаве. Там, в пяти верстах, в густом лесу устроили лагерь, и вахмистр Митяев разослал своих станичников на разведку. Вернулись еще не все, но последняя пара принесла интересную информацию. На дороге, по которой постоянно снуют автомобили и повозки, они нашли развилку с парой германских солдат, расположившихся возле будки, сколоченной, как видно, из заранее подготовленных щитов. Казаки умудрились незаметно пройти пару верст вдоль свеженаезженной колеи, и оказалось, что там за небольшим ельником расположился какой-то странный склад. Описать, что там хранится, разведчики не смогли, сказали только, что сделаны навесы с опорами из свежеспиленных елок, хвоя которых использовалась для крыши, вокруг них насыпан земляной вал и стоят столбы с колючей проволокой. Охрана присутствует в большом количестве, казаки заметили даже два пулемета в оборудованных гнездах. Рядом со складом стоят несколько палаток, полевая кухня, а неподалеку – даже сортир на несколько посадочных мест.

Увидев, что Митяев задумался, Волгин подсел к нему поближе. Положение «свадебного генерала» его совсем не устраивало, хоть казаки и приняли его как своего. Штабс-капитан прекрасно понимал, что этим он в основном обязан подпоручику и, в гораздо меньшей степени, – себе и общим воспоминаниям о прошлой операции, и поэтому хотел сам завоевать авторитет у разведчиков. Может быть, после этого его не будут мучить воспоминания о первой неудачной вылазке в тыл германцев. Тогда он представлял себе партизанскую войну немного иначе, в стиле лихих набегов Дениса Давыдова, за что вскоре и поплатился. Теперь же, посмотрев на действия гуровских бойцов, он понял, насколько поверхностно он тогда судил о предстоящем рейде. И, самое главное, он вдруг страстно захотел стать таким же, как они. На первый взгляд, обычные казаки и солдаты, каковых штабс-капитан перевидал за свою долгую службу бесчисленное множество, тем не менее, все бойцы Гурова чем-то неувовимо отличались от общей безликой солдатской массы... А может, в этом-то и заключается различие?! Они – не безликие Ваньки, Петьки, Кольки и Сашки. Каждый из разведчиков обладал своей

индивидуальностью, но в группе они работали, как единый организм, дополняя друг друга. И, если у кого-то что-то не ладилось, другие, не задумываясь, приходили на помощь. Бойцы понимали друг друга буквально с полувзгляда. И Иван Георгиевич Волгин, штабс-капитан Российской императорской армии, очень хотел стать таким же бойцом, как и те, кем он якобы командовал и с которыми сейчас обсуждал дальнейшие действия...

– Судя по тому, братцы, что вы рассказали, там находится германский артиллерийский парк. – Видя непонимание в глазах слушавших, Волгин объясняет: – Это такой большой склад, где хранятся запасные стволы и другие запчасти к орудиям, снаряды, в общем, все необходимое для снабжения, обслуживания и ремонта пушек.

– Это скока ж там добра лежит-то. Вот бы рвануть все к... на хрен, – выпустив облачко махорочного дыма мечтательно произносит один из командиров «пятерок».

– Ага! Тама охраны тож немало будет, – вступает в разговор один из разведчиков. – Мы с Тимофеем не меньше двух взводов колбасников насчитали. Тут с умом делать надо-ть...

Казаки, сидевшие вокруг костерка, обсуждали способы проведения диверсии, не находя пока оптимального варианта. Митяев, казалось бы, витал мыслями где-то далеко, неторопливо попыхивая самокруткой и не принимая участие в общем разговоре. Кто-то из казаков вполголоса затянул «Наши жены – пушки заряжены...». Услышав строчку из песни, вахмистр вдруг повернулся к штабс-капитану и задал неожиданный вопрос, громко прозвучавший среди внезапно наступившей тишины:

– Вашбродь, вы, гряд, в конной артиллерии служили? Из германской пушки стрелять смогёте?..

Замешкавшийся Волгин не смог сразу взять в толк, к чему тот клонит. А когда догадка молнией мелькнула в мозгу, он поразился простоте решения, казалось бы, почти неразрешимой задачи. И с каким-то радостным воодушевлением ответил:

– Конечно, это не трудно! Только вам, казаки, придется за орудийный расчет поработать. Я потом скажу, кому что делать... А для начала нужно эту пушку где-то найти.

– Ну, придется, – так придется. Не развалимся. – Вахмистр весело и азартно улыбнулся и тут же отправил две группы на поиски подходящей жертвы...

Едва краешек неба на востоке начал светлеть, отряд снялся с места и направился к биваку германской батареи, остановившейся на ночевку в трех верстах от лагеря. Через час с небольшим по сигналу, имитирующему крик какой-то птицы, началось «веселье». Штабс-капитан вместе с группой подрыва сразу очутился возле 77-миллиметровых пушек. Осмотрев одну из них и проверив стоявший рядом зарядный ящик на наличие в нем фугасов, он стал помогать специально выделенным бойцам запрягать коней, пасшихся неподалеку. Казаки, чуть ли не с детства умеющие обращаться с любыми лошадьми, справились очень быстро. Не прошло и десяти минут, как орудие в походном положении стояло на дороге. Неподалеку грохнуло шесть взрывов – казаки рванули накатники и казенники остальных пушек, а личный состав батареи уже, наверное, прибыл на конечную станцию своего последнего пути.

Еще три минуты, и весь отряд в сборе. Упряжка покатила по дороге, справа и слева по бокам неслышно бежали группы прикрытия, готовые в любой момент огрызнуться огнем. На безлюдной развилке отряд свернул направо, мимо пустой будки к обнаруженному артскладу. Штабс-капитан даже и не знал, то ли солдат выставляли только днем для указания дороги, то ли они, уже бездыханные, валяются в придорожных кустах. Да его, признаться, это не сильно заботило. Все мысли были о предстоящей стрельбе. Взрывы наверняка были слышны здесь, так что охрана будет начеку. А это значит, что стрелять придется с дистанции в полторы-две версты. В заряднике шестнадцать снарядов, хватит по-любому, но Волгину почему-то хотелось попасть первым же выстрелом и тем самым подтвердить свое мастерство. Не просто же так в нагрудном кармане лежит портсигар с надписью «За отличные стрельбы в присутствии его величества».

Подходящее место нашлось быстро, на опушке ельника. Пушку привели в боевое положение, часть казаков залегла в охранении, со штабс-капитаном остались всего лишь несколько человек, назначенных в помощь. В рассветной дымке уже ясно просматривались контуры вала, окружавшего склад. Волгин приник к прицелу. Расстояние он определил на глазок, опытному артиллеристу это было нетрудно. Дал команду «Заряжай!», проконтролировал все действия, затем еще раз проверил наводку. Вроде все правильно... Мысленно произнес «Господи, помоги!», штабс-капитан дернул шнур. Выстрел, несмотря на его ожидание, был оглушительно громким. Но он тут же заглушился звуком разрыва. Есть попадание! Дослать еще снаряд, проверить прицел, и – «Огонь!»... И снова... И снова... Германские пулеметы попытались достать их огнем на пределе

дистанции, но двое снайперов-сибиряков, заранее подобравшихся к ним поближе, несколькими выстрелами заставили их замолчать. Кинувшихся было в атаку германцев остановили четыре мадсена.

Четвертый выстрел оказался особенно удачным, сразу после него в небо поднялся гигантский разрыв, земля под ногами вздрогнула, двое казаков даже не смогли устоять на ногах от упругой волны воздуха, докатившейся спустя мгновения. Теперь корректировке прицела помогало зарево разгорающегося пожара. Выпустив еще десяток снарядов, Волгин махнул рукой бойцам, стоявшим наготове с подрывными шашками. Те быстро прикрепили заряды, подожгли шнуры, и весь «расчет» со всех ног кинулся в спасительный лес. А за спиной все еще грохотали и грохотали взрывы. Добежав до условленного места сбора, штабс-капитан с бойцами залегли в ожидании остальных. Дыхание постепенно восстановилось, кровь больше не стучала в висках. Казак, лежавший рядом, вдруг повернулся к Волгину и, широко улыбаясь щербатым ртом, выдал:

– А здорово вы их, вашбродь! Изуродовали, как Бог черепаху! – И, видя недоумение на лице офицера, подмигнул и продолжил: – Командир как-то сказал так, а мы переняли. Теперича и вы привыкайте!..

Почему-то штабс-капитану Волгину эти слова простого казака показались такой же ценной наградой, как и портсигар, лежавший до сих пор нетронутым в кармане кителя...

Глава 18

Ну, что ж, в Ловиче мы повеселились, пора и честь знать. Теперь пойдем в гости в Скерневицы. Осмотрим достопримечательности, попробуем их на прочность. Может, еще какую пакость гансам сотворим. По моим прикидкам, сейчас через эту станцию идет основной грузопоток – все-таки две колеи...

А немцы-то уже прочухались. Что, при их знаменитом орднунге, и не удивительно. К самой станции – не подобраться, куда ни плюнь, часовые торчат и патрули бегают. Мост в трех верстах охраняется точно так же. Даже пулеметные гнезда оборудованы и с той, и с другой стороны. И, что самое интересное, – кажется, за нас решили взяться всерьез. Хорошо, что сам решил сходить понаблюдать за мостиком, и дважды хорошо, что поосторожничал и не полез в рощу, стоявшую почти рядом с ним, остался в лесу. Видимость и так неплохая, а риску меньше.

Едва рассвело, у рощицы останавливается грузовик, и из него выпрыгивают зеленые человечки. Не в том смысле, что инопланетяне высадились или глюки у меня начались. Гансы, только в зеленых мундирах вместо «фельдграу». Я так понимаю – егеря. Вопрос в том, что они здесь делают? Профилактику проводят или конкретно по нашу душу явились? Интересненько! А вот мы отползем сейчас тихонечко в сторонку да и посмотрим за ними.

Гриндойчи, ну, в смысле – егеря, тем временем быстро, без суеты построились в цепь и по взмаху руки офицера начали прочесывать рощу. Это что же, они за нами охотиться будут?.. М-да, похоже, задачка-то усложняется. Иметь на хвосте такую свору – удовольствие не из приятных. Надо что-то срочно придумывать... И уходить отсюда от греха подальше. Они ведь на этой рощице не остановятся. Оставляю одного наблюдателя подальше отсюда, чтобы гансы его не срисовали, сам несусь в лагерь.

Перебираемся из основного лагеря в запасной, обустраиваемся, и отсылаю одну группу пробежаться вдоль «железки», поискать там подходящие для нас места. Прибежавший пограниц-наблюдатель рассказал, что егеря после прочесывания рощи и лесочка, откуда мы очень вовремя свалили, погрузились на автомобиль и укатили в сторону Скерневиц. На ночь выставляем усиленное охранение. А завтра, когда вернется путешествующая «пятерка», дам команду установить растяжки на всех подходящих тропках. Звериных следов здесь не наблюдали, так что совесть

может спать спокойно.

Утром, на рассвете, прискакала обратно «пятерка» унтера Михаила Чернова, которую посылал в разведку. И обрисовали очень интересную картину. Дорога Скерневицы – Варшава, оказывается, очень оживленная. Поезда идут почти впритирку, один за другим. То есть гансы нарушают правила железной дороги: «Один перегон – один состав». Во как им приспичило!.. Но самую вкусную новость Михайло приберег на потом. В семи верстах от города обе колеи проходят по небольшому виадуку, соединяющему края оврага. Там рядышком лесочек, почти вплотную к колеям подходит. Самое подходящее место для диверсии. Гансы это тоже просекли, поэтому поставили там вооруженную охрану. Аж девять человек во главе с каким-то фельдфебелем. Пайку им привозят раз в день на дрезине, примерно часов в семь утра. Вот тут начинаем думать и замышлять коварство и злодейство. Вечером все, кроме одной группы, имеющей задачу издали «пасти» егерей, уходят на новое место, поближе к виадуку. Роли расписаны, детали обговорены, осталось все сыграть как по нотам.

Дрезина появилась в начале восьмого, кайзерзольдатены быстренько разобрали термосы и ящики, и транспортное средство с эротическим ручным приводом отправилось домой. Гансы собрались было позавтракать, но к ногам усевшихся в кружок вокруг костра караульных прилетела граната. Одновременно часовой заработал свой персональный приз в виде пули в голову. Чтобы долго не мучиться. Минута ушла на то, чтобы добить колбасников, скинуть тела в овраг и прикрыть сверху свеженарубленными кустиками. Пайку забрали с собой – не пропадать же добру. Еще несколько минут уходит, пока Максим с Савелием возятся со своими химическими запалами, минируют оба пути так, чтобы был двойной подрыв независимо от того, с какой стороны пойдет поезд. На двух рельсах лежат спичечные коробки, из которых тянутся детшнуры к закладкам из трофейных шашек. Теперь – ждем-с!

Ждать пришлось недолго. Через полчаса вдаль раздалось астматическое пыхтение паровоза, затем показался и он сам. В компании десяти вагонов. Ну, давай, милый! Ближе... Еще ближе... Есть! Колесо наезжает на коробок, затем целую вечность кажется, что ничего не происходит, но наконец-то замечаю дымок над рельсой. Уподобляясь коту Матроскину, мысленно ору: «Ура!!! Заработало!!!»... Взрыв был не очень громким, но второй вагон пошел в сторону и потянул за собой остальные. Машинисты, гады, умудрились вовремя включить реверс и погасить движение. Состав замер. Вперед! Два выстрела, сделанные охраной, никого

не задели. Зато дали законную возможность открыть огонь на поражение, которое незамедлительно последовало. Еще пять немецких трупов отправляются в овраг. Осматриваем пути – все четыре рельсы изогнуты и покорежены взрывом. Просто праздник какой-то! Подбегают бойцы, шуровавшие в вагонах, докладывают, что там в основном какие-то железки, мешки с крупой и ящики с консервами. Берем немного на прокорм и по старой доброй традиции поджигаем вагоны. Придется вам, немчура, немного попоститься. Зато на том свете есть все шансы попасть в рай. Так что будем считать, мы еще и доброе дело сделали. Теперь нужно сваливать как можно быстрее. На этот фейерверк однозначно примчатся егеря. Поэтому убегаем версты на четыре отсюда, в соседний лесок. Там и оборудуем новый лагерь. А сюда вернемся через пару дней...

Глава 19

Группа лейтенанта Венцеля вчера добралась до Равы во второй половине дня. Остаток времени егеря готовились к предстоящей «охоте». Рано утром пешком, чтобы не выдавать себя шумом мотора, лейтенант повел солдат к реке. После того, как саперы восстановили переправу, русские появились только один раз – два дня назад. Им удалось подстрелить водителя автомобиля, и грузовик остался неподвижно стоять на понтонах. Все попытки других шоферов завести машину и освободить проезд пресекались редкими, но точными выстрелами. Только когда из остановившегося сзади обоза притащили МГ-08 и стали лупить по всему, что казалось подозрительным на другом берегу, выстрелы прекратились... Чтобы возобновиться с тыла! Пока один меткий стрелок удерживал внимание на берегу, около десятка русских незаметно переправились ниже по течению и, подобравшись поближе к колонне, открыли огонь. Оставшиеся в живых рассказывали о пяти пулеметах, но лейтенант больше склонялся к цифре «три». Во-первых, обозники со страху могли еще и не такое увидеть, а во-вторых, учитывая слова гауптмана фон Штайнберга о делении на группы по пять человек, пулеметов могло быть два, от силы три.

После того, как сопротивление тыловых крыс было подавлено, русские не нашли ничего лучше, чем газOLIном, слитым из бака, облить сам автомобиль и пару следовавших за ним повозок с патронами, а потом поджечь их. Сделав свое подлое дело, они ушли. И, само собой, никто их преследовать не решился. Сейчас егеря должны были попытаться найти следы русских бандитов и пройти по ним как можно дальше, а еще лучше – сесть им на хвост и уничтожить всех до единого. Хотя нет, гауптман просил, если будет возможность, взять живым кого-нибудь из русских, желательно командиров, и доставить в Лович. И он, Отто Венцель, постарается это сделать, поэтому и поставил впереди всех самых опытных следопытов во главе с Густавом «Длинный Нос». Этот тощий, несколько нескладный солдат получил свое прозвище за необыкновенно острое обоняние.

Егеря шли по обоим берегам в пределах видимости друг друга. Скорее всего, русские, отступая, уходили по воде, но ведь где-то они должны были выйти на берег. Это место скоро нашлось. Среди двух кустов, полоскавших свои длинные ветви в воде, был небольшой проход, где на влажном песке

отчетливо отпечаталась подошва сапога. Группе, шедшей по противоположному берегу, лейтенант приказал возвращаться к переправе и ждать там. С ним оставалось пятнадцать солдат. Этого наверняка хватит для внезапного нападения, если удастся все же выследить противника. Отто Венцель скинул с плеча свой любимый и ухоженный маузер с оптическим прицелом, дослал патрон в патронник, пробрался в голову колонны, оставив перед собой Длинного Носа и толстяка Бауэра, и скомандовал выдвижение...

Прапорщик Оладьин еще до восхода солнца разослал почти весь свой отряд на свободную охоту, которая, как и предполагалось ранее Гуровым, приносила свои плоды. Смысл ее состоял в том, что «пятерка» находила удобное место, где лес подходил близко к дороге, ждала какую-нибудь колонну, обстреливала первую и последнюю повозку или автомобиль, чтобы притормозить движение. Потом пулеметчик выпускал пару магазинов по остальным гансам, и группа уходила, не дожидаясь, пока противник начнет преследование. Немцы несли небольшие, но постоянные потери, график перевозок срывался, на дороге образовывался на какое-то время затор, который группа могла использовать для такого же нападения в километре-другом от первоначального места. Несколько прицельных выстрелов по лошадям и ездовым, при удачном раскладе – бросок гранаты и отход. Если гансы бросались вдогонку, с фланга стучал пулемет, заставляя самых азартных моментально одуматься.

В лагере кроме прапорщика осталась одна «пятерка» и снайпер-сибиряк в качестве резерва. Трое сидели в охране, остальные готовили на всех легкий завтрак – чай, заваренный на брусничном листе, и разогретые консервы с сухарями. Сергей Дмитриевич подумал, что пора бы уже разжиться провизией и раздраконить какой-нибудь обоз с продуктами. Германский «железный паек», конечно, похуже качеством, но выбирать не приходится...

Шедший впереди по еле заметной тропке Длинный Нос вдруг остановился и нагнулся к земле. Получилось это до того неожиданно, что лейтенант Венцель даже не успел удивиться странному поступку солдата, который уже поднялся и, упреждая праведный командирский гнев, протянул ладонь, на которой лежал какой-то предмет. Новый, блестящий медной гильзой, патрон от винтовки Маузера. Еще одно доказательство того, что егеря на правильном пути, кроме русских бандитов некому было его тут обронить. Знакомое ощущение охотничьего азарта охватило

Венцеля. Точно такое же состояние бывало у него на охоте каждый раз, когда удавалось выследить зверя и до победы нужно было только выйти на дистанцию выстрела. Скоро они обнаружат логово этих московских «медведей», и поставленная задача будет выполнена. Лейтенант махнул рукой, поторапливая подчиненных...

Гордей Ступкин, сибиряк-охотник, поначалу обижался на обращение «снайпер», неизвестно почему присвоенное командиром роты каждому из их «охотничьей артели». Это потом уже ему объяснили, что так называют метких охотников, способных сбить мелкого и шустрого бекаса. Невелика заслуга – малую пташку уронить на землю. А вот с первого выстрела завалить сохатого или выйти один на один с Хозяином тайги – тут и сноровка нужна соответствующая, и особое охотничье везение. Начиная с двенадцати годков ходил Гордей со своим дедом и отцом на промысел, многие хитрости и ухватки перенял. Знал тайгу, и тайга его тоже знала, привечала, как своего. Здесь-то лес – не ровня ей, так, редколесье. Да только и охота другая идет у них. Не на зверя, на человека. Германец, он хуже голодного волка будет. Тот-то убивает, чтобы наесться, сытым быть, а энтые – и живут вроде, как говорили, получше мужика русского, а все одно, воевать лезут. Не иначе, от жадности. Вот и воюет уже второй год Гордей с пришлецами... Ухо охотника, сидящего в охранении, привычно отметило возмущенное стрекотание сороки. Неспроста лесная сплетница-болтушка всполошилась. Кто-то спугнул...

Сибиряк поправил свежие ветки на капюшоне лохматки и замер, превратившись в почти настоящий куст. Глаза рассеянным зрением медленно осматривали свой сектор. Это тоже подпоручик придумал. Мол, так чужое движение быстрее замечается. Проверили с мужиками – а и действительно! И винтовку обмотать полосой от рогожного мешка, вот как сейчас, тоже он надоумил. И ведь правда, сам Гордей прошел мимо Семена, лежащего в «засаде», и не заметил. А еще...

Глаза уловили какое-то неправильное движение слева. Гордей медленно повернул голову. Недалекий куст опять шевельнулся в безветрии, и из-за него появился... германец. В зеленой форме вместо обычного серого колера. Постоял, приглядываясь, затем обернулся и махнул рукой. Гордей, не раздумывая больше ни секунды, по-синичьи чирикнул сигнал тревоги и чуть-чуть подался за бугорок, стараясь слиться с лесом в одно целое. На охоте это умение его не раз выручало. Теперь все зависело от того, услышали в лагере сигнал или нет... Во всяком случае, поохотиться здесь он успеет.

Длинный Нос тихонько высунулся из-за куста и осмотрел тропку. Не найдя ничего подозрительного, егерь, тем не менее, еще раз обшарил взглядом окрестности, затем сделал рукой знак «Вперед». Тут его внимание привлек птичий чвирк. Густав мысленно выругался. Сначала сорока, теперь еще какая-то птица – скоро весь лес будет знать, что пришли «гости». И ничего не поделаешь, осталось только надеяться, что русские не столь внимательны к звукам леса и не сочтут птичий гомон за сигнал тревоги. Тут порыв ветерка донес до его носа запах костра. Егерь тут же обернулся и, сделав два быстрых шага к лейтенанту, шепнул новость ему почти на ухо – шуметь было нельзя. Отто Венцель расплылся в довольной улыбке. Кажется, Фортуна благоволила им. Лагерь русских найден! Сейчас егеря охватят это место кольцом, встанут «на номера», и начнется потеха!

Солдаты вышли на прогалину и, разбившись на пары, стали уходить поперек тропы в лес. Сибиряк догадался, что сейчас они окружают дневку и, не высовываясь из кустов, перестреляют всех, как куропаток. Винтовочный ствол медленно пополз в сторону германцев, оставшихся на тропе, мушка нашла цель и больше с нее не съезжала. Гордей, беззвучно шевеля губами, считал про себя. Он решил, что если до пятидесятого счета ничего не будет, надо открывать огонь. Эту парочку он грохнуть успеет, а там – до речки всего десяток метров. По ней к своим и пробьется...

Находившийся всего в двух десятках шагов другой дозорный, Алеха Макеев, услышал сигнал Гордея и стал внимательней вглядываться в зелень листвы, но ничего не заметил и успокоился. Мало ли что привиделось сибиряку! Услышав шорох справа, он дернулся в ту сторону, и в то же мгновение жесткие руки сжали сзади горло, не давая возможности даже пикнуть, винтовка отлетела в сторону, выбитая из рук, и сильный удар по голове погасил сознание... Третий дозорный успел заметить немцев и моментально нажал на спусковой крючок, но и сам тут же получил две пули, одна из которых перебила сонную артерию на шее... Услышав выстрелы, сибиряк нажал на спуск, не отрывая глаза от прицела, передернул затвор и выстрелил во второго германца. После чего юркой змейкой скользнул в кустарник, тянущийся до речной кромки, оставив после себя два труп...

Прапорщик Оладьин услышал свист – сигнал тревоги. Раздумывать было некогда! Все четверо оставшихся в лагере, моментально похватав оружие, заняли оборону за бугром, прикрывавшим спуск к воде. Сзади послышался короткий свист «Свой», и рядом с ними плюхнулся мокрый по пояс Гордей.

– Вашбродь, германов там – шестнадцать голов. Было. Я двоих

уложил... Они в зеленых мундирах, в кустах не видно.

– Добро, Гордей! Смотри реку и левый фланг. Ты, Митрий, отползаешь вон туда, на тебе – правая сторона. Ну, а мы с Прохором в центре будем...

– Вашбродь... А наши услышат?.. – Три пары глаз вопросительно смотрели на прапорщика, как будто в его силах было это сделать возможным.

– Не знаю, братцы... Лес, звуки хорошо глушатся... Но, если услышат, прибегут. Нам надо держаться до последнего... Если был виноват перед вами, простите Христа ради...

– И гансов побольше с собой на тот свет утащить. Только там дорожки наши разойдутся. Им – в аду гореть. Ну, а нам – райские кущи. – Прохор даже сейчас не прекратил своего зубоскальства. – Как нам батюшка обещал? Воины, душу за други своя положившие, прямиком в рай попадают.

– Утихни, балабол! – Гордей относился к религии гораздо серьезней. – Смотри по сторонам, а не языком брякай... И вы нас простите, ваше благородие...

Лейтенант Венцель, опустившись на колено, раздвинул стволом ветки и через прицел осматривал брошенный лагерь. Дымился покинутый костерок, валялись вокруг него брошенные вещмешки, но самих русских нигде не было видно. Скорее всего, спрятались в какой-нибудь яме, если не убежали по реке. Хотя вряд ли. Егеря из первой пары обязательно бы их увидели, а то и подстрелили парочку. Как того дозорного, который поднял тревогу. Хорошо хоть, что второго удалось взять без шума, связанный по рукам и ногам, он теперь валялся позади без сознания.

Лейтенант хлопнул по плечу сидевшего рядом егеря и кивнул в сторону поляны. Солдат, перехватив поудобней винтовку, осторожно раздвинул ветви кустарника и выглянул наружу. Не увидев ничего подозрительного, он вышел из-за кустов, все еще готовый при малейшей опасности упасть на землю и ответить огнем. Поляна и окружавшие ее кусты оставались безжизненно неподвижны. Справа и слева от него появились еще два егеря, их винтовки буквально ощупывали пространство перед собой...

Две «пятерки», отправившиеся на задание, успели отбежать неторопливой рысью версты три. Как вдруг сзади, ослабленные расстоянием, послышались выстрелы. Обе группы, как по команде, остановились.

– Братва, вроде в лагере стреляют! Надоть туды бечь! На подмогу!

– Ванька, сопля зеленая, тут люди постарше да поглавнее тебя есть. Не бухти. – Командир одной из групп осадил своего подчиненного и обернулся к командиру другой «пятерки». – Слышь-ка, Ляксаныч! Ворочаться надо. Там, видно, дело – табак, коли до стрельбы дошло.

Второй согласно кивнул головой. Через три секунды десять бойцов неслись в обратном направлении так, как ни разу не бегали на тренировках...

Прапорщик Оладьин видел сквозь реденькие веточки, как из кустов появился сначала один немец, затем спустя немного времени – еще двое. Когда они отошли от зеленой стены, окружавшей поляну на пару шагов, шепнул «Огонь!» и выстрелил в германца, которого с самого начала держал на мушке. Одновременно бахнули мадсен Прохора и винтовка Гордея. Три тела изломанными куклами упали на землю. Загрохотали выстрелы из кустов, взбивая фонтанчики земли и ломая хрупкие веточки перед самым лицом. Опытные стрелки, егеря сразу засекли позицию обороняющихся, и под прикрытием беглого огня еще трое кинулись вперед, надеясь проскочить опасное пространство и расстрелять в упор упрямо сопротивляющихся русских.

Прапорщик с Гордеем успели сделать по выстрелу, Прохор, сорвав кольцо одной из приготовленных гранат, рывком приподнялся и кинул «англичанку» под ноги набегавшим немцам, но тут же упал ничком, на траве под ним начало расплываться темное пятно крови...

Отто Венцель довольно улыбнулся, передергивая затвор. Охотничий сезон открыт! И пусть загнанные «звери» положили уже шестерых, им никуда не уйти. Скоро пара егерей обойдет их по реке и расстреляет с тыла. Один пленный уже есть, может быть, разживутся и вторым...

Прапорщик подтащил к себе ставший бесхозным пулемет и сумку с запасными магазинами. Теперь их осталось трое. А гансов – почти в три раза больше. Если те кинутся толпой, отбиться можно и не успеть. Оладьин посмотрел на начинающее голубеть рассветное небо... Вдруг очень захотелось просто вот так лежать, дышать утренней летней прохладой, закрыть глаза и ни о чем не думать... Со стороны речки донесся тихий свист «Я свой», и спустя несколько секунд рядом с Оладьиным плюхнулся пулеметчик одной из ушедших «пятерок». На удивленный взгляд Сергея Дмитриевича, переводя дыхание, пояснил:

– Вашбродь... Услышали стрельбу и вернулись... Фух-х... Никогда так не бегал... Меня к вам послали... С пулемета толку в кустах-то...

Остальные их слева обходят...

Немцы решили не менять тактику. Снова залп, сбрывающий остатки растительности на бугорке, затем под прикрытием беглого огня еще одна тройка рванулась через поляну. Их встретили две очереди из пулеметов и вспышки выстрелов, внезапно загрохотавшие в кустах слева. Взятые в клещи, немцы ничего не смогли сделать, кроме как попадать на землю. Одного отшвырнула назад пуля, и он больше не шевелился, другой катался по земле, прижимая руки к животу. Третьему повезло больше. Он, позвериному извернувшись всем телом, в два гигантских скачка достиг спасительных кустов. Прапорщик и второй пулеметчик, торопясь, били короткими очередями по кустам, где, по их предположению, был противник. Подошедшая на помощь «пятерка» также вела беглый огонь... Но немцы ответили только одним залпом. Мадсены, выпустив из магазинов последние патроны, замолчали. Перезарядка не заняла много времени, но целей для стрельбы не было. Над поляной повисла тишина, пахнувшая свежей кровью и пороховой гарью...

Длинный Нос чудом избежал смерти во время третьей атаки. Ныли растянутые связки на ноге, сердце выпрыгивало из груди, но и на этот раз Старуха с косой разминулась с ним. Гораздо хуже было то, что их осталось пятеро, и то, что лейтенант Венцель был ранен. Пуля нашла его в тот момент, когда он целился, раздробила локоть левой руки и чиркнула по ребрам. Густав понял, что Судьба дает ему шанс выжить, да еще и отличиться, спасая своего лейтенанта. Быстро сорвав с себя ремень, он умело перетянул руку повыше раны. Дав залп в сторону приближающихся русских, егеря, следуя команде Длинного Носа, перенесли своего потерявшего сознание командира на расстеленную плащ-палатку, подхватили ее с краев, пинками подняли пленного и скрылись в зарослях. Сам Густав бежал последним с офицерским люгером в руке, прикрывая отход. И думал, где остановиться, чтобы перевязать лейтенанта...

По поляне, не торопясь, бродили бойцы, собирая уцелевшие пожитки. Кто-то принес из зарослей кучу винтовок, в том числе и очень красивый, скорее всего штучного исполнения, маузер с оптическим прицелом. Прапорщик, не долго думая, отдал его Гордею, который тут же взялся его чистить от грязи и крови. Несколько человек только что вернулись из леса и подсели к почти угасшему костру рядом с Оладыным.

— Так что, вашбродь, ушли германы обратно к переправе. Кого-то с раненого тащили, — кровь на ветках была, и следы на земле видел, — пояснил командир группы. — Наших полегло двое, да трое легкораненых... И еще, худо то, что одного из наших с собой увели... Я тама, перед

лесочком-то трех бойцов оставил с пулеметом. На случай, если к гансам подмога пойдет. Таперица вот думаю, как бы они сгоряча по этим не шамальнули. Нашего могут задеть. Хотя парни вроде спокойные, глазастые. Сообразят... Кстати, кого это германы утащили?

– Макеева... Алексея. Он в охране был.

– Да... дела... Что делать-то будем, вашбродь?..

Командир «пятерки», старый, опытный вояка-пограничник, сидел и ждал ответа от прапорщика Оладьина, который в свою очередь думал о том, что не даст больше возможности подпоручику Гурову обвинять его в том, что бросил своего бойца. И медленно, невольно подражая командиру, произнес:

– Разведка своих не бросает... Только думать надо как следует, как Алешку вытаскивать будем. А наших похороним тут... Как думаешь, Петр Игнатьич, догоним германцев?

– Догнать-то догоним, вашбродь. – Погранец почесал затылок и стал говорить, будто бы рассуждая сам с собой. – Тока вот нас-то всего-ничего, четыре человека, да вы – пятый... Ну дык и их, чай, не полк. Я следы пятерых насчитал, помимо нашего. И ранетого тащут, стало быть, руки заняты и бежать быстро не могут... Да чё тут думать, надо на след вставать да гнать их на засаду. А там видно будет. До войны за контрабандистами и меньшим числом гонялись...

Оладьин прочитал во взгляде старого воина спокойную уверенность, которая тут же передалась ему. Сомнения кончились, пора действовать.

– Раненые и пулеметчик остаются здесь, ждут нас. Мы – за гансами, Макеева отбивать. Гордей, ты – с нами. И это... Могилы нашим выройте...

Отбежав на безопасное расстояние, егеря по команде Длинного Носа остановились, чтобы сделать носилки и осмотреться. То, что за ними сразу не кинулись в погоню, говорило о том, что русские оказались опытными лесовиками и понимали, что в лесу охотник в мгновение ока может превратиться в добычу. Несколько взмахов тесаками, и две жерди были готовы, прикрепить к ним плащ-палатку было делом недолгим. Густав подошел к лежащему на земле пленному, перерезал веревку на руках и, сильно размахнувшись, врезал русскому по зубам. После чего показал рукой на носилки спереди и произнес:

– Форвертс, русише швайнехунд!..

Погранцы двигались с виду неторопливой трусцой, но прапорщику вдруг пришло на ум сравнение со стаей волков, обложившей добычу.

Вроде, и бегут с ленцой даже, не пластаются в бешеной гонке, но жертве от них уже не уйти... Командир «пятерки», бежавший в трех метрах от Оладьина, проговорил на ходу:

– Я, кажись, знаю, как... Нашим в засаде сигнал подать... Мы такое раньше делали...

И, набрав воздуха в легкие, повернул голову чуть в сторону... По лесу понесся леденящий душу волчий вой. Сергей Дмитриевич споткнулся о корень ставшими вдруг от неожиданности ватными и непослушными ногами, еле удержал равновесие. Слева, а спустя мгновение и справа, клич подхватили еще два голоса...

Когда этот вой ударил в спину убегавшим егерям, они сбились с шага, замедлили движение и завертели головами.

– Вольф?! Эс ист унмёглих!.. (Волк?! Это невозможно!)

– Шайзе!..

Никто из них не мог заметить, как загорелись радостью глаза у несшего впереди носилки русского пленного...

– Форвертс, камраден! Шнель, шнель!..

Для сидевших в засаде троих погранцов волчий клич, раздавшийся со стороны леса, тоже был неожиданностью. Они моментально переглянулись.

– Братцы, вроде Игнатъич сигнал дает. Его голос. Гонят они кого-то на нас...

– И кого ж они могут гнать, окромя гансов?

– Разворачиваемся! Я с пулеметом здесь остаюсь, а вы дуйте вон туда да притворитесь кочками. Сдается мне, там они побегут. Больно место удобное...

Егеря выскочили из леса внезапно. Но самым неожиданным было то, что впереди бежала фигура в такой знакомой и родной лохматке... Пулеметчик убрал со спускового крючка напряженный палец. Слава богу, не стал сразу стрелять, решил подпустить поближе... Моргнув несколько раз, снова прицелился, сажая на мушку одного из егерей, бегущих рядом с носилками...

Пулеметная очередь татакнула неожиданно. Франц, бежавший справа, сунулся с разбега головой в землю. Егеря не успели ничего понять, когда будто из-под земли с обеих сторон возникли две фигуры, увешанные ветками и травой. Расстояние в несколько метров они преодолели в одно мгновение. Взмах руки с ножом – Отто, не успевший среагировать, опускается на землю с рассеченным горлом. Рядом падает уже бесполезная винтовка. Брызги крови яркими горошинами летят в траву... Длинный Нос

видел все это, но тело охватил ступор, не дававший даже пошевелить пальцем. Другой русский (Густав уже узнал их лохматую одежду) тем временем был уже возле Клауса, опустившего жердину и пытавшегося сдернуть с шеи карабин. Ему это почти удалось, когда рука противника с ножом неувловимым движением метнулась вниз, и клинок вошел в живот егеря, согнув его пополам. Шульц, последний из егерей, рыча от ненависти, катался по земле с одним из напавших, пытаясь его задушить, когда ему на спину прыгнул пленный с егерским тесаком в руке. Длинный Нос прицелился в спину русскому, но выстрелить не успел. Сзади раздался выстрел и одновременно с ним страшный удар в спину опрокинул его на траву. А мгновение спустя пришла жуткая боль в правой лопатке и сознание померкло...

– А хороша машинка! – Гордей протянул Оладьину люгер, выпавший из руки Длинного Носа. – Вашбродь, трофей возьмите.

– Это не мне. Петр Игнатъич, прими, не побрезгуй. Твоя заслуга... Ну, что, Макеев, живой? – Прапорщик смотрел на потупившегося перед ним солдата. – Ладно, разбираться потом будем. Сейчас уходить надо...

Через час с небольшим группа егерей, возглавляемая унтер-офицером Кранцем, нашла на выходе из леса трупы своих товарищей и двух раненых, находящихся в бессознательном состоянии, – лейтенанта Отто Венцеля и Густава Длинного Носа. Отправив их в сопровождении восьмерых носильщиков к переправе, унтер с остатками группы через двадцать минут вышел на поляну, где, аккуратно сложенные, лежали убитые в бою егеря и поодаль белели два березовых креста над свежими могилами.

– Чертовы русские собакоголовые свиньи! – Один из егерей подошел к насыпанным холмикам и начал расстегивать штаны. – Сейчас я провожу вас в преисподню!..

– Вилли, идиот из Сольдау! Застегни свою мотню и уберись оттуда подальше! – Кранц зло смотрел на своего подчиненного. – Тупой ублюдок, ты забыл, что такое охотничья удача и как легко ее спугнуть? Хочешь всех нас ее лишить?!.. Бери Хоффмана и пройдите по реке метров триста, ищите следы русских. Если ничего не найдете, возвращаемся к переправе...

Глава 20

Благими намерениями устлана дорога в... Короче говоря, обратно к виадукку мы через пару дней не пошли, хотя и собирались. Основываясь на старой армейской истине, что легкая подозрительность и паранойя – суть синонимы, выставил в облюбованном лесочке помимо дозорных еще и двух наблюдателей, которые «пасли» проходящие рядом дороги. Один из них утром и поднял шум, примчавшись с сенсационной новостью, что к нам приехали гости. На грузовике, в зеленых мундирах. Значит, к сожалению, я был прав – на нас объявили охоту. Ну, что ж, господа ягеры, поиграем.

В темпе собираем манатки и уходим в сторону Ловича, но по дуге. На месте дневки оставили немного мусора. Слегка заминированного. Не пожалел пары гранат, одну подсунули под ящик от тротила, который перекочевал в вещмешки, вторую привязали к дереву на высоте человеческого роста и протянули жилку к вконец разодранной гимнастёрке, висящей на кусте. И там, и там расчет был на человеческое любопытство. Мы отмахали уже верст пять, как замыкающие передали по цепочке, что слышали взрывы...

До нашего «стойбища» под Ловичем добрались уже в потемках. Вспомнив о том, что утро вечера мудренее, выставили охранение и завалились спать. Перед рассветом разослал во все стороны разведчиков, чтобы узнать, не изменилось ли чего в наше отсутствие. Оказалось, что – да. Во-первых, станцию пытаются восстановить, правда, не очень удачно. Все-таки не умеют гансы организовывать субботники, а Ильич еще без бревнышка, упражняется в красноречии в Швейцарии.

Во-вторых, дорогу на Сохачев мы закупорили основательно. Разведка доложила, что остовы вагонов до сих пор не убраны с путей, баллоны очень аккуратно сложены рядом, и даже тент от солнца над ними умудрились натянуть. И часовых, как тараканов за печкой, куда ни плюнь – попадешь в ганса с винтовкой. Видно, всерьез опасаются за сохранность ценного имущества. Ну, мы им в этом поможем, и очень скоро. Дождемся нужной погоды и пустим все по ветру.

Самая же плохая новость заключалась в том, что «зеленые человечки» обосновались на станции. Один из пакгаузов был переоборудован ими под казарму. И несколько офицеров там крутилось. Иметь таких соседей под боком – удовольствие небольшое, но выбора нет. Значит, будем ходить «на

цыпочках». Как в том анекдоте: «Партизаны тихо и незаметно подорвали склад боеприпасов и двинулись дальше».

Посчитав егерей, крепко призадумался. Этих гадов по станции штук семьдесят-восемьдесят шарится, нам с ними в открытый бой вступать не с руки. Значит, будем наблюдать за их поведением. И подкинем одну или несколько вводных. Отправляем «пятерку» по дороге на Скерневицы с важной миссией. Там, где недавно рванул вагон с тротилом, сейчас во всю мочь немчура пытается засыпать воронку и восстановить путь. Не менее сотни саперов увлеченно создают эффект муравейника. Задача моих орлов состоит в том, чтобы немного его разворошить. Помелькать среди кустиков, пострелять малость, разрешу кого-нибудь ранить или даже убить. Потом очень быстро исчезнуть с места происшествия.

И для солидности придаем им Котяру с его карамультуком. После нападения на станцию Федора с моей легкой руки все стали называть только так, и никак иначе. Чему он, впрочем, был только рад. Особо словоохотливым показал свой немаленький кулак и заявил, что они – мелочь сопливая, а у него уже позывной имеется, как и у всего Первого Состава. Со временем Гриня стал Паном Атаманом по ассоциации со «Свадьбой в Малиновке», Андрейка – Зингером за свое умение «вышивать» из пулемета, Митяя сначала хотел сделать Шварцем, как Арнольда Терминаторовича, но он категорически не воспринял германское прозвище, поэтому остановились на Рэмбе. В оправдание рассказал ему, что читал одну книжку про воина с таким именем, которого нечаянно обидели, и что потом из этого получилось. Ну, а Михалыч им же и остался... Что-то я в воспоминания ударился, не о том думаю. Сейчас надо смотреть, как «зелененькие» будут реагировать. И насколько хорошо у немчуры система оповещения работает...

Оказывается, она работает хорошо. По моим подсчетам туда – час ходу, да там еще столько же. Осмотреться, подготовиться и пошуметь. Через два часа с небольшим часть гриндойчей быстро, без суеты, собралась, залезла в грузовик и укатила в нужном нам направлении. Одновременно с ними еще десятка два егерей пешком двинулись на восток от станции, отрезая путь моим бойцам. А вот это уже не есть гут! Возвращаемся в лагерь, поднимаем еще две группы и посылаем следом с задачей себя не обнаруживать, но если наши нарвутся на немчуру, помочь пробиться к лагерю.

Обошлось без эксцессов, все вернулись целые и невредимые. Рассказали, что появились в тот момент, когда какое-то гансовское начальство устраивало разнос своим подчиненным. Чтобы на наших

обратили внимание, Кот сделал из своего ружья аж три дырки в маневровой «кукушке», которая притащила платформы со щебнем, а остальные малость постреляли по саперам, дружно выполнявшим команду «Ховайся, кто где может!». Потом начальство попыталось поднять этих землекопов в атаку, и вся группа ржала, глядя на то, как резво они штурмуют рощицу, из которой все давно уже ушли. Напомнив о себе фланговым огнем, «пятерка» не стала ждать продолжения спектакля и отошла на безопасное расстояние. Тем более, что в бинокль было видно, как какой-то немец, бурно жестикулируя, орет в телефонную трубку в то время, пока его камрады пытаются настичь и покарать русских. Повалившись еще немного на спелой июльской травке, группа все-таки дождалась приезда «зеленых» и посмотрела за их действиями. Они им показались очень грамотными, поэтому было принято решение вернуться на базу. Вторую команду егерей они опередили и, соединившись с подстраховывавшими, прискакали в лагерь.

А выводы из всего этого будут следующие: первое – у гансов хорошо налажена телефонная связь, второе – егеря могут толково организовать прочесывание и, наверное, умеют вести бой в лесу. Последнему тезису подтверждение было получено в самом ближайшем времени.

Подробности боя узнали только на рассвете, когда в лагерь пришел отряд прапорщика. По каменно угрюмым лицам пришедших, даже без объяснений, было понятно, что случилось нечто очень нехорошее. Потом уже бросились в глаза белеющие в сумраке повязки. Оладьин, держась неестественно прямо, подошел и собрался рапортовать. Увидев его лихорадочно горящие глаза и побелевшие от волнения скулы, решил его опередить.

– Костровые, накормить и напоить чаем всех прибывших... Пойдемте, Сергей Дмитриевич, к моему костерку, там все расскажете.

Прапорщик как-то вдруг сгорбился, будто из него вытянули стержень, и пошел за мной...

– Докладывайте, Сергей Дмитриевич, что произошло.

Оладьин, уставившись невидящими глазами в мерцающий огонек костра, стал рассказывать, как бы через силу выговаривая слова:

– Отряд прибыл. Задание выполнено. Потери... Два человека убитыми, трое ранены... Легко...

Потом, подняв глаза, ожег меня взглядом и перешел на сбивчивый полусшепот:

– Мы на дневке были после очередного налета на переправу. Я «пятерки» на задание отправил, потом охранение поменял, как положено.

Эти... Появились внезапно. Первым их Гордей заметил, подал сигнал тревоги. Мы тут же заняли оборону. Второго дозорного они застрелили, а третьего... Третьего взяли без шума... Пытались нас атаковать, мы их отбили два раза, а там и ребята обратно подоспели... Они с пленным ушли, но мы догнали. Их около полутора десятков положили, но и наши... Прохор и Тимофей... Убиты... Мы их похоронили, на карте есть отметка. Кресты поставили... Березовые... Вот их вещи. «Оборотни»... Кисет Прохора... Часы Тимофея... Жетоны... Служебные книжки...

Последние слова прозвучали в мертвой тишине... Все уже на ногах, смотрят на меня. Твою ж!!!!.. На ватных ногах встаю к своему вещмешку, достаю оттуда спиртовую фляжку, выливаю все в котелок.

– Вечная память! – Пускаю «братину» по кругу. Достаю люгер, вытаскиваю обойму, передергиваю затвор. Командую всем: – Разрядить оружие...

По всей поляне слышен лязг металла.

– Делай, как я... – Вскидываю руку и жму на спусковой крючок. Потом еще раз. И еще...

Оладьин, еще не успокоившийся, упрямо смотрит на меня и говорит, как гвозди вбивает:

– Я же все делал, как учили!.. Почему же... Почему так все получилось?..

– Сергей Дмитриевич! Я понимаю ваше состояние, мне тоже нелегко – первые потери в роте. От этого никто не застрахован... Мы с вами в первый раз столкнулись с сильным и умным противником, который тоже умеет и хочет побеждать. И еще запомните – в памяти каждого командира есть два кладбища. Первое – тех врагов, что он положил... И второе – тех солдат, друзей, боевых товарищей, которым не смог помочь, не сумел прикрыть от огня. Теперь и у нас с вами есть такое. И помнить об этом будем всегда! А нам еще похоронки писать...

Глава 21

Гауптман сидел за столом, задумчиво рассматривая карту. Услышав за окном шум подъезжающей машины, поднялся и выглянул в окно. Возле автомобиля стояли командир егерей и только что приехавший лейтнант Зайгель. Через минуту они уже были на пороге канцелярии...

– Курт, рассказывайте, что вам удалось узнать в госпитале. – Фон Штайнберг внимательно смотрел на офицера. – Нам нужна сейчас любая информация.

– Немногое, герр гауптман. Венцель после операции еще не пришел в сознание. Ампутация руки, плюс большая потеря крови... Хирург сказал, что надежда только на крепкий молодой организм. Егерь, которого доставили вместе с ним, пока не вкололи очередную дозу морфия, рассказал, что они шли по следам русских, наткнулись на их лагерь и даже скрутили одного из дозорных. Лейтнант отдал приказ о штурме, но их встретили организованным огнем, а потом взяли в клещи, – часть русских непонятно как обошла егерей с фланга. В этот момент Венцель был ранен и потерял сознание. Длинный Нос... Извините, герр гауптман, егерь Густав Мюлле принял решение об отходе. Они забрали лейтнанта и пленного, отошли в лес, рассчитывая, что русские бросятся вдогонку и можно будет устроить западню и перебить их из кустов. Но те оказались хитрее. Неизвестно каким образом, но на пути отхода егерей они организовали засаду. Я отношу слова Мюлле к последствиям инъекции морфия, но он сказал, что было всего три человека. Один – с пулеметом, и двое набросились с ножами. Причем нападавшие были одеты «в траву»... Это его слова: «Две кочки вдруг вскочили и перерезали всех».

– Но у самого Густава ведь огнестрельное ранение! – Иоганн Майер удивленно поднял брови. – Причем в спину. Значит, за ними все-таки шли русские. И еще один егерь погиб от пули...

– Еще Мюлле сказал, что перед нападением они слышали волчий вой!

– Вервольфы?!.. – Губы Майера скривились в саркастической усмешке. – По-моему, Длинному Носу это действительно привиделось. Я сам – охотник и знаю цену этим многочисленным легендам и слухам про оборотней и прочую лесную нечисть.

– Я хочу напомнить, что место потом осматривал унтер-офицер Кранц, один из наших лучших следопытов. Он утверждает, что напавших действительно было двое. Также он нашел следы пулеметчика и пути их

отхода в лес с остальными русскими. – Зайгель никак не мог уняться. – Эти же следы вывели их на лагерь, и Кранц потом сказал мне, что, когда он увидел аккуратно сложенные тела наших солдат возле двух русских могил, в голове как будто прозвучало предупреждение: «Не трогать!» У него возникло даже ощущение, что за ними из леса кто-то наблюдает. Кстати, он отметил, что русские не взяли ничего, кроме оружия и жетонов.

– Майне хэррен, мы сейчас говорим не о том. – Фон Штайнберг решил прекратить ненужный спор. – Сейчас я сообщу вам информацию, являющуюся секретной. Надеюсь, вы понимаете, что кроме нас троих никто не должен ее знать... Начальник штаба армии сообщил, что его императорское величество кайзер Вильгельм Второй имеет намерение посетить наш участок фронта в ближайшее время. Представьте себе, что русские попытаются напасть на поезд или кортеж. Поэтому наша задача – в течение трех суток уничтожить их отряд.

Ошеломленные офицеры несколько секунд переваривали новость. Первым очнулся Майер:

– Но ведь нашей роты будет недостаточно для проведения такой операции! Всего сто шестьдесят четыре человека, тем более солдаты находятся в трех разных точках!

– Не волнуйтесь, Иоганн. Никто не собирается использовать ваших егерей в качестве затычки к дырявой бочке. В Скерневицах задержана отправка трех маршевых рот, они временно переподчиняются нам, еще одна рота должна к концу дня прибыть в Лович. Помимо этого один кавалерийский эскадрон будет действовать на флангах, прикрывая «загонщиков», второй будет дожидаться русских у Сохачева совместно с пулеметной командой на моторрадах. Смотрите на карту. Ландвер будет прочесывать леса, выдавливая русских на север вот к этому месту, где заранее веером будут расставлены девять пулеметов. Оставшихся уничтожит кавалерия.

Задача егерей – идти позади пехоты, усиливая особо опасные места. Но, кроме того, вам, Иоганн, необходимо отобрать десяток опытных следопытов, которые пойдут проводниками впереди пехоты. Кстати, с ними пойдут четверо местных лесников, которые хорошо знают эту местность. Местному старосте-войту приказано отобрать и привести подходящих людей.

– Герр гауптман, а насколько мы можем быть уверены в лояльности местных? – Зайгель вопросительно посмотрел на Штайнберга. – Не исключено, что они могут быть связаны с русскими.

– Местные поляки, Курт, ненавидят русских так же, как и нас. А может

быть, даже сильнее.

– А помимо этого, – вступает в разговор Майер, задумчиво молчавший до этого, – я думаю, что их семьи необходимо поместить под охрану здесь, на станции. Пока не закончится эта «охота».

– Вы хотите взять заложников, Иоганн? – Фон Штайнберг пристально посмотрел на командира роты.

– Мне мои егеря дороже каких-то там поляков, и в случае чего я не буду церемониться.

– Я разделяю ваши чувства, но примите совет. Сделайте это тихо и, по возможности, незаметно. Я долго пытался понять логику действий командира русских... Он не собирался нападать на Лович, целью был состав с газовыми баллонами. Но когда заложников не отпустили, русские появились на станции, и первое, что они сделали – освободили местных. А потом уже устроили этот разгром... Это вполне в его духе...

– В духе кого, герр гауптман?!.. Вы знаете русского командира? – Лица обоих егерей вытянулись от удивления.

– Я очень хотел бы надеяться, что ошибаюсь... Не так давно мне довелось встретиться с русскими партизанами. – Фон Штайнберг с закаменевшим лицом помолчал несколько секунд, потом продолжил: – Они действовали очень похоже. И я не удивлюсь, если ими командует тот же офицер...

– Вы... Вы встреча... – Вопрос Зайгеля был оборван красноречивым взглядом Майера, впрочем, подкрепленным толчком в бок.

– Да, лейтнант. Я командовал авиаотрядом. Русские напали ночью, неожиданно, захватили врасплох. Аэропланы и технику сожгли... Мы уже готовились к самому худшему, тем более что большинство их отряда составляли казаки, которым ничего не стоит ради удовольствия подрезать человеку поджилки и бросить в воду, да еще и спорить, сколько он продержится. Но офицер, ими командовавший, приказал никого не трогать и даже дал несколько дельных советов по уходу за отря... ранеными. Сейчас я прибыл сюда с задачей поймать этого лейтнанта Гуроффа. Но сказанное сегодня в штабе полностью все меняет. Русский отряд должен быть уничтожен до того, как прибудет его императорское величество. Если эти партизаны себя никак не проявят, начинаем завтра утром. Если нет вопросов, готовьте людей...

Уже выйдя из пакгауза, Зайгель поинтересовался, по какой причине он получил по ребрам.

– Видишь ли, Курт, когда нас отправляли сюда, командир батальона рассказал мне историю этого гауптмана. Для того чтобы я мог принимать

ПРАВИЛЬНЫЕ решения. Фон Штайнберг сейчас всеми силами будет пытаться выполнить поставленную ему задачу, потому что на кону его репутация. Ему надо очиститься после гибели авиаотряда.

– Что же в этой ситуации будет делать обер-лётант Майер? – Вопрос прозвучал шутливо, но глаза Зайгеля смотрели серьезно. – И что он посоветует делать своему младшему товарищу?

– Эти чистоплюи-летуны заигрались в рыцарей там, в небе. И совсем забыли, что на земле война – это кровь и грязь. Обер-лётант Майер будет думать о своей роте, а не о том, как помочь выправить карьеру какому-то берлинскому выскочке. И посоветует делать то же самое лётанту Курту Зайгелю...

Глава 22

Несмотря на то, что все в лагере занимались своими делами, чувствовалась напряженная атмосфера. Слишком неожиданной была гибель наших. И теперь, наверное, почти все думали об этом. И думы эти были не слишком хорошими. А, самое главное, нельзя бросать ситуацию на самотек, – только хуже будет. Нам сейчас нужна маленькая победа. А еще всех озадачу по полной, чтобы не раскисали. Как неоднократно говорил наш начальник курса в Можайке: «Чем бы солдат не занимался, лишь бы за... устал до невозможности подумать о чем-то запрещенном». Звучала эта фраза обычно после ставшего традиционным десятикилометрового маршброска в ночь с субботы на воскресенье, потому и запомнилась. Так что сейчас все получают работу для рук и головы, только сначала проведем небольшую политинформацию.

– Внимание всем!.. – Все свободные поднялись, обступили меня кружком. – Послушайте меня... То, что вчера произошло, случилось бы рано или поздно... Не думайте, что мне все равно... Это не так... Но мы – на войне, где вопрос стоит так: или тебя убьют, или ты убьешь... До сих пор мы работали против тыловых подразделений. Сейчас же против нас кинули егерей. Эти гансы могут больше обычных. Хорошо стреляют, умеют незаметно подкрадываться, организовывать засады в лесу... Отряд прапорщика Оладына застали врасплох, в лагере, неожиданно, с большим перевесом в людях. По всем правилам войны егеря должны были перебить всех наших без потерь со своей стороны... Мы потеряли двоих... Им – вечная память и Царствие Небесное!.. А у гансов – пятнадцать трупов! Дальше будет еще больше!.. Но от случайной пули никто не застрахован. Помните об этом!.. Не в наших силах заставить Смерть отступить, но отпугнуть ее может каждый. Умением воевать и готовностью прийти на выручку товарищу!.. Теперь слушай приказ! Командирам групп – проверить сколько осталось боеприпасов и консервов. Когда закончу, доложите. Две «пятерки», бывшие у виадука, готовятся снова идти туда с прапорщиком Оладыным. Сергей Дмитриевич, берете с собой подрывников и оставшийся запас взрывчатки. Нужно постараться вывести его из строя надолго. Егерей по моим подсчетам там осталось немного, человек десять-пятнадцать, но все равно особое внимание – охранению. Если им отсюда отправят подкрепление, мы их притормозим по дороге. Времени у вас немного, завтра утром быть... в запасном лагере. Отряду

пора уходить «домой», задание мы выполнили. Да, Кот со своим ружьем идет с вами. На всякий случай. Заодно поможет дотащить тротил... Федор, ты трофейную проволоку с собой захватил?.. Оставь здесь!

Чернов, готовь свою группу в разведку. Я с вами пробежусь по окрестностям, посмотрим, кто чем занимается. Да и едой на дорогу надо запастись. Идем налегке, часа через три вернемся. Далее, свободные три «пятерки», берете трофейные штыки, их должно быть штук сорок с лишним. Нарубите толстых веток, каких – я покажу, прикручиваете к ним железки и делаете ловушки. Семен с Гордеем объяснят, как их ставить, и помогут, если что. Все остальные – подготовка к походу и охрана лагеря... Вопросы есть?.. Тогда – работаем!

Объясняю замысел заподлянок сибирякам и командирам «пятерок». Берем две палки толщиной с палец и длиной в пару ладоней, складываем их крестом. К ним проволокой вертикально приматываем за рукоять маузеровский штык острием вверх и получаем конструкцию, отдаленно напоминающую противотанкового ежа. В нужном месте лопаткой подрезаем и откидываем дерн, выкапываем ямку нужной глубины и на дно устанавливаем конструкцию. Потом немного присыпаем землей основание, утрамбовываем, и на веточки укладываем срезанный дерн. Если кто наступит сверху, тридцать сантиметров хорошо заточенной стали в ноге ему обеспечено. Лишний грунт в мешках убираем и высыпаем в укромное место...

Идея миниатюрной волчьей ямы понравилась всем, и народ с энтузиазмом принялся за дело. Семен с Гордеем пообещали сделать все незаметно и оставить проводника, когда мы будем возвращаться. Вот теперь пойдем и посмотрим, что в мире творится...

Побродив пару часов рядом с близлежащими дорогами, нашли подходящее место для засады на гансов, если те ломанутся к Скерневицам. Там был такой симпатичный поворотик, на котором всяко придется скидывать скорость. И он отлично просматривался с нескольких точек. Если поставить два пулемета, то можно таких дел наворотить! Пометив место на карте, пошли к другой гравийке. Она была не столь оживленной, как предыдущая, но все же пришлось прождать полчаса возле ответвления, переходящего в просеку, пока не появилась подходящая цель. Четыре повозки, нагруженные мешками и ящиками, неспешно катили в сторону Ловича. На передней, соорудив из мешков какое-то подобие дивана, сидели два офицера и о чем-то мило беседовали под скрип колес. На следующей помимо возницы сидел еще один ганс с винтовкой в руках. Этот может и стрельнуть не вовремя, начинать надо с него. Показываю своим, что его

надо гасить первым, брать тихо, без шума, и начинаем.

Сбить с повозок и связать полусонных от монотонности путешествия немцев было нетрудно. Офицеры, удивленно вылупившие глаза на диссонанс между вежливым «Гутен морген» и смотрящим на них пистолетным стволом, даже и не подумали хвататься за кобуры. А спустя пару секунд их содержимое перекечовало в мои шаловливые, но цепкие ручки, и я стал обладателем какого-то раритетного револьвера 1883 года выпуска и непонятного пистолета-уродца с именем «Мента 6,35» на затворе.

Обоз быстренько увели сначала на просеку, потом – на полянку невядалеке, и бойцы стали разбирать, какого же счастья им столько привалило. Сам, пользуясь знанием немецкого, решил пообщаться с пассажирами первого экипажа. Эти двое неподвижно сидели, наверное, боясь шевельнуться и этим вызвать неконтролируемую вспышку гнева со стороны русского варвара и бандита. Внешне они были похожи друг на друга, оба невысокие, упитанные, курносые и веснушчатые. У обоих усики щеточкой, скорее всего по последней армейской моде. Разница заключалась только в том, что один был бледным и рыжим, а другой – блондином с нервными красными пятнами на щеках.

Ладно, начнем с рыжеватого толстячка в мундире военного врача.

– Ваше звание, имя, подразделение? Куда и зачем следуете?

Немчик впечатлился, очевидно, ему еще не попадались русские разбойники, хорошо знающие немецкий язык, и тут же ответил:

– Ассистенцарцт Йозеф Вальтрауб, полевой госпиталь третьего резервного корпуса. Направлен в Лович в распоряжение... э... обер-лётнанта Майера, командира роты егерей для оказания медицинской помощи... Герр офицер, я – медик и, согласно всем международным соглашениям, являюсь некомбатантом... Вы меня не убьете?..

– Ну, что вы, герр доктор! Мы стараемся соблюдать конвенции. Правда, не всегда это получается... – Что-то Айболиту взбледнулось. – Но в вашем случае волноваться не стоит. Я отпускаю вас, как только узнаю все, что мне нужно... Кстати, а что за чудо техники вы таскали в кобуре? Ни разу не видел таких чудовищ.

– Видите ли, герр...

– Называйте меня герр лётнант, так вам будет проще.

– Видите ли, герр лётнант, я – хирург и скальпель в руках держу гораздо чаще, чем пистолет. К тому же я давал клятву Гиппократата...

Ага, сейчас прям слезу пущу. Доводилось уже слышать про обращение с нашими ранеными в лагерях, и как такие вот врачи их там лечат. Ладно,

убивать тебя все равно не будем, сделаем вид, что поверили в твою белую пушистость.

– А ваш сосед не желает представиться?

– Цальмайстер-аспирантен Михель Залесски, герр лейтнант!!!

Ох, и ничего себе! Орет этот начфин, как на плацу на строевом смотре. И даже умудряется сидя принять положение «Смирно»... Опаньки, а сидит клоун не на мешке, а на прикрытом дерюжкой железном ящике-сундуке. Интересненько! Угадайте с трех раз, что в нем. Мне и одного раза много!

– Встать, цальмайстер-аспирантен! – Вот за что гансов уважаю, сначала команду выполняют, потом уже думают, что с этого получится. – Что в ящике? Отвечать!

– ...Герр лейтнант!.. Там... Э-э...

– Не слышу!

– Там... деньги, герр лейтнант! Денежное довольствие!..

– Откройте ящик!

– Но, герр лейтнант... Я вас очень прошу!..

– Открывайте!

«Финик» от волнения стал полностью красным, хоть папиросу об него прикуривай. Переживает, однако. Можно подумать, мне лично нужны его рейхсмарки! Никакой другой поклажи у него с собой нет, значит, ведомости должны лежать внутри. Вот я и хочу посмотреть, кому денежки предназначены. Просто так, из праздного любопытства и от нечего делать.

– Цальмайстер, открывайте, или я сам это сделаю! Посажу на ящик вместе с тротиловой шашкой и подожгу фитиль! Так или иначе, ящик откроется!..

Тихонько бормоча из опасения навлечь на себя еще большую немилость, чинуша трясущимися ручками пару раз промахивается фигурным ключиком, выуженным из потайного кармашка брюк, мимо нужного отверстия, но потом все-таки отпирает замок и откидывает крышку. Ящик наполовину заполнен мешочками с монетами, сверху лежат пачки банкнот. Как и ожидал, сразу под крышкой обнаруживается картонная папочка. «Лениво» берем и смотрим... Гыр-мыр-пыр ягер компани, это понятно. Первая ведомость – на четырех офицеров, следующая – на нижних чинов в количестве ста восьмидесяти тушек. Стоп!.. А что я интересное пропустил?.. Возвращаемся к офицерской ведомости и читаем: гауптман фон Штайнберг... Старый знакомый... И, как я понимаю, он и руководит поимкой русских партизан. Одной встречи не хватило, соскучился?.. Или отомстить захотел?.. Нью-нью. Мститель крылатый! Орел без пропеллера! Ладно, поиграем в прятки и догонялки...

Так, смотрим дальше бумажки. Якобы бегло и невнимательно. Оп-па, а это еще интересней! Раздаточная ведомость какой-то «моторизирте машиненгевер абтайлюнг». Я так понимаю, что это байкеры-пулеметчики. И, если у них экипаж – три человека, то против нас играют девять пулеметов. С достаточно хорошей мобильностью. Самое хреновое – я их в окрестностях еще не встречал. Значит, что? Значит, они или очень скоро придут на базу егерей, или будут ждать нас где-нибудь в удобном для них месте...

Ага, еще и рота ландвера где-то должна поблизости находиться... И кавэскадрон... два эскадрона... Гансам не откажешь в масштабности. Начнут искать всем кагалом, кого-нибудь из моих и прищучат! Пора отсюда сваливать. Вот только дождусь группу Оладьина, и, как сказал шакал Табаки: «А мы уйдем на север». Желательно, незаметно...

Что-то я задумался не вовремя. Совсем про собеседников забыл.

– Цальмайстер, возьмите свои бумаги. Что касается денег... Я еще подумаю, как поступить со всем этим богатством.

Возвращаемся к эскулапу. К нему тоже есть несколько вопросов... В этот момент меня окликают Чернов, закончивший инвентаризацию повозок:

– Вашбродь! В телегах мешки с крупой, консерва в ящиках, галеты, бидон с керосином и чтой-то докторское. Бинты, склянки разные, порошки.

Боковым зрением замечаю, что «финик» прислушивается к нашему разговору, причем, делая вид, что его это абсолютно не интересует. Но в глазах промелькнуло понимание... Он, что, русский язык знает?.. А это – идея!

– Берите три ящика консервов, галеты... Или вот что, зови кого-нибудь из своих, пусть этих посторожит, я сам посмотрю...

Вместе с Михаилом идем к телегам, по пути объясняю ему, какой спектакль должны сейчас разыграть перед гансами. Через несколько минут возвращаюсь обратно, чуть позже подбегает Чернов.

– Вашбродь, все сгрузили, как вы и сказали! С остальным что делать?

– Мешки вспороть, крупу – ровным слоем по поляне. Пусть воробьи с синичками порадуются. Лошадей выпрячь, повозки облить керосином и поджечь. – Краем глаза вижу, как чинуша ловит каждое наше слово. Вот и ладненько! – Обозников пока не развязывать. Еще не придумал, что с ними делать. И с этими – тоже.

О, краснощекость резко уменьшилась. Теперь рядышком сидят две бледные тени отца Гамлета – финик якобы незаметно перевел фразу доктору. Ну, а теперь – самое главное!

– Из медикаментов взять пару десятков бинтов, остальное – оставить

здесь.

Михаил, изображая недоумение, вступает в спор:

– Вашбродь! Дык у меня же во взводе из двадцати – семеро ранетых! И трое – тяжело! Давайте все заберем, нам же по лесам еще неделю шастать!

Цальмайстер, делая вид, что любителю окружающим пейзажем, превратился в одно большое ухо. Ну, слушай, слушай...

– Чернов! Сам сказал, что раненых семеро. Это сейчас – три версты до лагеря. – Как бы автоматически машу рукой за спину, в сторону, противоположную «стойбищу». – А потом уходить под Равку надо. Нам и их тащить, и весь этот груз? Не потянем... Все, делай, как сказал!

Деза ушла прямо в широко распахнутые уши! Теперь займемся финансовым вопросом. Желания тащить тяжелый железный ящик с собой нет абсолютно никакого. Но и оставлять здесь его тоже нельзя... Значит, придется помучиться.

– Залесски! Я, конечно же, верю в вашу честность, но, кажется, слишком велико будет искушение присвоить деньги, списав это злодеяние на русских бандитов. Не пытайтесь лепетать что-то о мародерстве. Поскольку деньги еще не выданы на руки, они являются собственностью Германской империи, с которой моя страна находится в состоянии войны. Поэтому я забираю ящик с собой. А для того, чтобы это действие ваше начальство не посчитало банальным разбоем, составим бумагу примерно следующего содержания: я, представитель Российской императорской армии такой-то, в присутствии цальмайстер-аспирантена Михеля Залесски и ассистенцарцта Йозефа Вальтрауба реквизировал деньги в сумме (прописью). Дата, наши подписи. И составить документ необходимо в двух экземплярах. Один – вам, один – мне. В этом случае, если мне будут предъявлены обвинения в криминальных действиях, я сумею оправдаться. Понятно? Вот и славно. Будьте добры, ключик... А эти ведомости можете оставить себе на память о нашей встрече.

На «финика» больно было смотреть, когда он корябал карандашом текст на обратной стороне одной из раздаточных ведомостей. На мордочке – вселенская скорбь и уныние, ручонки трясутся от жадности, но деваться некуда. Отдать такое богатство в алчные руки жестоких русских варваров!.. Ничего, сейчас мы тебе еще один сеанс шоковой терапии проведем!..

После написания «индульгенции» к нам подходит Чернов, невзначай так поигрывая ножом, и задает очень своевременный вопрос:

– Вашбродь, а с германцами что делать?

– А что нужно делать с солдатами противника? Которые не сдались в плен сами, а взяты «с бою»? А, унтер?

В этот момент прорывается просительный писк доктора, которому начфин нашептывает перевод разговора. Вот интересно, есть у него в роду одесские корни? На мордочке явственно написано что-то типа: «Таки я вас умоляю, дайте мне сказать за эту тему!»

– Герр лейтнант... Вы же обещали нас не убивать...

– Вальтрауб, я не собираюсь вас расстреливать.

– Я позволю себе попросить герра лейтнанта во имя христианского милосердия отпустить возниц вместе с нами... Они... Они не являются солдатами... Ну, в смысле, никогда не были на фронте, не стреляли в ваших солдат. Им уже много лет, у них – семьи, дети. Не оставляйте их без кормильцев...

Да вижу я, что тут зольдатены только по названию. Мужики, которым уже за сорок, если с чем и умеют обращаться, так это с хомутом и вожжами. Но ты уговаривай, уговаривай меня, чтобы я проявил великодушие, а не кровожадность, присущую всем варварам.

– Герр лейтнант, вы же незлой человек... Пожалели лошадей... Проявите благородство к этим пожилым мужчинам, у них – большие семьи, отпустите их с нами... Они будут молиться за вас.

После минуты «тяжких» раздумий принимаю решение:

– Хорошо. Я оставляю им жизнь. Развяжете своих солдат через пять минут после того, как мы уйдем.

Господи, так и вывих шейных позвонков заработать можно. Если так сильно и энергично кивать головой. Зову Чернова, бойцы навьючиваются добычей, хватают тяжеленный ящик с деньгами, и мы исчезаем в лесу.

Глава 23

На подходе к лагерю нас встретил дозор и провел через ямы-ловушки. Причем классно и мастерски сделанные. Во всяком случае, на мой дилетантский взгляд трава ничем не отличалась от других мест, и по каким признакам бойцы определяли, где не нужно ходить, я так и не понял. Надо будет поблагодарить сибиряков и поинтересоваться, в чем фишка.

«Пятерке» Чернова отдохнуть не удалось. Их, как знающих место, отослал в засаду на дорогу к Скерневицам, придав на усиление три мадсена и Гордея с его новой винтовкой. Он должен был засесть с другой стороны дороги, естественно, так, чтобы не попасть под дружественный огонь, и под шумок валить тех гансов, которые попытаются спрятаться за автомобилями. На всякий случай, в качестве оружия ближнего боя выдал ему трофейный револьвер. Ну и, само собой, после акции им возвращаться уже на «запаску». В том, что она будет, я почему-то не сомневался. Денежный ящик тащить поручил пока другой «пятерке».

Две группы наблюдателей отправились «мониторить» Лович, народ уже собрался перекочевывать на запасную стоянку, как к нам пожаловали дорогие гости. Прибежала разведка от Михалыча и доложила, что отряд – на подходе, через пару часов прибудет. Пришлось менять им маршрут и тоже направлять в запасной лагерь. На вопрос «Как дела?», казаки сказали, что троих потеряли, есть несколько легкораненых, подробно доложит командир по прибытии, и умчались предупреждать своих.

Опять потери!.. Знаю, что война, но все равно тяжело... Одно только радует – теперь отряд будет единым кулаком-тараном. Правда, лагеря еле-еле хватит, чтобы всех разместить, но мы и так собирались уходить «домой». Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Почти по Шиллеру. А отбиваться от погони всяко лучше одним большим кулаком.

Все уже отправились на новое «ПМЖ», здесь осталась одна группа, которая должна была уйти позже и устроить на пути отхода ловушки из десятка оставшихся невооруженных штыков, когда со стороны станции прибежал связной с сенсационными новостями. Во-первых, два грузовика, набитые егерями, вырулили на дорогу к Скерневицам и, прямо со старта, устроили пародию на ралли «Париж – Дакар». Сами того не зная, что «скорая помощь» и персонал пит-стопа уже заняли свои места на том самом повороте. Во-вторых, на станции появилась традиционная немчура, то есть цвета «фельдграу» в количестве аж за две сотни солдат. Очевидно,

это и есть та рота, которую дали на усиление фон Штайнбергу. Кавалеристы, однако, не появились. Значит, где-то прячутся. Будем иметь в виду.

Ну и, в-третьих, появились байкеры с пулеметами. Два экипажа остались возле пакгауза, один умчался вместе с грузовиками, остальные сдернули куда-то в северном направлении. Есть о чем подумать с картой в руках... Передаю команду разведчикам появиться в лагере к рассвету и вместе с последней «пятеркой» ухожу в отряд.

Когда пришли на место, отряд Михалыча был уже там. Встреча была тихой, но очень радостной. Митяев сразу доложил о состоянии отряда, а потом, пока ждали обед, он с Волгиным рассказали все в подробностях.

После того, как мы распрощались, они двинулись дальше по маршруту, дошли до моста, взорвали его, как и обещали, а потом пустились во все тяжкие. В смысле, начали пакостить германцам. Благодаря Ивану Георгиевичу, удался оригинальный план уничтожения то ли склада боеприпасов, то ли артпарка. Помимо этого в обычную практику групп вошла охота на артиллерийские батареи и обозные колонны, которые постоянно сновали по дорогам. Чаше всего под утро, в ранних сумерках, когда все счастливчики досматривают сны, а сонному часовому мерещится его то ли Анхен, то ли сосиски с кислой капустой по-баварски, из кустов негромко хлопает пневматика, тушка аккуратно кладется на землю подоспевшими бойцами. Спустя несколько минут то же самое происходит с другим несчастливчиком. После этого действие группы напоминает хорошо сыгранный оркестр. В нужных местах к орудиям прикручиваются пироксилиновые шашки, прицелы достаются из футляров и складываются в вещмешок в качестве доказательств, поджигаются детшнуры, и в предрассветной тишине бабахают взрывы. По вырвавшимся из палаток очумелым от такого способа побудки гансам пулеметчики отстреливают по магазину, и группа исчезает. С обозами картина обстояла немного иная. Предпочтение отдавалось автоколоннам из-за их высокой грузоподъемности. На каком-нибудь удобном повороте опять-таки с помощью пневмоштуцера, дай бог здоровья нашим умельцам, отстреливались шофер и сопровождающий первой машины, которая, никем не управляемая, скатывалась в кювет. Вся колонна тормозилась, и в это время начинали работать мадсены. После зачистки с помощью имеющегося газа авто поджигались, и группа исчезала в лесу.

Но после того как на третьи сутки среди бела дня угробили крупнокалиберную гаубичную батарею и гансы потеряли шесть орудий и столько же полугусеничных транспортеров – прадедушек «Ганомагов», на

партизан была объявлена охота. Две «пятерки» нарвались на колонную ловушку. Стоило им грохнуть водилу первой машины, как с кузова слетел тент и по кустам начали работать два МГ-08. А со второй машины мигом сгрузилась пехота и понеслась в атаку. Наших спасли от полного уничтожения канава, в которой они укрылись от огня, растяжки, заранее выставленные вдоль дороги, и пулемет, фланговым огнем притормозивший шустро бегущих гансов. Но, тем не менее, отряд потерял троих убитыми. Плюс пятеро были ранены. Идти своим ходом без помощи они могли, но в операциях участия уже не принимали. Волгин с Михалычем оставляли их костровыми в лагере, и к условленному сроку решили возвращаться... В ответ рассказываю обо всех наших новостях, пополнении у немчуры и, как следствие, сделанном выводе о необходимости уходить из этого района. А также сообщаю о взятой казне, показываю расписку немецкого «финика» и прошу коллегиально разобраться с деньгами, разделить банкноты и серебро от прочего металлолома.

Через час возвращаются ребята Чернова. Они, как и было задумано, подловили колонну егерей на повороте. Едущий впереди мотоцикл с пулеметом их смутил едва ли на секунду, потом Гордей сделал водиле лишнюю дырку в голове, агрегат перевернулся, и вопрос был закрыт. Из автомобилей с помощью пулеметов сделали подобие дуршлага, немногих выскочивших из кузовов навсегда приземлил сибиряк. После чего вся веселая компания хотела рвануть в лес, но унтер Михаил внезапно заболел острым хомячизмом и тут же заразил всех остальных одной-единственной фразой: «Хлопцы, ни у кого станкача нету, а у нас есть!» Хлопцы прониклись идеей, вытащили из-под ретробайка МГ-08 и поперли его в лагерь, ободряя себя на ходу тем, что если тащить вчетвером, то по пуду на брата – это нормально. Типа, ящик с валютой тащили – и ничего. Теперь ходят гордые по лагерю, не понимая, что на длинном переходе с них семь потов сойдет. С другой стороны, можно не заморачиваться на короткие очереди, если сильно прижмут, максимка и ленту выпустит без проблем. Ладно, будем посмотреть. Станут тормозить отряд, выкину железяку к чертовой матери... Теперь осталось дожидаться возвращения группы Оладына, и можно готовиться к отходу.

Они появились вечером, когда уже начало темнеть. Как в том анекдоте: уставшие, но довольные. А, главное, – без потерь. Самым интересным было возвращение ящика с тротилом и последующий рассказ. Когда увидел взрывчатку, сначала решил, что дело не выгорело. Но Сергей Дмитриевич доложил о выполнении задания. Причем достаточно оригинальным способом.

Группа прибыла на место, заняла позиции и стала наблюдать. Пути на виадуке немчура уже восстановила, и поезда шли достаточно часто. Учитывая многочисленность охраны и возможность нарваться на «зеленых» немцев-охотников, Оладьин решил попытаться притормозить какой-нибудь эшелон прямо на месте, прорваться к нему и, пока часть группы сковывает боем немцев, подорвать вагон прямо на виадуке, чтоб труднее было восстанавливать. Для этого Федору было предложено сделать из своей «фузеи» несколько дырок в паровозе, чтобы состав остановился в нужном месте. Кот приготовился к длительному наслаждению и, когда появился натужно пыхтящий паровоз, дождался, пока тот въедет на мостик, и выстрелил, после чего не стало ни виадука, ни локомотива, ни пары вагонов, следовавших за ним. Все остальные слетели под откос, как будто пушинки. Половина группы получила легкую контузию, остальные – недоумение. Добивать охрану не стали, тем более что в бинокль Оладьин увидел относительно живого ганса, который в полубессознательном состоянии трезвонил кому-то. Считая задачу выполненной, прапорщик решил уводить группу.

И через пару верст чуть не нарвался на крупные неприятности в виде германских кавалеристов. Спасла счастливая случайность. Перед выходом из леса был объявлен десятиминутный привал. За это время дозорные и засекли сначала разъезды, а потом и сам эскадрон, двигавшийся в сторону «аварии». Причем по поведению гансов было заметно, что они целенаправленно кого-то ищут. Так что все решила пара минут и простое везение. Если бы их засекли на открытом месте, у группы бы не было шансов. Благополучно пересидев первую волну, Сергей Дмитриевич увел бойцов в соседнюю рощицу, и уже оттуда они наблюдали за тем, как на автомобилях подъехал взвод пехоты и принялся прочесывать лесок, где они недавно сидели. На обратном пути наши пару раз останавливались и проверяли, нет ли хвоста. И только после этого пришли в лагерь.

Все понятно, кроме одного: почему взорвался паровоз?.. Поворачиваюсь к Котяре, сидевшему рядом у костра:

– Федор, ты чем заряжал свой карамультук? Гранатой?.. Или умудрился трехдюймовый снаряд внутрь запихнуть?.. Что это было?

– Да я и сам не знаю!.. Зарядил обычным патроном, пуля – стальная. Прицелился перед будкой, выстрелил... А оно как рванет!.. До сих пор в ушах звенит!

– Разрешите? – подает голос Илья Буртасов, студент-горняк, «работавший» одним из подрывников и, несмотря на все, умудрившийся остаться немного застенчивым и очень вежливым юношей из хорошей

семьи. – Я всю дорогу думал, почему так произошло. И вот что вспомнил. Мне мой дядя, инженер-путеец, как-то давно объяснял... В общем, если в котле вода под большим давлением, то... Ну, температура закипания – не сто градусов, а больше... Замкнутый объем...

Весь народ у костра смотрит на юное научное дарование с недоумением. Еще немного, и кинутся лоб щупать – а вдруг температура? С чего бы заговариваться и бредить начал?..

– Продолжай, Илья.

Студент собирается с духом и выпаливает фразу, как ответ на экзамене:

– В замкнутом объеме при повышенном давлении температура кипения повышается. Если в котле сделать дырку, давление моментально упадет и вода испарится в доли секунды. А пар стремится резко увеличиться в объеме... Может быть, такое закипание и произошло?.. И разорвало паровоз?..

Только теперь, вспомнив школьные азы физики, я уловил ход его мыслей.

– Точно, законы термодинамики!.. Молодец! Ставлю «двенадцать» по предмету!.. А вы чего так смотрите? Своей версии нет?.. Значит, будем считать, что все правильно сказано. И сделано...

Глава 24

На рассвете пришла разведка от станции. Теперь осталось дожидаться группу, ушедшую к месту «химической» диверсии, и можно было бы уходить. Их отправил еще с вечера с заданием посмотреть, как обстоят дела с баллонами, и максимально «помочь» гансам с их эвакуацией. В качестве «тяжелой артиллерии» с ними ушел неустоявший Котюра со своей неразлучной «фузеей». Я особо предупредил, чтобы не зевали и смотрели по сторонам, – могут быть разные неожиданности. Например, в виде зеленых человечков с винтовками или еще кого.

Они вернулись, когда все были уже на ногах и собирались в дорогу. И рассказали, что, пока мы гуляли по окрестностям, гансы подогнали со стороны Сохачева несколько вагонов и уже успели погрузить часть опасного груза. Немчура, наученная горьким опытом, на этот раз организовала хорошую охрану, поэтому командир группы, предварительно выставив на флангах пулеметы на случай, если германцы рванут в атаку, предложил поработать Федору с дальней дистанции, шагов с пятисот. Что тот и сделал. Сначала отстрелял пяток патронов по баллонам, оставшимся под тентом, и, когда там образовалось облачко, перенес огонь на вагоны, которые вскоре тоже окутались зеленоватым дымком. Саперы, как тараканы, ломанулись во все стороны подальше от этого «дихлофоса», но тут из-за рощицы вылетели германские кавалеристы в количестве тридцати штук и, с нетерпеливым пылом юноши, увидевшего симпатичную девушку, понеслись знакомиться. Мадсены притормозили пыл «влюбленных», а после того, как Котюра попал в переднего «кентавра» и лошадь повезла дальше только пародию на Майн Рида – всадника без головы и верхней части туловища, немцы вспомнили старую латинскую пословицу «Festina lente», в смысле – «Торопиться надо медленно», и решили, обогнув огрызающуюся добычу, отрезать их от леса. Вот тут-то и пришлось к месту регулярные и систематические марш-броски на базе. Последний боец скрылся в спасительной зелени кустов, когда гансы только выходили на дистанцию уверенной стрельбы.

Все было бы отлично, но командир вспомнил мои слова про неожиданности и решил проверить, нет ли кого на хвосте. И, к сожалению, не ошибся. Тыловой дозор высмотрел идущих за ними егерей. Чтобы их притормозить, на расстоянии полусотни шагов одна от другой поставили растяжки из двух последних гранат и изо всех сил ломанулись к нам.

Причем, когда бежали, слышали оба взрыва.

Делаем выводы. Во-первых, мы имеем кавалерию и справа, и слева. Хреноватенько придется на открытых участках, если они нас обнаружат. Отбиться, конечно, сможем, но, скорее всего, с потерями, которых нам абсолютно не надо. А во-вторых, к нам в гости спешит группа германцев неустановленной численности. Их, скорее всего, не более двадцати человек, но, опять-таки, в бой ввязываться не с руки. По той же причине.

Срочно зовем наших студентов и ставим задачу:

– Так, господа «взрыватели». Вы сейчас срочно берете ящик с тротилом, оставляете пяток шашек, столько же детонаторов и немного шнура. Остальное богатство устанавливаете на тропе, по которой пришла последняя группа. Ящик располагаете на высоте человеческого роста, вместо детонатора – гранату на растяжке, если получится. – с петлей, чтобы побольше немчуры в зону поражения попало. Все как следует замаскировать, изобразите что-нибудь типа куста... Жалко, конечно, тротил изводить вот так, но что поделать. И обидно, что нет ничего типа шрапнели.

– Денис Анатольевич, если не возражаете... – сзади меня негромко окликают штабс-капитан Волгин. – Мне кажется, я знаю, чем ее, в смысле, шрапнель, можно заменить.

С этими словами он показывает веточкой, которую держал в руках, на денежный ящик... Нет слов, одни многоточия, да и то – нецензурные!.. И почему я сам до этого не додумался?! И тащить меньше, и есть чем погоню приветить!..

Читая ход мыслей на моем лице, Иван Георгиевич, улыбаясь, поясняет:

– Фокус старый, известен еще со времен пугачевщины... Вы не поверите, но история артиллерии знает и более курьезные случаи. Царь Петр Алексеевич, например, баловался в своих потешных войсках стрельбой яблоками и репой, а в войне между Бразилией и Уругваем как-то стреляли из пушек даже сыром...

Посылаю за Гриней и Митяем, они теперь будут за казначеев, и начинаем готовить «подарок». Достаем все деньги из ящика, студенты плотно укладывают внутрь тротилловые шашки, закрепляют их только что выструганными из толстых веток клиньями, сбоку крепится граната. Поверх укладываются мешочки с отсортированной мелочью – медь, бронза, никель, алюминий (серебро уже лежит у Митя в «сидоре», а Гриня потащит банкноты). Все это великолепие обвязывается трофейными бинтами, и наши пиротехники под руководством штабс-капитана уже несут эту импровизацию к месту раздачи жалованья...

Все, время не ждет, пора выступать. Две «пятерки» ушли в головной дозор, столько же народа образовало арьергард, и по бокам отряда топали две группы. Курс – на восток, через несколько верст Равка должна впадать в Бзуру. Там первоначально и планировалась переправа на правый берег. Но германцы, видать, просчитали такую возможность, и на подходе нас встретила пара дозорных из «головняка», которые и обрадовали известием, что место уже занято. На том берегу, ничего не боясь, фланируют кавалерийские разъезды. Ясно давая понять, что проход закрыт. Никаких засад разведка не обнаружила... Подозрительно это все. Я бы, наоборот, убрал всех с глаз долой, скрыто разместил людей и прищучил противника на переправе, когда нет пути ни вперед, ни назад. А они как бы намекают: «Не ходите сюда!»... И, как подсказывает мне одно место в организме, слева будет такая же картина. Похоже, нам отвели роль волков в облавной охоте... Кавалеристы с боков выполняют роль флажков, пехота и егеря, подпирающие с юга – загонщики... А в роли стрелков – моторизованные пулеметчики?.. Или я что-то упустил?.. Приглушенный расстоянием звук взрыва оторвал от неприятных мыслей. Ладно, об этом будем думать позже. Сейчас нужно разворачивать отряд к северу, форсировать Бзуру где-нибудь в укромном месте и дальше двигаться параллельно реке...

* * *

Оберъегерь Петер Нойман считался одним из опытных следопытов роты, уступая в мастерстве только старому унтер-офицеру Кранцу, проводшему за свою жизнь в лесах времени больше, чем среди людей. И поэтому в настоящий момент бесшумно крался по еле заметной тропе, оставленной русскими, цепким взглядом высматривая что-либо подозрительное. После двух внезапно прогремевших злосчастных взрывов, покалечивших пятерых человек, становиться шестым никому не хотелось. Правда, пришлось двигаться медленней, но преследуемым бандитам все равно не уйти. Их уже почти окружили, а, по рассказам Ганса Ланге, для поднятия духа обер-лейтенант назначил награду за каждого пойманного партизана. Денщик, конечно, еще тот трепач, но чем черт не шутит, а вдруг в кармане Петера появятся несколько «лишних» монет?..

Занятый этими мыслями, Нойман, а за ним еще несколько егерей вышли на небольшую полянку и, подчиняясь приказу, стали методично ее обшаривать, не забывая, впрочем, держать оружие наготове. Оберъегерь первым пересек открытое пространство и собрался было снова нырнуть в

кусты, но его внимание привлек блеск в траве. Нагнувшись, Петер, ожидавший увидеть потерянный патрон или пряжку от ремня, поднял... монету в двадцать пфеннигов. Удивленные возгласы других солдат заставили заподозрить, что и их Фортуна побаловала приятными сюрпризами. Сделав шаг, Нойман подобрал еще пару «подарков» по пять пфеннигов. Если дело пойдет так и дальше, то скоро он разбогатеет. Еще через пару метров оберъегерь увидел в траве разорванный мешочек. В таких обычно привозили в роту денежное содержание!.. Подняв его, Петер стал обладателем еще двадцати пфеннигов. Сзади солдаты ползали на четвереньках, собирая рассыпанное богатство. Нойман успел заполучить еще пять пфеннигов к тому времени, как на поляне появился взводный унтер-офицер Клабке, взбешенный задержкой.

– Вы, отродье портовой шлюхи! Долго еще будете копаться в траве, как черви в навозе? Герр лойтнант ждет выполнения приказа, и я надеру задницу любому идиоту, который будет задерживать остальных!

Командирский окрик привел было егерей к порядку, но в этот момент старый приятель Петера, проныра Вальтер, ликующе вопя, потянул из-под куста еще один мешочек, на этот раз целый и, судя по виду, полный монет!..

Одновременно с его движением дернулся соседний куст, из листвы раздался металлический щелчок, и на траву упала маленькая изогнутая железка. Оберъегерь, мгновенно почувствовав смертельную опасность, невероятным прыжком заскочил за ствол ближайшего дерева... Краем глаза увидел ослепительную вспышку, и жгучий воздух больно ударил в лицо, погасив сознание...

Глава 25

Хмурое утро удивительно точно соответствовало настроению гауптмана фон Штайнберга, которое определялось вполне серьезными причинами. В бытность командиром авиаотряда и сражаясь практически на передовой, он не имел столько потерь. Кроме того, он никак не мог пробить некую стену официальности, а, скорее даже, отчужденности, которая отделяла его не только от солдат, но и от офицеров роты. Упаси бог, речь не шла о каком-либо неподчинении приказам, но он чувствовал только одно – он здесь чужой. И лишь легендарная прусская дисциплина заставляет выполнять его распоряжения. Это предположение получило свое подтверждение уже через несколько минут.

Один из рядовых, Вильгельм Камелькранц, назначенный временным денщиком Штайнберга и прикладывающий невероятные усилия, чтобы сменить этот статус на постоянный, занеся в комнату надраенные до зеркального блеска сапоги, несколькими намеками сообщил о настроениях, царивших в казарме в отношении нового начальства. Егеря обсуждали события последних дней и неоправданно большие, с их точки зрения, потери. Вслух это не говорилось, но между собой солдаты шептались, что связано это с гауптманом, поставленным ими командовать. Ему же в вину ставилась и потеря денежного довольствия. Данная информация не прибавила оптимизма, тем более что через несколько часов предстояло участвовать в церемонии похорон погибших вчера егерей. Для отпевания погибших должен был прибыть пастор из полка, дислоцированного в Скерневицах. От этого визита фон Штайнберг не ждал ничего хорошего. Наверняка это будет еще не старый, но уже весьма упитанный святой отец, скорее всего, очень равнодушный к пиву. Который, отбывая назначенный ему ордер, озвучит заученные на память слова подходящей по случаю проповеди, будет вещать почти как сам Лютер, и, считая свой долг выполненным, отбудет обратно.

Через какое-то время фон Штайнберг натренированным чутьем летчика почувствовал изменение погоды. И, действительно, через полчаса поднялся легкий ветерок, довольно быстро разогнавший тучи. Солнце сначала робко выглядывало из-за редющих туч, потом, освоившись, прочно обосновалось на небосклоне. Как оказалось, относительно священника гауптман ошибался. К ним из штаба приехал старший пастор. Один, верхом, несмотря на опасный путь. Высокий, подтянутый мужчина

лет шестидесяти, со знаком ордена «Пур ле Мерит» слева от золотого распятия...

Обер-лётант Майер находился не в лучшем расположении духа, и причиной тому служило бросающееся в глаза несоответствие летней солнечной погоды с прозрачно-голубым безоблачным небом и поющими в бездонной вышине птичками и того печального действия, которое происходило сейчас на маленьком военном кладбище неподалеку от ловичского костела. Два ряда прошлогодних оплывших могил несколько дней назад дополнились пятнадцатью свежими. На сей раз Молох войны взял жертву из его роты. Но этого ему показалось мало, и сегодня его солдаты закопали еще двадцать два гроба со своими товарищами. Последняя почесть и последняя дружеская услуга, которую они могли оказать своим сослуживцам. Теперь – уже бывшим. Лютеранский пастор с торжественно-скорбным выражением читал подходящую проповедь из Военного молитвенника, егеря внимательно его слушали...

Пастор сумел подобрать ключик к умам и сердцам солдат. Даже те, кто потерял своих близких друзей, почувствовали определенное облегчение, казалось бы, от простых и привычных слов о вечной жизни и неисповедимости путей Господних. А упоминание святым отцом того, что смерть на поле брани за императора, за добрую старую Пруссию рождает новых героев и он, еще юношей прошедший через картечь и пули под Седаном, счастлив видеть перед собой продолжателей славных дел их отцов, заставило солдат развернуть плечи и гордо оглядеться. Тем паче, что слова похвалы прозвучали из уст того, кто с честью носил рядом с распятием «Голубого Макса».

После окончания похорон пастер не стал торопиться обратно, а, испросив разрешения поговорить с солдатами, отправился с ними, пообещав задержать их не более получаса. Когда беседа была окончена, офицеры подошли к пастору и, с искренним уважением отдав честь, поблагодарили за проведение траурной церемонии. От приглашения выпить чашечку кофе священник отказался, сославшись на неотложные дела:

– Извините, майне хэррен, но ваши егеря – не единственная моя паства. Меня ждут еще в трех местах... Возможно, мне не стоило это говорить, но солдаты обескуражены и испуганы тем, как много их товарищей погибло. Одно дело – на передовой, под огнем, но вот так... Вы и сами это видите. Не смею давать советы, но, на мой взгляд, ничто так не поднимает настроение, как, пусть и небольшая, но победа над неприятелем...

Обманчиво ленивым движением опытного наездника вскочив в седло подведенной лошади, попрощался и ускакал в свой полк.

– Интересно, где он так научился держаться в седле? – Майер наконец-то сумел оторваться от своих мрачных размышлений. – Такое ощущение, что он управляется с лошастью еще лучше, чем читает проповеди и проводит службы.

– Мне говорили о нем в штабе. В прошлую войну он служил в черных гусарах... Да-да, в тех самых... Под Седаном они шли по горам трупов, своих и чужих. Но все же одержали победу, за что он и получил этот орден. Сейчас ему за шестьдесят, но свой долг по-прежнему выполняет, правда, уже в другой роли. Как говорится, нет святее ангела, чем бывший черт... Пойдемте, Иоганн, продолжим наши дела. Я хочу еще раз побеседовать с чиновником и врачом.

Разговор продолжился уже в канцелярии:

– Сейчас мы столкнулись с необычным противником в лице этого... лейтенанта Гуроффа и его отряда. И то, что мы до сих пор не смогли его не то, чтобы уничтожить, но даже найти, говорит не только о выучке его солдат, но и о том, что русские применяют какие-то новые способы ведения войны. И я был послан сюда, чтобы захватить этого офицера и узнать все, что можно. Но сейчас моя задача – уничтожить весь отряд и при этом сохранить жизни как можно большему количеству германских солдат, в том числе и вашим егерям, Иоганн, что бы там обо мне не шептались в казарме по углам!..

– Но как, дьявол их всех раздери, такое возможно?! До войны мы знали о русской армии если не все, то очень многое. Они целый год воевали в полном соответствии с французской доктриной маневренной войны, наши генералы нашли свои способы противодействия, мы их побеждали. И никто никогда не говорил, что в русской армии существуют такие вот подразделения. Зная их вечный бардак, не могу в этом усомниться! Но сейчас у меня возникает ощущение, что мы воюем с абсолютно другими людьми. Да и людьми ли? Они как будто читают наши мысли. Все наши удары наносятся в пустоту, а когда дело все-таки доходит до непосредственного контакта, мы хороним пятнадцать человек, они – всего лишь двоих. При вчерашнем нападении на автомобили мы теряем двадцать два человека убитыми, я уж не говорю про количество раненых! Группа унтер-офицера Клабке – еще девять трупов от одного взрыва! Счастье Зайгеля, что он шел сзади и остался жив! Если бы я был таким же суеверным романтиком, как он, я бы тоже поверил в русских вервольфов и всякую мистику!.. Только трупы и следы!..

Разговор был прерван появлением цальмайстер-аспирантена Михеля Залесски. Оба офицера постарались скрыть непроизвольную усмешку, возникшую от попытки абсолютно цивилизованного человека выглядеть заправским воякой, изо всех сил втянув живот и отдать честь так, как он это понимал правильным и модным.

– Гутен таг, майне хэррен!

– Здравствуйте, цальмайстер, садитесь. Расскажите нам еще раз о своей встрече с русскими. Нас особенно интересует офицер. Как выглядел, как себя вел, как разговаривал?

– Господа, это был типичный образец русского варвара, грязного и отвратительного. Воняющего немытым телом, костром и подгнившей травой. Его немецкий был едва понятен. А при каждой заминке он хватался за пистолет... Кстати, ржавый и, по-моему, незаряженный. У него был еще нож... Тоже ржавый, видимо, он никогда не стирает с него кровь. И когда он не держал в руках пистолет, он брался за него!.. Нам всем угрожала смертельная опасность!.. Но мы держались, как подобает цивилизованным людям и доблестным воинам!.. Враг не узнал от нас ничего! Что касается лично меня, я до последнего скрывал наличие денежного ящика, и только дьявольская наблюдательность позволила этому питекантропу обнаружить его... Я пытался оказать сопротивление, но силы были неравны! Он чуть не убил меня, пытаясь забрать деньги!.. Я остался жив только благодаря Божьему провидению!..

Пафосная речь военного чиновника была прервана появлением ассистенцарцта Йозефа Вальтрауба. Доктор, входя в канцелярию, услышал последнюю фразу и саркастически усмехнулся, что не осталось незамеченным со стороны фон Штайнберга.

– Хорошо, цальмайстер, можете быть свободны. Если вы нам понадобится, мы вас позовем... А вы, доктор, что можете нам сказать?

– Если, герр гауптман, ваш вопрос касается раненых, то я – только что с осмотра. Кто находился в тяжелом состоянии, еще вчера были отправлены в госпиталь, здесь остались только те, кому повезло... М-да, за свою практику я повидал достаточно, но чтобы доставать из ран монеты, такого еще не было ни у меня, ни у коллег... Извините, господа, немного отвлекся. Итак, что вы хотите от меня услышать?

– Герр Вальтрауб, нас интересует впечатление, которое произвел на вас русский офицер. Ведь вы, врачи, имеете привычку наблюдать за пациентами.

– Насчет этого вы правы, герр гауптман. Такие наблюдения помогают найти правильный подход к больному и соответственно способ лечения.

Ну, я думаю, вам это будет неинтересно... Что же касается того офицера, о нем можно сказать следующее... – Ассистенцарцт задумался на несколько секунд. – Хладнокровен, хорошо владеет собой. Умеет быть убедительным... Сначала, признаюсь, я испугался за свою жизнь, но потом понял его игру. Не лишен артистизма, во всяком случае, то, что Залесски знает русский язык, понял довольно быстро, а затем убедительно разыграл со своим подчиненным скетч-импровизацию. Вы ведь посылали солдат на предполагаемое место их стоянки? И никаких следов там не нашли?.. Я бы не верил ни одному слову цальмайстера, принявшего этот фарс за чистую монету, тем более, как мне кажется, он является поклонником барона Мюнхгаузена, вот ему и мерещатся ржавые ножи и пистолеты... Хотя в медицине бывали случаи, когда такое поведение замечалось у людей с психическими отклонениями. Человек ведет себя, как обычно, его поступки ничем не выделяются, но вдруг становится непредсказуемым и чаще всего – опасным.

– Ну, за его психику я бы переживать не стал. – Фон Штайнберг задумчиво пробарабанил пальцами по столу. – Все говорит о том, что он тщательно просчитывает все свои действия...

За окном послышался невнятный шум, который по мере усиления превратился в столь знакомый и дорогой гауптману звук летящего на небольшой высоте аэроплана. Выйдя наружу, офицеры увидели, как самолет разворачивается вдалеке и летит обратно, превращаясь из небольшой и малозаметной черточки в страшную большую «птицу», чей клюв обрамлен блестящим ореолом вращающегося винта. Заметив, видимо, что на него смотрят с земли, летчик покачал крыльями, демонстрируя черные кресты Fliegertruppe (военная авиация), затем внезапно снизился и с ревом пронесся над головами зрителей, направив биплан к небольшому полю, расположенному рядом с въездными путями на станцию. Там развернулся против ветра и зашел на посадку.

– Шмидт! – Гауптман подозвал дежурного. – Возьмите мой автомобиль, пару человек для охраны, и привезите ко мне летчика. Возле аэроплана выставить пост. Выполняйте!

– Цу бэфель (Слушаюсь), герр гауптман! – Унтер-офицер козырнул, затем подозвал двоих солдат, и через несколько минут автомобиль уже мчался к севшему аэроплану.

– Пойдемте, Майер, мы еще не закончили разговор. – Фон Штайнберг направился в канцелярию, где их терпеливо дожидался врач.

– Герр Вальтрауб, скажите, как быстро раненые солдаты смогут вернуться в строй? И что из медикаментов для этого необходимо? –

Командир роты решил уточнить интересующие его вопросы.

– Герр обер-лётант, в каких-либо боевых действиях они смогут участвовать не ранее чем через неделю. Но по внутренней службе смогут исполнять свои обязанности уже послезавтра. Что же касается лекарств и перевязочных средств, у меня все в наличии. Благодаря честности русского офицера.

– Благодаря этому русскому у нас большие потери! Если вы забыли, я напомню, что только вчера мы похоронили двадцать два человека! Еще восемь солдат ранены при взрывах гранат!.. А разве не вы оказывали помощь пехотинцам, провалившимся в ямы со штыками? Сколько из них остались хромоногими калеками?.. – Майер чуть не задохнулся от вспышки внезапного бешенства. – Вы это называете честностью?!.. Так что я бы на вашем месте, герр ассистенцарцт, не восхвалял бы врага так открыто. Мои егеря могут неправильно это понять!

– Я – в первую очередь врач. И сужу обо всем происходящем по тому, насколько это полезно или вредно моим пациентам. Ваши егеря могут думать все, что угодно, но если получают ранения, то приползут ко мне, и я буду их лечить теми лекарствами, которые удалось сохранить, в том числе и благодаря русскому офицеру. Что касается потерь, а *la guerre comme a la guerre*, как говорят французы, не мне объяснять, что это значит. Вам же, как командиру, я посоветовал бы озаботиться более обильным и калорийным питанием для раненых. По госпитальному опыту знаю, что у местных можно вполне недорого купить мясо, пару свиней, например.

– Извините за некоторую резкость, герр доктор. Что же касается питания, то еще вчера мы с бургомистром договорились о закупке мяса. И я с утра отправил людей, чтобы привели обещанную корову. Надеюсь, это поможет моим солдатам так же, как и ваши пилюльки.

Обмен любезностями прервал дежурный унтер-офицер, который открыл дверь и собирался что-то доложить, но был решительно отодвинут в сторону, и в комнату ворвался коренастый обер-лётант с Железным крестом на кителе.

– Генрих, черт побери! Я очень рад снова видеть тебя, старина!.. – Он с распростертыми объятиями двинулся было к гауптману, но, заметив присутствующих, обратился к ним. – Извините, господа, позвольте представиться – барон Лотар фон Шмеллинг унд Лотецки!

– Лотар?!.. Ты?!.. Здесь?!.. Как ты здесь очутился?.. – Вид у фон Штайнберга был несколько обескураженный. – Последнее, что я про тебя слышал, рассказы о твоих подвигах на Западном фронте! Я думал, что ты там уже командуешь отрядом, и вдруг – такая встреча!.. Не могу поверить –

старый добрый друг, верный рыцарь Ланселот!..

– Да, Генрих, это я. Переведен сюда со своим отрядом. Получается – на твое место. Сочувствую тебе, дружище! Может быть, расскажешь, как это случилось?.. Потом... – добавил летчик, видя заинтересованность на лицах врача и Майера. – В штабе намекнули, что еду на отдых, поскольку у русских почти нет аэропланов. Но, как оказалось, помимо них существуют и другие опасности. Стоило мне приземлиться, как был атакован местной коровой, которую два твоих недоумка вели на расстрел. Она решила не сдаваться без боя и вызвала меня на поединок. Я даже на секунду почувствовал себя в роли тореро в Мадриде. Это чудовище попыталось боднуть крутящийся винт. К счастью, он оказался прочнее коровьего черепа... В общем, Генрих, с тебя – бифштекс. А сейчас поехали, покажу, на чем мы теперь летаем...

Через три минуты тряски по ухабистой разбитой дороге фон Штайнберг со своим другом были уже возле аэроплана.

– Смотри, Генрих! Новая машина! Альбатрос С1! Скорость – сто сорок километров в час, поднимается почти на три с половиной тысячи метров! Скороподъемность и маневренность гораздо выше, чем у того же Авиатика, и это – при таком же моторе! Берет в полтора раза больше бомб – почти сто килограммов, а самое главное – два пулемета, один из них – курсовой. Правда, пока ставят австрийские Шварцлозе, наверное, из-за недостатка наших Шпандау. Но скажу тебе по секрету, говорят, что Фоккер у себя в Шверине придумал какую-то замечательную штуковину, которая позволяет стрелять сквозь винт, и мы наконец-то сможем вернуть должок и надрать задницу бриттам и лягушатникам! И, наконец, конструкторы все же сделали место летчика впереди. Теперь обзор ничем не закрывается в самый неподходящий момент! – Восторженный поклонник авиации, фон Шмеллинг готов был говорить о новом аэроплане бесконечно. – Я встречался с несколькими ребятами из нашей летной школы, отзывы о нем только хвалебные. Да и сам успел полетать немного. Это – не машина, это – верный и надежный товарищ, который понимает тебя с полуслова!

– Лотар! Мне теперь долго не подняться в небо! – Гауптман говорил жесткими рублеными фразами. – Из-за этой чертовой истории с отрядом я теперь не скоро взлечу!..

– Друг мой Генрих, как ты ошибаешься! Готов поспорить на бутылку хорошего французского коньяка, что ты сегодня же очутишься в небе. – С этими словами барон похлопал по крылу своего аэроплана.

– Лот!.. Ты хочешь сказать, что...

– Я хочу сказать, что самолет двухместный, а мне что-то не хочется

сегодня больше сидеть за штурвалом. И я с удовольствием уступлю место тебе. Покатаешь меня? А, Генрих?..

– Но... Если твоему начальству станет известно, что...

– Эти зажавшиеся штабные крысы могут катиться ко всем чертям в преисподнюю! Мне плевать на то, что они скажут или подумают. Во всяком случае, Лотар фон Шмеллинг унд Лотецки всегда мог постоять за себя! И, насколько я помню, мой друг, Генрих фон Штайнберг – тоже! Ты же – отличный летчик! Вспомни летную школу – ты, я и небо!.. Кстати, я предусмотрительно захватил с собой второй пилотский шлем... Ну, так что, летим?.. Я думаю, что нам обоим не помешает небольшая прогулка перед обедом, которым, я надеюсь, ты угостишь своего старого друга. И не забудь про коньяк!..

Через полчаса дозаправленный аэроплан был готов к взлету. Гауптман занял место пилота, фон Шмеллинг устроился сзади в роли наблюдателя. Водитель и автомеханик были привлечены в качестве наземного персонала.

– Лот, заряди пулеметы!

– От кого ты собираешься отстреливаться, Генрих? В небе давно уже нет ни одного вражеского аппарата, а коровы, к счастью, пока не летают.

– Я хочу слетать на разведку. Мы зажали русских в клещи, но до сих пор не знаем их места базирования. Егеря и пехота вслепую прочесывают леса, мы теряем драгоценное время. С помощью твоей «птички» можно сделать это гораздо быстрее. Но им вряд ли понравится, если их обнаружат.

– Хорошо!.. Это те, из-за кого у тебя неприятности?

– Да. До вчерашнего дня сомневался, теперь – знаю точно: это они! Подробно расскажу тебе за обедом...

Прозвучали давно не слышанные, но до сих пор милые уху команды «Заводи!» и «От винта!», мотор затарахтел, прогреваясь. Фон Штайнберг проверил ход штурвала, работу рулей, осторожно тронул аэроплан с места, начал разбег. И через несколько мгновений ощутил ни с чем не сравнимое чувство радости от полета, когда они оторвались от земли. «Альбатрос» действительно был легким в управлении, моментально слушался малейших движений опытных рук на штурвале. Сделав пару кругов, чтобы окончательно освоиться с аппаратом, гауптман направил «птичку» на северо-восток.

Ветер радостно обдувал лицо, под крылом проплывали темно-зеленые пятна рощиц и лесов, поля, тонкие ниточки дорог. Справа вдали блеснула водная гладь реки. Гауптман развернул аэроплан в пологом вираже и взял курс на лес, в котором, по его мнению, мог разместиться русский отряд.

Сзади, дотянувшись со своего места, его хлопнул по плечу Лотар,

потом показал куда-то вниз и в сторону. Фон Штайнберг послушно повернул штурвал, одновременно снижаясь, чтобы получше разглядеть, что же привлекло внимание его друга. Увиденное заставило его напрячься. Внизу на вытянутой поляне группа егерей, судя по мундирам, вела перестрелку с кем-то, засевшим на опушке. А чуть дальше, невидимые для его солдат, сбоку подползали люди в форме русской армии. Взгляд гауптмана смог разобрать даже два ручных пулемета, уже установленные для ведения огня. Решение пришло мгновенно. Крикнув Лотару «Стреляй!», фон Штайнберг нацелился носом аэроплана на засаду. Сзади сверху, приглушенный мотором, раздался перестук пулемета. Заходя на следующий круг, гауптман подумал, что теперь для егерей вторая группа не будет неожиданностью. Повторный заход получился неудачным. Поняв, что успеха не добьются, русские отходили к лесу. Небольшой доворот штурвала, и прямо перед ним видны бегущие фигурки. Сзади снова заработал пулемет. Бегущие бросились врассыпную, кто-то пытался отстреливаться из винтовок, но попасть по летящему аэроплану было непросто. Впрочем, так же, как и с воздуха по маленьким и юрким человечкам на земле.

Фон Штайнберг слишком увлекся охотой за бегущими, поэтому не сразу понял, какую ошибку он допустил. Прозрение пришло к нему лишь в тот момент, когда сильный удар сбоку в голову, подобный боксерскому, сорвал со шлема очки, и по лицу потекла горячая кровь. Опешивший гауптман промедлил одно мгновение, но его было достаточно, чтобы в середине бензобака, закрепленного на верхнем крыле, появилась маленькая дырочка, и в течение нескольких секунд вытекающий газولين воняющей аэрозолью обдавал обоих летчиков.

– Генрих! Пора уходить! Топлива осталось совсем чуть-чуть! – Лотар пытался перекричать мотор, рискуя сорвать голос. – Тем более, ты ранен! Поворачивай, уходим!

Гауптман почти закончил разворот, как почувствовал сильный толчок в руку, отозвавшийся затем жуткой болью. Левое предплечье налилось свинцовой тяжестью, двигать им было очень мучительно, из раны на голове все текла и текла кровь, но фон Штайнберг понимал, что сейчас все зависит только от него. Поэтому, ругаясь сквозь стиснутые от напряжения зубы, вцепился в штурвал, держа курс на Лович. Кровь, заливавшая глаза, мешала ориентироваться в полете, но в левой руке он чувствовал только онемение, чередовавшееся со вспышками боли при малейшем движении, правую руку он не рисковал оторвать от штурвала, поэтому приходилось раз за разом наклоняться вниз, чтобы обтереть лицо о рукав кителя. Лотар

сзади что-то кричал, но фон Штайнберг не мог разобрать слов, в мозгу билась только одна мысль: «Долететь!»

Ему это удалось, скоро под крылом появились знакомые очертания станции. Гауптман сразу направил аэроплан к тому месту, куда садился Лотар. Земля надвигалась все ближе, все быстрее неслась под крылья. Толчок шасси вызвал мучительный прострел в раненой руке, от которого потемнело в глазах, но фон Штайнберг последним отчаянным усилием воли заставил себя сбросить газ, выдержать ровно штурвал, пока скорость не упала до пешеходной. Теряя сознание, он выключил двигатель, а потом его с головой накрыла темно-багровая волна боли, и он провалился в небытие...

Он не помнил и не чувствовал, как выскочивший на крыло Лотар отстегнул его ремень и помогал подоспевшим егерям осторожно доставать из кабины бесчувственное и податливое тело, как, сняв с него исковерканный пулей шлем, бинтовал голову своим белоснежным шелковым шарфиком, на котором тут же проступали кровавые пятна, как его везли на автомобиле и шофер грязно ругался сквозь зубы каждый раз, когда наезжал на кочку или попадал в рытвину, как маленький полноватый асистенцарцт Вальтрауб стоял возле стола с разложенными хирургическими инструментами и, когда Штайнберга на него положили, неожиданно громким, жестким голосом скомандовал «Все – вон!», и даже обер-лётант Майер не рискнул с ним спорить... Даже когда доктор закончил с ранами на голове и на руке, гауптман лежал неподвижно и безучастно ко всему, его душа в это время была далеко, в детских воспоминаниях, когда маленький Генрих на деревянной лошадке размахивал жестяной саблей и спасал прекрасную принцессу от многочисленных разбойников и злых колдунов...

Глава 26

В голове постоянно крутится «Свадьба в Малиновке», точнее – фраза дня от Попандопуло: «Сдается мне, что мы накануне грандиозного шухера!» Гансов в этом районе стало слишком много для нормальной жизни. Последний штрих – группа егерей, с которой сцепилась разведка, возвращавшаяся на базу. Немчура двигалась очень уверенно и, главное, – в правильном направлении. А самое интересное – наши заметили среди зеленых мундиров цивильную одежку. Это что получается – нас сдает кто-то из местных?.. Решил подзаработать? Типа: бизнес, ничего личного? Или маленькая личная месть клятым кацапикам-москаликам?.. Да, ладно, это пока не столь важно.

Командир разведчиков принял самое правильное решение. Сковал гансов боем, а к нам отправил посыльного за подмогой. Я туда и рванул. В надежде допросить кого-нибудь из германцев по горячим следам. В смысле: кто, где, сколько и, самое главное, – когда? Две дежурные «пятерки» ушли вправо устраивать фланговый удар. Сам бегу к основной группе в сопровождении Семена и Гордея, которые под руку в лагере подвернулись... Или мне мерещится всякое от хронического недосыпа, или что-то тут не так. С недавних пор стал замечать, что возле моей скромной персоны постоянно тусуются или «охотничья артель», или мои казаки Первого Составы. Ненавязчиво, по одному – два человека. К чему бы это?.. Ладно, это – потом!

Егерей мы положили бы без вопросов, но оказалось, что удача сегодня играет на стороне противника. Фланговая группа уже вышла на рубеж атаки, как очень неожиданно с неба гансам пришла помощь. В виде летающей этажерки с пулеметом. Немецкий аэроплан появился в самый неподходящий момент, и пилот, моментально сообразив, что к чему, атаковал бойцов, которые сверху были видны, как на ладони. Старший группы скомандовал отход россыпью, потерь не было, но сам факт появления воздушного прикрытия менял очень многое. Остальные гансы, взбодрившись, усилили огонь. Надо срочно что-то делать!..

– Семен, Гордей! Приземлите эту летающую сволочь!.. Прохоров!..

Командир ближайшей «пятерки» моментально оборачивается.

– Своих бойцов – в помощь сибирякам! Огонь по самол... по аэроплану! Двое – с упреждением в корпус, остальные – в полкорпуса! Быстро!..

Бойцов как ветром сдуло с места. Через несколько секунд снова застучали выстрелы. Сквозь ветки замечаю, как пулеметчик, положив ствол в развилку, короткими очередями пытается достать эту летающую гадость.

Занимаю оставленную позицию, схваченный в лагере маузер давно готов к работе. Что-то вон там веточки подозрительно шевелятся. Целимся, плавно выбираем спуск... Бам!.. Кустик дернулся и замер... Следующая цель... И вот туда еще разочек... Рядом приземляется догнавший нас Андрейка-Зингер со своим мадсеном... Короткие очереди пулемета вписываются в общий шум боя...

Не знаю, насколько результативной была наша импровизированная ПВО, но после повторного захода пилот отвернул в сторону и ушел обратно. Бойцы дали залп по егерям, и те, не будучи дураками и поняв, что за этим последует, помчались догонять своих небесных собратьев. А мы вернулись в лагерь, быстро собрались и перебазировались в соседний лесочек, подальше – береженого Бог бережет!

Похоже, нас действительно обкладывают, как волков, а на номерах, скорее всего, уже стоят стрелки. Вопрос: что делать?.. Ответ – как в «Детях капитана Гранта». В смысле – «Бороться, искать, найти и не сдаваться!». Или я это в фильме «Два капитана» по Каверину видел и слышал? Сейчас и не вспомню... Похоже, ночь сегодня будет бессонной. Для нас – это однозначно. Теперь сижу, жду, пока командиры соберутся на военный совет, и обдумываю выходы из положения в прямом и переносном смысле. Хотя, кажется, уже знаю, что надо делать...

Днем дергаться против немчуры нет смысла – задавят, как котят. Но и сами ночью ничего предпринимать не будут, дождутся рассвета. Блокирование, скорее всего, они закончили. Выставят усиленные дозоры, секреты и будут караулить добычу. А как посветлеет, начнут выдавливать нас на открытое место и прижимать к лесу, протянувшемуся севернее. Там, скорее всего, уже стоит то самое чертово «моторизирте машиненгевер абтайлюнг» (моторизованное пулеметное подразделение), исчезнувшее из Ловича. И кто-нибудь для оцепления и добивания.

А если я ошибаюсь, и нас будут тупо выщемлять на север до Вислы, чтобы потом прижать к воде, перестрелять и похоронить?.. Все может быть, но на другом берегу начинается зона ответственности 12-й армии Гальвица, насколько я помню инструктаж Валерия Антоновича. Смогут гансы обеспечить взаимодействие в таком случае? Да, но только через свой полевой генштаб. С постоянным покрикиванием друг на друга, потому, как у каждого корпуса и армии есть свои задачи. И волокиты с бюрократией в этом случае будет гораздо больше. Значит, маловероятно. Да и сор из избы

по эту сторону реки никто выносить не захочет...

Ладно, все собрались, пора принимать решение.

– Так, господа командиры, составляем план дальнейших действий. Если у кого-то возникнут возражения, дополнения, предложения, говорим в порядке очередности. Ситуация такова. С тыла и флангов нас окружили германцы. Вправо мы уйти не можем, там Бзура, за ней – заслон. Слева – тоже кавалеристы. Можно попытаться пробиться, но окажемся еще дальше от линии фронта. Сзади – две пехотные роты и егеря. Остается единственное направление – на север, куда нас упорно, не вступая особо в бой, толкают гансы. И я так думаю, что не далее, как перед ближайшим лесочком завтра утром мы встретимся со свежей немчурой и заряженными пулеметами.

– Те самые моторрады? – Иван Георгиевич понимающе усмехается. – Скорее всего, да. Сколько их осталось? Восемь? Поставят по краю леса – и все.

– А в промежутках между ними разместят пехоту или, например, спешенных драгун, – добавляет Оладьин. – И окажемся мы между молотом и наковальней...

– Ну, не надо быть таким пессимистом, Сергей Дмитриевич. – Волгин с хитринкой в глазах смотрит на него, потом – на меня. – Мне кажется, наш командир уже придумал, как выпутаться из западни, и сей момент сообщит нам свои умозаключения, не ломаясь, как барышня на первом свидании.

– Сообщу всенепременно, Иван Георгиевич, хотя эротики там будет очень мало... Начну с того, что, как мне кажется, наш единственный шанс – эта ночь. Гансы к темноте закончат блокирование, а завтра, с первыми лучиками солнца начнется, как у Льва Николаевича: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт». Ночью, даже с усилением нарядов, как минимум половина германцев будет спать, кавалеристы расседлают почти всех лошадей, отправят их пастись. В готовности будет только часть немцев. Вот этим я и предлагаю воспользоваться. После проведения разведки определяем место, тихонько убираем лишние глаза и уши и уходим в тыл стрелкам-засадникам. Сможем уйти тихо – отлично, если нет – будем прорываться с боем. Нам ночью воевать привычней, чем немчуре. А потому, как закончим, вахмистр Митяев отправляет своих казаков на «поискать-посмотреть».

Михалыч, все это время молча сидевший, поднял голову и улыбнулся несколько кровожадной улыбкой.

– Нет, друг мой любезный, резать никого не надо! Задача – только разведать: кто, где и с чем в лесу стоит. Ни в коем случае не поднимать

шум! Тихо пришли, посмотрели и тихо ушли. Нужно, чтобы твои станичники буквально обнюхали каждую кочку, каждый пенек. Повоюешь позже. Ты со своими будешь группой прорыва. Пойдете первыми, за вами – все остальные. Далее... Сергей Дмитрич, возьмете студентов, Савелия и две группы для прикрытия. Соберите гранаты... У всех, кроме казаков. По краю леса, где мы сейчас обретаемся, на всех тропинках и удобных местах поставите растяжки. Кажется, у Максима оставался достаточный запас провода. – Я повернулся к Ивану Георгиевичу: – Вашему попечению хочу поручить основную колонну. Я планирую тоже быть там, но черт его знает, как все повернется. Раненых – в центр, две группы освободить от тяжести – будет боковое охранение и подвижный резерв на всякий случай... У кого есть вопросы, предложения?..

– Командир, может, шумнем в другой стороне, когда выходить будем? – Митяев загорелся идеей «Смерть гансам!» – Отвлечем внимание от основной группы?

– Это будет зависеть от результатов твоей разведки, Григорий Михалыч...

* * *

Через два часа с небольшим на карте были нанесены последние данные, добытые разведчиками. Весь лес, как и предполагалось, был напшигован немчурой. По самому краю в выкопанных ячейках уже стояли пулеметы с наполовину дежурившими расчетами. В смысле – один бдит, другой спит. Гансы расположили их не равномерно по всему фронту, как предполагал Волгин, а парами по флангам и аж четыре в центре. Еще два МГ-шника нашлись на небольшой полянке неподалеку, куда были отогнаны мототачанки. Типа, подвижный резерв. И возле них тоже был выставлен пост. Пространство между огневыми точками заполнили сторожевые посты и секреты гансов, располагавшиеся через сорок – шестьдесят шагов друг от друга. Что, впрочем, не особо помешало казакам пройти весь лес насквозь и обнаружить с другой стороны бивак драгунского эскадрона. Около полусотни лошадей стояли у коновязи оседланные, но с ослабленными подпругами, остальные паслись неподалеку под присмотром пяти солдат. Короче, все было почти так, как и предполагали. Никаких следов подготовки к ночным действиям. Это хорошо, что гансы такие предсказуемые. Нам же проще будет...

Сергей Дмитриевич вернулся с «взрывателями» еще раньше и

доложил, что все проходы перетянуты растяжками, после чего взял на себя формирование бокового охранения. Сегодня ночью он будет командовать «пожарной командой». Михалыч долго ходил вокруг со следами мучительных раздумий на лице, потом не выдержал и попросился отправить две «пятерки» еще раз в гости к супостату.

– Командир, разреши еще разок пробежаться до леса. Тут такое дело задумали... Те пулеметы, что стоят посередке и с другого боку, их же гансы могут быстро переправить против нас. И тогда кисло станет всем. Я десяток своих отправлю, они пулеметчиков тихонько прирежут, а сами машинки испортят. Тогда, случись что, у них на четыре пулемета меньше будет. Разрешишь?..

Ну, определенный резон в его словах есть. Только не хочется спугнуть немцев раньше времени. А так, мысль замечательная...

– Михалыч, я согласен, но при одном условии. Твои должны будут снять немцев точно по времени, ни секундой раньше намеченного срока. Отправишь их заранее к лесу. Сам поведешь группу прорыва, как и было уговорено. Пройдем через гансов, подождем твоих. Так устроит?.. Ну, вот и ладушки!..

На этот раз обошлись без костров. Бойцы, понимая, что их ждет сегодняшней ночью, постарались урвать побольше времени для сна. А вот я сам поначалу заснуть никак не мог. Несколько раз прокрутил в голове варианты действий, а потом незаметно для себя задремал. И, что самое удивительное, увидел сон. Яркий, цветной, почти реальный... Мы с Дашей, не торопясь, прогуливались по какой-то городской улице, а между нами, держась крохотными пальчиками за наши руки, неуверенно топал только что научившимися ходить ножками по брусчатке маленький человечек с рыжими кудряшками. Очень похожий личиком на мою медсестричку... Интересно, к чему бы это?.. Ха, тормозишь спросонья, подпоручик. У каждого человека в каждой ситуации есть выбор. Вот тебе его и показали... А в качестве альтернативы – безымянная могилка где-нибудь в лесу под каким-нибудь деревом... Выбирай, Денис Анатольевич!..

Очнулся от легкого прикосновения дежурного. Погода сегодня нам помогала, в неярком лунном свете видел, как проснувшиеся бойцы собираются, стараясь не шуметь. Михалыч своих головорезов отправил заранее, снабдив часами и еще раз проинструктировав, чтобы начали работать точно по уговору, в назначенное время. Решено было поднимать шум только в случае обнаружения основной колонны, а если все пройдет тихо, вывести из строя пулеметы и пулеметчиков и догонять своих.

Все собрались, Митяев увел свою группу вперед, остальные двинулись

спустя уговоренные пять минут. Пользуясь облачками, набегавшими на «волчье солнышко», до леса дошли довольно быстро и незаметно. В сопровождении поджидавшего казака прошли мимо обезвреженной пулеметной ячейки, на дне которой скрючились две теперь уже безжизненные фигуры. Проводник шепотом сказал, что с соседним пулеметом такая же ерунда приключилась, но машинки тяжелые, потому надо тащить их в основной группе. Типа, так попросил передать вахмистр. Сами пулеметы стоят на полянке рядом с «тачихлами», которые ждут не дождутся неосторожного обращения с огнем. Охранявшие технику гансы, как оказалось, померли с горя. Правда, их скорбь была напрямую связана с травмами, несовместимыми с жизнью, но это уже не имело ни малейшего значения.

Бойцы неслышно проходили мимо, в мозгу выстраивалась какая-то сюрреалистическая картина. Черное небо, легкий шорох ветерка в листве, заглушающий шаги, лунный свет, изредка бликующий на вороненом металле и отбрасывающий на землю причудливые тени... Отряд напоминал многорукую и многоногую гигантскую гусеницу, впрочем,двигающуюся бесшумно. Сзади отдельно шагала компания куркулей под командованием унтера Чернова, упрямо тащившая трофейный МГ-шник.

Через несколько минут пришлось убедиться, что «куркулизм» заразен. Нас догнали казаки, которых Михалыч отправлял на правый фланг. Услышав сову, передававшую им, что весь отряд благополучно прошел линию сторожевого охранения, они побежали за нами. Но при этом умудрились прихватить еще два станкача с центральной позиции. Им никто не возразил, потому, что за минуту до этого пулеметные расчеты скоростно скончались. Шепотом пытаюсь орать на командиров групп:

– Вы, раздолбай, хоть понимаете, что сторожевые посты могли вас заметить и поднять тревогу?

– Так мы их тоже... того...

– Всех?!

– Не-а, от центру до вас. Там их всего-то и было четыре секрета по трое гансов. Делов-то – раз плюнуть...

– А если придет смена и поднимет тревогу раньше времени?

– Так они ж поменялись прям перед нашим носом. Ежели б по-другому, так мы бы их и не тронули.

– А те два пулемета на правом фланге?

– Мы в каждую ствольную коробку по жменьке песка сыпанули, и под станины по гранатке расчехленной положили. Ежели будут ворочать, должно бабахнуть. И уж во всяком случае не выстрелят...

А что я, собственно, кошмарю? Как раз тот редкий случай, когда инициатива не наказуема, а поощряема. Все пулеметы теперь у нас, сзади никто, скорее всего, атаковать уже не будет, гансов стало на шестнадцать человек меньше, и все это без единого выстрела. Имея такие козыри, как шесть МГ-08, можем теперь и пошуметь немножко.

– Добро, братцы, вернемся, с меня представления к награде. А там – как Дума решит.

Теперь надо догонять Митяева и остальных... Догнал, рассказал, заинтересовал и убедил. Очередная разведка убежала во все стороны убедиться, что поблизости больше никого нет, три «пятерки» пошли помогать тащить внезапно свалившиеся на нашу голову пулеметы, остальные залегли, окружив бивак кавалеристов. Двадцать минут ночной тишины, потом прибывают МГ-шники. Волгин с Оладыным расставляют их по позициям, я все жду возвращения Михалыча. Наконец, он появляется вместе со своими разведчиками, докладывает, что вокруг все чисто, никого лишнего не обнаружили, можно начинать. Сова ухает сигнал, что можно поджигать мотоциклы и вставать в заслон с одним МГ-шником против тех, кто сдуру побежит гансам на помощь. Спустя секунду в стороне, где паслись кони, раздается жуткий волчий вой. Табун, набирая скорость, устремляется от лагеря. Вдогонку им выскакивают из палаток полуодетые драгуны, хорошо заметные в свете костров. Раздается свист, и ночная тьма оживает пятью пульсирующими огоньками, сопровождаемыми грохотом пулеметов. Светящиеся красные цветы исполняют на срезях пламегасителей танец Смерти... Стрельба заканчивается, когда в лагере немцев все замирает, не видно ни малейшего движения. В наступившей тишине раздаются несколько условных «чвирков», отряд быстро собирается в походный ордер, дожидается тыловой заставы, пополняя тем временем воду для МГ-шек, и исчезает во тьме. Теперь вся надежда на компас и тренированные ноги. Курс – на север, к месту, где Бзура впадает в Вислу. И если с нами Бог, как говорил апостол Павел, то кто против нас?..

Глава 27

К рассвету мы уже были на берегу. Правда, вымотанные почти до предела. Бежать ночью, освещаемые только тусклым лунным светом, делающим обманчивыми силуэты деревьев и кустов, спотыкаясь о невидимые коряги и рискуя вывихнуть ноги, попав в рытвины, – удовольствие еще то. Учитывая оружие и вещмешок на спине, а также дополнительную тяжесть в виде «сидора» раненого товарища и трофейных пулеметов, передаваемых из рук в руки. Даже Котяра, навьюченный своим карамультуком, двумя «сидорами» и коробками с пулеметными лентами, под конец еле волочил ноги.

Но добежали, не потеряв ни одного человека, уже в густых рассветных сумерках нашли возле реки густые заросли ивняка и, невзирая на гостеприимную песню радости комаров, повалились спать. Предварительно выставив сторожевое охранение и отпугнув кровососущих большим количеством обсыхающих на ветерке портянок. Причем, к моему удивлению, на посты напросились раненые бойцы, которые могли держать в руках оружие. Мотивируя тем, что народ за них тащил поклажу, а они налегке, как баре, путешествовали. Так что, мол, отдыхайте, братцы, а мы покараулим...

Проснулся, когда стало совсем светло, от каких-то непонятных звуков. Спросонья принял их за перезвон колоколов, но потом сообразил: во-первых, тональность только одна, а во-вторых, церкви здесь просто неоткуда появиться... Кузница? Она-то здесь откуда?.. Проснувшийся Котяра тоже хлопает глазами в непонятках.

Окончательно придя в себя, умылся и даже побрился «оборотнем» и сполоснул мордочку остатками спирта за неимением лосьона, после чего имел полное моральное право командира опускать подчиненных ниже плинтуса за неопрятный внешний вид. Затем выслушал доклад дозорных, что стучать стали совсем недавно, судя по звуку, где-то в версте выше по реке, и решил сам туда прогуляться с парой человек, которым эта музыка тоже помешала. Действительно, пройдя около километра по берегу, густо заросшему кустами, наткнулись на заброшенный съезд к воде, заканчивавшийся почерневшими от времени мостками. К нему, абсолютно не вписываясь в местный пейзаж, приткнулся пароходик. Небольшой такой, метров на сорок. По-моему, еще год назад этот «пенитель морей» занимался мелкими грузоперевозками. Светло-серые борта, более темные

надстройки, две невысокие мачты с грузовыми стрелами, длинная и тонкая дымовая труба, слегка дымящая. Но на мачте лениво трепыхается от легкого утреннего ветерка флаг Кайзермарине! Помимо этого на принадлежность к военному флоту указывают аж целые две пушечки почти игрушечного калибра миллиметров так в тридцать семь. И еще одна деталь, резавшая взгляд, но только сейчас дошедшая до сознания!.. В своем теперь уже очень далеком детстве одно время увлекался судомоделизмом. И корабли этого времени для меня представлялись стремительным силуэтом эсминца «Новик», хищными контурами крейсеров «Россия» и «Громобой», грозным величием броненосцев типа «Севастополь»... Так вот, у этого представителя водоплавающих гансов двигателем служили... гребные колеса! Скрытые почти до воды в кожухах, но явственно ностальгирующие по временам более чем полувековой давности... Охренеть! Только парусов для полноты ощущений не хватает! Или рабов, прикованных к веслам!..

Одно из этих колес сейчас и ремонтировалось. Нижняя плита была снята, и обод колеса рихтовался с помощью кувалды и двух матросов, стоявших по пояс в воде. Остальные члены команды занимались обычными делами – драили палубу, проверяли крепление ящиков с грузом, в общем, делали все, чтобы не вызвать недовольства боцмана, который наблюдал за течением корабельной жизни, прохаживаясь по палубе и изредка выдавая язвительные замечания, как и положено старому почти морскому волку. С его слов я понял, что они вчера вечером попали правым колесом на корч или топляк, лопасть наполовину рассыпалась, да и обод колеса тоже пострадал. И все это произошло потому, что рулевой Блюм и вахтенный матрос Гройц вместо того, чтобы смотреть куда надо и выполнять свои обязанности, предавались в своих абсолютно никчемных головах сексуальным фантазиям в отношении своих будущих невест и всех их родственниц по женской линии. Почему вся команда и считает справедливым очень активное участие данных матросов в ремонте корабля. И если они через час его не закончат, то он, как старший по должности, обещает этим двум ослам, по ошибке надевшим форму германских моряков, длительное приятное времяпрепровождение на палубе со швабрами в руках.

Ага, кажется, я знаю, как мы будем дальше путешествовать! Команды на корабле – вряд ли больше двух десятков, оружия я ни у кого не заметил, никого и ничего не боятся. А зря!.. У нас в запасе час-полтора. Самое время отсюда сваливать, а то, неровен час, наши старые друзья-преследователи пожалуйут по горячим следам. И, главное, нас никто не будет искать на реке! Посылаю одного из бойцов в лагерь с командой двум «пятеркам»

прибыть сюда во всеоружии, а остальным собираться в круиз по Висле.

За те двадцать минут, пока группа захвата скрытно пробиралась на место, проштрафившиеся уже успели наполовину присобачить запасную лопасть к ободу. Кочегары на судне тем временем начали разводить пары, труба задымила гуще. Еще немного, и можно будет идти в гости... Остались четыре незакрученные гайки... Три... Две... Одна!.. Проштрафившиеся, мокрые с ног до головы, вылезают из воды, видно, как капитан в рубке что-то кричит в переговорную трубу, колеса медленно проворачиваются пару раз. Судя по лицам немцев, эксперимент удался. Значит, пора и нам. Неразличимый неопытному уху «чвирк-чирик», и фигуры в лохматках появляются на берегу и через несколько секунд взлетают на борт. Атака происходит настолько неожиданно, что только один боцман успевает оказать сопротивление, пытаясь ударить ломом подбежавшего к нему абордажника. А дальше происходит то, что и должно произойти. Железяка по дуге летит к голове бойца, тот моментально приседает, разворачиваясь навстречу опасности, подныривает под руку немца, которого инерция разворачивает дальше. Разворот в обратную сторону, толчок в спину, и неудачливый фехтовальщик на ломах переваливается через борт. Всплеск воды подтвердил, что закон всемирного притяжения еще никто не отменял. Равно, как и закон Архимеда, согласно которому голова немца в венке из водорослей появляется на поверхности. Он сначала собирается отправиться вплавь на другой берег, но ласковое обращение «Комм, дойч, комм! Шнелль, дойч, шнелль!» вкупе с приглашающим жестом рукой и двумя нацеленными карабинами заставляет его поменять направление движения. Ты подумай, мои бойцы уже немецкий почти выучили!.. Я наблюдаю это все мимоходом, по пути в рубку, где германский капитан хочет, наверное, задать мне ряд очень важных для него вопросов. Так же, как и я ему. И тут же приходит в голову шальная мысль!.. Сейчас мы проверим чувство юмора и уровень логического мышления немецких моряков, в смысле, речников. А если все пройдет удачно, такую дезу запустим!..

Захожу в рубку, охреневший шкипер сидит за крошечным столом, держа руки на виду. Стороживший его боец передает мне очередной трофейный раритет – громадный рейхсревольвер М 1879, из которого последний раз стреляли, наверное, еще в прошлом веке. Не без некоторого напряжения извилин вспоминаю выученный в школе английский и выдаю в эфир фразу:

– Good morning, skipper! As a real sailor, I think, you must know English in little, isn't it?

– ...Yes... Sir...
– Ship is captured by Russian unit. You must answer my questions.
– ...But... Who are you... sir? – I am lieutenant Bond, James Bond. Royal Navy^[1].

Вот это точно – немая сцена! С открытым ртом и выпученными до предела глазами! Похоже, ганс в ступоре. И никаких вопросов о том, что делает английский морской офицер на сухопутном Восточном фронте?.. Нет, ошибся!

– Но... сэр! Что вы можете здесь делать?..
– Не знаю, насколько приняты правила вежливости среди германских моряков, но британский джентльмен всегда представится собеседнику, прежде чем начать разговор.

– Простите, сэр! – Немец пытается встать, но дернувшийся ствол карабина заставляет его замереть, а затем плюхнуться обратно. – Клаус Кёллер... Капитан этого парохода.

– Что же касается вашего вопроса, я выполняю особое поручение адмирала Фишера. По данным нашей разведки, ваш пароход перевозит очень важный и секретный груз. Поэтому мое командование обратилось к российским союзникам с просьбой о помощи в захвате судна. Мы долго поджидали вас здесь, на реке. Кстати, я имею указание при необходимости не придерживаться обычных правил ведения военных действий. Вы меня понимаете, шкип?.. Что вы перевозите на корабле?! Отвечайте!.. Плохо понимаете английский?.. Хорошо, перейдем на ваш немецкий, но заранее прошу простить за ошибки.

– У нас только обычный груз!.. Продовольствие, фураж для лошадей... Немного патронов и... снарядов для пушек!

– Вы лжете, Кёллер! Не может быть, чтобы капитан корабля не был в курсе того, какой груз он перевозит! Очень жаль, но мне, наверное, придется применить особые меры убеждения в отношении вас.

– Лейтенант! Сэр! Выслушайте меня!.. Я действительно не знаю, о чем вы говорите!.. Вы можете обыскать весь пароход от килы до клотика! Груз – только тот, который я вам назвал!..

– Мы именно так и поступим. Сейчас заберем с берега остальных наших людей, и можете отчаливать. Пока будем обыскивать пароход, вы должны идти вверх по реке. Через несколько миль нас будет встречать мини-субмарина. Она заберет груз и отправится домой, в Англию. Мне было дано указание не принимать во внимание судьбу команды захваченного судна, однако я, как благочестивый христианин, не чужд сострадания и милосердия. Но если вы попытаетесь выкинуть какой-

нибудь фортель!.. Пеняйте на себя! Сейчас сюда придет русский офицер, который будет следить за вашими действиями. Не советую его сердить. В этом случае даже я не смогу спасти вас. – И, обращаясь уже к бойцу, несколько минут с интересом слушающему, по его мнению, сплошную тарабарщину: – Позови сюда прапорщика Оладына.

Сергей Дмитриевич появляется через несколько минут с докладом, что все лишние гансы связаны и заперты в кубрике, кочегары в машинном – под контролем двоих бойцов, отряд готов грузиться. Вкратце вдаваясь в подробности, прошу своего зама в присутствии немца обращаться ко мне «сэр» и объясняю, что он должен побыть «нянькой» шкиперу, пока мы осматриваем посудину. После чего выхожу на палубу и даю отмашку подниматься на борт...

Погрузка отряда произвела на шкипера неизгладимое впечатление. Семьдесят с лишним человек появляются на берегу, который до этого был абсолютно пустынным, и в хорошем темпе начинают забираться на палубу – зрелище еще то! Пароход погружается по самую верхнюю риску грузовой марки на носу и корме, но тонуть или переворачиваться вроде не собирается. Вот и ладушки, несколько километров в таком положении, думаю, пройдем, а там и надобность в этом железном корыте исчезнет. Но для конспирации загоняю почти всех в трюм, оставляя наверху только пулеметчиков с их машинками, и даю команду командирам групп поискать там что-нибудь съестное и накормить своих людей. Бойцы быстро находят ящики с консервами и галеты и устраивают импровизированные лукулловы пиры по отсекам, предварительно озадачив развязанного кока на предмет утренней чашки кофею или чаю. Естественно, тоже под присмотром.

Вроде бы пока все отлично. Пароход пыхтит, колеса неторопливо шлепают по воде, напоминая виденный когда-то фильм «Волга-Волга», где Америка России подарила пароход. Только вот топать по нему и иными способами проверять на прочность пока не будем, и, надеюсь, наш шкипер знает мели лучше своего киношного коллеги. Насчет тонуть – всему свое время. А к этому времени команда знатоков из моих «взрывателей» и штабс-капитана Волгина, сумевшего найти общий язык с этими пироманьяками, должна придумать способ гарантированно пустить на дно этот антиквариат. В минуту, конечно, они не уложились, но способ придумали неплохой. В трюме отыскивали снаряды для крупнокалиберных гаубиц и предложили затащить пять ящиков в машинное отделение, облить чем-нибудь горючим и поджечь. Пороховые заряды должны сработать от огня, а двадцать фугасов калибра 210 миллиметров сделают немаленькую дырку в днище, тем более что взрыватели к ним были в комплекте. И это не

учитывая находящихся рядышком котлов...

Получив «Добро», студенты понеслись осуществлять свой коварный замысел, а Волгин, задержавшись, сообщил, что по личной инициативе поставил импровизированные орудийные расчеты по два человека на пушку. Благодарю его и возвращаюсь в рубку продолжать спектакль.

– Видите, кэптен, как вы ни старались, мы нашли то, что нам нужно. Новые секретные газовые снаряды к вашим пушкам... – Умолкаю сначала многозначительно, потом тяну паузу, глядя, как Михалыч спешит к мостику, держа в руках какой-то белый сверток. Сергей Дмитриевич, въехав в ситуацию, выскакивает наружу, тормозит вахмистра, они коротко о чем-то говорят и потом уже оба влетают в рубку. С горящими глазами и жаждой крови на лице. Шашка Митяева шипящей змеей вылетает из ножен и упирается в горло ганса. Люгер Оладына смотрит в переносицу шкипера.

– Паскуда германская!!! Это что?! – Михалыч встряхивает рукой, и сверток превращается в белое полотнище с двумя диагональными голубыми полосами – Андреевский флаг. Чем-то запачканный, прожженный в нескольких местах. – Это у них заместо скатерки на обеденном столе лежало!.. Убью, тварюга!!!

Русского языка, конечно, колбасник не знал, но тут и перевода не требуется. Стоит белый, как мел, губы трясутся мелкой дрожью, по лбу текут крупные капли пота. Так, пора вмешиваться, а то ведь действительно умрет немчура. Не от шашки, так от испуга. И кто тогда поведет пароход?

– Stop it! – делаю шаг вперед, кладу одну руку поверх митяевской ладони на рукоятку гурды, другой опускаю руку Оладына с пистолетом. А дальше выпадаю в осадок. Михалыч кидает шашку в ножны, потом берет под козырек и рывкает:

– Так точно!.. Сер!

Затем поворачивается и выходит из рубки, кинув на прощанье на ганса испепеляющий взгляд, от которого тот съеживается чуть ли не вдвое.

– Вот видите, кэп, какие у русских солдаты. Впрочем, я могу понять этого казака. Раньше этот пароход был русским?.. Не удивлюсь, если после этого ваш флаг они пустят на... носовые платки. Если бы это был Юнион Джек, я бы тут же прострелил вам коленные чашечки и выбросил за борт, очень сожалея, что поблизости нет акул. Цивилизованное поведение по отношению к дикарям необязательно, так? Что молчите, Кёллер?.. – Пора идти на воздух, а то могу не сдержаться и сам прибью эту трусливую сволочь с идиотскими идеями пангерманизма в тупой башке. Но сначала выясним еще один вопрос: – Кстати, вы не сказали мне конечный пункт

вашего рейса. Покажите на карте, куда вы шли и где мы сейчас. И не делайте удивленное лицо! Я – морской офицер и разбираюсь в картах. Но те караули шизофреника, что лежат на столе, не имеют с ними ничего общего.

Двигаясь со скоростью пешехода, прогуливающегося перед обедом, мы за несколько часов прошли более одиннадцати километров и плыли бы дальше, если бы не услышали вдалеке на берегу раскатистое «Бу-бум!», которое повторилось через пару минут. Ага, значит, крепость близко, и гансы по ней лупят из пушек. Пора нам и на бережок сходить, неуютно как-то вдали от твердой земли. Но сначала разыграем эпилог истории про Джеймса Бонда.

– Кёллер, правьте к левому берегу! Вон там есть удобное местечко. – Поворачиваюсь к Сергею Дмитриевичу, который уже все понял и готов подыгрывать, естественно, на русском языке на случай, если ганс понимает его. – Мистер Оладайн! Наше путешествие подошло к концу! Сейчас судно пристанет, ваш отряд сойдет на берег. Здесь со мной останутся мистер Волгин, его помощник и два солдата, охраняющих команду. Они помогут мне загрузить ящик с секретными снарядами на субмарину и на подготовленном плотике доберутся до берега.

– Сэр, что будем делать с германцами?

– Я предлагаю их отпустить. Пусть берут шлюпку и плывут на противоположный берег.

– Но...

– Мистер Оладайн, мне очень не хотелось бы нарушать международные договоры, в частности, протоколы Гаагской конвенции.

Теперь снова переходим на немецкий и обращаемся уже к шкиперу.

– Кёллер, после того, как высадите русских, выходите на середину реки, бросаете оба якоря, спускаете на воду шлюпку и со своей командой плывете на правый берег, после чего быстро исчезаете из поля зрения. Если вздумаете что-то высматривать, русские пулеметы отобьют у вас охоту к таким вольностям.

– Но, сэр! Вся команда в шлюпке не поместится! Надо будет сделать как минимум два рейса...

– Кэп! Мне кажется, вы сейчас не в том положении, чтобы диктовать условия! Можно плыть, держась руками за борт лодки. Впрочем, если кого-то не устраивают условия, может остаться на корабле... И вместе с ним пойти на корм рыбам!

Вот, теперь видно, что немца всё устраивает. Чуть ли не прыжком подсакивает к штурвалу и поворачивает к берегу. Замечательно! Оладьин

уже внизу, готовит личный состав к высадке. На корме бойцы заканчивают связывать из подручных материалов плот, способный выдержать пять человек...

Ну, в принципе, спектакль заканчивается. Пароход стоит на якорях посередине фарватера, если верить немецкому шкиперу и его карте, штабс-капитан Волгин с Максимом спустились в машинное отделение на предмет создания пожара с последующим подрывом, двое бойцов наблюдают, как немчура после недолгих споров занимает места в спасательном плавсредстве и в воде около оногo. Гансы оказались смекалистые. Поняв, что плывущие будут мешать веслам, шкипер наделал петель на длинной веревке и привязал ее к корме. Вот уже минуту шлюпка буксирует за собой излишки команды. Да и хрен с ними, нам сейчас нужно быстро поджечь тюки с фуражом, лежавшие на палубе и перемещенные вниз, на площадки перед гребными колесами. Они должны сыграть роль дымзавесы и скрыть виртуальную встречу с виртуальной подлодкой. Сено быстро разгорается, но после пары ведер воды пламя сменяется белым удушливо-горьковатым дымом, который окутывает полпарохода. Дожидаемся «взрывателей» из машинного, спрыгиваем на плотик, где лежат немногочисленные трофеи – бухта тоненького тросика на всякий случай, пара фляг со шнапсом, ящик тушенки, аптечка и бинокль, завернутые в снятый германский флаг, даем отмашку на берег, натягивается бечева, привязанная к плоту. Гребем к берегу, используя доски вместо весел, помогая «бурлакам», благо, тут недалеко. Едва успеваем вылезти на сушу и пройти пару десятков шагов, как в спину нам прилетает ощутимый толчок и грохот взрыва. Оборачиваюсь и не вижу на воде ничего, кроме каких-то обломков и мусора. Эх, хороший пароход... Был...

Глава 28

Отряд опять растворился в прибрежных кустиках на случай, если кто-нибудь любопытный припрется на звук взрыва, и в течение пяти минут, которые ушли у нас на осмотр местности и принятие решения, я напрасно прождал непрошенных гостей, что, впрочем, не вызвало особого разочарования. После этого бойцы построились в походный порядок, и мы двинулись по заросшей редколесьем низинке на север. Идти пришлось недолго, уже через полкилометра лощинка закончилась, выводя нас на огромный луг, за которым виднелась какая-то деревенька. Если верить карте, называлась она Божево и в данный момент служила местом дислокации германских артиллеристов, судя по чему-то ритмично бахающему за околицей и висящему вверху Винни-Пуху на воздушном шарике, в смысле, корректировщику на аэростате. Ну, что ж, наведемся в гости. Во-первых, чтобы не нарезать круги, обходя центры цивилизации, а во-вторых, с недавних пор появилась какая-то странная привычка – ни дня, чтобы не уничтожить что-нибудь принадлежащее кайзеру. Правда, сегодня пароход уже рванули. Но не проходить же мимо такого подарка Судьбы!

Вот поэтому лежим и смотрим в трофейный бинокль. Между прочим, настоящий морской! На одном латунном ободке выбито: «6x30 Marinetrieder D.R.P.C.P. Goepz Berlin», на другом – шестизначный номер. Видно все! Коротенькая «колбаса» аэростата, трос, тянущийся к лебедке, установленной в кузове автомобиля, стоящий рядом тентованный грузовик, обычный деревянный стол с двумя телефонными аппаратами, «человек-коммутатор» в форме гефрайтера, передающий поправки наблюдателя пушкарям. Рядом в горделивой позе покорителя Вселенной застыл гауптман-артиллерист и несколько рядовых гансов, скорее всего, вестовых. Все смотрят только вперед, туда, где немецкие снаряды ровняют с землей то, что осталось от наших орудий, почему-то стоящих без укрытия, прямо в поле. Батарея, наверное, пыталась фланговым огнем сорвать атаку германской пехоты на форт, но сейчас явно проигрывала поединок с немецкими пушками.

Волгин, лежавший рядом и смотревший в свой бинокль, вполголоса выругался, когда султаны разрывов легли почти рядом с двумя оставшимися орудиями:

– Мать их за ногу, да поперек зарядного ящика! Почему молчит форт?! Надо же что-то делать!

– Надо, Иван Георгиевич, и вот что... Я с «пятеркой» Митяя иду в гости в деревню. Вы же берите подрывников, человек двадцать для прикрытия и полным ходом к немчуре на батарею. Убираете прислугу и ждете нас...

М-да, не выставить тыловое охранение со стороны немцев большая ошибка и большая наглость. Эх, давно не брал я в руки шашку! Все как-то больше ножом работал. Единственное, что для своей «Аннушки» сделал, – приспособил к ремешку португепи небольшую петельку, и шашка теперь благодаря ей висит за спиной, не мешая ни бегу, ни ходьбе. Казаки, посмотрев на это изобретение, сделали себе такие же и ходят очень довольные... Подбираемся к немцам, прячась за стеной ближайшего дома. И вылетаем на оперативный простор крошечной деревенской площади. На бегу ловлю ладонью рукоять шашки, выдергиваю из ножен, и клинок, продолжая движение, врубается по диагонали в основание шеи ганса, стоящего позади герра офицера. Солдат кулем валится влево, гауптман начинает поворачиваться, чтобы посмотреть, кто же посмел помешать его триумфу. Мое движение вперед завершается прямым ударом ноги в... В поясничный отдел позвоночника, ну, может быть, чуть пониже. Немчуря через пару метров приземляется, все же успев немного амортизировать руками, поворачивается мордочкой к нам, правая рука тянется к кобуре, потом судорожно дергается к хлещущей кровью ране на шее, герр офицер хрипит и стекленеющими глазами смотрит на меня... Ну, извини, не до вежливости. Как в том анекдоте: «Некогда нам, Колобок! Торопимся мы!» Трое вестовых и водитель тоже лежат на земле с травмами, несовместимыми с жизнью. Всё, враги пока кончились, осматриваемся вокруг. Красота! Казаки обтирают клинки от крови. Крик одного из бойцов «Берегись!», хлопок заранее приготовленной тротиловой шашки, обрубившей канат аэростата, и германский Винни-Пух отправляется в свободный полет. Заглядываю под тент второго автомобиля, на долю секунды замираю, потом до меня доходит, что баллоны не такие и на каждом написано: «Achtung! Gefährlich! Wasserstoff!» В смысле – «Внимание! Опасно! Водород!». Это я так понимаю, запас для аэростата. Замечательно!

За деревней раздаются выстрелы, различаю даже пару раз грохот Котяриной «базуки», потом все стихает. Оп-па, а аэростатик-то снижается. Низко пошел. Это или к дождю, или в нем что-то чужеродное дырок понаделало. И несет бедолагу-наблюдателя прямо на форт. Ну, будем надеяться, что мучиться он будет недолго.

Заводим авто и едем на батарею. Сзади автомобиль с лебедкой

превращается в огненный шар из-за взорвавшегося бензобака. На позиции германской батареи уже всю хозяйничают мои бойцы. Двое помогают Котяре снимать замки с орудий. Любо-дорого смотреть, как работает увлеченный своим делом человек! Стопорную чеку долой, кольцо-шайба падает на землю, несколько ударов найденным в ЗИПе молотком по штифту, освободившийся замок вываливается из крепления на землю. Его подхватывают четыре руки, оттаскивают к снарядным ящикам, где уже колдуют «взрыватели». Задаю оживленному Максиму жизненно важный вопрос:

– Вам снарядов хватит, чтобы наиграться? А то мы тут бесхозный грузовик с водородными баллонами нашли. Пойдет в довесок? Много не будет?

– Никак нет, взрывчатки много не бывает!

Глядя на улыбающуюся физиономию, думаю, что даже если дать этому Герострату эшелон тротила, он все равно будет недоволен количеством. Ма-аньяк-с!.. От грустных размышлений отвлекает штабс-капитан Волгин, подошедший с трофейными прицелами.

– Еще одна батарея, Денис Анатольевич. Тяжелые гаубицы, калибром сто пятьдесят миллиметров. Четыре штуки-с!

– Замечательно, Иван Георгиевич. Давайте поскорее рванем все это богатство, и – в путь! Очень хочется сегодня ночевать среди своих, в форте!

– Думаете, прорвемся? Хотя шесть максимов и десяток ружей-пулеметов... Это – весомый аргумент в нашу пользу.

– Тогда еще пять минут на сбор патронов – они нам сегодня понадобятся, и можно всё взрывать.

– Патроны мы уже нашли. Какой-то запасливый фельдфебель возил в обозе несколько ящиков.

– Ну, тогда забираю всех свободных в отряд, и ждем вас. И фейерверк...

Фейерверк подарил краткие, но незабываемые впечатления. Хорошо, что все находились с другой стороны деревни. Я не знаю, кто водил руками моих «взрывателей», но, похоже, они случайно подобрали рецепт вакуумной бомбы. То бишь объемно-детонирующего боеприпаса. Сначала рванули баллоны с водородом, создав в воздухе ослепительный огненный шар размером, наверное, с полдеревни, потом, спустя какое-то мгновение сдетонировали снаряды. Впечатление было такое, будто за околицей в одночасье возник вулкан. Или миниатюрный ядерный взрыв, виденный когда-то в учебном фильме по ЗОМП. Еле удержался, чтобы не заорать «Вспышка спереди!». Хорошо, что предупредил всех, чтобы закрыли уши

руками. Взрыв был такой силы, что под ногами вздрогнула земля. Через несколько минут появился Максим. Весь всклокоченный, обсыпанный землей и каким-то мусором. Но больше всего меня поразило выражение его лица – восхищение Прекрасным и гордость за свой Шедевр. Нет, подрывник – это диагноз, и это не лечится!

Собрав полуоглохших командиров групп, объясняю порядок дальнейших действий. По идее, он прост, как мычание. Создаем ударную группировку, выдвигая вперед почти все пулеметы, оставляем для охраны тыла МГ-шник и пару мадсенов и ускоренным темпом чешем к форту, который сейчас штурмует немчура. Уходим вправо, чтобы не попасть под дружественный огонь, и из всех стволов лупим гансам во фланг, ставя перед выбором: или очень быстро бежать отсюда, или очень долго ждать похоронную команду. Вопросов нет, всем всё ясно, даю команду «Вперед!».

Весь отряд, наверное, понимал, что сегодня наш рейд имеет все шансы закончиться ночевкой среди своих, в форте, без назначения костровых и сторожевого охранения. Эта мысль, скорее всего, и заставляла бежать из последних сил, изредка матерясь, чтобы не сбить дыхание. Как и было условлено, приняли вправо, огибая германский батальон, штурмующий укрепления. Гансы были настолько увлечены своим делом, что никто ничего заметил, даже когда пулеметчики вышли на дистанцию в сто шагов. Бежавшие первыми расчеты мадсенов заняли позиции, сошки воткнулись в землю, вторые номера, разложив запасные магазины, прикипели к своим карабинам. Теперь они прикрывали «тяжелые» пулеметы, которые спустя полминуты заняли свои места на флангах. Открыть ствольную коробку, вставить и протянуть ленту, проверить установку прицела – на все это ушло несколько секунд. Оборачиваюсь назад, тыловое охранение тоже готово к бою, у Оладьина все под контролем. Ну, тогда... ОГОНЬ!!!

Десяток стволов выплевывает огненную смерть, безошибочно находя свои жертвы. Очереди выкашивают немецкие ряды, как сорную траву. Фигурки в сером фельдграу отхлынули от рва, который пытались преодолеть, многие из них падают на землю и остаются неподвижно лежать. Воздух буквально напичкан свистящим свинцом. Кто-то из гансовских офицеров пытается навести порядок. А нам этого и не надо. Ору, стараясь перекрыть грохот выстрелов:

– Снайперы! Выбейте всех командиров!

Семен с Гордеем, постоянно находящиеся рядом, разбегаются метров на двадцать, залегают и начинают работать. Проходит еще пару минут, и батальон германских солдат, славящихся своим порядком, превращается в человеческое стадо, охваченное паникой, без малейшего намека на

дисциплину. Затапывая своих же раненых, гансы ломаются обратно, подальше от страшного места. Стрельба стихает, целей больше не видно. Теперь пора идти знакомиться с защитниками форта.

Беру у одного из бойцов винтовку, цепляю к стволу отбитый на пароходке Андреевский флаг, встаю. Блин, а стрёмно все-таки. Сейчас прилетит от какого-нибудь русского Ваньки, разгоряченного боем, подарок, – и все! Или немец-недобиток решит пальнуть сдуру... Но идти всё равно надо. С первым десятком шагов страх куда-то исчезает, остается только настороженность, звенящая во всем теле мелкой-мелкой дрожью. Форт смотрит на меня множеством черных бойниц, и в каждой из них наверняка кто-то целится в непонятно откуда взявшуюся фигуру с флагом. Наверное, больше для того, чтобы приободриться, чем в качестве опознавательного сигнала, начинаю громко петь, если, конечно, эти вопли можно назвать песней:

Как ныне сбирается вещий Олег,
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам...

Ф-ух! Вроде совсем успокоился... Так, а кто это мне там подпевать надумал?.. Ага, Михалыч с Гриней меня с боков конвоируют. Ну, теперь и в три глотки поорать можно...

Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!
Так за Царя, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое ура, ура, ура!

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник.

Уже почти добрались до рва... Осталось каких-то пятьдесят метров. Поднимаю импровизированный флаг повыше и начинаю им размахивать. Так, на всякий случай. А то не увидят в начинающихся сумерках. Зрелище,

конечно, странное, напоминает анекдот про чукчу, норд-вест и заблудившихся подводников...

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?..

– Эй, стой! Кто такие?

– Свои, российские! Позови кого-нибудь из офицеров! – Сейчас будем проситься попить, а то так есть хочется, что аж переночевать негде...

Глава 29

Пустили и попить, и поесть, и переночевать достаточно быстро, но не без некоторого замешательства. Солдаты проводили нас во внутренний двор, где уже дожидался комитет по встрече в лице штабс-капитана, отрекомендовавшегося Федоренко Игорем Александровичем, и двух прапорщиков. Невольно стал просчитывать, в каких окнах-амбразурах могут размещаться стрелки-пулеметчики, которым дана команда в случае чего уничтожить переодетых диверсантов. И тут же себя одернул. Все же 1915-й на дворе. Правила ведения боевых действий чтут во всех армиях, и до создания 800-го Бранденбурга еще жить и жить. Хотя, если подумать – не факт, что он появится на свет божий.

Комендант форта не скрывал своего удивления. И его можно было понять. Крепость в осаде, форт постоянно штурмуют или обстреливают из пушек, а тут появляется сотня добрых молодцев, которые просят на постой, будто все происходящее их не касается. Впрочем, его удивление было недолгим. Узнав, кто мы и откуда, и поблагодарив за помощь в отражении атаки, распорядился, чтобы отряду выделили казарму, из которой всего несколько дней назад отправили в цитадель пехотную роту. Затем вызвал фельдфебеля с выражением глаз образцово-показательного старшины:

– Пантелеич, всех прибывших накормить горячим ужином.

– Так, вашбродь, не положено! Оне ж на довольствии не стоят! Чем я их кормить-то буду?

– Я ж тебя, старина, знаю не первый год, не приbedняйся. Всегда запасец на черный день имеешь. Люди две недели по германским тылам гуляли, надо обиходить как следует! Всё, иди.

Фельдфебель, бормоча под нос что-то типа «Шастают тут всякие, корми их, дармоедов!», удалился, а штабс-капитан поворачивается ко мне:

– Можете размещать своих чудо-богатырей, Денис Анатольевич. За фельдшером для раненых я уже послал. А затем, через полчаса, милости прошу вновь прибывших господ офицеров отужинать с нами. Взял за правило собирать вечером, если к тому есть возможность, своих прапорщиков для обсуждения дел насущных. Заодно и вы сделайте милость, расскажите, что там снаружи творится, а то мы здесь в осаде закисло слегка.

– Так мы уже сколько времени по германским тылам болтаемся, Игорь

Александрович. Сами толком не знаем никаких новостей.

– Ну, тогда расскажете о своих подвигах. Поделитесь, так сказать, боевым опытом. Новые люди, новые мнения...

* * *

После того, как каждый боец получил спальное место, кусок хлеба, миску горячей каши и кружку с чаем, вестовой привел нас с Оладьиным и Волгиным в большую комнату, на языке сухопутных шпаков, тащивших службу в форте, гордо именовавшуюся: «Помещение для начальствующего состава» и представлявшую собой что-то среднее между канцелярией, столовой и библиотекой. Кто-нибудь из флотских, попав сюда, назвал бы, наверное, её кают-компанией. Окон не было ввиду того, что находилась комната в подвальном уровне, но промозглости и сырости отнюдь не чувствовалось. Крашенные светло-зеленой краской стены, неяркий свет плафонов, дополнявшихся настольной лампой в зеленом абажуре, два длинных стола, составленных вместе, десяток стульев вокруг них, диван в дальнем углу, этажерка с книгами возле стены – все это создавало некоторое подобие уюта и напрочь отбивало подсознательное ощущение казармы или, как это называется сейчас, – «казенного присутствия».

Штабс-капитан был занят достаточно серьезной, если судить по выражению лиц, беседой с худым чернявым подпоручиком, который, оживленно жестикулируя, пытался что-то доказать собеседнику. Трое молоденьких прапорщиков пускали в вентиляционную трубу клубы табачного дыма, изредка перекидываясь репликами. Увидев нас, Игорь Александрович остановил собеседника и обратился к присутствующим:

– Минуту внимания! Я пригласил на ужин офицеров партизанского отряда, который пробился к нам и помог отбить атаку германцев. Знакомьтесь, господа!

Ритуал знакомства очень напомнил порядок проведения строевого смотра. Каждый по очереди называл свои анкетные данные: должность, звание, фамилию, имя и отчество. Молодые прапора смотрели на нас, как на какое-то непонятное явление природы. Особенно после того, как Волгин с Оладьиным дружно отказались от водки, а мне пришлось объяснить, что в роте – сухой закон и не к лицу командирам подавать ненужный пример. Тем не менее, беседа потихоньку закрутилась вокруг сегодняшнего штурма. Первый вопрос был задан одним из прапоров и был вполне ожидаем:

– Скажите, господа, а откуда у вас Андреевский флаг? Я сначала

глазам своим не поверил. Везде поля, леса. А тут – люди с морским знаменем.

– Видите ли, мон шер! – В словах прапорщика Сергей Дмитриевич, наверное, уловил некую насмешку, потому и отвечал, на мой взгляд, излишне вежливо. – Дабы наше с вами рандеву состоялось, пришлось захватить германский пароход и на нем добираться до крепости. Могли бы и пешком, но боялись не успеть...

Двусмысленность последней фразы дошла до оппонента с некоторым опозданием, и он, покраснев от возмущения, хотел что-то ответить, но штабс-капитан перебивает своего подчиненного:

– Денис Анатольевич, я все-таки не могу понять – откуда же все-таки взялся флаг?

– Дело в том, что пароход, захваченный у германцев, раньше был нашим и, скорее всего, состоял в Вислинской речной флотилии. Гансы после захвата судна использовали флаг в качестве скатерти...

– Простите, кто?

Совсем забыл, что нужно следить за речью и фильтровать базар. Привык уже сам и всех своих приучил к жаргонизмам. Моветон-с, однако!..

– Гансы, они же: немчура, колбасники, тевтоны – в общем, германцы.

– А как вам удалось захватить пароход? И где он теперь? – Это уже другой прапор, невысокий щуплый блондин, вливается в разговор.

– На самом деле, взять эту посудину на абордаж, Владимир... Валерьянович, было нетрудно. Стоял у берега, чинился. Когда ремонт закончился, группа захвата быстренько поднялась на борт. Сопротивление оказал только один человек. Капитан, оценив ситуацию, любезно согласился нас подвезти. Потом команду отпустили, высадились на берег, взорвали пароход, и – напрямик к вам. Только по пути в близлежащую деревушку заглянули, успокоили германскую батарею.

– Группа захвата – это, как я понимаю, специально обученные солдаты?

– Да, те, кто хорошо умеет драться, стрелять, преодолевать препятствия. – Не очень хочется распространяться на эту тему перед случайными собеседниками, но никуда не денешься. – Мы перед рейдом немного потренировались у себя в расположении.

– Позвольте, так германский наблюдатель на «Парсевале» – ваших рук дело?.. Спустился к нам прямо на бруствер. Даже пистолет свой заранее выкинул, когда увидел, что в него целый взвод целится. Связали болезного да отправили в цитадель.

– А что за взрыв был возле деревни? – Штабс-капитан весело

улыбается. – Боезапас рванули?

– Не только снаряды, Игорь Александрович. – Теперь уже Волгин вступает в беседу. – Там еще баллоны с водородом для аэростата были. Красиво получилось?

– Да уж, смотрел бы и смотрел. Если б германскую атаку не надо было отбивать. Теперь они до утра не сунутся.

– Да, хорошо вам, господа, с таким оружием воевать. – Щуплый прапор снова берет слово. – Все с винтовками, полтора десятка пулеметов. Даже у унтеров револьверы в кобурах. А у нас оружия – кот наплакал.

– Не прибежняйся, Вольдемар! – Давешний брюнет-подпоручик хлопает блондина по плечу. – Твои-то все вооружены. Это мне думать надо, где снарядами разжиться. Второй день из цитадели не могут подвезти. Мол, перерасход у нас! Не укладываемся в норму!

– Ну, насчет снарядов, это не к нам, а вот винтовок с патронами сотни две, наверное, мы вам обеспечили. Перед рвом лежат. – Оладьин ехидно смотрит на жалобщика.

– Уже собирают, Сергей Дмитриевич. – Штабс-капитан, по-видимому, решил закончить дебаты. – И, господа, хватит ёрничать! В конце концов, одно дело делаем!

– Действительно, не будем тратить время на пустяки, – поддерживаю штабс-капитана. – Игорь Александрович, лучше введите нас в курс дел...

Глава 30

Дела, как оказалось, обстояли не самым лучшим образом. Крепость была в осаде, немцы давили со всех сторон, пытаясь нащупать слабые места в обороне. На северном направлении вчера два форта были ими даже взяты, хоть и с большими потерями. Хуже всего было то, что с той стороны действовало что-то очень даже крупнокалиберное. Подпоручик Роман Викторович Берг, оказавшийся артиллеристом и потому быстро нашедший общий язык с Иваном Георгиевичем, отвлекся от их темы разговора и сообщил, что там стреляют орудия в двенадцать, а то и больше дюймов. Мол, это ему сообщил приятель в цитадели, когда он пытался выбить снаряды для своих пушек.

– Ну, это мы можем проверить и по возможности поправить. Нам бы только взрывчаткой разжиться.

– Это утопия, Денис Анатольевич. Во-первых, если это «Большие Берты», то штат прислуги составит около двухсот человек. Ваш отряд просто задавят числом. А, во-вторых, попасть туда невозможно. Любой комендант форта в приказном порядке отправит вас обратно, а если начнете самостоятельно действовать, примут за сдающихся в плен и могут даже открыть огонь в спину. Мне тот же приятель рассказал, что после первого же штурма из предфортовых укреплений две тысячи солдат сдались в плен.

– Две тысячи?!

– Да, к сожалению, самая, на мой взгляд, большая беда крепости – настроение солдат. – Игорь Александрович задумчиво крутит в руках вилку. – У нас в 63-й дивизии еще лучше – кадровые, воюем давно, да и с начальством повезло. «Молодая» 58-я дивизия тоже неплоха. А вот 114-я и 119-я дивизии – те целиком из ополчения набраны. Видел я тех ополченцев... Мужики все уже в возрасте, в армию случайно попали. Ничего не умеют, да и не хотят уметь. Подавляющее большинство офицеров – свежеслупившиеся прапорщики... Не обижайтесь, господа, вы же у меня уже обученные и обстрелянные... Так вот, о чем я... Да, командование этих дивизий – еще те «боевые» генералы. Генерал Прасалов в Кушке и Закаспии отличился в 1907-м, фон Лилиенталь – в Бухаре в 1910-м. Революционные выступления подавляли. Только в четырнадцатом выяснилось, что германцы воевать умеют лучше азиатских дехкан и чабанов. Но больше всего на настроение нижних чинов повлияла шпиономания, неизвестно кем развязанная. И на этом фоне – оказия с

полковником Короткевичем, начальником инженеров крепости.

– Это который чертежи крепости германцам сдал? – Щуплый прапор Вольдемар вновь решает обратить на себя внимание, но потом сообразил, что перебивает старшего по званию, да к тому же своего командира, и сконфуженно умолк.

– Юноша! Не уподобляйтесь базарной бабе и не повторяйте за своими солдатами всякие рассказы и небылицы! – Штабс-капитан очень выразительно смотрит на своего подчиненного, который от этого даже несколько уменьшился в объеме, и продолжил: – Хотя история действительно темная. Месяц назад полковник в сопровождении своих инженеров выехал на автомобиле осматривать передовые позиции. На обратном пути решили, чтобы не возвращаться плохой дорогой, выехать на Закрочимское шоссе, сделав небольшой крюк вне линии укреплений. Автомобиль неожиданно наскочил на наступавшую немецкую роту. Немцы раздолбали его в пух и прах, все погибли, а в руки противника попал генеральный план укреплений крепости с обозначением мест расположения тяжелых батарей.

– А конвой? – Волгин вопросительно глядит на штабс-капитана. – Кто-нибудь в живых остался?

– В том-то и дело, что автомобиль шел без охраны... И вот еще что... Я после этого общался с саперными офицерами, выходит так, что полковнику для инспекции сектора обороны вовсе не нужно было брать с собой карты всей крепости.

– Вот видите, Игорь Александрович, сами же подтверждаете мои слова! – Вольдемар никак не может успокоиться. – Измена, не иначе!

– Видите ли, господин прапорщик, чтобы обвинять русского офицера в измене, нужны более веские доказательства, нежели чьи-то умозаключения. Вы готовы дуэлировать с друзьями погибшего, если вас вызовут?

Мне уже надоел этот кликуша. Прапор оскорбленно уединился в районе вентиляции, чтобы выкурить папиросу и полелеять обиженное самолюбие. Но, честно говоря, изрядная доля правды в его словах есть. Точнее, есть, о чём подумать. Почему, зная о близости немцев, полковник выехал за пределы линии обороны без охраны да еще прихватил с собой не рабочие чертежи сектора, а карту всей крепости с подробными обозначениями... Не подумал?.. Нью-нью... Уж больно все удачно складывается для перехода к врагу, ценные документы – залог безбедного существования в будущем. А немчура взяла и сэкономила. Подарила только пулю... Хотя это уже мои домыслы. Но факт остается фактом: все укрепления гансам известны. И они теперь смогут, наверное, одной

артиллерией превратить здешнюю местность в филиал лунного пейзажа. Значит, надо лишить их этого козыря. А для этого нужно три вещи: взрывчатка, взрывчатка и еще раз взрывчатка. И очень нужно подружиться с человеком, который ею заведует. Стоп! А у нас есть такой человечек. Прапорщик, у которого я пироксилин менял. Надо только найти его в крепости. Я ему в дополнение к люгеру еще и пулемет подарю, пускай таскает...

– Денис Анатольевич, о чем задумались? – Иван Георгиевич замечает отрешенность во взгляде и выпадение из общего разговора.

– Думаю, где бы пироксилинчиком разжиться, чтобы по немецким батареям пробежаться.

– Ну, с этим, я думаю, нам Роман Викторович помочь может.

Подпоручик заговорщицки подмигивает и подтверждает:

– У меня есть в загашнике ящик пироксилина. Со всеми причиндалами для производства взрывных работ. Саперы месяц назад оставили по распоряжению штаба на всякий случай, для подрыва при отступлении в цитадель. Так что могу поделиться.

– А, случись что, как же форт подрывать будете?

– Мне и десятка шашек достаточно. В артпогребах лежат бомбы от 48-линейной гаубицы. Аж целых шесть ящиков. И пороховых зарядов к ним столько же. Батарея номер три должна была стоять между нами и одиннадцатым фортом, перекрывать то самое злополучное шоссе на Закрочим. Они у нас часть боезапаса и оставили. Потом их перекинули куда-то севернее, а в спешке все вывезти не успели. Нам этого добра за глаза хватит. Завтра с утречка пришлете солдат, отдам. Для хороших людей не жалко.

– Спасибо большое, выручили...

– Так, господа заговорщики, что задумали? – Штабс-капитан, оказывается, слышал наш разговор. – Денис Анатольевич, не пускайтесь в авантюру. Одним вашим отрядом, без согласования с командованием, без приказа свыше... Не знаю, я бы не рисковал.

– Игорь Александрович, утро вечера мудренее, завтра подумаем на свежую голову. Однако приказ у меня есть – уничтожить врага любыми способами и в любое время...

Наш спор прерывают стук в дверь и появление унтер-офицера с несколько растерянной физиономией. Найдя взглядом штабс-капитана Федоренко, он рапортует:

– Вашбродь, дозвольте обратиться! Телефонограмма из крепости.

– Ну что там еще? – Игорь Александрович берет протянутый бланк,

пробежав его глазами, оглядывает всех нас, потом еще раз, уже внимательно, будто пытаюсь найти ошибку, перечитывает текст. – Михайлов, можешь идти.

Дождавшись, когда за телефонистом закроется дверь, медленно и негромко произносит:

– Комендант крепости отдал приказ об отводе войск от фортов «Царский дар» и номер шестнадцать.

В комнате повисает тяжелое молчание. Несколько секунд все переваривают полученную новость, потом начинают галдеть наперебой:

– Это – безумие!.. Оба форта оставлены?!.. Что они там себе в цитадели думают?!..

Подпоручик, видя мое недоумение, объясняет смысл происходящего:

– Простите, Денис Анатольевич. Вы, скорее всего, в школе прапорщиков только полевую фортификацию изучали, не до крепостной было. Во внешнем кольце обороны образовалась брешь, через которую германцы смогут ввести войска и артиллерию в междуречье Вкры и Нарева. Внутреннюю линию обороны составляют старые форты «Закрочим», «Коссево» и «Помехувек». Там бетонных сооружений почти нет, все из кирпича, артиллерия слабая... В общем, можно считать, что германские пушки уже в трех верстах от цитадели, ландвер приобрел ряд плацдармов для дальнейшего наступления, а наши войска утратили возможность организовать оборону на реке Вкра. А самое гадкое то, что остальные форты тоже придется оставить, дабы избежать окружения...

– Вот видите, господа! – Белокурый Вольдемар вновь обретает дар речи. – Вот видите!.. Это – измена!.. Сначала чертежи, теперь вот это!.. Мы обречены!.. Нас всех ждет или смерть, или плен!..

– Прапорщик!!! Прекратите истерику! Вы офицер или кисейная барышня, обнаружившая первые признаки беременности? – Комендант форта уже пришел в себя от неожиданной новости и рывкает разъяренным медведем. – Забыли присягу?!.. Так я вам ее быстро напомню!..

– Игорь Александрович, вы же видите – господин прапорщик Щавельков немного не в себе. С кем не бывает? – Подпоручик Берг поднимается из-за стола и подходит к Вольдемару с фужером водки. – Сейчас он примет чару «на посошок» и отправится к себе. А завтра будет, как положено, командовать своей полуротой. Не так ли, Володенька?

Пародия на вещь Кассандру в прапорских погонах неуверенно кивает, потом всё-таки осиливает предложенную дозу, после чего в сопровождении вызванного вестового удаляется в свою опочивальню, а за столом, как ни в чем не бывало, продолжается ужин и разговор, тема

которого, впрочем, была уже определена. Типа, что делать и кто виноват. Два извечных русских вопроса...

Когда все стали расходиться, штабс-капитан Федоренко еще раз попросил меня не делать опрометчивых, по его мнению, шагов насчет поиска немецких пушек с их последующим уничтожением, не скрывая своего интереса. Очень уж ему хотелось иметь под рукой нештатный резерв в сотню бойцов с пятнадцатью пулеметами...

Глава 31

Когда пришел в казарму, почти все бойцы уже спали. Все-таки в рейде народ вымотался, да и после многочисленных ночевки в лесу поваляться пусть даже и на нарах – в удовольствие.

Митяев, остававшийся за старшего, доложил, что все накормлены-напоены, к раненым приходил фельдшер, сделал перевязки. Затем протянул мне небольшой белый сверток.

– Командир, это мы тебе оставили... Тут это... портяночки новые.

– Спасибо за заботу, Михалыч... Стоп, а откуда такое богатство? Склад какой-то грабнули?

– Нет, то мы на пароходе у немчуры простыней чистых понабирали. Им они все равно уже без надобности, а нам – как раз кстати будут.

– Ну, ты посмотри, везде успели! И Отечеству послужили, и себя не обидели. Молодцы!

Михалыч расплывается в улыбке и отвечает ставшим модным в роте «А то!», но потом, посерьезнев, рассказывает интересную новость:

– К нам тут гости заходили из местных служивых. Типа, познакомиться, разузнать, кто такие и чего тут делаем. Про наши подвиги послушали, а потом предупредить решили, чтобы мы не особо геройствовали, германца не злили. А то, мол, осерчают да и начнут «чемоданами» швыряться. Тогда всем амбец будет.

– И что, прониклись предупреждением?

– Ага. Котяра вперед вышел, свой кулак им показал, они и сдулись. Но потом еще один прибежал. Обозвался сицылистом и стал агитировать народ, чтобы не воевать. Мол, война нужна только царю и буржуям, а помирать за них мы должны.

– И где этот Цицерон доморощенный? – Видя недоумение Митяева, поправляюсь: – Куда агитатора дели? Закопали уже?

– Не-а, сам ушел. Тока вот вольноперы наши вслед пошли. Сказали, что поговорить с ним хотят. До сих пор не вернулись.

– Ну, ладно, сходим, поищем. Я и сам с ним поговорить не против. Хочу посмотреть, что за гусь.

– Командир... А он правду говорил?.. Ну, насчет буржуев?.. Мы-то тут воюем, а эти и впрямь наживаются. Скока всего для фронта надо, и за всё копеечку получают, да и немалую.

– Эх, Михалыч... Тут так просто сказать нельзя. Наши купцы и

заводчики действительно жиреют на фронтовых поставках и горло друг другу за выгодный заказ готовы порвать. Только ведь и кайзера одолеть надо. Придут ведь германские буржуи, нас всех вообще в рабов превратят. Тевтоны есть тевтоны. Очень давно, еще при Александре Невском, их прапрадедушки малых детей во Пскове в огонь бросали. Вон, вспомни хотя бы графа под Ловичем. Кем мы для него были?

– А почто царь-батюшка такое терпит? Не видит, что творится вокруг?

– Ну, ты и вопросы задаешь, друг мой любезный. Откуда я знаю, что у императора в голове? Думаю только, что, если к власти дорвутся «сицылисты», будет еще хуже. Как там, в Библии: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына, и восстанут дети на родителей, и умертвят их». Вот так и будет. Вам, казакам, в первую очередь не поздоровится, потому, как независимые вы очень.

– Так что делать? Сидеть и ждать, пока они мощну свою набивают? Была б моя воля, я б их всех в капусту порубал!

– Погодь, Михалыч, рубать направо и налево. Мне тоже это не по душе, но тут крепко думать надо... А вообще, давай сначала вернемся, тогда и поговорим.

– Командир, помнишь, ты с нами собирался в Ставку... Ну, когда император должен был приехать. Мы свое слово держим, куда ты, туда и мы пойдем... Тока понять охота, за что головы складывать будем.

– Григорий Михалыч, я тебе обещаю: прежде чем куда-то вас позову, объясню, что и зачем. И если не по нутру будет, неволить не стану...

Разговор прерывает вестовой от коменданта, с сообщением, что мои «их благородия» в количестве двух душ отправились в импровизированную баню, которая, как выяснилось, состояла из железной бочки, подвешенной под потолком в одной из прачечных, куда уже натаскали горячей воды. И что меня приглашают туда же. Для остальной роты баню протопят завтра, по распоряжению коменданта. Ну, сполоснуться перед сном – это здорово, поэтому быстренько подрываюсь и шагаю в указанном направлении.

Только вот по пути происходит небольшая задержка. Из какой-то каморки доносятся приглушенные закрытой дверью, но все же узнаваемые голоса моих студентов. Похоже, там у них какой-то спор. Скорее всего, с давешним агитатором. Надо бы зайти, поучаствовать.

Внутри комнатухи на колченогом столе стоит «летучая мышь», разливающая по маленькому помещению неяркий свет и сладковатый запах керосина. А рядом на табуретках сидят два моих орла и какой-то subtilный солдат из местных. И смотрят на меня. Оп-па, а что это мы все такие смущенные и испуганные? Словно первоклашки, которых завуч за

курением в туалете поймал.

– И чего вы орете, господа студиозусы, на весь каземат? А это кто такой тут прохлаждается? Ну-ка, поднимись, служивый, да назови себя... Да не дрожи ты так, я ж не кусаюсь.

– Ря... Рядовой Бейцин... ваше благородие...

– А зовут как?

– ... Михаил...

– Что тут делаешь, рядовой Миша Бейцин? – Только теперь замечаю на столе рядом с лампой несколько листов бумаги. Берем и читаем. Ага, листовка, она же – прокламация. Все старо, как мир. Царь и правительство обманывают народ, не хотят давать реформы, землю, свободу, ну и так далее. Где-то уже это читал... Ну да, погранцы мне что-то такое показывали. Только тогда у нее немецкое происхождение было. А теперь вот пятая колонна проклюнулась...

– Вот что, солдат... Да хватит уже трястись, раньше надо было бояться. Когда начинал этой пакостью заниматься. Не буду я сдавать тебя жандармам, просто поговорить хочу, кое-что для себя уяснить. Ответишь на мои вопросы и пойдешь отсюда целый и невредимый. Понял?

– Так точно...

– Ну, тогда вопрос первый: от какой партии ведешь агитацию?..

Агитатор мнется, но потом, осмелев, отвечает:

– РСДРП...

– Социал-демократ, значит... Марксист? – Дождавшись утвердительного кивка, продолжаю: – И за что агитируешь?

– Ну, это... Чтобы людям лучше жилось... Буржуев всех поскидывать с шеи и...

– Ну, продолжай... И царя тоже, так?.. Так... Курить хочешь? На, кури. И вы, юноши, тоже можете присоединиться. – Прикуриваю папиросу от лампы, выпускаю облачко дыма в потолок. – А подробнее можешь?.. Что молчишь?.. Нет?.. Тогда слушай сюда. Вы хотите разрушить существующий строй, взять власть в свои руки, опираясь на диктатуру пролетариата, который ошибочно считаете всем народом, не признавая за крестьянством этого права. Даже понятно, почему. В деревне силен традиционный уклад жизни, а пролетарий – изгой, не имеющий ничего, кроме своих цепей, как правильно заметили ваши основатели Маркс и Энгельс. И еще добавили, что у пролетария нет Родины, значит, и защищать в случае войны ему нечего.

– Откуда вы это все знаете? – Мой любимый «взрыватель» Максим изумленно замирает, забыв про субординацию. – Денис Анатольевич...

Виноват... Вы что – тоже...

– Нет, я – не тоже. Просто знаю немного побольше, чем вот этот Цицерон... – Ага, благодаря бесконечным разговорам с нашим бывшим замполитом, почти мгновенно перекрасившимся из ярого коммуниста в столь же непримиримого борца за демократию в масштабах отдельно взятой планеты. – Так вот, объясни мне, Миша, почему твой любимый Маркс разделил народы на передовые и недочеловеков, коими являются славяне и которые, по его мнению, являются природными реакционерами и контрреволюционерами, посему не имеют право на существование? Почему его теория подразумевает людей без каких-либо идеалов, действующих только в случае получения материальных выгод. Потому что, по его мнению, бытие определяет сознание? Черта с два! У людей бытие определяется их сознанием! На то и даны человеку осознание себя, чувства, эмоции.

– Этого не может быть! – Агитатор возмущенно сверлит меня глазами. – Он не мог такого написать!

– Карл Маркс называл всех славян, в том числе и нас, русских, контрреволюционной расой, раковой опухолью Европы. А его друг и соратник Фридрих Энгельс пошел еще дальше. Цитирую по памяти: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью». Взято, если мне не изменяет память, из статьи «Демократический панславизм». Можешь проверить по первоисточнику... Что молчишь?

– ...

– Ну, молчи, молчи. А я продолжу. Объясни мне, темному, почему германские социал-демократы желают кайзеру победы в войне, а вы желаете поражения России. Тут я с вами никогда не соглашусь. Всё получается так, как говорил Столыпин: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия». Ну, есть, что сказать?.. Нет?.. Агитатор, блин! Двух слов в свою защиту сказать не можешь... Тогда бегом к себе. А вы, господа студенты, через пять минут в распоряжении. Все, шагом марш!..

И мне – шагом марш. В душевую. Помыться да переодеться. Штабс-капитан Федоренко с вестовым подарок передал – комплект бельишка подогнал. Знает, змей хитрый, что нужней всего после скитаний по лесам. Вот такая вот философия...

Глава 32

Утром, после завтрака, встретил на плацу штабс-капитана Федоренко. Игорь Александрович, осведомившись, как спалось на новом месте, попросил дать в прикрытие саперам, восстанавливающим проволочные заграждения, пару расчетов с пулеметами в прикрытие на всякий случай. Работяги войны стояли тут же, возглавляемые прапорщиком Володенькой, выглядевшим помятым и смурным. Видно, «анестезия», проведенная Бергом, сделала свое дело. Ну, может, оно так и надо. Пусть лучше мается похмельем, чем тяжкими думами и муками совести за неподобающее поведение. В голове мелькает интересная мысль:

– Кстати, Игорь Александрович, сколько оружия вчера собрали?

– Сто семьдесят две винтовки, Денис Анатольевич, патронов много. Теперь даже запас имеем. Хотите, поделимся.

– Мне бы для пулеметов боекомплект пополнить, мало ли что. Да, а гранаты собирали?

– Нет, брали только стрелковое вооружение. – Штабс-капитан на секунду задумывается. – Нам бомбы особо не нужны, кидать неоткуда. Разве что германец совсем вплотную подберется.

– Тогда, в дополнение к пулеметчикам, я десяток своих отправлю, пусть поищут. Нам-то они как раз нужны, поистратились в дороге.

Через пятнадцать минут пулеметные расчеты и десяток бойцов с пустыми вещмешками отправились вместе с саперами на сбор трофеев. Командира группы проинструктировал на предмет действий, особо предупредив в присутствии Щавелькова, что их задача – собирать и охранять, не более чем нанес самолюбию прапора еще одну обиду. А вот фиг тебе, а не мои солдаты. Мне они самому нужны, причем, живыми и здоровыми.

Все остальные были озадачены приведением себя в порядок, посменной чисткой оружия и ожиданием обещанной бани. Немного улыбнуло, что мои куркули-трофейщики даже на ночь МГ-шники поставили возле нар. Типа, чтобы втихаря кто не стащил или начальство не замылило. Как же, Георгиевские кресты пропадут!

Приведя в порядок форму, почистил свой люгер и подточил «Аннушку», а затем, не имея срочных дел, прогулялся по форту, поднялся по эстакаде на артиллерийскую позицию, прикрытую невысоким бетонированным бруствером. И почти сразу же увидел подпоручика Берга,

который вместе с Волгиным разглядывали окружающий пейзаж в бинокли. Ну-ка, ну-ка, и что же интересного там есть? Подхожу ближе, здороваюсь. Роман Викторович весело улыбается:

– Пришли посмотреть на дело рук своих и наших? Милости прошу, любуйтесь.

– Да, почти по Пушкину: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

В оптику хорошо видно, как копошатся саперы, натягивая порванную вчера колючку, чуть в стороне мои «мародеры» ходят среди лежащих гансов, наклоняясь время от времени. А вот пулеметики нашел не сразу, с некоторым даже затруднением. Хорошо замаскировались, молодцы! Так, а это что за ерунда? Над деревней, в которой мы недавно «гостили», опять какой-то пузырь вроде в воздухе болтается. Еще один аэростат?.. Сбежать туда, что ли, еще одного ганса в свободный полет отправить?.. Не-а, слишком он подвижный для привязного. Значит, что? Значит, дирижабль! Шуршит напрямик сюда, типа, на разведку. Замечательно!

– Снова эта колбаса германская сюда летит! – рядом ругается подпоручик. – Черт! Сейчас опять начнет нашего Володеньку по всему предполью гонять!

– А что, были прецеденты?

– Да, он тут частенько появляется. Против форта ему делать нечего, а вот саперов или пехоту бомбить любит, стервец! Пробовали его пулеметным огнем достать – пока не получалось.

– Роман Викторович, дайте мне кого-нибудь вестовым. – Кажется, я знаю, чем гансов можно прищучить.

Берг подзывает одного из своих артиллеристов. Я ставлю ему задачу:

– Знаешь, где мы квартируем?.. Хорошо. Беги туда, найдешь прапорщика Оладьина, скажешь, что срочно нужен Котяра со своим ружьем. И пусть патронов возьмет побольше!

– Чем вы хотите испугать германца, Денис Анатольевич? Винтовкой?

– Нет, есть у нас крепостное ружье Гана. Думаю, дистанция будет подходящей. Тут же около версты будет до заграждений?

– Да, почти угадали, около километра. Ну, посмотрим, что из этого получится. Я пока посигналю Вольдемару, чтобы был наготове...

Когда Федор со своим ПТРом появился на позиции, немец подлетел совсем близко. В оптику были видны черные немецкие кресты, огромная надпись Z-12 на фюзеляже и даже открывшаяся дверца на gondole.

– До дирижабля восемьсот метров! – Роман Викторович азартно крутил верньеры дальномера. – Идет почти на форт, немного влево!

– Федор, давай! Наделай ему дырок!

Иваном Георгиевичем тоже овладевает азарт.

Кот цепляет крюк ружья за орудийный щит. Десять секунд томительного ожидания, потом грохочет выстрел.

– Мимо! – Не отрываясь от стереотрубы, подпоручик комментирует выстрел. Федор перезаряжает ружье, прикидывает к прикладу, снова грохот и облако белого дыма.

– Есть попадание!!! Молодец! Дай ему еще! – Берг очень смахивает на футбольного фаната, чья любимая команда забила пенальти. Следующий выстрел, похоже, почувствовали и на дирижабле, который, забыв про бомбардировку, стал неторопливо разворачиваться влево. Пока он там телепался, Котяра еще пару раз попортил ему шкурку двадцатиграммовыми стальными «подарками». Вот теперь вся надежда на то, что мои пулеметчики сообразят, что делать.

Они сообразили как нельзя лучше. Дождались, пока «колбаса» приблизится, и дали хорошую такую очередь патронов на сто по пролетавшему над ними чудищу. Это, вкупе с последним выстрелом Федора, разнесшим вдребезги один из иллюминаторов гондолы, стало решающим доводом для немецких летунов в пользу скорейшего возвращения обратно на базу.

Обед фельдфебель Пантелеич, вдохновленный рассказами Михалыча о наших похождениях, организовал на славу. Наверное, армейская кухня – отдельный вид кулинарного искусства. Из небольшого ассортимента простых продуктов некоторые уникалы могут приготовить настоящие шедевры, что и было им доказано. Единственным препятствием к сему может быть неистребимая тяга к воровству из солдатского пайка, но в данном случае никто у самого себя красть не будет.

Хотя, признаться честно, уже успел соскучиться по Ганниной стряпне. Ну, а после праздника живота вся рота, изображая табун радостно оживленных коней, ломанулась в баню. Спустя пару часов свежeweымытые и отстиранные бойцы вернулись в казарму и занялись дальнейшим приведением себя к уставному виду, дабы в крепости не находить приключений на свои... пятые точки опоры. Похоже, остаток сегодняшнего дня пройдет тихо и мирно.

Но все-таки законов Мэрфи никто не отменял. Давно пора было усвоить: если вы считаете, что дела идут хорошо, то, значит, чего-то не заметили. В начале шестого меня нашел вестовой от штабс-капитана Федоренко и передал убедительную просьбу Игоря Александровича срочно прибыть к нему. С хорошими вестями так не вызывают, поэтому, оставив

роту на попечение Сергея Дмитриевича, быстренько поскакал в «кают-компанию». Там уже собрались почти все офицеры, после меня прибежал только Щавельков. Штабс-капитан мрачно оглядывает всех присутствующих, затем выдает в эфир сногосшибательную новость:

– Господа, получен приказ... Ввиду сложившейся обстановки оставить форт и следовать в крепость на соединение с полком...

– Как же так, Игорь Александрович!.. Это же прямой путь к сдаче крепости!.. – Подпоручик Берг вне себя от возмущения.

– Прав был Вольдемар, это – измена! – Это уже кто-то из компании прапорщиков. – Что нам теперь говорить солдатам?

– Господа офицеры! – Игорю Александровичу приходится повысить голос, чтобы навести порядок. – Я разделяю ваши чувства, но приказ должен быть выполнен! Все войска отводятся на линию старых фортов!

– И, что, все остается германцам в целостности и сохранности? – Роман Викторович саркастически улыбается. – Господин штабс-капитан, прошу вашего указания подготовить фортовые сооружения к взрыву!

– Со своей стороны готов оказать возможную помощь, – вставляю свои «пять копеек» в общий разговор. – Мои вчера собрали около тридцати трофейных гранат, можем заминировать часть дверей и помещений.

– Хоть в приказе об этом ни слова не сказано, считаю правильным и необходимым подрыв форта. – Федоренко обводит нас взглядом, затем обращается к своим прапорщикам. – Вам, господа, час на сборы и вывод подразделений. Я дал команду Пантелеичу раздать продукты нижним чинам. Саперы под командованием прапорщика Щавелькова и подпоручика Берга готовят к подрыву орудия, артпогреба, склады, газолиновую цистерну, артезианскую скважину, если сможете – часть несущих конструкций в казематах. Помните, господа, ни один ствол в форте после нашего ухода не должен выстрелить. Ну, а вы, Денис Анатольевич, помогите им.

Вот так вот... Мощнейшая крепость, огромный гарнизон... После пары дней окружения и осады, нескольких не самых сильных штурмов, одним росчерком пера идиота и труса в генеральских погонах... Я, конечно, не самый большой знаток военного искусства, но тут и ёжику понятно, что Ново-Георгиевск обречен и сдача – дело ближайших дней...

– Денис Анатольевич, уделите пару минут, будьте любезны. – Берг выглядит озабоченным. – Хочу обсудить с вами один вопрос.

– К вашим услугам, Роман Викторович.

– Тут вот какое дело... Я от своих артиллеристов наслышан о действиях вашего отряда. Смеею предположить, что в случае капитуляции

крепости вы в плен сдаваться не будете?

– Совершенно верно. Мы будем пробиваться к своим.

– И даже в нарушение приказа, буде такой последует, о сдаче в плен вы не думаете?

– Нет. Мы все равно уйдем. А там пусть мое начальство решает, правильно ли я поступил.

– Собственно, я задаю эти вопросы единственно с целью уйти вместе с вами. – Берг внимательно смотрит на меня. – Обузой не буду.

– Ну, что ж, Роман Викторович, милости прошу к нашему шалашу. Только сразу хочу предупредить, что будет или трудно, или очень трудно.

– Ну, значит, быть по сему... А теперь пойдете, займемся минированием...

Глава 33

Мои «взрыватели» с нетерпением дождались, пока рванут все заряды, заложенные саперами и Бергом, и пыль от взрывов еще не улеглась, как чуть ли не галопом понеслись обратно в форт ставить растяжки. Времени на это у них ушло немного, чувствуется, что ребята набили руку и теперь продемонстрировали свое мастерство Бергу, который, впрочем, не остался сторонним наблюдателем, а принял в веселии самое непосредственное участие. Теперь, если всё пойдет так, как рассчитали, мелкие неприятности будут сопровождать гансов, начиная от самых ворот. Использовали все собранные гранаты и часть пироксилина, обещанного подпоручиком. Отдельно заложили пару захваченных ранее из погребов 48-линейных снарядов в указанный Бергом штатный колодец для подрыва моста через ров. Добавили сверху немного пироксилина и приспособили к этому «коктейлю» в качестве украшения последний химический взрыватель студента Макса, который разве что крест не целовал, убеждая Романа Викторовича в работоспособности девайса.

По шоссе до ворот Парижского фронта было верст восемь, но не всё меряется только расстоянием и временем. Дорога тянулась бесконечно. Долго и тяжело. Наверное, так всегда бывает при отступлении. Длинная темная змея батальона штабс-капитана Федоренко вползла внутрь крепости, когда уже почти стемнело. Еще час ушел на то, чтобы разыскать их родной 249-й Дунайский полк. Оставив народ размещаться в казармах, пошли представляться командиру полка полковнику Асташеву.

По дороге Игорь Александрович кое-что рассказал про него. Командир 249-го пехотного Дунайского полка 63-й пехотной дивизии полковник Александр Васильевич Асташев, оказывается, был толковым и храбрым офицером. По словам штабс-капитана, бывший флотский, кавторанг, командовал несколькими придворными яхтами, затем вышел в отставку, но позже, в русско-японскую, вернулся в строй, получил батальон. В 1914-м формировал их родной 249-й Дунайский, затем возглавил его. В феврале, командуя полком, был ранен и контужен, попал в плен под Праснышем, умудрился сбежать и был возвращен на прежнюю должность. В Ново-Георгиевске дунайцев поставили оборонять 15-й и 16-й форты – ту самую группу «Царский дар», которая приняла на себя бомбардировку «Большими Бертами» и основной удар штурмовой группы немцев, только батальон Федоренко был откомандирован на западный фланг ввиду того, что

соседние укрепления занимали ненадежные ополченцы, собранные с бору по сосенке. Штабс-капитан охарактеризовал своего командира как спокойного, интеллигентного человека, уважающего своих офицеров и солдат, что, по общему мнению, являлось большой редкостью.

Слишком долго шагать по коридору, напоминающему тоннель метро, нам не пришлось. Зайдя в одну из дверей, попадаем в «предбанник» – небольшую комнатуху, где за письменным столом между двух телефонов сидит молодой поручик с щеголеватыми усиками и увлеченно что-то пишет. Увидев нас, улыбается и вылезает из-за стола.

– Игорь Александрович, Роман Викторович, здравствуйте! Рад вас видеть! – Замечает меня и, после секундного замешательства, представляется: – Поручик Вязьмин, полковой адъютант.

– Подпоручик Гуров, командир партизанского отряда второй армии.

– Партизанский отряд? – Его брови удивленно взлетают вверх. – Какими судьбами здесь оказались?

– Они, Алексей Витальевич, вышли к нашему форту, причем очень даже вовремя. Помогли отбить атаку германцев. – Федоренко в двух словах вводит адъютанта в курс дела. – Затем вместе с нами эвакуировались в крепость... А кого там наш отец-командир распекает? Право, давно не слышал, чтобы он так шумел.

Из-за двери доносится чей-то голос. Слов не разобрать, но громкость и интонации говорят сами за себя.

– У Александра Васильевича какой-то прапорщик из автоотряда. Что уж там у них случилось, не знаю. На моей памяти был только один случай, когда он использовал по старой памяти флотский фольклор на повышенных тонах, причем было за что. Сейчас доложу, надо же спасти беднягу.

Поручик открывает дверь в кабинет, откуда тут же доносится:

– Вас не то что перед строем расстрелять надо! Пули для вас жалко, ничтожество! Повесить, как бешеную вшивую дворнягу!.. Что там еще, Алексей Витальевич?

– Штабс-капитан Федоренко, подпоручики Берг и Гуров, господин полковник!

– ...Пусть зайдут... А вы – вон отсюда, мерзавец!.. Наш разговор еще не окончен!

Мимо нас из кабинета вылетает взмокший съездившийся прапор с мордочкой красно-фиолетового цвета и очень быстренько покидает помещение, видно, опасаясь, что начнется вторая серия. В кабинете нас встречает высокий, чуть полноватый полковник, еще не остывший от разноса. Или в понимании Игоря Александровича так выглядит спокойный

интеллигентный человек, или автопрапор накосячил что-то очень нехорошее. Полковник здоровается с моими спутниками, хмурит брови, глядя на меня, очевидно, пытаюсь вспомнить, знакома ли ему моя личность, потом опускает взгляд на «Аннушку» и более спокойным голосом предлагает:

– Представьтесь!

– Подпоручик Гуров, командир партизанского отряда второй армии. – Скоро на языке мозоль набью от этих представлений.

– Партизаны?.. Хм, однако... Извините за шум, господа, не смог сдержаться!

– Значит, было за что? – дипломатично спрашивает Федоренко.

– Вы же знаете, Игорь Александрович, что полк поставили на тяжелый участок – «Царский дар», «Голавицы» и 16-й форт, а ваш батальон кинули на «Закрочим». В ночь на 1 августа германцы начали штурм фортов, главный удар пришелся по 14-му и 15-му. Четыре дня мы отбиваем атаки ландвера, сидим под обстрелом крупнокалиберной артиллерии. Можете представить себе силу взрывов, если после падения одного снаряда перед укреплением бетонная стена длиной в шесть метров и толщиной в два откололась от свода и сдвинулась на два сантиметра внутрь.

– Ничего себе... – потрясенно шепчет Роман Викторович. – Не иначе, «Убийц фортов» подвезли...

– Да-с, Роман Викторович, мои артиллеристы потом измерили воронку от него. Глубина – четыре метра и диаметр – десять с половиной. Осколки разлетаются до двух километров. Наши батареи в ответном огне расстреляли почти весь боезапас, мои трехдюймовки тоже стоят с пустыми зарядными ящиками. Телефонировать в крепость, мол, нужны снаряды. На другом конце провода отвечают, что высылают колонну... Мы ждали два дня! Я дозвонился аж до генерала Римского-Корсакова, помощника коменданта по артиллерии. Ответ тот же: «Ждите! Скоро будут!».

Полк все эти дни дрался достойно, и, если бы вовремя подбросили нам подкрепления, штурм имел бы все шансы быть отбитым даже несмотря на отсутствие поддерживающего артогня! Но нам присылают несколько разрозненных и недоукомплектованных батальонов, состоявших из ополченцев, да еще когда все кончено!.. Помните, господа, штабс-капитана Войтенковского? Он с остатками своей роты остался в укреплении XVa и прикрывал отход полка. Резервы подошли, только когда германцы взорвали горжевые ворота и ворвались внутрь.

Но даже в таком положении можно было обороняться. Сразу за фортами лес, превращенный в укрепленный район. Уже присмотрели

новую позицию, как приходит приказ: «Отходить в крепость!»... Я привел полк... Наши потери – более тысячи двухсот нижних чинов, восемь офицеров убито, пятеро ранены. Здесь, в крепости, решил разобраться со снарядным вопросом. И, господа, вы мне не поверите! Автоотряду действительно было приказано доставить снаряды. Но тот... негодяй, которого вы видели, побоялся ехать сам и отправил колонну без сопровождения. А солдаты-водители взяли пример со своего начальника и на полдороге скинули ящики в какой-то рощице...

– Но, Александр Васильевич, это дело так оставлять нельзя! – Федоренко вскипает, как электрочайник. – Это же даже не саботаж, а невыполнение приказа в боевой обстановке! Нужно писать рапорт, пусть назначат расследование...

– Милый мой Игорь Александрович! Я не хуже вас знаю, как поступать в таких случаях! – Полковник как-то враз горбится и обмякает. – Но... До сдачи крепости, как мне кажется, не более суток... Наша битва проиграна... Сегодня сдал полковое знамя авиаторам. Они поклялись начальнику штаба уничтожить всю секретную документацию и регалии, если их собьют. Завтра утром они вылетают...

Охренеть!!! Офицер БОИТСЯ ехать на передовую выполнять приказ!!! И даже не в бой идти, под пули, а просто подвезти снаряды! В каком бреду такое может привидеться?! Твою ж маман! Нет, представить такое во время Великой Отечественной невозможно по определению. Свои тут же прибили бы. А тут – очень интересное оправдание – «Я испугался»!.. И, самое обидное, теперь уже никто не будет разбираться, кто прав, кто виноват!

– Зачем я тащил свои пушки в крепость?! – Подпоручик Берг в отчаянии сжимает кулаки. – Чтобы они стали трофеями германской армии? Лучше бы там, в форте подорвал!.. И что нам теперь делать?

– Сидеть и ждать, Роман Викторович. Ждать дальнейших указаний. – Асташев смотрит на Романа Викторовича, в глазах явно читается безысходность. – Больше мы не можем сделать ни-че-го!

– Простите, господин полковник! – Мне не слишком понравилась обрисованная перспектива. – Если я правильно понимаю, на данный момент крепость обречена. И кто бы ни взял на себя командование, результат будет один – капитуляция и плен.

– Да, подпоручик... Э, да что там... Сейчас это все уже не имеет никакого значения... Однако я надеюсь на вашу честность и умение хранить тайну, господа... По прибытии был вызван к генералу Веневитинову. Там еще были некоторые полковые и бригадные командиры. Между нами состоялся разговор о положении дел в крепости. И, в

частности, было предложено отстранить коменданта от командования и организовать действенную оборону. Но часть офицеров сослалась на субординацию, часть – на низкую обученность и ненадежное моральное состояние нижних чинов. И сколько бы наш генерал ни пытался их убедить, вывод был сделан один: после того, что наворотил генерал Бобырь, никто уже не может исправить ситуацию. Остается только плен... Господи, дай мне силы испить сию чашу...

– Александр Васильевич, вы ведь уже один раз бежали из плена. – Роман Викторович, кажется, догадался, куда я клоню, и теперь пытается агитировать командира полка. – Зачем опять попадать туда?

– Поясните свою мысль, подпоручик. – Асташев с любопытством смотрит на Берга. – Если вы хотите предложить сражаться дальше, то, боюсь, я вас разочарую. Даже большинство наших солдат, не говоря уже об ополченцах, свыклись с мыслью о плене. Да и смысла в этом я не вижу. Напрасную и бессмысленную гибель людей на свою совесть брать не хочу.

– Извините, господин полковник! – Пора вписываться в этот «конструктивный» диалог. – Подпоручик Берг, по-видимому, хочет предложить вам вместе с вверенным полком пробиваться к своим. Я прав, Роман Викторович?

– Да, Денис Анатольевич. Именно это я и хотел предложить.

– Мальчишки... Вы хоть представляете себе, как далеко сейчас линия фронта? До наших передовых позиций около ста километров! Вести полк придется по территории, занятой германцами, которые вцепятся в нас, как бешеные псы! И отнюдь не факт, что мы сможем прорвать немецкую оборону!

– Я со своими людьми уже две недели хожу по германским тылам. И ничего особенно трудного в этом не вижу.

– Денис Анатольевич, сколько у вас человек в отряде? Какое вооружение?

– Около сотни, все вооружены винтовками Маузера, помимо этого десяток ружей-пулеметов Мадсена и шесть трофейных МГ-08.

– Ого! Где это вас так снабдили? Я себе в полк не мог выбить пулеметы месяца два.

– В начале лета я получил под командование пограничную пешую сотню здесь же, в Ново-Георгиевске, вооруженную несколькими берданками. И здесь же, на складе взял мадсены. Всем остальным, вы не поверите, нас снабдила германская армия.

И все дружно глядят на меня, будто увидели что-то сверхъестественное, приходится объяснять:

– Каждый солдат сам добыл себе оружие в рукопашной схватке. Естественно, под присмотром опытных товарищей. Тем самым сдал экзамен на право воевать в отряде.

– Однако... Как вы воюете, я посмотрел. – Штабс-капитан поворачивается к полковнику. – Александр Васильевич, во время атаки на форт Денис Анатолевич со своими незаметно зашел во фланг тевтонам...

– И лихим штыковым ударом обратил их в бегство? – в словах Асташева звучит ирония.

– Никак нет! Поставил пулеметы и положил роту германцев. Мы потом собрали сто семьдесят винтовок.

Полковник смотрит теперь на меня с интересом, потом спохватывается и возвращается к теме разговора:

– Вы представляете скорость прохождения колонн? И их длину? С обозами, артиллерией... Это у вас, подпоручик, сотня человек, которых можно спрятать в любой рощице. А у меня в полку – более трех с половиной тысяч нижних чинов, полсотни офицеров... Да одних только лошадей сто пятьдесят голов. А обозы с патронами, продовольствием и фуражом? Артбатареи?.. Вы – утописты, господа!

– Если идти несколькими колоннами сначала вдоль Нарева, а потом, переправившись, вдоль Буга, – показываю на висящей на стене карте, – то полк будет двигаться компактно. Сто километров – это три дня пути. Взять с небольшим запасом консервы и фураж, если решите бросить обозы, каждому солдату ноша будет по силам. Все попадающиеся по дороге германские части уничтожать, чтобы информация о нашем движении не просочилась к противнику, заодно разживетесь винтовками и патронами. Я со своим отрядом буду работать сторожевым охранением...

– Допустим, а как вы добьетесь разрешения вывести солдат за пределы крепости? Генерал Бобырь вам точно не разрешит.

Ну, вот и настало время открыть все карты. Точнее, достать тот заветный листочек, врученный капитаном Бойко.

– Извините, господа. – С этими словами расстегиваю китель, достаю из внутреннего кармана пакет из вощенной ткани. Ножом распарываю нитки, достаю еще конверт из пергаментной бумаги, и уже оттуда на свет божий появляется «индальгенция». Протягиваю листок полковнику. – Прошу.

Александр Васильевич берет бумагу в руки, Федоренко и Берг заинтересованно придвигаются, чтобы удобнее было читать. Текста там немного: «Предъявитель сего является офицером для особых поручений командующего армиями Северо-Западного фронта. Военным и

гражданским чинам предписывается оказывать всемерное содействие. Генерал от инфантерии Алексеев».

– Шустрый вы... партизан, Денис Анатольевич. На все ответ найдете, и бумажка у вас сильная. Я не говорю «нет», но все необходимо как следует обдумать. Давайте вернемся к этому разговору завтра, а сегодня – идите, господа, отдыхайте. – Асташев вежливо даёт понять, что аудиенция закончена.

– Простите, господин полковник, еще один вопрос. Не подскажете, как могу я связаться по радио со штабом второй армии? Хотел сообщить о выполнении задания.

– Это можно сделать только с разрешения начальника штаба. Вам завтра представляться ему, заодно и решите этот вопрос...

По дороге в казарму Берг, вдруг что-то вспомнив, лезет в нагрудный карман, достает сложенный вчетверо листок бумаги и отдает его штабс-капитану:

– Игорь Александрович, будьте любезны! Теперь уж нам точно ни полевой суд, ни долговая тюрьма не грозит.

Федоренко, улыбаясь, берет бумагу, рвет ее на мелкие кусочки и бросает в канаву. Видя мой недоуменный взгляд, поясняет:

– Видите ли, Денис Анатольевич, когда мы заняли форт, озадачились приготовлениями к обороне. Для пушек Романа Викторовича необходимо было расчистить сектора обстрела, да не для одиночных орудий, как то предписывалось прежним начальником артиллерии крепости, а для целой батареи. На основной и двух запасных позициях. Дело очень рискованное, потому как генерал Бобырь в своем приказе запретил вырубку растительности, и виновного в таком проступке ждал штраф в триста целковых за дерево и предание военно-полевому суду. Вот тогда я и написал Роману Викторовичу письменный приказ об оборудовании позиций путем вырубки леса. Сейчас уже никто не кинется проверять, сколько бревен мы там в виде засеки оставили.

М-да, а я-то думал, что это только в Советской, а потом, по праву наследования, и в Российской армии можно каждому дереву назначать персонального ухажера и поливальщика, как на Байконуре, а траву красить в зеленый цвет. Правда, и первое, и второе – байки старших товарищей из будущего, но как перед строевым смотром машин бойцы наяривали колеса грузовиков сапожными щетками с большим количеством ваксы, – сам лично был свидетелем. В далеком будущем одна тысяча девятьсот девяносто девятом году. Что-то я в воспоминания ударился, выпал из разговора...

– Денис Анатольевич, вы меня не слушаете?.. – Берг обиженно-удивленно смотрит на меня, приходится оправдываться:

– Извините, Роман Викторович, вспомнил рассказ сослуживца, как их роту заставили к приезду высокого начальства листья на деревьях зеленой краской подновлять. – Да-с, каждому начальству угодить надобно. Вот помню, нам в училище наш ротный командир рассказывал, как он еще молодым офицером служил на Кавказе, ждали смотра начальника артиллерии Кавказского военного округа генерала Баумгартена. Командир батареи и офицеры волновались, стараясь, чтобы нигде не было ни сучка, ни задоринки. Собрались в канцелярии, чтобы обсудить-с, не упущено ли чего-либо. В это время подали пробу и кашевар, добродушный малый и большой сердцевед, видя их волнение и хлопоты, сказал: «Не извольте беспокоиться. Так что, Оне смотрят только, чтобы хорошо через кобылу прыгали, и чтобы борщ кислый был...» И он оказался прав. Но это – в мирное время. На днях в крепости столкнулся с капитаном Лисыновым, командиром четвертой батареи. Он рассказывал, что во время стрельбы ему телефонируют из цитадели с категорическим требованием немедленно доложить о наличии покрасочных средств. Он им отвечает, что ведет бой, доложит позднее, а те грозятся судом за невыполнение приказа. Потребовалось вмешательство полкового командира, чтобы господа интенданты успокоились, милостиво разрешили окончить стрельбу по германцам, а потом доложить по интересующему вопросу...

Глава 34

Стоило появиться в расположении, как ко мне подошли Оладьев с Михалычем.

– Неважные дела, Денис Анатольевич. – Сергей Дмитриевич выглядит озабоченным. – По всей казарме ходят разговоры о близкой сдаче крепости. Только малая часть, в основном старослужащие, готова воевать. Молодые, недавно призванные, кричат во всю глотку о том, что в плену лучше, чем в окопах. Более того, появлялась пара каких-то агитаторов, чуть ли не митинг устроили, мол, во всем виноваты царь и генералы с офицерами. Дескать, гонят нас, бедных-несчастных, как скотину, на убой, а сами жируют с кровушки солдатской.

– Могу вам сказать, Сергей Дмитриевич, что среди офицеров – примерно такие же настроения, с той только разницей, что во всем виноват тупой комендант Бобырь, дурак и трус... Наши как?

– Мы заняли одну сторону казармы, держимся все вместе. – Михалыч спокоен и невозмутим, прям, Чингачгук какой-то. – К нам подкатывали, интересовались настроением, спрашивали, что да как.

– И что?

– Да ничего. Послали их... куда Макар телят не гонял. А чтоб неповадно было вдругорядь лезть, мои казаки с пограницами спор устроили, кто кого в рукопашке одолеет. Выборных бойцов выставили. Тока без оружия. Ну, как на базе, занятия проводили. До сих пор вона балуются.

– А вот это – молодцы! Здорово придумали!.. Значит, вот что... Нам здесь, наверное, только переночевать придется, а там – пойдем дальше. Крепость больше двух дней не протянет, сами видите. Поэтому с утра иду к начштаба, попробую дать радиogramму нашим в штаб. Ну, а дальше – собираемся и уходим. Если повезет, с нами пойдет 249-й Дунайский. Их полковой командир сейчас думает: оставаться или нет. Ужинаем сухпаем, если не будет других вариантов. На ночь надо будет выставить дежурных, мало ли что...

Разговор сам собой прервался, когда зашли в отведенную роте часть каземата. На свободном месте между нарами шел ожесточенный бой... почти без правил. Двое пограницов, сняв сапоги и ремни, боролись, как я понимаю, за звание чемпиона казармы по рукопашному бою. Оба уже красные, потные, тяжело дышащие, сошлись снова. Видно, выиграл гонор, и никто не хочет уступать. Но самое интересное было в том, что их

окружала толпа солдат, и не только моих. Соседи тоже пришли посмотреть на бесплатный цирк. Отовсюду, даже с верхних нар, где расположились счастливчики, занявшие лучшие места, неслись азартные выкрики.

Наконец, один из бойцов допустил промашку, был пойман на болевой, и ему пришлось хлопнуть по полу, признавая поражение. Конец схватки отозвался ревом голосов. Блин, хоть шапку по кругу запускай – озолотиться можно! Недавние соперники обнялись, хлопнули друг друга по плечам и собирались уступить место следующей паре, но из толпы «гостей» раздался голос:

– Постой, паря! Со мной сойдешься? – Вперед, отдав кому-то фуражку и расстегнув ремень, выходит какой-то незнакомый унтер, которого местные «фанаты» поддержали одобрительным гулом.

– А не боишься, дядя? – Разгоряченный погранец оборачивается к новому поединщику.

– Ты меня сначала завали, а уж потом я тебя бояться буду. – Унтер, не торопясь разувается и двигается вперед.

– Ну, как знаешь. Только чтоб обид не было, ежели что. – «Чемпион» идет ему навстречу...

Ой, нарвется сейчас мой обалдуй! Унтер, дождавшись захвата, плавным движением обтек противника и в свою очередь попытался провести удушающий. Нет, не зря я гонял их до седьмого пота! Накрепко вбитое на тренировках движение, – и унтер падает... Но в падении умудряется подбить ноги противника. Так что на пол грохнулись оба... Никогда не считал себя азартным человеком, но сейчас поддался настроению толпы. Хотя, впрочем, не я один. Вон, Михалыч непроизвольно двигает плечами, примеряя схватку на себя, Оладьин тоже не остается равнодушным, глаза горят, что те фонарики. Хотя мне больше интересны унтеровские движения. Что-то похожее на казачий стиль, но в то же время неуловимо отличающееся в деталях...

Бой между тем уже закончился. Победой унтера к радости соседей, выразившейся в громком, торжествующем рёве. Погранец прижат к полу, рука на болевом удержании. Отпущенный победителем, встает, разминает кисть и локоть, виновато смотрит на свою группу поддержки. Так, а не размяться ли мне лично?

– А со мной, унтер, слабо?

– Дык это, вашбродь... Нельзя нам. Подсудное ж дело, ежели что...

– Да не робей, пехота! Даже если проиграю, слово даю, ничего тебе не будет.

Расстегиваю портупею, не слушая Митяева, который сам рвется в бой,

сапоги долой, выхожу на «ринг». Унтер валко поводит плечами, движения чем-то напоминают китайский стиль пьяного, пытается захватом поймать за ворот. А мы тебя вот так! Проворачиваюсь навстречу, правая рука взлетает под локоть противника, захват за рукав, тянем на себя, поворот корпуса в обратную сторону, левой рукой «обнимаю» за голову, указательный и средний пальцы давят на точку между основанием носа и верхней губой. Круговым движением запрокидываю голову противника вверх, затем вниз, унтер сдавленно охает и падает. Да, вот эту точку ты и не знал... Ах ты, растяпа хренов!.. Тоже падаю, причем с трудом перехожу в кувырок назад. И как это он меня зацепил? Не углядел. Ладно, все мысли из головы вон, есть только ты и твой противник... Унтер осторожничает, крутит несколько обманных движений, затем быстро делает захват за локоть, который я ему позволяю, а потом, вместо того, чтобы выдирать рукав из руки противника, двигаюсь навстречу. Правая рука захватывает ребро ладони противника со стороны мизинца. Запястье согнуто, локоть – тоже. Замечательно! С шагом назад сажусь на одно колено, нажимая на захваченную кисть. По себе знаю, это очень больно и неприятно, но унтер рушится рядом, не проронив ни звука. Хлопает ладонью по полу, признавая поражение... Встаем, он потирает запястье, которое, видно, я все-таки помял. Но улыбается.

– Ну и хитры вы, вашбродь! Николи такого не видывал. Покажете ешо разик?

Ну, для хорошего человека ничего не жалко. Медленно, с объяснениями, показываю прием еще раз.

– Благодарствуем за науку, вашбродь!

– А теперь ты покажи, как сначала меня сбил.

– Ну, дык ето просто. Коли падаешь, одну ногу под себя нужно поджать, другой супротивника за пятку подцепить, а потом ужо поджатой ногой в колено и ударить. Да не прямо, а по кругу.

Да, все просто. Обычные «ножницы», только сбоку. И движение ногой не прямое, а по спирали.

– Ты где так драться научился?

– Дык, дед учил. Хоть и в годах уже был, а нас, всех четверых, по двору, как котят гонял. Теперича вот батя сынов моих учит.

– А что не сам? У тебя вроде неплохо получается.

– Батя сказал, шо молод я других учить. Поди, грит, на войну, там ума набирайся. А возвернешься, ежели по сердцу будет твоя наука, пуцу мальцов наставлять.

– И где же такие богатыри живут на земле русской?

– Тверские мы. А про богатырей, так это не к нам, это вон к их благородию прапорщику Завьялову. Он нам все про богатырей стихи читал. Етого... как его... А, господина Пушкина!

– Про Руслана и Людмилу?

– Ага. Тока у нас в деревне каждый, почитай, богатырь. Как на масленицу мужики на реку выйдут, да Минька-гармонист заиграет «Кровь младенька грат, побузиться хочет», дык тока держись! Ухайдокают в два счета. И фамилие не спросят...

Наш разговор был прерван появлением Пантелеича, который объявил, что ужин готов, типа, кушать подано. Остаток вечера прошел, как говорили в далекое советское время «в теплой и дружеской обстановке».

Глава 35

С утра получил почти эротическое удовольствие. После двух недель умывания в ручьях и соскабливания щетины ножом, пусть и очень острым, просидеть аж пять минут с распаренным полотенцем на лице, потом быть побритым настоящим парикмахером из нестроевых все того же Дунайского полка настоящей бритвой с помощью взбитого настоящего мыла и горячей воды, а в качестве «десерта» быть обрызганным настоящим одеколоном – ощущения выше среднего, причем намного! С самого подъема полковник Асташев прислал нам маленького щуплого брадобрея, который «осчастливил» своим искусством сначала меня, потом Волгина, Оладьина и, за компанию, Михалыча. Тепло попрощавшись с маэстро, очень характерно произносившим звук «р», и отдав в качестве благодарности пачку трофейных сигарет, помчался искать сапожную щетку и ваксу. Нашел только у денщиков, которые выпали в осадок, узнав, что у командира роты нет их коллеги и что вышеупомянутый командир собирается САМ!!!.. чистить свои сапоги!!! В ответ на предложения помочь выдал в эфир «Не учите меня жить...», превратил свои «шузы» в подобие зеркала и умотал в штаб крепости представляться начальству и решать свои проблемы.

К начальнику штаба попадаю довольно быстро, через каких-то полтора часа ожидания в компании с другими «везунчиками», предъявляю официальную бумагу, полученную как раз на такой случай, мол «Подпоручик Гуров с Особым партизанским отрядом выполняет...» за подписью нашего командарма. Генерал-майор Глобачев уделил ничтожному подпоручишке аж целых две минуты, выслушав доклад и просьбу разрешить связаться со своим начальством. Собственно, сам доклад занял тридцать секунд, остальные полторы минуты ушли на обдумывание ответа и требование показать ему текст радиogramмы. К этому повороту событий я подготовился с вечера, и перед глазами начальства появился листок с колонками непонятных цифирок. На вопрос «Что это?» даю развернутый и исчерпывающий ответ, что это – шифровка и ключ к шифру я могу дать только по личному указанию командующего второй армией. На самом деле перед выходом на задание мы с Валерием Антоновичем договорились, что если представится возможность, будем общаться по радио с помощью нехитрой уловки. В качестве ключа к шифру мы решили использовать романс Булата Окуджавы, спетый Анатолю Дольскому в «Вечер откровений». Начиная с конца текста, каждая буква имела свой номер,

получился цифровой алфавит. А для пущей секретности Бойко предложил воспользоваться новым, в смысле, «моим» алфавитом. Без ятей, еров, фетов и подобной ерунды. Текст донесения был краток: «Задача выполнена. Потери: пятеро убитых, двенадцать легкораненых. Нахожусь в Ново-Георгиевске, крепость собираются сдать. Буду уходить к линии фронта».

Начальник штаба, недовольно посопев, все-таки разрешает воспользоваться радио, о чем и информирует появившегося по звонку адъютанта-делопроизводителя. Затем сдуру спрашивает, что еще желает мелкий, наглый, назойливый тип с погонами подпоручика. В смысле, чем он еще может быть полезен генералу от инфантерии Владимиру Васильевичу Смирнову. В ответ получает заверения, что его превосходительство будет очень признателен, если его Особый партизанский отряд выпустят без всяких проволочек из крепости. Представитель этого отряда в моем лице выслушивает искреннейшие заверения в том, что никто не будет мешать катиться нам ко всем... жителям определенной области тонкого мира, чаще всего пахнущего серой, лишь бы мы не создавали проблемы для начальства. Что в переводе на русский язык означает:

– Получите пропуск на выход в строевой части. Более не задерживаю.

Все складывалось как нельзя более удачно, если бы... В этот момент не появилось... ОНО, по названию, – как у Кинга. К мужскому роду ЭТО на мой взгляд трудно было причислить по морально-деловым качествам, а к женскому – мешали кустистые седые брови, бакенбарды, усы и мундир. Комендант генерал от кавалерии Николай Павлович Бобырь нарисовался с той стороны дверей, когда подпоручик Гуров собрался, открыв вышеназванную деталь интерьера, покинуть кабинет. И пришлось этому подпоручику сделать шаг назад, потом – в сторону и повернуться налево и принять строевую стойку, дабы приветствовать ярчайшее светило в российской военной науке сдавать без боя мощнейшие крепости. А еще «принять перед лицом начальствующим вид лихой и придурковатый», вспомнив слышанную когда-то цитату от Петра Алексеевича, «дабы разумением своим не смущать начальство». Стоим «грудь колесом», едим глазами начальство, выражение лица – тупое, но решительное. Вроде как понравилось. Похожий на старого облезлого кота генерал проходит мимо, безразлично бросает:

– Кто таков?

– Подпоручик Гуров, ваше высокопревосходительство!!! – Ну, орать – не мешки ворочать, а генералу понравилось.

– Свободны, подпоручик. – Бобырь поворачивается к своему

начштаба, и, прикрывая дверь, непроизвольно слышу. – Николай Иванович, я только что радировал в Ставку...

Прекрасно могу себе представить, чего он там нарадировал. И в связи с этим нужно как можно быстрее отправить свою депешу. Так, а что там на улице за грохот? Типа, грозовые раскаты, но при безоблачном небе. Кажется, догадываюсь, – громы и молнии имеют исключительно крупновское происхождение. Оживились, блин, гансы!

Адъютант, закончив выписывать пропуска, протягивает мне два листочка бумаги и, видя мою вопросительную физиономию, мрачно поясняет:

– Германцы начали штурм второго и третьего форт. Скоро всему конец... А вы-то на что надеетесь, уходя из крепости?.. Лучше уж плен... Или пулю в лоб...

Не самое подходящее время вступать в бесплодные дискуссии, поэтому исчезаю, буркнув вполголоса:

– Вольному – воля. Хочет – живет, хочет – удавится.

Спешу. Через десять минут быстрого шага предъявляю пропуск часовому возле радиостанции. А еще через минуту чернявый юноша очень интеллигентного вида, отрекомендовавшийся прапорщиком Бенингсоном, с удивлением рассматривает столбики цифр на листке блокнота и на всякий случай переспрашивает:

– Что, так и передавать?

– Да, именно так. И, пожалуйста, постарайтесь ничего не перепутать.

– Как можно-с? И за кого вы нас принимаете? – С этими возмущенными словами прапор отправляет унтера-телеграфиста на «покурить» и, заняв его место, начинает передачу. Две минуты, и дело сделано. И сделано очень вовремя. Потому как почти сразу же звонит телефон, стоявший рядом на столе. Местный «Маркони» берет трубку, представляется, а потом его лицо начинает выражать сильное недоумение и растерянность:

– Так точно... Я уже отправил радиограмму... Что?.. Никак нет... Слушаюсь...

Дав отбой, радист ошарашенно смотрит на меня, потом трагическим шепотом выдает:

– Только что звонил сам начальник штаба... Интересовался, отправлена ли ваша радиограмма. Потом приказал от вас ничего больше не передавать...

– А больше ничего и не нужно. Спасибо, господин прапорщик. Я через пару часиков заскочу к вам, а вдруг ответ будет?

– И все-таки интересно, что же там было написано?

В ответ многозначительно улыбаюсь, прикладываю указательный палец к губам, призывая к молчанию, потом, достав спички, демонстративно сжигаю текст шифровки и исчезаю за дверь. Теперь мне срочно надо к своей роте! Бежим туда со всей возможной поспешностью, которую может себе позволить офицер Российской армии. И на ходу вспоминаем старый анекдот: «Почему в армии полковники не бегают? Потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику». Потом в голову приходит мысль. Одна, но очень важная и значимая. А что, если Бобырь радировал в Ставку о невозможности далее защищать крепость, о своих «героических», но напрасных усилиях, о горах убитых германских солдат, закрывающих сектора обстрела пулеметам, о супертяжелых снарядах чудовищных пушек, от взрывов которых бетонные казематы лопаются, как ореховая скорлупа, и так далее!.. Мы, в смысле – моя рота, мой отряд, абсолютно не нужны ему в качестве свидетелей его трусости, а может быть, и предательства. И не выпустит он нас из этого каменного мешка, сдаст вместе со всеми остальными в плен. Ну, это он так думает, что сдаст. Не знает, дурень, с кем связался! Дорого обойдутся кошке мышкены слезки! Как бы не летальным исходом для него всё может закончиться... Вот, уже и казарма рядом. Залетаю в свой каземат, там – тишь, да гладь, да Божья благодать. Народ частью дрыхнет, частью травит байки. Настроение боевое, без какой-либо паники. Замечательно!

Подошедший Михалыч рассказывает последние новости. Прибегал вестовой из штаба, затребовал кого-нибудь из господ офицеров для постановки роты на довольствие, несмотря на то, что получено «добро» на выход из крепости. Волгин ушел разбираться, до сих пор не вернулся. Оладьин предупредил, что пойдет проведать каких-то знакомых в штабе, вернется к обеду или чуть позже.

Черт! Как же не вовремя! Сейчас нужно держаться всем вместе, а не бегать по крепости! Ладно, делать нечего, будем ждать... Кстати, насчет обеда! Надо будет озадачиться запасом консервов на дорожку. А то германские поднадоели, хочется «щей с мясом и кашей» от отечественного производителя. Хотя бы. Так, ладно, все соберутся, тогда устроим военный совет. А пока схожу, посмотрю, как там дела у штабс-капитана Федоренко.

– Михалыч, роте – полная боевая готовность. Не уверен, но вполне допускаю, что придут нас разоружать. От имени коменданта. Расставь стрелков по окнам, пулемет – на вход. В общем, быть готовым ко всяким неожиданностям. Может, и немного паникую, но лучше перебдеть, чем потом сокрушаться. Я – к соседям. Посмотрю, что там творится. Скоро

буду. Да, и не пристрелите меня по ошибке.

Митяев широко улыбается, показывая, что командирскую шутку понял и оценил. А я уже бегу в гости к дунаевцам. Там, как Винни-Пух, всеми лапами попадаю в растревоженный улей, только пчелки уж больно большие да и одеты в солдатскую форму. Но жужжат точно так же. Тема, насколько понимаю, у всех одна: идти в плен или к линии фронта. Пока простой народ перебирает плюсы и минусы обоих вариантов, нахожу шестерых, нет, восьмерых прапорщиков батальона в отдельной комнате. В компании нескольких бутылок водки, пачки папирос и пары пепельниц, полных окурков. Это, типа, они так переживают грядущие изменения в своей жизни. От предложения присоединиться отказываюсь, спрашиваю, где начальство, получаю неопределенный ответ, мол, Федоренко с Бергом куда-то час назад ушли и больше не появлялись. Корчу разочарованную мордочку и убегая обратно к себе. Черт, все где-то бегают, какие-то вопросы решают, один я не у дел, позабыт, позаброшен... Хотя, кажется, знаю, чем заняться.

Возвращаюсь к себе, сажусь в канцелярии и, не торопясь, под папиросу с крепким чаем после сытного обеда (спасибо дежурным!), еще раз прорабатываю по карте наш анабазис, не претендуя, впрочем, на лавры нового Ксенофонта. Самую большую проблему составляет форсирование рек. Если мы будем уходить по правому берегу, то придется переплывать Нарев у Зегржа после слияния с Бугом, а потом двигаться к Цехановцу. Это при условии, если идти на восток. Есть альтернативный вариант – переправиться на левый берег Нарева сразу за Ново-Георгиевском, а потом двигаться тихонько на юго-восток в направлении Дрогичина и там форсировать вышеупомянутый Буг... М-да, задачка... Самое хреновое – пользоваться придется гансовскими переправами. Наверное, от этого и придется танцевать. Где будет возможность, там и переправимся...

Глава 36

Мои стратегические размышления были прерваны появлением сначала Ивана Георгиевича, который обрадовал возможностью порезвиться на продскладах, в смысле постановки роты на полное довольствие. Видно, некоторые генералы действительно решили нас сдать немцам с потрохами. Интриганы, блин! Им в голову, наверное, даже и не приходит, что мы все равно уйдем при любом раскладе. Ну, не нравится нам здешний климат. В основном – моральный. Волгин снова исчезает, обещая появиться минут через двадцать.

После обеда отправлю Оладьина с бойцами на склады затариваться продуктами. А то взяли некоторые моду ходить по знакомым, когда командиру скучно. Наверное, мои негодующие мыслеформы были ретранслированы в голову нужного абонента, поскольку буквально через пару минут Сергей Дмитриевич соизволил явиться в канцелярии, причем отнюдь не в одиночестве. Вместе с ним пришли еще трое офицеров. Оп-па, а одного из них я знаю! Тот самый прапор из артупра, который у меня самым наглым образом выцыганил люгер взамен на пару ящиков пироксилина. На ловца и зверь бежит!.. Так, а что это он смущенно мнетя за спинами товарищей? Ладно, все по порядку.

– Денис Анатольевич, знакомьтесь! Прапорщик Бер Николай Павлович. Подпоручик Стефанов Дмитрий Любомирович. Прапорщик Синельников... Матвей Матвеевич.

Ага, значит, знакомого прапора зовут Матвеем...

– Очень приятно, господа. Командир отдельной роты подпоручик Гуров. Присаживайтесь... Чем обязан?

– ...Денис Анатольевич, мы с Сергеем Дмитриевичем учились вместе в школе прапорщиков, хорошо знаем друг друга, – слово берет прапорщик Бер, худощавый шатен с ярко выраженной интеллигентной внешностью. – Он нам рассказал о том, как вы воевали, и, самое главное, о том, что ваш отряд уходит из крепости к нашим. Мы хотели бы присоединиться к вам. Ни мне, ни Димитру совсем не хочется сидеть в лагере военнопленных, когда вся страна воюет.

Ну, про всю страну он, пожалуй, для красного словца ввернул, но мотивация понятна. Ладно, слушаем дальше.

– Вы понимаете, господа, что сие мероприятие будет очень сложным и трудным? И не факт, что закончится благополучно?

– Да, конечно, оно не будет похоже на увеселительную прогулку, – теперь слово берет уже смуглый, чернявый подпоручик со странным именем «Димитр». Скорее всего, из южных славян – то ли серб, то ли болгарин. – Но цель того заслуживает. Я хочу воевать с бошами, а не выслушивать от них оскорбления в лагере. Моя война еще не закончена.

Так, с этими все понятно. А третий?

– Матвей Матвеевич, а вы что скажете?

И тут звучит такое, что чуть не падаю со стула!.. С интонациями в стиле «Люди добры! Помогите кто чем может, мы сами – не местные!».

– Господин подпоручик... Денис Анатольевич... Мне очень нужно выбраться! Мне никак нельзя попасть в плен! У меня батюшка, купец первой гильдии, – при смерти!.. Надо наследство получать! А то братья все без меня поделят!

Ё..!.. Твою...!.. Других слов и мыслей почему-то не возникает! Вот уж, действительно, кому – горе, кому – радость! И чего с этим «пассажиром» делать прикажете?.. Видно, мои сомнения отразились на лице, потому что прапор быстро продолжил:

– Господа! Я ж не просто так! Я ж отблагодарю!

Ну, что это не будет просто так, и ёжику понятно. Интересно, а чем и как ты нас благодарить будешь?

– И что же вы можете нам предложить, Матвей Матвеевич? – Надеюсь, он поймет иронию.

– Я много чего могу... Ежели крепости амбец... Простите, ежели крепость германцу сдают... У меня есть доступ ко многим хранилищам... Я могу...

Так, понятно. Никто ни у кого отчетности спрашивать не будет, следовательно, со складов можно тащить все, что захочешь. Только вот, чего там интересного может быть? Опять пироксилин? Так нам его много и не надо... Стоп! Чего он там бухтит?!

– ...Могу со склада револьверы выдать. Их там много, сотни две лежит.

– Какие револьверы? – А вот это очень интересно. Типа сбывается мечта идиота – вооружить короткостволом всех бойцов. – И в каком состоянии?

– Наганы офицерские. Заложены на склады были с начала войны. И патроны к ним... И кобуры...

– Если добавите к вышеназванным наганам еще сотню патронов для крепостного ружья Гана, будем считать, что договорились.

Купчина недолго думает, потом утвердительно кивает головой,

показывая, что согласен. Замечательно! Просто праздник какой-то!

– Матвей Матвеевич, скажите прапорщику Оладыну, куда и во сколько подойти, и идите, готовьте револьверы.

После отбытия незадачливого наследника обращаю внимание, что остальные гости смотрят на меня недоуменно, с долей брезгливости.

– Господа, прошу не обращать внимания на этот торг. С такими типами по-другому нельзя. Вы же сами все видели и слышали. На руках никто его нести не будет. Я только даю ему шанс спасти свою никчемную жизнь... И наследство батюшки, сто лет ему здоровья.

– Простите, но зачем вам столько наганов? Не на базаре же вы их будете продавать!

– Дело в том, Дмитрий Любомирович, что наша рота выполняет особые задачи, о чем Сергей Дмитриевич вам, наверное, уже поведал. Так вот, во многих случаях моим солдатам удобнее пользоваться не карабином, а револьвером или пистолетом.

– Но у вас же всего около сотни человек. Это что, по два нагана каждому?

Ага, и будем изображать пародию на техасских рейнджеров времен гражданской войны с двумя кольтами в кобурах...

– Нет, Николай Павлович. Это – запас на будущее.

Наш разговор прерывает появление Волгина. И по лицу видно, что случилось что-то неприятное.

– Господа! Форты внутренней линии пали! Германцам осталось промаршировать три версты, и они – у стен редюита!

– Простите, господа, мне надо идти на батарею! – Стефанов резко вскакивает со стула. – Николай, и ты поторопись к своим саперам!

– Куда вы собираетесь? – Иван Георгиевич с мрачной усмешкой смотрит на гостей. – В крепости полная анархия и дезорганизация. Офицеров почти не видно, солдаты толпами шляются, где хотят. Кричат, митингуют.

– Простите, господин штабс-капитан, но мы должны быть на своих местах! – Голос Стефанова звучит твердо и немного вызывающе. – Наше место сейчас там! Скоро германцы будут уже у стен крепости!

– Хорошо. – Сейчас их не переубедить, да и надо ли? – Мы до вечера будем здесь. Потом уходим. Не опоздайте...

Глава 37

Когда они убегают, посылаю Оладьина, пока не поздно, за револьверами, а получать продукты отправляется группа унтера Чернова. А сам сижу и обдумываю мысль, пришедшую в голову при разговоре. Но времени на это уходит мало, вскоре начинаются неприятности. Не проходит и пятнадцати минут, как в расположение влетает один из его бойцов и, что есть силы, высвистывает «тревогу». Собственно, сам сначала услышал сигнал, выскочил из канцелярии. И только потом увидел растрепанного, запыхавшегося погранца, вокруг которого уже стояла толпа.

– Что случилось?!

– Там... Эта... Наших бьют... Толпа – сотни две где-то... Хотят склад грабануть... Наши с кладовщиком внутри заперлись... Меня и Ваську отправили за подмогой... Ф-фух... Нас переняли сразу у ворот... Васька крикнул, чтобы я бежал... А он энтих придержит...

В два прыжка оказываюсь в комнате, ножны цеплять некогда, шашку в руку, обратно в коридор, и понеслись! Не знаю, сколько времени заняла дорога, но когда подбежал, веселье было в полном разгаре. Трое каких-то придурков местили ногами тело возле ворот... Суки!!! Убью!!! Подбегаю совсем близко, первый слышит мои шаги, оборачивается и ловит с левой руки рукояткой люгера в лоб. Все, глазки – в кучку, и – на землю. Второй спустя долю секунды получает сапогом под ребра и, скрючившись, улетает в сторону. Третий, не обращая ни на что внимания, в очередной раз заносит для удара руку с неизвестно откуда взявшейся кочергой... А вот хрена тебе, урод!!! Кончик шашки чиркает по руке чуть пониже запястья, железка выпархивает из ставших непослушными пальцев, проносится мимо меня и бренчит по булыжникам мостовой. Кровь широкой струей брызжет из раны, рот в обрамлении давно нечесаной бороды начинает раскрываться в крике... И закрывается от «саечки» пистолетом снизу под челюсть. Прямым с ноги отправляю скотину в полет. Надеюсь, что последний.

Проскакиваю в ворота и вижу красивую такую картину: на каменном «быке» стоит какое-то чудо в солдатской форме и во всю мощь своей глотки вещает собравшимся внизу слушателям:

– Товарищи! Нас всех предали! Предали офицеры и генералы во главе с самим царем! А женка царская – та ваще германская шпиёнка! Что им солдатская жизнь, товарищи?! Ни в грош не ставится, нас постоянно гонят на убой, не думая о том, что мы – тоже люди! За что мы здесь воюем?! За

какие-то проливы, которые ни мне, ни вам не нужны? За то, чтобы буржуи стали еще богаче, наживаясь на поставках в армию? Чтобы, пока мы здесь гниём, там, дома, наши семьи пухли с голоду, не имея возможности купить хлеба, этими же буржуями припрятанного? Вот вы давно со своими бабами спали? А щас они за горстку муки с лавочником аль мельником на сеновале кувыряться будут! А эти золотопогонники и на фронте жируют. С мамзельками – санитарками какаву пьют да шоколадом заедают, в шелковом белье ходят! Теперь, братцы, пока не поздно, надо взять все и поделить по справедливости, а офицериков и шкур-унтеров на штык насадить!

Стоп, а мордочка эта мне знакома... Как его?.. А, Миша Бейцин собственной персоной. Агитатор хренов!..

* * *

Гуров не ошибся. Это был именно Михаил Бейцин, который сейчас сдавал в некотором роде выпускной экзамен. Настоящим режиссером, а заодно и экзаменатором был член РСДРП с опытом проведения агитационной и подрывной работой в воинских частях с 1905 года и, по совместительству, – агент охранного отделения младший унтер-офицер Макар Степанович Черешнин.

Предпочтя небезопасной передовой, на первый взгляд, тыловую крепость, он занимался натаскиванием молодых марксистов-агитаторов. Вполне естественно, что Миша, после неудачной словесной дуэли с Гуровым, прибежал к Макару Степановичу с нытьем в тональности: «Наших бьют». Черешнин, опасаясь, что все «разрушенное непосильным трудом» пойдет насмарку, доложил крепостному жандармскому начальнику штабс-ротмистру Мазепенко, что: «...тут среди офицеров некий подпоручик Гуров, Карлу Марксу налево и направо цитирует. Не эсдеками ли засланный будет, больно уж замашки схожие?»

По удивительному совпадению фамилия сего офицера оказалась жандарму знакомой. Не далее как несколько часов назад лично генерал Бобырь приказал присмотреть за «пришлым смутьяном и не пущать его из крепости», а за неделю до этого ориентировка на некого партизана Гуроффа поступила от настоящих хозяев штабс-ротмистра – офицеров разведотдела германского генштаба...

Штабс-ротмистр жандармерии Иван Степанович Мазепенко происходил из той, по счастью меньшей, части малороссийской шляхты,

которая попала под державную руку российских монархов в результате завершения «коррекции» территории Речи Посполитой, впитав при этом в себя вместе с кровью все недостатки гонористых ляхов и сластолюбивых османов. Кто оказался виноватым больше: его пра...прабабка, гордая тем, что её использовал для постельных утех один из бастардов графа Потоцкого, или турецкие янычары, занимавшиеся тем же самым, но прямо на земле, «без отрыва от производства», в смысле – грабежей и поджогов, не смог бы разобраться ни знаток генеалогии, ни сам «крестный отец» генетики Уильям Бэтсон. Но в последнем представителе данной ветви эти зловерные гены превысили критический порог. А может быть, внесла свою лепту и фамилия.

Еще в училище юнкер Мазепенко, которого однокашники именовали не иначе как Мазепой, полностью соответствовал одному из толкований этого прозвища – грубиян, неряха. Выпуск в полк ничего не исправил: страсть к карточной игре, соединенная с категорическим нежеланием отдавать долги, слишком вольное отношение к казенным суммам должны были закономерно завершиться позорным изгнанием со службы. Но, как ни странно, Ивана Степановича спасли события 1905 года и разгул революционного террора на просторах Российской империи. Значительная часть офицеров, коим выпала судьба противостоять вспышкам насилия, отнеслась к этому, как к работе хирурга, который вынужден порой брать в руки скальпель, дабы спасти жизнь человека, а часть, в основном – гвардейцы, вообще отказались «играть роль полицейских». Иван Степанович же, напротив, понял, что ему достался редкий шанс сделать карьеру. Действуя почти по рецепту своих польских родичей: «Холопов – огнем и мечом», он не брезговал сам пускать в ход тяжелые кулаки или плетку, предварительно проверив, надежно ли связаны руки, не делая различия по половой или возрастной принадлежности бунтовщика.

Но увлекшись «искоренением смуты», Мазепенко несколько перестарался и, дабы избежать бойкота сослуживцев, решил перейти в жандармский корпус. Кумовство, неистребимая болезнь России-матушки, помогло борцу с революцией.

Когда-то еще Грибоедов вложил в уста Фамусова слова: «Как будешь представлять к крестишку иль местечку, ну как не порадеть родному человечку?» Именно в соответствии с этим «рецептом» графиня Н., желающая сделать приятное своему «близкому другу», замолвила словечко перед тайным советником В., которому штабс-ротмистр скрепя сердце пару раз «удачно» проиграл некоторые суммы, а тот в свою очередь обратился к генералу М., который был ему некоторым образом обязан, и в итоге,

последний в этой цепи, закрыв глаза на все грехи штабс-ротмистра, подписал бумаги на перевод.

Так жандармерия Российской империи «обогатилась» новым пополнением. Увы, именно подобные индивидуумы и создали тот негативный образ «душителя свободы», «унтера Пришибеева», который чернил в глазах общественного мнения те сотни людей, которые, не зная покоя, вели борьбу с внутренними и внешними врагами и к которым так называемая интеллигенция, подобно графу Льву Толстому, возмущаясь «хладнокровным контрреволюционным насилием государства», сразу же мчалась за помощью, когда «пламя бунта народного» могло испепелить их уютные усадьбы.

Сослуживцы в основном сторонились нового коллегу. У них вызывали неприятие излишняя вкрадчивость и слащавость Мазепенко в общении со старшими или более удачными коллегами, и одновременная грубость с подчиненными, а также готовность лично помочь в выбивании показаний из задержанных. Штабс-ротмистр, не владея и, откровенно говоря, и не пытаясь обучиться весьма модному тогда искусству джиу-джитсу, больше полагался на массивные кулаки и несколько не типичную для его комплекции подвижность. В общем, служил Иван Степанович, как умел, себя не забывал, обрастал агентурой из эсеров и эсдеков, не брезговал и уголовниками, но была у него одна тайная страстишка – совсем юные девочки. Тем более что недостатка в тайных неподнадзорных притонах не было. Многие газетные объявления предлагали воспользоваться для коротких встреч услугами гостиниц с роскошью, отдельными номерами в разных стилях – ампир, маркиз, людовик, рококо, фантазии, прекрасными пружинными кроватями с балдахинами в китайском стиле от одного до трех рублей. Все было хорошо, служебное положение служило практически непробиваемым прикрытием, если бы не его командировка в Ригу.

Прибыв в город, он остановился в одном из небольших пансионов, который ему в порыве пьяной откровенности настоятельно рекомендовал один из постоянных карточных партнеров. Владелица заведения, почтенная фрау Мюркель, содержала двенадцати-четырнадцатилетнюю прислугу, в задачу которой входило не только следить за порядком в номерах, но и оказывать абсолютно всяческие услуги любвеобильным постояльцам. Неделя пронеслась незаметно, но как-то утром одна из его малолетних пассий подняла крик. Естественно, сбежались люди и в случае необходимости два, а то и три свидетеля, не считая «пострадавшей», готовы были подтвердить факт растления несовершеннолетней, соединенный с физическим насилием. Мазепенко попытался сыграть образ

разъяренного честного служаки, и поэтому вопли типа: «Не потерплю», «Разорю», «Сгною на каторге, курва немецкая» были слышны, вероятно, за квартал. Но тут в дело вмешался уже немолодой господин, в строгом гражданском костюме, но с военной выправкой.

Властным движением руки он выпроводил из номера всех и на вполне хорошем русском языке предложил «побеседовать, как цивилизованные люди». В разговоре, показав великолепное знание законов Российской империи, господин, отрекомендовавшийся коммерсантом из Германии Мюллером, просветил присмирившего жандарма о том, что «за сии деяния, в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных от 1885 года, полагается лишение всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на жительство в Сибирь, или содержание в исправительных арестантских отделениях. А если учесть еще и фотографии, которые могут попасть в газеты, то герра Мазепенко ждут весьма незавидные перспективы. Впрочем, если они сумеют договориться...»

Таким образом, в перечне завербованных немецкой разведкой и появился молодой жандармский офицер, который после начала военных действий был направлен в крепость Ново-Георгиевск...

* * *

Немного подумав, Мазепенко приказал Черешнину:

– Выпускай своих агитаторов, пускай бузу среди солдат затевают возле казармы, где «партизаны» расположились. Если получится, то офицеров этих в лазарет спроводить надобно.

– А ежели мои солдатики перестараются малость, ваше благородие, да и пристукнут их?

– А в 1905 году ты ручки-то замарать не боялся? – Мазепенко немного удивленно посмотрел собеседника. – Парой грехов больше ни Бог не заметит, ни я не взыщу! Работайте спокойно. Хотя нет, мне этот подпоручик нужен живым...

Бейцин с энтузиазмом взялся за новую задачу. Еще бы, у него теперь был шанс посчитаться с этим «шибко грамотным золотопогонником», который его давеча опозорил. И спектакль начался...

Глава 38

Чего он там пищит?! Офицеров к ответу?.. Кровь им пустить?.. Это мы сейчас посмотрим, кто кому кровь пустит! Оп-па, а Мишаня меня увидал. Глаза загорелись, на мордочке крупными буквами написана мстительная радость, типа «Щас я тебя!». Еще чуть-чуть, и натравит на меня своих дружков. Рука с люгером взлетает вверх, бахает выстрел... Ну, вот, был агитатором, стал трупом. Потому, как во лбу лишняя дырка образовалась, природой не предусмотренная. Пользуясь секундным замешательством,двигаюсь к складу. Все, я у дверей. Вся толпа почти одновременно поворачивается ко мне, мгновения мертвой тишины сменяются угрюмым, зловещим гулом.

– Что, бандарлоги, нюх потеряли?! А ну, осади назад!

Из толпы раздается чей-то тонкий, с истеричным подвизгиванием, голос:

– Вот видели, братцы! Офицеры нас уже без суда и следствия стрелять! Безвинного человека убили! Бейте его, товарищи! Бейте золотопогонника, он один тут!

Выстрел под ноги передним притормаживает напор особо рьяных мстителей.

– У меня патронов мало, но не промахнусь ни разу. Кто хочет раньше времени на кладбище?

В ответ из-за передних шеренг прилетает обломок кирпича, разбивается о стену. Вслед за ним летит полено, которое принимаю на шашку и отбиваю в сторону. Теперь очередь булыжника, от которого уклоняюсь... И в этот момент еще один, сбив фуражку, хорошо так попадает по голове. В глазах темнеет, и на фоне этой темноты носятся разноцветные звездочки... Стоять!!! Если упаду, затопчут, разорвут!.. Прислоняюсь спиной к стене, по лицу течет что-то теплое. И соленое на вкус. Тыльной стороной руки вытираю глаза, на рукаве – кровь... Сквозь крики толпы слышу рев Митяева:

– Казаки!!! Шашки во-он!!! Делай, как я!!! Вперед!!!

Зрение восстанавливается, силуэты вновь обретают резкость. Справа от ворот на толпу двигаются мои станичники с Михалычем во главе. Клинки, сверкая, выписывают круги и петли, которые может увидеть только опытный боец, стоящим ополченцам-лапотникам они, наверное, кажутся розовато-красными в лучах начинающегося заката кругами

свистящей смерти. Попасть под такой – что в мясорубку гигантскую сунуться. На фарш изойдешь. Агрессивная толпа в секунды превращается в испуганно-молчаливое стадо. Звучит команда «Раздайсь!». Казаки, не переставая фланкировать шашками, быстро расходятся в стороны. Последнюю точку в разговоре ставит Котяра, сменивший свое ружье на мадсен, невесомо порхающий в его руках. Рядом с ним появляются еще два расчета. Вторые номера держат стволы за сошки, первые, став поустойчивей, прицелились к прицелам. Почти как расчеты МГ-34 в вермахте. Бас Федора перекрывает все звуки во дворе:

– Всем – на колени! Быстро! Считаю до трех, стреляю в грудь!

Очередь, веером разошедшаяся поверх голов, заставила даже самых смелых бухнуться на брусчатку. Ко мне подходит Михалыч, осматривает рану, промывает ее водой из фляжки, а затем забинтовывает голову, добродушно ворча:

– Ну, командир, ты и бегать. Как дал из казармы, только пятки засверкали. Я мальцом после соседской нагайки и то так не носился. Мы – за тобой, так только вот успели.

– Хреново бегаєте, – пытаюсь отшутиться, несмотря на накатывающую слабость и предательски подгибающиеся коленки. – Вернемся на базу, будем усиленно тренироваться... Как там Васька? Ну, который погоню задерживал?

– Дык, вроде бы нормально. Оклемался малость. Отмутузили изрядно, но на ногах стоять может. Шо с этими делать?

– А нагайками проводите, чтоб впредь неповадно было мародерничать, и дело с концом. Тех, кто нашего бил, разрешаю особо не жалеть...

Через некоторое время все желавшие добраться до халявной жратвы и, как потом оказалось, выпивки, получив отпущение грехов в виде двух отметин от нагаек на яго... чуть пониже поясицы, отправились восвояси, проклиная жесточайший произвол проклятого царизма в лице злодея подпоручика Гурова и его людоедов-казаков. Хм-м, а ведь потом, в лагере, они действительно и сами поверят и убедят других в этой сказочке. И будем мы душителями свободы и приспешниками кровавого сатрапа...

Кладовщик, перепуганный до полусмерти, быстро выдал нам все полагающееся, рассыпаясь в многословных изъявлениях благодарности за спасение, и постарался не заметить, как мои бойцы «случайно» прихватили пару лишних ящиков с тушнякам и мешок сахара.

На обратном пути, подходя к казарме, успели на еще один митинг, точнее – на его окончание. Правда, тема была другой. На плацу, обступив ровными прямоугольниками рот обозную двуколку, стоял Дунайский полк. А с повозки, возвышаясь над головами своих солдат, обращался к ним их полковой командир полковник Асташев.

– ...Все вы уже знаете, что крепость обречена. И нас ждет германский плен. Но, пока я команду полком, требую... и прошу вас, братцы, не занимайтесь бесчинствами и мародерством. Не роняйте честь полка даже в такой тяжелый момент... И вот еще что. Я дал слово командиру бригады и коменданту, что буду исполнять все приказы. Я разделю судьбу полка и вместе с вами отправлюсь в плен. Но те из вас, кто хочет пробиваться к своим... В общем, если таковые найдутся, – выйти из строя на три шага! На размышление одна минута!.. Штабс-капитан Федоренко, примите людей. Вы назначаетесь командиром сводного батальона, будете восстанавливать наш 249-й Дунайский, когда прорветесь...

Ручеек добровольцев, сначала жиденький, потом все усиливающийся, вытекает на свободное место перед строем. Насколько отсюда вижу, почти все – старослужащие и унтера. Остальные стоят, хмуро и обреченно переваривая последние известия. Штабс-капитан Федоренко строит на свободном месте своих новых подчиненных в отдельную колонну. М-да, вот и пошло разделение на сильных и слабых, на наших и ваших, на своих и чужих, на красных, белых, зеленых, хамелеонистых. Скоро вся страна будет делиться по подобному признаку... Что-то не вовремя, да и не в тему растекся мыслю по древу. Наверное, виноват прилетевший булыжник, который нажал на голове кнопку «Философствовать». Так, высокие материи и розовые сопли отставить до лучших времен! Готовь отряд к выходу, умник, блин!..

Дав очередные ЦУ и назначив крайних следить за их выполнением, решил еще раз сбегать на радиостанцию, узнать последние новости. Ходу до нее – минут десять, за это время конец света всяко не наступит, хотя гансы уже начали обстрел крепости из пушек. Пока редкий и неточный, но это – пока. И хуже всего то, что в орудийный хор стали вписываться басовые ноты чего-то крупнокалиберного...

Возле входа стоят уже два часовых, причем настроенных довольно решительно. Внутрь, несмотря на все старания, попал только после личного разрешения прапорщика Бенингсона. Этот «Маркони» вышел на шум и, увидев меня, сначала даже замахал руками, мол, ничего больше передавать не буду, и не упрашивайте. Но когда узнал, что я – так, просто проходил мимо и решил заскочить на огонек, типа, узнать что нового в

эфире происходит, хитро улыбнулся и дал команду пропустить. Те посторонились с невнятным бурчанием: «Звиняйте, вашбродь. Приказ!»

– Видите ли, господин подпоручик, мне запрещено радировать что-либо от вас. Но никто не запрещал мне передавать радио адресатам. – С этими словами он подает мне листок с несколькими строчками. Берем и читаем: «Отправителю радиограммы за номером таким-то». Дальше идет одна цифирь, и в конце подпись – «Анатолий».

– Спасибо, господин прапорщик, за добрую весть. – Стараюсь выдерживать предложенный тон. – А вы уверены, что это адресовано именно мне?

– За тем номером, что указан, была послана ваша депеша... И все-таки, господин подпоручик, хотя бы подскажите, каким типом шифра пользуетесь. Я на досуге грешным делом криптоанализом увлекаюсь, пытался разобраться, – никак не получается.

– М-да. Вашу бы энергию, да в мирных целях... Сочувствую вашему любопытству, но и вы поймите меня, – слово чести.

Ага, а еще некоторые нетленные принципы, из которых сложен, к примеру, приказ № 010. И один из них гласит: каждый исполнитель должен знать только ту информацию, которая необходима ему для работы. А все остальное – от любопытства, которое может вредить здоровью...

Глава 39

Распрощавшись с неуёмным прапорщиком, бегу обратно в казарму расшифровать послание. Но в канцелярии меня уже ждет Оладьин с радостной улыбкой на лице и докладом. Что мы стали богаче на сто восемьдесят восемь наганов и на очень большое количество патронов к ним.

– Сергей Дмитриевич, нужно выдать всем нашим по револьверу и, наверное, по полсотни патронов. Надеюсь, они еще не позабыли, как с короткостволом обращаться. Остальное понесем в вещмешках, если, конечно, батальон Федоренко транспортом не поможет.

– Денис Анатольевич, вам бы с ним поговорить не мешало. Время не ждет, скоро уходить.

– Сейчас сделаю одно очень важное и секретное дело, и пойдем разговаривать. – Беру чистый листок бумаги, тихонько бормочу, в смысле, напеваю нужный куплет, и через пару минут появляется сначала шифр, а затем содержание радиограммы: «Двигаться на Граны – Бельск. Ждем». Вот и замечательно! Сжигаем бумажку. С маршрутом определились. Теперь надо определиться с командным составом.

– Сергей Дмитриевич, к соседям идем вместе. Потому что не исключено, что роту поведете вы лично.

– ...А вы?..

– А я, скорее всего, подзадержусь на денёк. Что-то мне подсказывает, что Ново-Георгиевск в целости и сохранности попадет гансам в лапы. Вот и думаю, как этому помешать.

– Так, может, мы...

– Нет, воевать за крепость уже поздно и бессмысленно. Осталось погромче хлопнуть дверью, уходя. Вот этим и хочу заняться. Весь отряд для этого не нужен. Сейчас пойдем к Игорю Александровичу, потом подскажете, где найти ваших друзей – Бера и Стефанова, а дальше – посмотрим...

В казарме дунайцев дежурный унтер провел нас к своему начальству. Берг курит возле открытого окна, невидяще глядя перед собой и не обращая внимания на грохочущие разрывы. Федоренко, сидя за столом с мрачным видом, что-то чиркает карандашом по листу бумаги. В стороне стоит начатая бутылка «беленькой» и две рюмки. Услышав шаги, поднимает голову, смотрит на нас и натянуто усмехается:

– Что, Денис Анатольевич, и здесь успели повоевать? Под обстрел попали?.. Угоститесь?

– Нет, камушком задело. За предложение – спасибо, но не буду... А у вас что нового, господа?

– Я уже попрощался со своими трехдюймовочками. – Берг говорит, не оборачиваясь, по-прежнему глядя в окно. – Замки и прицелы мои пушкари из окон в Вислу повыкидывали, похоронили, стало быть... Вот так... Игорь Александрович даже трех сотен не собрал... Батальон!.. Смешно...

– Роман Викторович! Не трави душу! Тем более что они правильно решили! – Штабс-капитан прорычал это в спину Бергу, затем уже спокойнее обратился к нам: – Поначалу там, на плацу, ну да вы видели, вышло около пятисот добровольцев. Потом, как в казарму пришли, спустя время ко мне подходят старые унтера и говорят, что с остальными в плен пойдут... Нет, они не трусили... Сказали, что коль уж если сами их высокоблагородие полковник Асташев с полком сдается, то кто ж, как не они, молодняку помогать будут там, в лагере. Посему кинули жребий... В общем, со мной на прорыв пойдет двести сорок два человека. Старослужащие, унтера – вояки опытные. Берем четыре обозные двуколки, одну можем уступить вам, чтобы не все имущество на плечах таскать. Все вооружены, патроны есть. К нам присоединятся артиллеристы Романа Викторовича.

– Тоже не все. – Берг все выискивает, за что бы зацепиться взглядом на горизонте. – От всей батареи – только тридцать четыре человека...

– Денис Анатольевич, может быть Федора к ним послать? – Оладьин все пытается переломить ситуацию. – Чтобы он про своего брата рассказал?

Федоренко смотрит вопросительно, да и Берг отклеился от окна – они не знают эту историю. Да и необязательно им знать.

– Нет, Сергей Дмитриевич. Во-первых, можем спровоцировать митинг с последующими разборками. А во-вторых... Не хочу заставлять Кота использовать личную жизнь для чьей-то агитации. Тем более, как мне кажется, все уже решено.

– А нам тоже не расскажете? – Роман Викторович постепенно переключился со своих мрачных дум на любопытство.

– Рассказывать особо нечего. Федора впервые увидел в госпитале, куда он привез своего брата. Германцы захватили того раненым, без сознания. Изуродовали и подкинули к нашим окопам. Мол, бойтесь нас. Я пообещал отомстить. Ночью пробрались к их позиции и перебили весь взвод, который принимал участие в зверствах. На прощание оставили записку о том, что

если такое повторится, ни на какие конвенции они могут не рассчитывать.

– Пойдите, я уже слышал эту историю. – Игорь Александрович встает из-за стола. – Наши авиаторы как-то говорили о задании разбросать листовки с подобным предупреждением над германскими окопами. Да и солдаты судачили между собой о том, как какой-то прапорщик за своего солдата отомстил. Только вместо взвода у них была сначала рота, потом – батальон.

– Хорошо, что не дивизия, – пытаюсь отшутиться. – Где бы на всех ножики нашел?

Наш разговор прерывает появление троих запыхавшихся недавних знакомцев с наганами в руках. И одного незнакомца. Бер, Стефанов и Синельников, спросив разрешения присутствовать, бережно заводят в комнату какого-то священника. Лица у всех угрюмые и какие-то беспомощно-потерянные. Штабс-капитан, мрачно усмехаясь, достает из походного сундучка еще рюмки и наполняет их.

– Милости прошу, господа. Помянем Ново-Георгиевскую крепость...

– Да как вы можете, господин штабс-капитан!.. – Стефанов пробивает на истеричный крик, но потом он останавливается, сокрушенно машет рукой и уже тихо продолжает: – Да, наверное, вы правы... Я прибежал на батарею, а там... Приказ – огня не открывать, а чтоб соблазна не было, начальник артиллерии крепости приказал выставить караулы у всех артскладов... Солдаты разбежались кто куда, большинство – мародерствовать. Обратно шли мимо уже горящего продуктового склада, священника от толпы еле отбили. Он пытался остановить разгром, но там все были уже пьяные и невменяемые. Его сзади прикладом по спине огрели, свалили на землю и уже затаптывать начали. Мы пару раз в воздух из револьверов выстрелили, толпа раздалась, мы – батюшку под руки, и ходу. Только чувствуем – они нас догоняют. Спасибо вот Матвею Матвеевичу, выручил.

Оп-па, а за что такое уважение складской крыске? По имени-отчеству величают, да без издевки. Что ж он там такое отчудил? Предложил взаимовыгодный обмен пьяному сброду?..

Видя сомнение присутствующих, Дмитрий Любомирович объясняет:

– Когда нам уже на пятки начали наступать, прапорщик Синельников в сторону повернулся и кричит: «Взвод! Заходи слева! Окружай бунтарей!» Те пока соображали что к чему, мы в казарму заскочили и по коридорам – сюда.

М-да, это он хорошо сообразил, молодец! О, а вот и батюшка окончательно оклемался...

– Спасибо, господа офицеры, что спасли недостойного служителя Божьего. Зовут меня отец Алексей, назначен священником в 454-й пехотный Егорьевский полк. Хотел остановить неразумных, бесами попутанных, да вот, не справился.

– Хорошо, хоть живым остались. При таком-то бардаке. – Штабс-капитан подносит батюшке рюмку водки. – Примите, как лекарство. Оставайтесь пока у нас, передохните.

– Благодарствую, но надобно в полку быть. Мало ли что паства моя учинить может. В такое-то время... Ох, Господи, за грехи наши...

Игорь Александрович выходит со священником, чтобы дать в сопровождение пару солдат, и возвращается обратно. Ну, что ж, пора поговорить о деле.

– Итак, господа, насколько я понимаю, Ново-Георгиевск достанется врагу в целостности и сохранности. Для этого сделано все возможное. Гарнизон деморализован, управление войсками потеряно, батареи молчат – склады под караулами, снарядов на позициях нет. Не удивлюсь, если вскорости получим приказ о сдаче винтовок... Поэтому планы слегка корректируются. Мой отряд под командованием прапорщика Оладьина вместе со сводным батальоном штабс-капитана Федоренко сегодня уходит из крепости. Сам остаюсь здесь еще на сутки с небольшой командой добровольцев. Постараюсь взорвать все, что взрывается, затем буду догонять вас или самостоятельно двигаться к линии фронта. Единственная к вам просьба – до ухода показать, где находятся эти чертовы склады и как удобней к ним подобраться.

Бер и Стефанов переглядываются друг с другом, затем последний после небольшой заминки нарушает воцарившееся молчание:

– Денис Анатольевич, мы, конечно, можем показать то, что просите. Но, боюсь, одним вам не справиться. Нужны люди, знающие крепость. Поэтому мы с Николаем остаемся с вами. Считайте нас своими добровольцами. Он – сапер, я – артиллерист, так что лишними не будем.

Кивок Бера подтверждает вышесказанное.

– Я тоже хочу остаться. – Берг загорается идеей. – Хоть как-то можно будет германцу напоследок напакостить.

Игорь Александрович недоуменно смотрит на своего товарища, потом высказывается:

– Роман Викторович, не будь ребенком!.. Давайте тогда все здесь останемся и примем последний бой! И ляжем в землю!

В принципе, он прав, Берга надо мягко притормозить:

– Роман Викторович, вам нужно быть со своими пушкарями. Вы для

них – командир, а значит, как говорят англичане, – первый после Бога. Они могут не понять, если вы их сначала сагитировали пробиваться к своим, а потом бросили на произвол судьбы.

Берг, понимая правильность сказанного, молча, машет рукой и возвращается к окну и папиресе.

– Николай Павлович, подскажите, как проще и надежней все сделать.

– Ну, в каждый склад – несколько ящичков пироксилина, пара капсюлей-детонаторов для надежности и бикфорда метров шесть, чтобы было время унести ноги. Ничего сложного. Ночью затащить взрывчатку, а утром – бабахнуть!

– Да, только если шнур заметят, могут перерезать. Там же охрану выставят. – Стефанов мыслит правильно, но лучшего варианта у нас нет. Значит, придется рисковать. А охрану будем убирать в последний момент и, желательно, без шума.

– Хочу заметить, господа, что взрывать мы будем только после того, как будут выведены все пленные из крепости, и не раньше. Своих хоронить под обломками как-то не хочется. Да и перестрелять их могут германцы из мести. Поэтому предлагаю ночью заложить взрывчатку, дожждаться, когда в крепости будут только колбасники, и тогда подрывать. Остается решить: где взять пироксилин, как попасть в склады и незаметно распахать взрывчатку и где дожидаться нужного момента.

После вопроса о пироксилине все почему-то одновременно посмотрели на Синельникова, который от такого внимания покрылся нервным румянцем почти, как Наташа Ростова перед своим первым балом. Но, тем не менее, ответил четко:

– У меня есть возможность выдать около двадцати ящичков. Нужно только как-то их перевезти.

– За этим дело не станет. – Игорь Александрович отрывается от мрачного раздумья. – Полковой обоз все равно без дела простаивает. Сколько нужно двуколок? Пяти хватит?..

– Караулы на двух складах мы можем снять. – Дмитрий Любомирович поворачивается от окна, где он курил на пару с Бергом. – Там мои батарейцы стоят... Смешно! Поставили мышей сыр караулить!

– Димитр, там рядом еще пороховой склад и боеприпасы крупного калибра. Правда, в карауле – не наши. Но я не удивлюсь, если там часовых уже и след простыл. При таком-то шабаше.

– Спрятаться можно будет на складе. Денис Анатольевич, вы помните мою комнатуху? Если там немного переставить ящички, то входа совсем на будет видно... И еще, господа! – Матвей Матвеевич смущенно пытается

завладеть вниманием. – Я, конечно же, не специалист... Вот вы говорили, что подрыв с помощью бикфордова шнура ненадежен... Скажите, а вот бомбы с проводами могут подойти в качестве детонатора?

– Как вы сказали?! Бомбы с проводами?! У нас, что, есть мортирные мины капитана Романова? Откуда?.. Мне отец когда-то про них рассказывал! – Роман Викторович необычайно оживился, услышав фразу прапорщика.

– Судя по книгам учета, лежат на хранении с тысяча восемьсот девяносто первого года. Здесь, в крепости, проводились последние испытания, а потом, за невостребованностью, их так тут и оставили.

Теперь все смотрим на Берга, дожидаясь пояснений, которые тут же следуют:

– Лет двадцать пять тому назад один из офицеров, служивший в крепостной артиллерии, изобрел мину, которую можно было выстреливать из двухпудовой мортиры. Особенностью было то, что к ней крепился бронированный кабель длиной около полукилометра. Мину выстреливали, она тянула за собой провод, падала на землю, а потом в нужный момент подрывалась с помощью электрической подрывной машинки.

– Кстати, машинка есть у меня в хозяйстве. – Это уже Николай Павлович вступает в разговор. – Новейшая разработка, образца тринадцатого года!

– А не испортились эти мины за столько лет? – Меня, как дилетанта в данной области, начинают мучить смутные сомнения.

– Наверное, нет, Денис Анатольевич, мины и провода упакованы в вощеную бумагу и заколочены в ящики. Мы одну такую вскрывали – блесит, как новенькая.

– А ее мощности хватит, чтобы сдетонировало все остальное?

В ответ выслушиваю краткую лекцию Синельникова о чудо-бомбе. Мда, интересненько! Длина девайса – около семидесяти сантиметров, вес – восемьдесят килограммов, а двухпудовая мортира, оказывается, имеет калибр в двести сорок четыре миллиметра. Охренеть! Сколько интересных и очень нужных вещей, наверное, похоронено в архивах всяких там Военно-технических управлений и разного рода комиссий!

– Насколько я помню, мины снаряжались пироксилином, по двадцать четыре килограмма каждая. – Фраза Берга окончательно меня добивает.

– Хорошо, я согласен, что лучше взрывателя и не придумаешь. Но все-таки и первый способ для страховки нужно будет сделать. На всякий случай... Кстати, Матвей Матвеевич, откуда такая тяга к техническим знаниям, если не секрет? Покорнейше прошу извинить, но на купеческого

отпрыска, который печется только о своем благосостоянии, вы не очень похожи.

В ответ Синельников краснеет, смущается, но, пересилив себя, отвечает:

– Мой отец действительно купец первой гильдии, и он, правда, тяжело болен... Только нас, сыновей, у него – пятеро, я – самый младший. Еще когда в коммерческом училище учился, с батюшкой поспорил, хотел технику изучать, механику, физику. Он тогда слово свое купеческое дал, что буду я приказчиком у старших братьев и не более того... Когда война началась, я в школу прапорщиков пошел, потом вот в Ново-Георгиевск попал... Но мне действительно нужно вернуться! По другой причине, но о ней я говорить не буду!..

Ну-да, ну-да, и эту причину, скорее всего, зовут «шерше ля фам». Ладно, не мое это дело. А вот прапор – жук еще тот. Возьмите с собой, наследство пропадает! А я купился, простофиля!..

Глава 40

Еще минут десять ушло на обсуждение всевозможных деталей, потом Федоренко с Бергом пошли готовить людей к маршу, Сергей Дмитриевич помчался объявлять нашим двухчасовую готовность, а мы веселой компанией пошли на экскурсию по окрестностям, в смысле, посмотреть склады. Да, картина еще та. К небу поднимаются колеблющиеся в воздухе дымы пожаров. Во многих местах горят хранилища. Все запасы, завезенные в крепость и охраняемые бдительными, суровыми и неподкупными интендантами, теперь постепенно превращаются в золу, сажу, углекислый газ и двуокись углерода. Со стороны Вислы слышатся негромкие хлопки взрывов, и через несколько минут из-за стен в нескольких местах вверх поднимается дым. Черные качающиеся столбы копоти в сиреновом вечереющем небе, подсвеченные закатно-кровавым солнцем, смотрятся жутковато и как-то нереально. Человеческий разум отказывается воспринимать очевидное бедствие за реальность.

Синельников уверенно делает предположение, что подорвали и зажгли оставшиеся баржи с провиантом. А также рассказывает, иронично усмехаясь, что его начальство устроило самую настоящую драку из-за казенных денег, которые по инструкции обязаны сжечь. И ведь часть сожгли, правда, очень незначительную, преимущественно в мелких купюрах. Ага, умные, блин! Можно подумать, что гансы им это все оставят, сочтя личной собственностью. Честно заработанной на ниве двойной и тройной бухгалтерии.

По ту сторону реки вдруг раздается частая канонада.

– Южный сектор снаряды расстреливает, чтобы германцам не достались, – мрачно замечает Стефанов. – Когда боши наступали, с нас за каждый снаряд спрашивали, упрекали в растратничестве боеприпасов, а сейчас – раздолье. Стреляй, не хочу. Только вот уже ничего это не изменит.

Полюбовавшись пейзажем, оставил народ готовиться к мероприятию, а сам помчался в распоряжение...

Рота стоит, смотрит на своего командира и внимательно слушает.

– Через два часа мы уходим из крепости. Идем вместе с батальоном штабс-капитана Федоренко. Не исключено, что нас попытаются не выпустить. В этом случае разрешаю применять силу, но помните, что против вас будут такие же русские солдаты, исполняющие приказ. Желательно ограничиться синяками и поджопзатыльниками.

Далее, командование переходит к прапорщику Оладьину. Я пока остаюсь здесь. И мне нужны добровольцы... А ну, два шага назад шагом – марш! Что за самодеятельность? Я еще не договорил... Со мной пойдут три-четыре человека из Первого Состава и две пятерки, командиры которых вытянут жребий. «Куркули» с МГ-шниками в конкурсе не участвуют! Лучше подумайте, как будете свои трофеи тащить. Что положите на повозку, а что в своих ручках цепких и загребущих потащите.

Так, ветераны, чтобы не было обидно, пойдут поровну казаки и «артельщики». Семен, Гордей, два шага вперед!.. Михалыч, мне нужен Андрейка-Зингер со своей «швейной машинкой»... и кто-нибудь пошустрей и поизворотливей. Еще раз повторяю для особо сообразительных: готовимся к маршу. Командиры групп – ко мне, остальные – разойдись!..

Пока рота готовилась, появились Стефанов и Синельников с радостной новостью, что весь пироксилин, который нашли, благополучно развезли по назначенным местам, туда же последовали и по два фугаса с проводами для надежности. Прапорщик Бер сумел припахать часть своих саперов, и сейчас минирование идет полным ходом, помощь нужна только в вытягивании проводов через колпаки вентиляционных труб и прокладке их до укрытия. Вот и хорошо! Пока они там мудрят, надо успеть вывести свою роту и батальон Федоренко за пределы крепости, тем более, что гансы не торопятся заканчивать артподготовку, наоборот, огонь усиливается, и, что самое неприятное, в дело вступили крупнокалиберные батареи... Все, прибежал посыльный от дунайцев, пора выходить...

* * *

Уже почти стемнело, когда наша сборная колонна подтягивается к воротам крепости и штабс-капитан Волгин, возглавляющий передовое охранение, властно подает команду «Открывай!» наряду жандармов, контролирующих выход.

Только вот вместо ожидаемой суеты и скрипа раскрываемых створок раздается шум спора и, среди прочих слов, в том числе и не совсем цензурных, извергаемых выведенным из себя артиллеристом, прозвучало: «Не могу, вашскородь, хочь убейте – не велено выпускать». Зря он это пищит. Иван Георгиевич сейчас его прибьет, а все остальные подтвердят, что все было по обоюдному согласию. Оперативно подтягиваюсь к месту баталии, ибо хорошо знаю о тех теплых чувствах, которые питают офицеры

Русской императорской армии к жандармским чинам, тем более что здесь «качает права» всего лишь унтер. Увидев меня, последний обрадовался, что смог сохранить своё лицо в прямом и переносном значении. Штабс-капитан уже натянул перчатки, и можно было ожидать хрестоматийной фразы «Будешь замечать офицера, скотина!», сопровождающейся определенным действием.

– Ваше благородие, дозволейте обратиться, унтер-офицер крепостной жандармской команды Оглоблин. – И после разрешающего кивка, продолжает: – Не вы ли будете подпоручиком Гуровым? Вас к себе просят сам начальник команды штабс-ротмистр Мазепенко.

– Увы, любезный, не имею времени визиты делать. На войне и на пожаре каждая минута на вес золота. Открывай ворота!

– Так, вашбродь, далеко ходить без надобности. Штабс-ротмистр, они туточки – в караулке, уже с час вас ожидают.

А это уже интересно, «сам начальник команды» меня ждет. Вероятно, жандармы уже получили приказ от Бобыря: «имать и не пущать». Чуть повернув голову, насчитываю человек двадцать в жандармских мундирах, почти вся команда собралась. Из оружия – только револьверы. Против моих, даже не считая присоединившихся дунайцев, абсолютно не пляшут. Стоит только свистнуть, и через минуту здесь будут лежать жандармские тушки, останавливает только одно – это свои, русские, и они выполняют приказ.

Возвращаясь к колонне, надо предпринять кое-какие меры безопасности.

– Господа офицеры, строй не распускать! – И, чуть тише, даю некоторые дополнительные указания Оладыну и Михалычу. В результате которых, естественно и совершенно случайно, в сторону жандармов направила мадсены пара пулеметных расчетов, изготовившихся «повермахтовски», а несколько казаков незаметно направились «до ветру» в сторону караулки.

– Добро, Оглоблин, води меня к своему начальнику...

Зайдя в небольшую комнатку, чуть было легкие не выплюнул. Так же и задохнуться можно! После вечернего, прохладного воздуха меня встречает сизая пелена табачного дыма. За столом, освещенным огнем керосиновой лампы, положив подбородок на руки и ухитряясь при этом еще и курить, сидит весьма упитанный, с вислыми усами а-ля Мазепа, жандармский офицер. Увидев меня, сует папиросу в пепельницу, изображает вставание со стула и произносит:

– Если не ошибаюсь, подпоручик Гуров Денис Анатольевич?

– Да, подпоручик Гуров, командир Особого партизанского отряда. С кем имею?..

Небрежным движением руки штабс-ротмистр отпускает своего унтера, мнущегося в дверях. Тот захлопывает за собой дверь, причем так быстро, что по комнате проносится легкий ветерок, вихрящий облака никотина и смахивающий со стола пару листов исписанной бумаги. Жандарм моментально их ловит и кладет на место. А пухлячок, не такой уже и тьюфак, каким выглядит на первый взгляд.

– Присаживайтесь, господин подпоручик, в ногах правды нет, а я обязан задать вам несколько вопросов. Долг службы, сами понимаете. Позвольте-с полюбопытствовать, а куда это вы собрались на ночь глядя, с солдатиками, да при оружии, да еще и с вещмешками? Ведь есть же приказ коменданта крепости, категорически запрещающий покидать фортецию.

– Благодарю за любезность, господин штабс-ротмистр, но спешу. А что касается приказа генерала Бобыря, у меня есть свой командир, и его приказ немедленно следовать на соединение с главными силами.

– А какого командира вы имеете в виду – полкового или дивизионного? – Вопрос задаётся с нагловатой ленцой.

Мелко плаваешь, умник. Молча вынимаю заветную бумагу и, не передавая из рук в руки, демонстрирую ее содержание и снова прячу в карман.

Штабс несколько растерялся, но быстро пришел в себя. Скорее всего, крепостное начальство не соизволило предупредить его о наличии у некоего Гурова подобной «карманной бомбы» и теперь вместо задержания какого-то заурядного армейского подпоручика, предстоит тебе, дорогуша, конфликтовать с офицером по особым поручениям самого генерала от инфантерии Алексева. Через несколько секунд на мордочке появляется выражение, свидетельствующее о принятии какого-то решения. И его выполнение мне, скорее всего, не понравится.

– Видите ли, господин подпоручик, здесь есть одно, я бы сказал, пикантное обстоятельство. Я не думаю, что его высокопревосходительство, генерал от инфантерии, – произнося эти титулы, Мазепенко аж невольно привстает, – выдавая вам эту бумагу мог предвидеть, что вы откроете боевые действия против, так сказать, своих.

– Я не понял вас, господин штабс-ротмистр, вы пытаетесь меня оскорбить?

– Что вы, упаси бог! Но есть одно печальное обстоятельство: вы лично застрелили одного солдата из гарнизона крепости, а ваши казачки, выполняя опять-таки вашу команду, избили нагайками еще нескольких.

Согласитесь, подпоручик, что это нарушение не только уставов, но и законов Российской империи, и я, как слуга закона, просто вынужден настоятельно рекомендовать вам задержаться. Поверьте, это ненадолго – денёк, другой, а там двинетесь далее.

– Простите, штабс-ротмистр, но вынужден повторить: я спешу! Если вы имеете в виду расстрел на месте агитатора, который подстрекал солдат к бунту и измене государю-императору, то это – мой долг, как и любого офицера Российской императорской армии, и ваша, как жандарма, недоработка. Можете составить любой рапорт и отправить его по любому адресу, но ухожу я именно сегодня и сейчас!!!

Мазепенко печально вздыхает и произносит скорбным голосом:

– Ну, что же вольному – воля. Я попрошу вас подписать бумагу об отказе от участия в расследовании, и, будьте любезны, исключительно для формальности, предъявить офицерскую книжку.

Наши руки двигаются одновременно. Моя – к карману, а его – в ящик стола, но вместо листа бумаги в ней появляется пистолет. Причем нацеленный в меня. М-да, ловко!..

– А теперь, господин офицер по особым поручениям, руки вверх!

Ага, хочешь, чтобы все было по-взрослому? Добро, поиграем!.. Медленно поднимаю руки так, чтобы кисти были на уровне плеч, локти почти прижаты к ребрам, ноги – чуть пошире и слегка согнуть в коленях. Еще бы изобразить дрожь в голосе, но актер из меня всегда был хреновый:

– Вы хотите меня арестовать, господин штаб-ротмистр? Потом не пожалеете? Не будете плакаться, что вас не предупреждали?

– Не волнуйтесь, Денис Анатольевич, не пожалею. А плакать, если и буду, то на вашей могилке, точнее, там где вас закопают после того, как все расскажете... Но довольно болтать! – Мазепенко поднимается, обходит стол, не меняя прицела, и останавливается в двух шагах от меня. – Сейчас вы осторожно достанете свой наган и рукоятку вперед положите на стол. И без глупостей!

Далековато до него. Попробуем подманить поближе. Черт, а страшновато, не на тренировке все-таки!..

– Вот уж увольте, господин жандарм! Я руку вниз, а вы стрельнете? Не хочу давать повода. Вам надо, вы и доставайте.

Так, еще шаг вперед, ствол пистолета утыкается мне в грудь, левая рука штабса тянется к моей кобуре...

– Что ж вы пистолетик-то с предохранителя не сняли?

Девяносто девять человек из ста в таком случае захотят проверить, так ли это. Штабс исключением не является и опускает глаза... Понеслась!

Поворот корпуса по часовой стрелке, ребром левой ладони – по костяшкам руки с пистолетом, одновременно правой – чуть пониже кисти с другой стороны. Браунинг улетает в сторону, несильный толчок пальцами правой в горло, чтобы не орал, и левой боковым – в печень... Всё, готов фраер! Лежит себе бесформенной кучкой на полу и вспоминает, как нужно дышать. Быстренько снимаем с него новенькую кожаную «сбрую», ремнем стягиваем локти за спиной и застегиваем пряжку. Ничего, что грудь колесом, зато сколиоз не страшен. Шлейками портупей связываем ноги и притягиваем сзади к ремню. Замечательно! Так, где там у него брючный ремешок?... Да не ерзай ты так, не буду я тебя насиловать, и не надейся, прати-ивный!

– Ты за это поплатишься, щенок! Все равно не уйдешь! Я дал команду вас не выпускать и только я могу ее отменить! – хрипит оживший жандарм.

О, звук появился. Совсем хорошо! И спасибо за предупреждение!.. На секундочку отрываюсь от собеседника, приоткрываю дверь и высвистываю «Тревогу». Снаружи слышится короткий шум, какие-то крики, потом все стихает. А мы возвращаемся к нашим баранам, точнее – одному кабанчику в мундирчике. Что там у нас на столе за бумажки лежат? А, ничего важного и интересного. Превращаем пару листиков в бумажный шарик. Ну, открой ротик, скажи «А-а!». Не хочешь? А вот так? Ну вот, видишь, если нос зажать, то кислорода рано или поздно не хватит. Вставляем кляп в отведенное для этого отверстие, снаружи закрепляем брючным ремешком, который тоже затягиваем сзади на поясном ремне рядом с портупеей. Вот теперь «держиморда» связан так, что и пошевелиться проблематично. Любое движение руками или ногами отдается в растянутых шейных позвонках. Чего ты там мычишь? Поцеловать на прощание? А сапогом по копчику? Долше помнить будешь!.. Ну-с, нам пора! Машу ручкой ротмистру, который в ответ только глазками сверкает, и выхожу на свежий воздух.

А там – вечерняя идиллия. Вся жандармская команда стоит под прицелом одной из «пятерок» у стены с поднятыми руками, и, что характерно, без оружия. Кучка револьверов валяется на мостовой, пара бойцов увлеченно достают из барабанов патроны. Остальной народ мается ожиданием, типа, ну когда же пойдем. А вот подождете еще немного. Дежуривший на въезде унтер, опасливо косясь на сопровождающих его бойцов, проворачивает в замочной скважине огромный ключ, массивная створка еле приоткрывается усилиями нескольких человек, и наружу выскальзывает пятерка разведчиков, тут же растворяясь в сумерках. Через несколько минут они возвращаются с известием, что гансов не видно и

вообще, вокруг пусто.

Ну, что ж, все уже обговорено и решено, пора действовать. Всех жандармов мои бойцы загоняют в какую-то подсобку-склад и запирают на замок, ключ от которого нашелся на одной связке с воротным. Десять минут, и все уже вне крепости. Те, кто не захотел оставаться в мышеловке на почти сто тысяч голов. Жму на прощанье руку Оладыну, затем Федоренко и Бергу, бойцы, остающиеся со мной, закрывают за ними ворота, скрежещет закрывающийся замок... Теперь в группе только четырнадцать человек. Хотя нет, Бер, Стефанов и Синельников тоже на моей совести. И они сейчас работают, а не занимаются глупыми рефлексиями. Так что вперед, подпоручик Гуров, вас ждут великие дела!..

Глава 41

Ключи забираем с собой, они нам еще могут пригодиться, и в сгущающейся темноте аккуратно двигаемся к своим. Где-то недалеко вразнобой начинают стучать винтовочные выстрелы. Это что, гансы уже в крепости? Не похоже, их артиллерия еще работает. Ладно, не столь это важно, скоро будем на месте. Если бы не редкие тусклые огни в окнах казарм, можно было бы подумать, что крепость вымерла. Только один раз увидели и благополучно пропустили мимо себя ополченцев, тащивших какой-то мешок и ящик, в котором что-то булькало и стеклянно позвякивало. Да уж, правду говорят, русский мужик всегда найдет, где и что выпить. Особенно на халяву.

Еще несколько минут осторожной ходьбы, глядя во все стороны, и вот они, склады. На подходе нас встречает условный свист. Молодцы, охранение уже выставили. Один из бойцов «чирикает» в ответ, и я снова на складе, где менял люгер на пироксилин. Теперь он выглядит пустым и заброшенным, но у входа нас встречает Матвей Синельников и, подсвечивая электрическим фонариком, проводит в свои «апартаменты».

В комнатухе оборудован временный «штаб». Стол с керосиновой лампой, за которым сидит Стефанов, пара стульев и несколько деревянных ящиков. Стоп!.. Лампа!.. Открытый огонь!.. На складе, где хранится взрывчатка!.. Нет, я, конечно, знаю, что командир крейсера имеет право курить в пороховом погребе, но все-таки можно было бы придумать что-то более безопасное!

Поняв все по моей мимике, Стефанов, улыбаясь, объясняет:

– Не беспокойтесь, Денис Анатольевич! Стараниями Матвея Матвеевича здесь не осталось ничего опасного. Все, что может взорваться, перетащили в другой каземат и заперли. Здесь только какое-то интендантское имущество и пустые ящики, из которых, кстати, ваши солдаты оборудовали лежанки.

– Тут обозная упряжь, кавалерийские седла, хотя зачем они в крепости в таком количестве, я понять до сих пор не могу, обмундирование старого образца, которое, впрочем, не постеснялись выдавать ополченцам при формировании полков, сапоги и другая подобная рухлядь. – Синельников саркастически усмехается. – Если бы не война, можно было бы озолотиться. Не обращайтесь внимания, господа, это во мне купеческая кровь говорит. Правда, и сейчас многие из интендантов этим занимаются. И

довольно успешно.

– А вы что же?

– А мне, Денис Анатольевич, интересней с техникой возиться. Тут на складах и в архивах столько интересного найти можно было! Ну, про мины Романова вы уже знаете, а как насчет вот такого проекта? Тут недавно один кишиневский обыватель представил проект прокладки трубопроводов между фортами, где бы находилась горючая жидкость. И в случае атаки неприятеля открывать клапаны, чтобы навстречу врагу вырывались потоки и фонтаны горячей нефти. Назвал свое изобретение «Вулканическим пульверизатором».

Наш разговор был прерван появлением Николая Бера.

– Ну, что ж, господа, все три склада к подрыву готовы. Провода только вот-вот закончили тянуть.

– А германцы их не перережут? – Хочется вникнуть во все детали.

– Вряд ли. Кабели похожи на телефонные. Зная немецкую аккуратность, не думаю, что их будут трогать. Тем более, мы старались прокладывать, где возможно, по канавам.

Ну да, ландвер выставит караулы, а там, позже, приедут интенданты и начнут сводить дебет с кредитом. Да и лежать проводам не дольше одного дня.

– Да, Димитр, твоя команда закончила с замками. – Бер тем временем, закулив папиросу, продолжает. – Сняли все, что смогли, сложили в ящики и поставили вперемежку со снарядами.

– И сколько всего?

– Твоя батарея, две соседние, и в арсенале поснимали даже со старых орудий... Ф-фу, черт возьми, теперь можно и передохнуть.

Подъезд к складам держит пулеметный расчет, стрелки разместились наверху, на крыше, переходящей в земляной вал, с которого просматривается чуть ли не вся восточная часть крепости.

– Кстати, Семен, не знаешь, что за стрельба была недавно? На штурм не похоже вроде бы.

Сибиряк мрачнеет:

– Это солдатня обозная лошадей стреляла, чтобы, значитца, герману не достались. Мы с Гордеем в оптику всё разглядели, пока совсем не стемнело.

Твою ж!.. Суки!.. Себя, любимых, твари, пожалели, лапки кверху, и в плен шагом марш!.. А лошадок-то за что?.. Уроды!.. Себе бы лучше пулю в лоб пустили!..

Обойдя все посты, возвращаемся обратно. «Пятерки» будут меняться,

как обычно, через два часа. Обвешиваюсь по-боевому. Наган в кавалерийской кобуре – слева, люгер вешаю на ремень справа, проверяю патроны. Снимаю «Аннушку», делаю из портупеи вариант ношения за спиной, нож – в голенище. Внимательно смотрящим за всеми этими действиями офицерам советую:

– Предлагаю приготовиться ко всем непредвиденным обстоятельствам и лечь спать. Завтра будет трудный день, отдохните, пока есть возможность.

Укладываюсь на составленные вместе ящики, накрытые найденными шинелями. Жестко, но уже привычно. Вещмешок под голову, шашку рядом с собой. Все, спать! Где там мой любимый сон про рыженькую кошечку и черного кота?..

* * *

Ночь прошла спокойно, если не считать визита нескольких придурков из ополчения, мающихся недопивом, бессонницей и размышлениями, где бы еще что-нибудь спереть. Поковырявшись в замке какой-то железкой, скорее всего, куском проволоки, и не добившись успеха, они ретировались, предварительно обложив саму дверь, тех, кто ее делал, и тех, кто ее закрыл, ядреным матерком, и пошли искать дальше приключений на свои зудящие места. Охранение они не заметили, что и немудрено было в темноте.

Утром просыпаюсь от легкого торможения. Открываю глаза и вижу зевающего во весь рот Гордея, который показывает мне часы. Шесть утра, уже светает. Пора вылезти и осмотреться, что же там снаружи творится. По очереди бужу всех остальных. Димитр просыпается сразу, Бера и Синельникова приходится немного потрясти. Умываюсь водой из припасенного бочонка, окончательно прихожу в себя. Вот теперь пора и на прогулку. На всякий случай тихонько и аккуратно открываем дверь склада. Хотя, если бы что-то было не так, охранение дало бы знать. Беру с собой неразлучных сибиряков и Бера, который хорошо знает крепость.

Канонада стихла еще ночью, но гансов пока не видно. Впрочем, как и наших. Хотя – нет, через метров триста понимаю, что ошибся. За казармой слышатся неторопливые шаркающие шаги. Через несколько секунд из-за угла появляется вдрызг пьяный, еле держащийся на ногах поручик в расстегнутом кителе. В качестве оружия в руках – наполовину опорожненная бутылка водки. И судя по доносящемуся от «героя» запаху, отнюдь не первая. Увидев нас, жертва алкоголя притормаживает, мотает головой, пытаюсь отогнать от своего затуманенного сознания видение

прапорщика в сопровождении трех лохматых фигур. Но, поскольку это ему не удастся, пытается вступить с нами в контакт:

– Господа, вы не... ик... германцы?.. Нет, вы на них не... ик... похожи. Тогда, значит, вы... ик... наши... Ужасные новости... И-ик... Крепость сдалась. Тев... ик... тоны входят через северные ворота... Всем при... ик... казано построиться на площади у Георгиевского... ик... храма... А я... ик... не желаю!..

– Это правда? – вежливо уточняет Николай Павлович. – Вы точно знаете?

– Увот вам... ик... стинный крест, господа! – Поручик торжественно крестится зажатой в правой руке бутылкой. После чего секунд десять смотрит на нее, что-то соображая, затем перекладывает посудину в левую руку и повторяет крестное знамение. Приказ... ик... коменданта объявлен во всех под... ик... подразделениях... А я не хочу!.. Не... ик... хочу строем идти в плен!..

На этом силы его оставляют, и поручик, усаживаясь поудобнее возле стены, делает еще пару глотков, после чего, пробормотав что-то типа «Прости... Прости, Наташенька... Прости и прощай...», впадает в амнезию. Бер хочет его растормошить, но я его удерживаю:

– Не стоит, Николай Павлович, он сам выбрал, в каком виде сдаваться. Пойдемте...

Добравшись по пустующим казематам до верха стены, наблюдаем за строящимися на плацу батальонами и решаем возвращаться обратно. В конце концов, мы не нанимались зрителями на спектакль «Очередной позор Российской императорской армии».

Собрав нехитрые пожитки, с соблюдением всех мер предосторожности перебираемся в казарму, выбранную Николаем Павловичем в качестве КП, куда он еще вчера протянул провода от фугасов. Сидим тихонько, как мыши в норке, завтракаем «сэндвичами» из тушенки с хлебом, запивая этот деликатес водой. Курить хочется ужасно, но всем запрещено строго-настрого. Еще не хватало, чтобы гансы нас унюхали, когда пойдут по казармам...

Солнце уже поднялось, на часах – половина одиннадцатого. Вдалеке появляется небольшая группа немцев, по-хозяйски обходящих свое новоприобретение. Заходят в одну казарму, минут через десять вламываются в другую, выталкивают наружу несколько человек в русской форме и с веселым гоголом пинками гонят их, как я понимаю, к месту сбора пленных. До нас пока не добрались, что, собственно, и немудрено. Здешние постройки больше напоминают катакомбы – идешь и идешь без

конца из казармы в казарму, из каземата в каземат. Как в нашей Воркутинской части, где можно было обойти все службы и подразделения, не выходя на воздух. Вот и здесь – примерно то же самое.

Прапорщик Бер уже давно приготовился действовать. Концы кабелей закреплены гвоздиками на столе, рядом стоит подрывная машинка – небольшой деревянный ящичек с ручкой, как у кофемолки, с большой черной кнопкой и винтовыми зажимами для проводов. Две мои «пятерки» перекрыли в казарме подходы к нам справа и слева, устроились на лестнице этажом ниже. Ожидание давит на нервы. Правильно говорят: неизвестность хуже опасности. Видно, что все взбудоражены, но стараются не показывать этого. Мне тоже надоедает сидеть и смотреть в окно или тупо мерить шагами коридор. Подзываю Зингера и Егорку, которого, как самого шустрого, вторым номером откомандировал Михалыч. На этот раз им придется поменяться ролями.

– Так, казаки, есть работа. Егорка, оставляешь все лишнее – шашку, карабин, мешок, берешь в дополнение к нагану мой люгер... – Снимаю с пояса кобуру и отдаю мелкому. – Не забудь нож. Твоя задача: по всем этим лестницам-коридорам пробраться на стену, посмотреть, что творится на площади, на складах. В общем, осмотреться по кругу. Андрей, страхуешь его. Если встретите по пути гансов, не рискуйте, не лезьте на рожон. Переждите или возвращайтесь. Оба должны вернуться, вы нужны здесь. Понятно?.. Тогда – вперед!..

Отдаю им свой бинокль, и парочка бесшумно исчезает в темном коридоре. Спустя какое-то время после их ухода немного в стороне слышен отдаленный шум. Прибежавший дозорный докладывает, что немчура начала выводить пленных через ворота. Иду на пост, смотрю сам. Да, по дальнему краю плаца-площади тянется колонна людей в русской форме, конвоируемая фигурами в фельдграу. Значит, началось. Осталось дожждаться, пока они выпихнут из крепости почти сотысячную толпу, и можно будет работать.

Снова поблизости появляются гансы, шарятся по казармам, но выше второго этажа не поднимаются. И двигаются потихоньку, гады, к нашему логову. Если придут раньше времени, придется их гасить, но тихо. Выстрелы поднимут тревогу. Какой-нибудь исполнительный унтер отправит свой взвод посмотреть, кто там шумит, – и все. Операция сорвана. Остается надеяться на лучшее...

Вскоре возвращается разведка. Егорка докладывает, пытаясь скрыть свое возбуждение (ну, как же, первый самостоятельный выход, считает себя «взрослым»):

– Вашбродь, с площади гансы начали отправлять пленных, ну, да это и отсюда видно. Возле складов выставлены караулы, по два человека на ворота, но больше для виду. Часовые просто стоят рядом, курят и болтают.

– Этот мелкий, как ящерка, всю стенку переползал, – улыбаясь во все свои тридцать два зуба, добавляет Зингер. – Нашел какой-то махонький домик, скорее всего голубятню, но стены из кирпича. Оттудова обзор во все стороны, токмо клетки вокруг пустые да птицы нагадили – страсть! По дороге еле оттерлись. Но для наблюдательного пункта – самое то будет.

Виновник торжества также показывает, что дантистам еще долгое время придется обходиться без него... Так, а вот это – хорошая идея!.. Давно пора парня поощрить, заслужил! И неплохой способ приободрить остальных!.. Значит, ящерка – ящер – дракон – ... Драг! Отлично!

– Молодцы, братцы!.. Да, Егорка, отныне твой позывной – Драг!

Оп-па, а парень – в ступоре. Только секунд через десять выдает в ответ:

– А Драг – это што?

– Не что, а кто. Это – сокращение от слова «дракон». Ну, ящер, ящерка... Не хочешь?.. Тогда Змей Горыныч, сокращенно – Гор... И поздравляю со вступлением в Первый Состав!

Хлопаю его по плечу, потом еще раз с другой стороны прилетает от Зингера.

Егорка, слегка придя в себя, смотрит очумелыми глазами и охрипло выдает:

– Пуцай уж лучше будет Гор. Спасибо... Командир!

Зингер утаскивает нового «брата» прочь, сейчас новость узнают все. И хоть немного приободрятся, перестанут втихую кошмарить. И только сейчас понимаю, что господа офицеры внимательно следили за разговором и у них есть ко мне вопросы. Первым начинает Николай Бер:

– Денис Анатольевич, а с чем вы сейчас казака поздравляли? С тем, что кличку ему новую придумали?.. Или я что-то не понимаю?

– Ну, во-первых, Николай Павлович, это – не кличка, а позывной. Псевдоним, так сказать. Иной раз нужно тихо и коротко позвать человека – вот как раз на этот случай. А еще, когда я начинал собирать свой отряд, у меня было только пятеро казаков-добровольцев. Кстати, Андрей-Зингер – один из них. Потом из сотни еще казаки пришли, другие люди появились, стало нас около двадцати человек. Вот я их и называю – Первый Состав. Те из них, кто проявил себя в боях, получают позывной и, как знак особого расположения, – разрешение обращаться ко мне «командир» и на «ты».

– А не боитесь, что подобные разгильдяйство и фамильярность вам

боком выйдут? – не унимается прапор. – Нижний чин к офицеру – на «ты»! Возмутительно!

– Николенька, подожди. Ты видел, какая дисциплина в отряде? Где ты там нашел разгильдяйство? – вступает в разговор Стефанов. И обращается уже ко мне: – Думаю, вы уже поняли, что я – не русский, а болгарин.

Дождавшись утвердительного кивка, продолжает:

– Я в отрочестве одно время интересовался былинами про богатырей. В том числе и рассказами про киевского князя Святослава. Он ведь у нас, в Болгарии, воевал с византийцами, даже хотел новую столицу своего княжества сделать в Доростоле. Вот мне пришло на ум сравнение. Ваш отряд напоминает княжескую дружину. Вы – князь, ваш Первый Состав – бояре-ближники, старшая дружина, остальной отряд – витязи... Вы понимаете, о чем я?

Ну, нифига себе!.. Вот уж сравнил, так сравнил!.. Где Святослав Игоревич, а где – я? Не надо тут мне самооценку поднимать и манию величия взращивать! И без того хреново!

– Да, Дмитрий Любомирович, я тоже интересовался историей тех времен. Но сравнивать меня с князем? Увольте! Я – не князь и в правители не лезу. Мне себя самого иной раз многовато бывает (Ага, два Дениса в одном флаконе), а уж на князя равняться? Его же с малых лет учили... Насчет сравнения отряда и дружины – скорее всего, вы правы, но с натяжкой. То, что Первый Состав – старшие дружинники, это – да. И спрос с них особый, больше, чем с других. И все они знают, что в случае их личной вины в чем-то, вылетят они в две секунды обратно. Да еще в них пальцами тыкать будут, мол, опростоволосился, Емеля.

– А как вы думаете, Денис Анатольевич, смог бы Святослав создать свою империю, если бы его печенег не убили?.. В Болгарии многие историки считают, что это византийцы натравили степняков на князя.

Ну, блин, вы и вопросыки подкидываете, да еще в самое неподходящее время. Хотя, все понимаю, – ожидание, нервы, хочется переключиться на что-то другое. Я, конечно, читал многое из того, что издавалось, но ведь тогда же появились и такие «гении», как Кандыба, Фоменко, Носовский. Уж не знаю, что они курили перед тем, как сесть писать... Ладно, к делу не относится!

– Возможно, Дмитрий Любомирович, но я встречал и другую версию. Святослав мешал не только Византии, но и, как ни странно, собственной матери, княгине Ольге с ее боярами-тиунами. Князь был отличным воином, хорошим военачальником и никудышным правителем. Он ведь только завоевывал новые земли, а об их обустройстве, соединении в одно

государство думала княгиня. А когда поняла, что не сможет переубедить сына, а время и бояре поджимали, устроила руками печенегов побоище на Днепровских порогах. А если вспомнить еще и то, что Ольга была христианкой, а Святослав – язычником, и этих самых христиан он приносил в жертву Перуну, – вот вам и еще одна причина. А после посадила на Киевский стол Владимира, сына от рабы-ключницы Малуши, бывшей ранее древлянской княжной. И сделала это для того, чтобы теснее привязать древлянские земли к Киеву.

– Интересная версия. А где они жили, эти древляне?

– Юго-восточней, между Припятью и Днепром...

Глава 42

Болтаем еще минут десять на посторонние исторические темы, нервозность потихоньку исчезает. Вот и хорошо! А сейчас надо дальше делами заниматься. Вежливо прерываю разговор, зову своих казаков-опричников и иду посмотреть ту самую голубятню.

По пустым гулким коридорам доходим почти до места. Пару раз вижу из окна проходящие мимо колонны немцев, горланящих на своем языке что-то бравурно-веселое. Редкие часовые у арсенала и хранилищ также обошли нас своим вниманием. Собравшись в кружки по интересам, беспечно стоят и дымят никотином. Перед тем, как проскочить единственное открытое место, долго и безрезультатно выглядываем супостатов, отсутствие которых, скорее, радует, чем наоборот.

Голубятня действительно представляла собой крохотный, метра три на три, домик, незаметно встроенный в стену цитадели, но, тем не менее, сделанный из кирпича. Внутри, как и говорилось – пустые клетки, прелая солома на полу вперемежку с птичьим пометом. Запашок – еще тот. Как в анекдоте: «Что, воняет? Нет, глаза режет!» Ну да нам здесь не жить. Осторожно, стараясь не скрипнуть, казаки открывают маленькие окошки, служившие, по-видимому, для запуска птичек. Становится светлее и легче дышать. Стараясь не выпачкаться, поочередно осматриваю местность через окна. Вон склады, которые скоро будут учиться летать вместе с часовыми, их охраняющими, точнее, делающими вид, что несут караульную службу. Стоят, ржут над чем-то своим, германским. Из другого окошка видны Полтавские въездные ворота в крепость. Третье показывает пустой плац, на котором шевелятся только какие-то бумажки и дым вдалеке. Насколько я понимаю, большинство находящихся в крепости немцев было занято тушением складов и подсчетом «счастья», которое им привалило благодаря головотяпству и тупости нашего генералитета.

Вообще, у меня все больше и больше крепнет ощущение, что сдача Ново-Георгиевска была заблаговременно запланирована свыше. Сначала не поддающаяся никакой логике шпионофобия с ярко выраженным еврейским акцентом и последовавшая затем бестолковая депортация «народа Израилева» в глубь страны, благодаря которой единственная железная дорога была забита вагонами с беженцами и стало невозможным что-либо ценное вывезти из крепости. Зато у главоверха появилась отличная причина эвакуировать из Варшавы различные художественные ценности,

абсолютно ненужные во время войны. Интересно, где они теперь, эти статуи и картины, чей изысканный вкус они сейчас ублажают своим изяществом и красотой?..

Затем из крепости выводят боеспособный, освоившийся на местности гарнизон и заменяют его бестолковыми сорокалетними ратниками ополчения, которые ничего не знают, не умеют, да и не хотят ни знать, ни уметь. Берг рассказывал историю, услышанную от знакомого офицера. Старший сторожевого охранения докладывает при смене: «Подъезжал германский разъезд, так мы его не пустили, так как они пропуска не знают». Было бы смешно, если бы не было так грустно и печально.

И после всего этого, как апупеоз, комендант крепости играет с немцами в поддавки, сдавая сначала внешнюю линию фортов, затем внутреннюю и потом саму крепость, несмотря на еще существующую возможность обороняться. Германские пушки вели, скорее, беспокоящий огонь, нежели участвовали в штурме. И вот результат...

– Командир, там гансы оставляют только часовых у арсеналов, а сами уходят обратно. – Отвлекает от размышлений Андрей, сидевший наблюдателем. – И за стенами, кажись, музыка какая-то играет.

Да, действительно, если прислушаться, издали доносятся звуки духового оркестра. Надо это посмотреть. Здесь все равно делать нечего. «Наши» склады не тронуты, стало быть, минирование не обнаружено. Пойдем, посмотрим, что за дискотеку там гансы устраивают. Идти, правда, придется сначала обратно, потом – по внешней крепостной стене, по всем этим зигзагообразным бастионам. Это ж километров пять будет. Ну, да для бешеной собаки пол-леса – не крюк.

По пути, обменявшись «чириками» со своими постами, заглядываем на импровизированный КП, где скучают Бер, Стефанов и Синельников, которые сразу набрасываются на нас с вопросами:

– Ну, что там?

– Германцев много?

– Когда уже взрывать будем?

– Подождите, господа, не все сразу. Там – то же, что и у вас из окна видно. В крепости остались только посты у складов, остальные оттянулись за стену, там у них какое-то веселье с музыкой. Взрывать пока рано. Пусть немчуры побольше набьется внутрь, да и в сумерках уходить сподручнее. Так что еще пару часиков придется подождать. Мы сейчас пробежимся по внешней стене, посмотрим, что и как, и вернемся...

Наш разговор прерывает появление одного из бойцов, стоящих в охранении. С добычей на руках. Причем добыча одета в форму сестры

милосердия и в данный момент находится в обмороке. Это что за картина маслом? Боец поясняет, что почти сразу после того, как мы прошли, услышал какие-то шорохи в коридоре, затаился. Мимо него и прокралась данная персона. А когда он сзади тронул ее за рукав и хотел спросить, что она здесь делает, мамзель, тихонько пискнув, почему-то потеряла сознание и повалилась на пол. Ага, ты бы, друг любезный, спросил бы еще, как пройти в библиотеку. Умник...

Господа офицеры тем временем оборудуют на ближайших нарах подобие постели и общими усилиями медсестричку укладывают горизонтально. Начинается околонучный диспут на тему «Как привести в чувство барышню, находящуюся в обмороке». Ну, это вы уже сами, господа, соображайте, меньше дурных мыслей в голове будет. А мы пошли дальше. Смотреть и наблюдать.

Когда добираемся до Полтавских ворот, видим интересную картину. Где-то в полукилометре от стены на поле выстроилась куча немцев, судя по размеру и количеству колонн, – около трех дивизий. А еще дальше, на невысоком холме, стоит какое-то начальство со знаменами, адъютантами и остальными присущими ему атрибутами. Наверное, немецкий генерал, командовавший осадой, решил организовать блиц-парад по поводу грандиозной победы и маленько потешить свою манию величия, высокомерная германская... самка плешивой бродячей собаки! Так, где мой телескоп, в смысле, бинокль? Смотрим... Еще смотрим... Потом слегка охреневаем и еще раз смотрим!..

На холме, в окружении кучи краснолампасных генералов и прочей сверкающей погонами и амуницией сволочи, в сером плаще-пелерине стоит человек, доселе известный мне только по фотографиям... Фамилия – Гогенцоллерн. Имя – Вильгельм. Последняя занимаемая должность – император всея Германии...

Пытаясь избавиться от наваждения, тру глаза и трясусь, как лошадь, головой, – мало ли, может быть, мне прилетевший недавно по голове булыжник такие глюки подкидывает. Закрыв глаза, считаю про себя до десяти, потом снова прикипаю к биноклю.

Нет, вроде все правильно, их императорское величество кайзер Вильгельм II со своими знаменитыми усами! Вручает что-то, скорее всего – Железные кресты, подходящим к нему по очереди гансам и пожимает каждому руку. За ним, насколько я понимаю, топчется толстая тушка Гинденбурга и рядом с ним, наверное, его лучшая половина – генерал Людендорф...

Во весь гигантский рост встает извечный русский вопрос: «Что

делать?» Звать сюда снайперов?.. Пока казаки сбегают туда, потом вернуться вместе с сибиряками, пройдет достаточно времени. Да и расстояние до цели большое, около семисот метров... Да и кто должен быть целью?.. Вильгельм?.. Ну, нифига ж себе!!!.. Завалить кайзера?!.. Это вам не в форточку плевать и воробьям дули показывать!.. Думай, Денис, думай!.. Смотри и думай!.. Если грохнуть германского императора, августейшую особу, такое будет!.. А что, собственно, будет?.. Конец войне? Или весь второй рейх во главе с новоиспеченным наследником восплает жаждой мести и объявит новый крестовый поход, тотальную войну на уничтожение?.. Скорее – да, чем нет... А сколько уже наших пленных в Германии?.. Только в Ново-Георгиевске сдалось около ста тысяч человек. Их же первых пустят под нож!.. Или это будет необходимая жертва для победы России?.. Стоп!.. Как там говорится?.. Короля играет свита?.. А если... Если отстреляться по его генералитету?! Кто там у Вилли № 2 за спиной торчит? Расстояние велико даже для бинокля, тем более что знаменщики периодически закрывают обзор. Но вроде бы Гинденбург и Людендорф. А кому здесь еще быть? Простые командиры корпусов нервно курят в конце очереди... Кстати, теперь понятно, что здесь делают ребятишки в черной форме и меховых шапках. Черные гусары смерти, личная охрана кайзера... Если Гинденбург и его начштаба падут смертью храбрых, кто займет их место?.. Черт, это Валерию Антоновичу хорошо, он весь германский генералитет назубок знает, а я этих ребят только по Пикулю помню. Кого он там вспоминает?.. Генералы Франсуа и Макс Хофман?.. Так, а это что за «Федерико Феллини» там в сторонке стоит в обнимку с кинокамерой? Какой-то кинооператор, желающий запечатлеть триумфальный въезд победителя в крепость?.. А это идея!.. Насколько знаю, Вильгельм тщеславен и, скорее всего, не пройдет мимо возможности увековечить себя для потомков на развалинах вражеской цитадели. Значит, что? Значит, после раздачи «плюшек» он появится здесь. И въезжать будет именно через эти ворота... Вот тут мы и можем подловить подходящий момент! И дистанция будет меньше, и со взрывами это действие можно будет совместить...

Поворачиваюсь к казакам, изнемогающим от любопытства, и, не дав раскрыть рта, задаю самый важный вопрос:

– Егор, ты быстро бегать еще не разучился?

Удивленное «не-а» в ответ.

– Андрей, Егор, насколько я помню, с голубятни же ворота хорошо просматриваются?

– Да, видны. И еще пятачок перед ними малость. А что там?..

– Там – германский кайзер и куча генералов. Погоди, не до твоих вопросов...

– А...

– Сколько, по-вашему, до ворот?

– ...Ну, где-то с полверсты...

– Андрейка, так?

– Да, я думаю, что так... Командир...

– Сказал же, погодите!.. Дайте подумать!.. Егор, сейчас возвращаешься к остальным, передаешь мой приказ Семену и Гордею: быть в полной боевой готовности, проверить и приготовить винтовки, прицелы, патроны – в общем, всё-всё! Сидишь с ними, ждете нас с Зингером. Все остальные подробности – потом! Понял?.. Вперед!.. Андрей, мы остаемся, смотрим за действиями гансов. Я так думаю, что кайзер со свитой захотят побывать внутри.

– Вот тут мы его и...

– Нет, не его. – Вижу недоумевающий взгляд. – Если кайзера грохнем, кто будет капитуляцию подписывать?.. А если серьезно, он без своих генералов не так и опасен. Так что лежим, смотрим, думаем...

Через полчаса очень нервного и выматывающего душу ожидания то ли кресты у Вилли кончились, то ли он устал всем руки пожимать, но церемония подошла к концу. Бравый ландвер под звуки маршей продефилировал мимо своего повелителя, после чего начальствующая верхушка расселась по автомобилям и в сопровождении конного конвоя направилась к крепости. Пора!!!

Срываемся с насиженного места и парой испуганных зайцев несемся на КП. По пути стараюсь составить план действий. Как только забегаем в «штабную» комнату, пресекаю все вопросы сенсационной новостью:

– Кайзер со свитой едет в крепость! – Немая сцена. У всех челюсти болтаются где-то в районе пола. А у очнувшейся медсестрички еще и каждый глаз размером с яблоко. – Николай Павлович, готовность номер один! Взрываете по первым выстрелам. После этого ждете нас пятнадцать минут и, если не появимся, уходите самостоятельно... Андрей, остаешься за командира у наших. Постарайтесь догнать отряд. Я сейчас беру сибиряков, Гора, – и на голубятню! Мадемуазель, простите, но вам придется переодеться в форму, если надумаете идти с нами. И без возражений!

– Денис Анатольевич, вы что, собираетесь убить кайзера?!

– Нет, хочу чуть уменьшить число генералов в Германии. Извините, все объясню потом, когда вернемся, нам пора бежать!.. Гордей, Семен, к

работе готовы?.. Отлично! Гор – направляющим, я – замыкающим. Бегом – марш!..

Теперь несемся без всяких мер предосторожности по уже знакомому маршруту на голубятню. Топот сапог гулко отдается в пустоте. Быстрее, ребятки, быстрее! Нам не только добежать надо, нам еще и подготовиться к встрече необходимо. Дыхание восстановить, руки расслабить, чтобы не дрожали на спусковом крючке, мозги настроить в нужном ключе! Чуть прибавляю шаг, догоняю начинающих уставать сибиряков.

– Винтовки!.. Мне!.. Сюда!.. Быстро!..

Мужики пытаются возражать. Черт, не до вежливости сейчас.

– Молчать!.. Дыхание!.. Не!.. Сбивать!..Шире!.. Шаг!..

Дальше они бегут налегке, а сам тащу два девяносто восьмых маузера с оптикой. А я – не гордый, главное, чтобы они нормально отработали по целям. Надо будет, ради этого их на руках понесу. Наверное...

Все плохое, впрочем, как и все хорошее, когда-нибудь кончается. Закончился и этот сумасшедший кросс. Мы уже у дверей голубятни. Оставляю Егорку-Гора смотреть за тылом, вдвоем залезаем в это царство перьев и птичьего помета. Окошки по-прежнему открыты. Выбираем нужные. Из которых виден въезд и площадка перед ним. Пока сибиряки пыхтят, восстанавливая дыхание, пытаюсь прицелиться по воротам. В принципе, нормально. Нужно, чтобы Вилли со своими сопровождающими прошел вперед метров тридцать – сорок. Тогда все они, голубчики, будут как на ладони. Насколько я понимаю, в классическом варианте снайперской засады стрелков нужно развести на острый угол, градусов так в тридцать – сорок, чтобы стрельба велась с двух точек. Но сейчас для этого нет ни времени, ни возможности. Вторую позицию уже не оборудовать, стрелок на стене будет замечен, и с эвакуацией будет задержка. А самое главное – не будет синхронности в работе. Поэтому будем сидеть здесь.

– Ну, что, земляки-сибиряки, отдышались?.. Хорошо. Объясняю нашу задачу. Очень скоро сюда въедет или войдет германский кайзер со своими прихлебателями. – По глазам вижу, что уже знают об этом (Егорка проговорился, засранец), но до конца всё же не верят. – Правда, правда. Сам их со стены видел. Так вот, ваша задача – пристрелить парочку генералов. Каких – скажу и покажу, когда появятся. Обязательное условие – германский император не должен пострадать ни в коем случае! Должен остаться живым и без единой царапины! Понятно?.. Сложность в том, что до ворот примерно пятьсот метров. Вспоминайте, как вы стреляли на базе на такую дистанцию. У каждого будет по два, максимум – по три выстрела. Целимся очень-очень аккуратно, второй выстрел поправляем по первому,

третий – по второму... Братцы... Не буду вас агитировать, но если сегодня все получится... Многих русских солдат спасем или участь им облегчим...

– Командир, не кошмарь. – Во, блин, моя фраза мне же от Семена и вернулась. – Сделаем в лучшем виде.

Сам он уже приладил винтовку поверх деревянной клетки, осматривает в прицел местность. Гордей тщательно протирает ветошкой линзы прицела и, как будто, молится про себя. Закончив шевелить губами, пристраивается рядом возле второго окна. Оба стрелка о чем-то негромко переговариваются, пока я думаю, чего же еще не учел. Ветер определим по германскому флагу, что уже болтается на флагштоке... Стрелять будут две винтовки в маленьком помещении. Оглохнем сразу!.. Где взять затычки?.. Сделать самому! Достаем из кармана бывший когда-то белоснежным, а сейчас пепельно-серый носовой платок, отрываем полоску, рвем ее на шесть частей, скручиваем жгутики. Протягиваю сибирякам.

– Заткнете уши после того, как покажу, кому в кого стрелять...

Нервозность ощущается буквально кожей, тревожное напряжение висит в комнатухе... Скрип открываемой двери!.. Стрелки успевают только дернуться, как сам уже в развороте на сто восемьдесят, ухожу на колено, люгер и наган в руках... Из-за приоткрытой двери слышен приглушенный голос Егорки:

– Свои...

– Трисучьепадловая выс...ка, мать ... раз по девяти через коромысло, бабку в спину, деда в плешь, через семь гробов в сарае... – Дальше не хватило дыхания, да и адреналиновый выброс закончился. – Егорка!.. Казачий сын!.. Ну нельзя же так пугать!..

– Командир, под стеной с десятков гансов идут, тихо надо сидеть... А потом напишешь на бумажке то, что щас говорил? Я наизусть выучу. Все завидовать будут...

– Изыди, чертенок!.. Марш на пост, смотри в оба... Уже скоро...

Продолжения разговора не получилось. Сзади за плечо меня трогает Гордей. Поворачиваюсь к окну, приклеиваюсь к биноклю. В воротах появляется кавалерийский разъезд, медленно проезжает вперед и останавливается. М-да, наверное, все-таки красивая по нынешней моде форма у этих гусар смерти. Высокие сапоги, черные галифе и китель, или как там эта хрень называется, расшиты белыми шнурками, аксельбанты болтаются, на черных меховых шапках красуется знак «Не влезай! Убьет!» – череп со скрещенными костями. Хотя сейчас он называется «Адамова голова». Сабли, кобуры с пистолетами на поясах, короткие карабины. Список вооружения закончен. На близкой дистанции –

постреляют и порубят в капусту. Только вот мы – ребята хитрые, воевать будем издалека. И против длинных винтовок с оптикой ваши короткие карабины не пляшут. Все, эмоции – в сторону! Въезжает первый автомобиль, останавливается, и из него выпрыгивает тот самый шпак с кинокамерой. Оглядывается по сторонам и бежит на будущее место съемки. Как раз у противоположной от нас стены. Устанавливает свою треногу, пару секунд возится с камерой и машет рукой, очевидно подавая сигнал, что к работе готов.

Снайперы уже готовы работать, держат пяточок у ворот под прицелом... Сейчас, главное, не ошибиться... И не промахнуться!.. Время растягивается, секунды становятся все длиннее и длиннее... В двух оптических прицелах и одном бинокле появляется кавалькада машин в окружении всадников... Только бы не поехали дальше!.. Только бы остановились там, где надо!.. Неожиданно у нас появляется помощник. Кинооператор, не переставая крутить ручку камеры, поднимает свободную лапку вверх. Для водителей это, по-видимому, означает сигнал «Стоп». Колонна останавливается, гусары спрыгивают с седел, выстраиваются в редкую цепочку. Из первого авто выскакивает какой-то ганс, открывает заднюю дверцу и замирает в верноподданническом отдании чести. На землю спускается император Германии Вильгельм II, за ним, как тень, – какой-то умник в странной форме. Судя по погонам – офицер. Скорее всего – адъютант. Из других автомобилей, как тараканы из щелей, посыпалась свита в самых разнообразных мундирах, хотя все-таки преобладал цвет «фельдграу», с широкими красными лампасами... Где же «мои» генералы?.. А, вот они, голубчики. Моржеобразную фигуру Гинденбурга трудно спутать с кем-то другим, а Людендорф – всегда рядом.

– Кайзера видите? – От волнения задаю вопрос шепотом. – Вон он стоит возле первого авто, к нему народ подходит.

– Да... Вижу... – Шепот с обеих сторон.

– Каких генералов стрелять надо? – Голос Семена напряженно дрожит, сам он очень похож на охотящегося кота перед броском. Гордей, беззвучно шевеля губами, водит стволом из стороны в сторону, оглядывая все пространство.

Снова бинокль к глазам. Блин, а ручки-то подрагивают!.. Так, толпа двинулась. Вилли идет впереди, в двух шагах за ним – наша «сладкая парочка», за ними уже другие... Вот остановились, кайзер что-то спрашивает у Гинденбурга, тот, жестикулируя, отвечает.

– Семен, твой – тот, кто сейчас справа от Вильгельма, руками машет и говорит. Видишь?..

– Ага, вижу хорошо.

– Гордей, твоя цель стоит еще правее, сейчас – на полкорпуса закрыта впереди стоящим. Ждем, когда полностью появится...

– Добро... Жду...

Троица все ближе и ближе к нужной точке... Ну, еще метров пять!.. Ну, давайте, ваше германское величество!.. Вот, хорошо, еще пару шагов!.. Все!.. ВСЕ!!.. МОЖНО!!..

– Цели видите?.. – Оба стрелка кивают в ответ, прикладываются поудобней к винтовкам. В бинокль видно, как Вилли разговаривает с «толстым», Людендорф, топтавшийся за ним, обходит кайзера и становится с другой стороны... Шепот солдат пробивает нервы электрическим током:

– Готов!..

– Готов!..

Все, тянуть больше не будем! Повезет, так повезет! Не отрываюсь от бинокля и шепчу ставшими вдруг непослушными губами, дублируя команду очень понятным жестом:

– Огонь!

Винтовочные выстрелы в малюсенькой комнатухе хлещут по ушам. Раззява! Забыл затычки вставить, так и мну в кулаке... В оптику видно, как одна пуля поднимает фонтанчик возле сапога Гинденбурга, вторая попадает удачней. Людендорф сгибается и медленно оседает на колени... Все в ступоре, на лице кайзера недоумение, не успел еще испугаться... Быстрее всех начинает реагировать ганс в странной форме. Начинает протискиваться между Вильгельмом и Гинденбургом, отталкивая последнего и доставая на ходу пистолет из кобуры... Генерал сопротивления не оказывает потому, что уже прогремел второй выстрел Семена и пуля, попав в голову, помогает мертвому телу опрокинуться на спину. С задержкой в доли секунды бахает винтовка Гордея. Его «подарок» попадает Людендорфу в грудь, опрокидывая с колен на брусчатку. Ганс с пистолетом пытается закрыть кайзера своим корпусом и одновременно определить, откуда стреляют. Третий залп, кто-то из генералов, бросившихся на помощь, ловит пулю в голову, оседая вниз, телохранителю, как будто, кто-то невидимый сильно бьет по ноге, она подламывается в колене, и он тоже падает. Кайзер Вильгельм, только начавший пугаться, судя по его лицу, стоит в кольце лежащих тел. Оцепление крутит головами, пытаясь углядеть стрелков... Пора сваливать!!.. И в этот момент грохочет взрыв!.. Пол под ногами ходит ходуном, как при землетрясении, с потолка сыплются хлопья побелки и какой-то мусор, воздух через окошки ощутимо толкает в грудь...

Последний взгляд в бинокль – гусары из оцепления сгрудились вокруг кайзера и то ли ведут, то ли волокут его к воротам. Следом, как понимаю, двое тащат телохранителя... На земле неподвижно валяются три тела... Вот теперь точно пора сваливать! Семен уже снаружи, пытаюсь выйти за Гордеем, и тут раздается второй взрыв. Сибиряк, будто получив удар в живот, рушится назад, и мы вместе падаем на пол, осыпаемые новой порцией побелки... Черт!.. Надо отсюда убегать как можно быстрее!.. Двух секунд хватает, чтобы подняться на ноги и выскочить из голубятни. А теперь – ходу!!! Аллюр три креста!.. Ускорение придает грохот третьего взрыва и толчок ударной волны в спину. Отступаем в прежнем порядке, Егорка – направляющим, я – позади всех...

Обратный путь бежим быстрее и, как будто, легче. В принципе, оно и понятно, адреналин – штука такая. Добегаем до нашего КП, там народ в полной готовности, уже с вещмешками за спинами и оружием в руках.

– Уходим! – ору, едва ворвавшись в комнату. – Здесь скоро гансов будет больше, чем блох на собаке!.. Быстрее, быстрее!.. Пошли, пошли, пошли!.. Все вопросы и объяснения – потом, когда из крепости выберемся!..

И снова несемся по коридорам, лестницам, казематам. Вот наконец-то и нужный выход, самая крайняя дверь возле пристани. Теперь надо проскочить около километра открытого пространства вдоль вислянского берега. Гансов пока не видно и не слышно, но не факт, что через секунду они здесь не нарисуются, причем все вооруженные и очень злые. Пулеметный расчет занимает позицию возле казармы, собираясь прикрывать группу в случае непредвиденных обстоятельств, остальные окружают кольцом подрывников и медсестричку. И, оцетинившись стволами во все стороны, наша веселая компания начинает двигаться к небольшому домику-будке метрах в трехстах. Добираемся туда, второй пулемет на изготовку, машем прикрывающим, чтобы догоняли. Пока их ждем, темпераментного Стефанова все-таки прорывает:

– Денис Анатольевич, не томите! Что там случилось?

Остальные выражением лиц изображают полную заинтересованность в данном вопросе.

– Хорошо, докладываю... Предположительно тяжело ранены или убиты генералы Пауль Гинденбург, Эрих Людендорф... и еще какой-то, я его в лицо не знаю.

На переваривание информации у народа уходит аж почти полминуты...

– Это точно?.. Вы уверены?

– А сам кайзер?.. Живой?.. Или тоже?..

– Господа, то, что сказал, видел собственными глазами в бинокль. Вильгельм, если и пострадал, то от контузии при взрыве. Точно не знаю, его куча охраны закрыла телами и утащила. Был еще офицер, по-видимому, адъютант. Или телохранитель, ранен в ногу. Все! Остальные разговоры – потом. Следующая остановка – вон тот пакгауз. Пулеметчики готовы?.. Тогда – вперед!..

А вот и знакомые ворота. Где-то даже ключик от них имеется. Жандармов, скорее всего, выпустили в тот же вечер, где они теперь – не знаю, наверное, в плену. А хотелось бы побеседовать с тем штаб-ротмистром, узнать, откуда у него такое большое желание притормозить нас в крепости, кто хотел там с нами пообщаться. Может, стоило бы его вместе с отрядом отправить?.. Хотя, наверное, нет. Им, несмотря на численность, по тылам «на цыпочках» пробираться добрую сотню верст, тащить с собой такой «багаж» – лишняя геморрой... Ладно, даст бог, свидимся... Но не это сейчас главное! Нам бы до своих добраться без потерь и огорчений! И увидеть тех, кто нам по-настоящему дорог!..

---

notes

Примечания

– Доброе утро, шкипер! Как настоящий моряк, вы должны немного знать английский, не правда ли?

– ...Да... Сэр...

– Судно захвачено русским подразделением. Вы должны отвечать на мои вопросы.

– Но... Кто вы такой... сэр?

– Я – лейтенант Бонд, Джеймс Бонд. Королевский Военно-морской флот Великобритании.